

Т.А.ван Дейк
ЯЗЫК • ПОЗНАНИЕ • КОММУНИКАЦИЯ

Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — 308 с.

Настоящий сборник трудов известного европейского ученого Т.А.ван Дейка — одного из основателей лингвистики текста — содержит новейшие работы ученого по лингвистической прагматике, пониманию и порождению текста, функционированию языка в системах массовой информации. Автор детально рассматривает воздействие социокультурных факторов на механизм употребления языка. Исследование коммуникации проводится с точки зрения социальной психологии на основе большого эмпирического материала. Интерес представляет и проводимый автором анализ роли стереотипов в восприятии и оценке представителей национальных меньшинств.

РИО БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ.
675000, Амурская обл., г. Благовещенск, ул. Энгельса, 18^а.
Лицензия № 057035 от 13.02.93. Подписано к печати 28.01.2000.

Напечатано в ЗАО “Типографкомплекс”.
675000, Амурская обл., г. Благовещенск, Красногвардейский б-р, 4.

ISBN 5-80157-202-3

© БГК им. И. А. Бодуэна
де Куртенэ, 2000

ОТ ГРАММАТИКИ ТЕКСТА К КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ ДИСКУРСА

I

Настоящий сборник работ авторитетного лингвиста, профессора Амстердамского университета Т. ван Дейка вводит советских читателей в широкий круг новейших лингвистических проблем. Исследования ван Дейка хорошо известны нашим специалистам: еще в 1978 г. в серии „Новое в зарубежной лингвистике” была опубликована его статья по прагматике дискурса, которая вызвала большой интерес. До последнего времени она являлась одной из наиболее часто цитируемых у нас работ по лингвистике текста. В настоящий сборник включены работы, представляющие результаты исследований 80-х годов, посвященные как сугубо теоретическим вопросам, в частности таким, как когнитивное представление дискурса, роль личностного знания в порождении и восприятии текста, так и прикладным моделям организации этнических преубеждений и способам их выражения в языке и др.

Научная биография Т. ван Дейка (род. 1943) чрезвычайно насыщена, но есть нечто общее, объединяющее все этапы его многосторонней деятельности. Это прежде всего постоянная неудовлетворенность устоявшимися научными традициями, обостренное чувство новизны, а также практическая направленность его исследований. В теоретическом фокусе ван Дейка всегда оказываются практически значимые проблемы.

Первоначально интересы Т. А. ван Дейка были связаны с изучением семантических аспектов литературного языка, французской стилистики и поэтики. В тот период — период конца шестидесятых годов — сильное влияние на ван Дейка оказали идеи французского структурализма Барта, Греймаса и др. Однако через некоторое время, по его собственным словам, он „взбунтовался” против интересного, но ограниченного в лингвистическом плане семантического структурализма. Гораздо более привлекательными ему казались идеи Лакоффа и Мак-

Коли. Развивая их идеи, он пришел к собственной версии генеративной грамматики текста.

В ходе анализа многочисленных литературных текстов и их грамматик интересы ван Дейка переместились из сферы теории литературы в область лингвистики. Однако и здесь ему хотелось выйти за рамки устоявшихся традиций, и в частности грамматического анализа изолированных предложений. Так в центре его внимания оказались, и надолго, лингвистика и грамматика текста. Поскольку наиболее интересные идеи в этом направлении начали развиваться в Западной Германии, Т. ван Дейк принял активное участие в совместных разработках с профессором **Петефи — одним** из основоположников лингвистики текста. Полученные результаты составили фундамент его докторской диссертации, которая была посвящена аспектам грамматики текста (1972 г.) и в которой ван Дейк впервые ввел понятие семантической макроструктуры, характеризующее тематическое содержание текста, его глобальную связность.

В тот период он стремился сделать грамматику текста более систематичной и прозрачной и с этой целью стал изучать логику и аналитическую философию. Однако вскоре ван Дейк понял, что логическая семантика никак не может составить концептуальный каркас лингвистической семантики текста. Большую роль в этом сыграли его личные контакты в Калифорнийском университете (**Беркли**) с **Лакоффом, Филлмором, Серлем** и др., а также возросший в то время интерес к лингвистической прагматике. Продолжая исследовать понятие семантической макроструктуры, ван Дейк пришел к выводу, что существует не только связанная последовательность предложений и пропозиций, но и связанная последовательность речевых актов. Таким образом, он развил понятие прагматической макроструктуры.

Введенные в научный оборот понятия семантической и прагматической макроструктуры в значительной степени были еще формально **ориентированы** — они явно тяготели к прошлой логической модели текста. Однако тот период начала семидесятых годов был временем активного становления новой междисциплинарной когнитивной науки, принципиально иным образом представляющей природу и механизм функционирования **языка**¹. И есте-

¹ См. об этом: „Новое в зарубежной лингвистике“, вып. XXIII (Когнитивные аспекты языка). М., 1988.

ственно, что ван Дейк не мог оказаться в стороне от основополагающих исследований в этой перспективной области.

Наиболее стимулирующим для ван Дейка оказалось сотрудничество с американским когнитивным психологом **Кинчем** — автором известных работ по **семантической** памяти. Благодаря взаимному контакту **была** развита идея о неразрывной взаимосвязи процессов, происходящих в человеческой памяти, а также определяющих построение и восприятие речевых **сообщений**. Их исследования наряду с разработками **Шенка, Абельсона** и др. положили начало новому **направлению** — **психологии** обработки **текста**, — **имеющему** самое непосредственное отношение к искусственному интеллекту. Совместная статья ван Дейка и **Кинча**, опубликованная в 1978 г., была наиболее популярной в этой **области** ², а их книга «Стратегии восприятия дискурса» (1983 г.), глава из которой публикуется в данном сборнике, признана одной из наиболее фундаментальных. С выходом этой книги, по словам самого ван Дейка, окончился „формалистический“ и одновременно обозначился междисциплинарный этап его научной **деятельности** — **этап**, который начался исследованиями в области грамматики текста, прагматики дискурса и продолжился в когнитивной модели обработки текста.

Следующий этап в исследованиях ван Дейка начала 80-х годов связан с дальнейшим расширением контекста функционирования языка. Появившиеся в это время новые работы по когнитивной социальной психологии, **этнометодологии**, социальному **познанию** ³ позволили ему рассматривать вопросы обработки языка уже не только с позиций психологии и искусственного интеллекта, но и с, учетом таких социальных факторов, как **мнения**, установки говорящего и слушающего, их социальный статус, этническая принадлежность и т. д. Параллельно с решением теоретических проблем ван Дейк фокусирует свое внимание на двух областях, имеющих большую социальную и политическую **значимость**, — **анализе** этнических предубеждений и языке средств массовой информации.

² См.: „Toward a model of text comprehension and **production**“.— „**Psychological Review**“, 1978, p. 363—394.

³ „Social Cognition“ (ed. by Forgas J.). London: Academic **Press**, 1981; „Cognitive processes in stereotyping and **intergroup** behavior“ (ed. by Hamilton D.). N. Y., 1981.

Его интересуют следующие вопросы: каким образом люди приобретают социальные знания, как они приходят к тем или иным мнениям, как формируются их установки и, наконец, как через язык реализуются идеологически пристрастные точки зрения. Исследование этих проблем требует не только изучения новых источников, постановки специальных **экспериментов**, но и большого гражданского мужества, поскольку далеко не всегда вызывает одобрение научной общественности и разного рода организаций. Однако изучению именно этих **проблем** — взаимоотношению языка, дискурса и **власти** — ван Дейк планирует посвятить следующий этап своей деятельности **4**.

Заметим, что наряду с активной научной деятельностью профессор Т. ван Дейк является основателем и редактором ряда журналов, таких, как „Text“, „Poetics“, „Interdisciplinary **Journal for Linguistics and Discourse Studies**“, а также членом редколлегий других журналов.

II

В основе публикуемых в настоящем сборнике работ, посвященных результатам исследований Т. А. ван Дейка в 80-х годах, заложена идея относительно когнитивных механизмов обработки дискурса. В этой связи следует прежде всего сказать, **что** трактовка **понятия** дискурса значительно менялась на протяжении последних двадцати лет. Если в **60—70-е** годы дискурс понимался как связанная последовательность предложений или речевых актов, то с позиций современных подходов **дискурс** — **это** сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста. Очевидно, что такое определение дискурса как сложной системы иерархии знаний предполагает и наличие интегрированных моделей обработки дискурса.

Возникает вопрос: из каких элементов состоит когнитивная модель обработки дискурса? Т. ван Дейк, как и многие другие исследователи, выделяет два основных аспекта в когнитивном анализе процесса обработки ди-

4 См: Т. А. van **Dijk**. Mediating racism. The role of the **media** in the reproduction of **racism**. — **In**: „Language, Power and Ideology“ (**ed. by Wodak R.**). Amsterdam, 1988.

скурса — **структуры** представления знаний и способы его концептуальной организации. В отличие от „ментальных моделей" **Джонсона-Лэрда**, „**фреймов**" **Минского**, „**сценариев**" **Шенка** и **Абельсона** ван Дейк выделяет в качестве основного типа репрезентации знаний „**модель ситуации**". Его аргументация, которая хорошо представлена в статье „**Эпизодические модели в обработке дискурса**", основывается на подчеркивании фундаментальной роли моделей в социальном познании. И с этим общим тезисом трудно не согласиться. Проблема заключается в том, какова природа этих ситуационных моделей, каким образом они функционируют и как изменяются.

По мнению ван Дейка, в основе ситуационных моделей лежат не абстрактные знания о стереотипных событиях и **ситуациях** — как в **ментальных** моделях, сценариях и **фреймах**, — а личностные знания носителей языка, аккумулирующие их предшествовавший индивидуальный опыт, установки и намерения, чувства и эмоции. Ситуационная модель строится вокруг схемы модели, состоящей из ограниченного числа категорий, которые используются для интерпретации ситуаций. Эти схемы наполняются конкретной информацией в различных коммуникативных актах.

По сути дела, ван Дейк исходит из тезиса, что мы понимаем текст только тогда, когда мы понимаем ситуацию, о которой идет речь. Поэтому „**модели ситуаций**" необходимы нам в качестве основы интерпретации текста. Использование моделей объясняет, почему слушающие прекрасно понимают имплицитные и неясные фрагменты текстов — в этом случае они активизируют соответствующие фрагменты ситуационной модели. Только на основе моделей мы можем определить истинность или ложность тех или иных фрагментов текста, установить их **корелативность** и выявить связность на локальном и глобальном уровнях.

Важным следствием идеи о фундаментальной роли ситуационных моделей в познании является тезис о том, что люди действуют не столько в реальном мире и говорят не столько о нем, сколько о субъективных моделях явлений и ситуаций действительности. Отсюда следует, что индивидуальные и групповые различия в обработке социальной **информации** могут быть объяснены на основе различий ситуационных моделей. Реализуя эту идею применительно к этническим меньшинствам, Т. А. ван Дейк приходит к чрезвычайно интересным выводам относительно

специфики порождения и восприятия этнического дискурса. Две его статьи, опубликованные в этом **сборнике**, могут быть полезны не только социолингвистам, но и специалистам в области национальных отношений.

Другой аспект представления знаний в когнитивной модели **ван Дейка** — **выделение** так называемых **суперструктур**, характеризующих специфические типы текстов. Например, предполагается, что схематические **суперструктуры** организуют тематические макроструктуры в политических новостях иным образом, чем в мифологической литературе. Такая суперструктурная схема новостей включает, как это показано в статье „Структура газетных новостей“, заголовок, вводную фразу, перечень основных событий, комментарии, обстоятельства, контекст, предшествующие события, реакции, оценки и т. д.

Вторая особенность когнитивной модели обработки дискурса Т. ван Дейка связана с его представлением о процессе организации знаний не как жестко алгоритмической, а как гибкой стратегической процедуре.

Основной принцип стратегического подхода заключается в отборе наиболее значимой в данном контексте и для данных коммуникантов информации. При этом стратегический подход ориентирован не на последовательный анализ отдельных уровней **языка** — от синтаксиса к прагматике, от понимания слов к последовательности **предложений**, — а на комплексность описания. В частности, семантическая интерпретация не обязательно должна осуществляться только после завершения **синтаксического анализа** — она может начаться и ранее на основе неполной информации о поверхностных синтаксических структурах. В то же время в рамках синтаксического анализа может использоваться информация семантического и прагматического уровней. Подобным образом для установления „окончательного“ значения некоторых слов могут привлекаться знания относительно целых фрагментов текста.

В широком смысле под стратегией понимается некая общая **инструкция** для каждой конкретной ситуации интерпретации. В текущих исследованиях понятие стратегии, как это хорошо показано в статье „Макростратегии“, используется на текстуальном и контекстуальном уровнях для учета связей внутренней и внешней информации. Различают также стратегии говорящего и адресата, социокультурные и коммуникативные, риторические, макро- и микростратегии, **дискурсные** и грамматические стратегии и т. д. Функциональная ориентированность,

многоуровневость охвата и параллельность процессов обработки обеспечивают высокую эффективность, гибкость и динамизм стратегическому подходу.

Следует заметить, что предложенная Т. ван Дейком когнитивная модель обработки дискурса оказалась чрезвычайно полезной для понимания многих сложных процессов социального познания. Это и отмеченный ранее анализ формирования и устойчивости этнических предубеждений, и объяснение когнитивных и социально-культурных ограничений в процессе производства газетных новостей, и выявление специфики организации политического дискурса. Такая тесная взаимосвязь языка, когнитивной науки и социального познания свидетельствует не только о больших эвристических возможностях когнитивного подхода. Она говорит прежде всего о том, что **существенные** результаты в современных исследованиях языка вряд ли могут быть получены путем изучения чисто языковых явлений. Только тщательно и детально исследуя социальный контекст функционирования языка, мы можем надеяться узнать о нем что-то действительно новое. И в этом плане дальнейшие исследования профессора Т. А. ван Дейка будут встречены с большим интересом и пониманием нашей научной общественностью.

Ю. Н. Караулов, В. В. Петров

КОНТЕКСТ И ПОЗНАНИЕ * ФРЕЙМЫ ЗНАНИЙ И ПОНИМАНИЕ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

1. ОСНОВАНИЯ ПРАГМАТИКИ

Философское и лингвистическое изучение прагматики требует анализа ее *оснований*. Фундамент, на котором строятся прагматические теории, является, с одной стороны, *концептуальным* (что проявляется, например, при общем анализе деятельности и взаимодействия), а с другой **стороны** — *эмпирическим* (это видно из исследований психологических и социальных особенностей порождения и восприятия речи в процессе коммуникации).

В качестве одного из главных компонентов общей теории коммуникативно-языкового взаимодействия выступает *когнитивная теория* употребления языка. Эта теория должна не только открывать доступ к процессам и структурам, обеспечивающим продуцирование, понимание, запоминание, репродуцирование и другие виды когнитивной обработки предложения и высказывания, но и объяснять, как происходит планирование, производство и понимание *речевых актов*. Когнитивная теория прагматики этого типа особенно должна стремиться к прояснению характера связей между различными когнитивными (концептуальными) системами и условиями успешности речевых актов в конкретных ситуациях. Помимо таких когнитивных феноменов, как представления желания, предпочтения, нормы и оценки, велика также роль *конвенционального знания*. Его можно считать основным (и к тому же социальным по своему характеру) фактором, определяющим функционирование других **систем**, обеспечивающих коммуникацию. Эти системы изучают, в частности, в со-

* Teun A. van Dijk. Studies in the Pragmatics of Discourse. Ch.9: Context and Cognition: Knowledge Frames and Speech Act Comprehension. The Hague, etc.: Mouton Publishers, 1981, p. 215—241.

временных работах по искусственному интеллекту под общим наименованием *фреймов*. Когнитивная теория прагматики в качестве одной из своих задач должна, используя понятия когнитивных фреймов, дать объяснение нашей способности совершать и понимать речевые акты, а также „влиять" на это понимание.

2. КОГНИТИВНАЯ ПРИРОДА ПРАГМАТИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ

Сформулированные в классической теории речевых актов условия успешности имеют, как правило, когнитивную природу. К ним относятся, например, такие условия, как:

- (i) говорящий знает, что *p*
- (ii) говорящий думает, что *p*
- (iii) говорящий хочет *p*
- (iv) говорящий считает, что *p* — хорошо, и т. д.

Участвующие в формулировке этих условий понятия рассматриваются в прагматике как примитивы, не разложимые и не анализируемые ни концептуально (например, в терминах **эпистемической** логики), ни эмпирически. Очевидно, однако, **что**, если прагматическая теория претендует на эмпирическую релевантность, тогда все эти концепты должны быть отнесены к собственно психологическому уровню и рассмотрены на фоне действующих экспериментальных результатов с учетом выводов, полученных в работах по **искусственному** интеллекту. Точнее говоря, нужно исследовать, какие когнитивные процессы лежат в основе наших представлений об „успешности" речевого акта в коммуникативной ситуации. В какой степени сформулированные условия являются „**идеализациями**", то есть насколько они „отстоят" от действительного процесса принятия/понимания речевых актов?

Несмотря на то что прагматические условия имеют когнитивную основу, необходимо помнить, что конечной **целью** прагматической теории языка является **установление связи** между высказываниями (и, следовательно, грамматикой), с одной стороны, и различными **видами взаимодействия** (и, следовательно, социальными науками) — с другой. Это может означать, например, что все, что говорящий *на самом деле* знает, думает или хочет в процессе выполнения речевого акта, не является столь уж важным, если его поведение может быть **проинтерпре-**

тировано или социально осмыслено как поведение, выражающее эти различные внутренние состояния.

Однако из этого методологического предостережения отнюдь не следует, что **когнитивный** анализ **прагматических** концептов не является релевантным. Напротив, реальная коммуникация *бесспорно* включает действительные знания, мнения и желания. Существует даже общее условие, а именно условие искренности, которое требует прямой связи между содержанием мысли и содержанием высказывания. Более того, можно даже сказать, что **собственно социальные** условия, вовлеченные в формулировку прагматических правил, такие, как авторитет, власть, ролевые отношения и отношения вежливости, являются когнитивно обусловленными, то есть они *релевантны* лишь постольку, поскольку участники коммуникации *знают* эти правила, способны *использовать их* и могут связать свои интерпретации того, что происходит в коммуникации, с этими «социальными» характеристиками контекста.

3. ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ

Прагматическая теория формулирует правила *прагматической интерпретации*, другими словами, определяет правила, приписывающие с учетом особенностей структуры прагматического контекста каждому высказыванию определенную иллокутивную силу или статус определенного речевого акта. В настоящее время эта задача является программным требованием, реализация которого практически еще не началась. Мы знаем кое-что о различных речевых актах и контекстуальных условиях их **совершения**, но очень **мало** — **об** их характерных связях с грамматическими или другими структурами высказывания. Эти связи получают наиболее яркое выражение в эксплицитном употреблении **перформативов** и некоторых частиц в формах грамматического наклонения и в пропозициональном содержании предложений. Поскольку это и есть практически все, что нам известно, то становится ясно, что создание достаточно общей теории *прагматического понимания*, которая была бы частью когнитивной теории обработки информации, является не такой уж легкой задачей. Прагматическое понимание представляет собой последовательность процессов, содержанием которых является приписывание высказываниям участниками коммуникации особых конвенциональных **сущностей** —

иллокутивных сил. Проблема, следовательно, состоит в том, каким образом слушающий на самом деле *узнает*, что, когда говорящий произносит то или иное предложение, он тем самым обещает или угрожает. Какая же информация необходима слушающему для идентификации речевых актов? Очевидно, что информация может поступать из различных источников и по различным „каналам”.

- А. Свойства грамматической структуры высказывания (заданные грамматическими правилами);
- В. **Паралингвистические** характеристики, такие, как темп речи, ударение, интонация, высота тона и т. д., с одной стороны, и жесты, мимика, движение тела и т. д. — с другой;
- С. Наблюдение/восприятие Коммуникативной ситуации (присутствие и свойства находящихся в поле зрения объектов, людей и т. д.);
- Д. Хранящиеся в памяти знания/мнения о говорящем и его свойствах, а также информация о других особенностях данной коммуникативной ситуации;
- Е. В частности, знания/мнения относительно характера происходящего взаимодействия и о структуре предшествующих коммуникативных ситуаций;
- Ф. Знания/мнения, полученные из предыдущих речевых актов, то есть из **предшествующего** дискурса, как на микро- (или локальном), так и на макро- (или глобальном) уровнях;
- Г. Знания общего характера (прежде всего конвенциональные) о (взаимо)действии, о правилах, главным образом прагматических;
- Н. Другие разновидности имеющих общий характер знаний о мире (фреймы).

Все эти компоненты необходимы для прагматического понимания, и этим объясняется тот хорошо известный факт, что зачастую мы не можем, ограничиваясь только пониманием общего смысла предложения (высказывания), определить его коммуникативную направленность. Так, высказывание

(1) I'll come tomorrow!
‘Я приду **завтра!**’

вполне может оказаться и обещанием, и угрозой, и объявлением/утверждением. Иллокутивная сила высказывания

может быть установлена только тогда, когда коммуникативный контекст дает информацию о том, имеет ли говорящий определенные обязательства, **слушающий** — определенные желания, производится ли действие в интересах слушающего и т. д. Однако вся эта информация должна быть „извлечена“ из сложных процессов понимания предыдущих речевых актов и высказываний, из наблюдений, из имеющихся или полученных путем логического вывода предположений и т. д.

Здесь закономерно возникает **следующий** вопрос: как связаны между собой все эти сложные процессы?

4. ФРЕЙМЫ И РЕЧЕВЫЕ АКТЫ

Восприятие высказываний *как* определенных речевых актов основывается на сложном процессе, включающем использование различных видов отмеченной выше информации. Однако анализ всех этих наблюдаемых способов выражения должен быть представлен в терминах знания, имеющего более общий характер: понимание неизбежно базируется на более общих концептах, категориях, правилах и стратегиях.

Это общее „знание“ не является аморфным, оно *организовано* в концептуальные системы. Их можно описать в терминах *фреймов*¹. Фреймы не являются произвольно выделяемыми „кусками“ знания. **Во-первых**, они являются единицами, организованными „вокруг“ некоторого концепта. Но и в противоположность простому набору ассоциаций эти единицы содержат основную, типическую и потенциально возможную **информацию**, которая ассо-

¹ Понятие „фрейм“ используется главным образом в работах по искусственному интеллекту и когнитивной психологии, особенно после имевшей большой резонанс работы М. Минского (**Minsky**, 1975). Это понятие, варианты которого обсуждались под **названиями** „скрипты“, „сценарии“, „схемы“, получило даже название „**демоны**“ в работе: **Charniak**, 1972. Предшественником в области исследований по представлению знаний, необходимых для решения таких задач, как **понимание речи**, восприятие и решение проблем, был Бартлетт (**Bartlett**, 1932), который сам использовал термин „схема“. Изучающим эту тему будет также полезна работа Боброва и Коллинза (см. **Bobrow and Collins**, 1975). В работе Шенка и **Абельсона** (см. **Schank and Abelson**, 1977) можно найти обсуждение сходных понятий, встречающихся в исследовании по искусственному интеллекту. **Критический** анализ понятия „фреймы“ и рассмотрение его связей с семантическими макроструктурами содержится в работе: van **Dijk**, 1977.

Несколько иное понятие фрейма используется иногда в **социологии** (см., например, **Goffman**, 1974).

цирована с тем или иным концептом. Кроме того, не исключено, что фреймы имеют более или менее *конвенциональную* природу и поэтому могут определять и описывать, что в данном обществе является „характерным“ или „типичным“. Это особенно касается некоторых форм (episodes) социальной деятельности, таких, как посещение кинотеатра, поездки на поезде, обед в ресторане. Конечно, мы можем также назвать фреймами и набор **эпистемических** единиц, которые определяют наше восприятие книг, мячей и бананов. Однако их роль в нашем понимании мира иная по сравнению с концептуальными фреймами (как мы определили их выше). Именно концептуальные фреймы (можно назвать их и „сценариями“) определенным образом организуют наше поведение и позволяют правильно интерпретировать поведение других людей, что проявляется, в частности, в таких формах **поведения**, как расчеты чеками или покупки товаров в магазинах.

Хотя различие между концептами как таковыми и организацией концептуального знания во фреймы является не вполне **четким** — **теория** допускает размытые границы между ними, — **мы** будем придерживаться более узкой интерпретации понятия фрейма.

В связи с прагматической теорией возникает следующий вопрос: в каком смысле речевые акты можно рассматривать как „фреймы“? Ясно, что речевые акты являются действиями, они также конвенциональны по своей природе. Интуитивно мы все знаем, как надо обещать что-либо или поздравлять кого-либо, и это знание, без **сомнения**, — часть нашего знания о мире. В каком отношении наш „фрейм обещания“ будет *организовывать* наше знание о мире иначе, чем организовано наше знание о бананах или о лае **собак**, — **мы** ведь тоже „узнаем“ речевые акты, когда мы их „видим“ или „слышим“? Можем ли мы сказать, что существует некий целый „период“, в течение которого говорящий подготавливает обещание путем выполнения разнообразных подготовительных, вспомогательных и сопутствующих **действий**, — **ведь** нечто подобное происходит и когда мы готовимся, например, к поездке на поезде?

Несмотря на то что успешное совершение речевого акта требует выполнения определенного числа условий и существуют формы „сложных“ обещаний и угроз, все равно не кажется вполне очевидным, почему мы должны приписать статус фрейма простому речевому акту (а не, скажем, таким вещам, как смех или удар кулаком). В речевом акте

единственным „организующим" принципом является тот, который увязывает определенные цели, намерения, действия (высказывания, обладающие определенными характеристиками) говорящего с коммуникативной ситуацией и происходящими событиями. И тем не менее речевые акты можно связать с фреймами. Во-первых, существуют типизированные *последовательности речевых актов*, структура которых имеет относительно конвенциональный или „ритуальный" **характер**, — такие, как чтение лекций, проповедей, ведение повседневных разговоров, любовная переписка. В этих случаях мы встречаемся с некоторым набором различных (речевых) актов, каждый из которых в глобальном действии имеет свою конкретную *функцию*: служит началом, введением, **приветствием**, содержит **аргументы**, используется для **защиты**, завершает коммуникацию и т.д. В подобных случаях мы можем иметь различные стратегии для полного **достижения** наших целей. Более того, в отличие от (большинства) речевых актов эти типизированные последовательности речевых актов могут рассматриваться как культурно обусловленные.

Во-вторых, речевые акты вполне могут интерпретироваться на основе заключенного во фреймы знания **мира** — например, когда они являются *частью* самих этих фреймов. Это особенно касается **институционализированных** речевых актов, таких, как крещение, бракосочетание, вынесение приговора или сигнал к атаке (рассматриваемых именно как речевые акты), которые нередко являются составными частями в высшей степени **конвенциализированных** действий. Без **соответствующих** — **входящих** во **фрейм** — **знаний** я не смогу различать два **одинаковых** высказывания: I sentence you to ten years of prison ‘**Вы приговариваетесь к десяти годам тюремного заключения**’, — если одно из них **произнесено** судьей в зале заседания в конце судебного процесса, а **другое** — **моим** другом, который решил продемонстрировать мне свое неодобрение. Мы безошибочно определяем, что в первом случае **речевой акт** „срабатывает", а во **втором** — **нет**, потому что только в первом случае он является частью **институционализированного** фрейма.

В-третьих, для правильного **понимания** речевых актов требуется знание *мета-фреймов*, то есть знание общих **условий** совершения успешных действий. Так, если **кто-нибудь** во сне скажет: Can **you** open the window? ‘**Не мог бы ты открыть окно?**’, — **я** вряд ли буду его открывать, по-

сколько я знаю, что только контролируемые, сознательные и сообразующиеся с определенной целью **формы** поведения могут рассматриваться как **действия**, — и это мое знание носит действительно общий характер.

И, **наконец**, интерпретация речевых актов требует еще более широких знаний о мире. Речевые акты обычно имеют отношение к прошлым или будущим действиям говорящего или слушающего: нередко языковая коммуникация представляет собой способ планирования, контроля и оценки действий или же направлена на представление информации, необходимой для совершения этих действий. Следовательно, речевые акты невозможны без знания **того**, что необходимо, допустимо или возможно в реальном мире. Если кто-нибудь скажет нам: I just jumped from the Eiffel Tower '**Я** только что прыгнул с **Эйфелевой башни**', — **мы** вряд ли воспримем это заявление всерьез. Или, если я поздравляю кого-либо, я обязательно должен знать, что у моего адресата произошло что-то хорошее, но *что* является хорошим, для *кого* и *в каких обстоятельствах* — **все** это может быть определено только на основе наших общих знаний о мире. В задачу прагматики не входит прояснение этих **условий** — **они** принадлежат сфере репрезентации нашей **когнитивной семантики**.

Иными словами, за решение вопроса о том, выполнены ли необходимые условия приемлемости речевого акта, ответственно наше знание мира, организованное в сознании в виде фреймов.

5. АНАЛИЗ ПРАГМАТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА

Перед тем, как говорящие смогут привлечь для анализа поступающей информации имеющие более общий характер и хранящиеся в памяти знания, они должны проанализировать *прагматический контекст* (context), в котором был совершен этот речевой акт.

Один из методологических принципов, о котором мы всегда должны помнить, заключается в **том**, что понятие прагматического контекста является теоретической и когнитивной *абстракцией* разнообразных физико-биологических и прочих *ситуаций*. Действительно, подавляющее большинство характеристик любой ситуации не является *релевантным* для идентификации иллюкутивной силы высказывания. Вряд ли может случиться так, что моя интерпретация высказывания собеседника будет зависеть от того, рыжие у него волосы или нет (подобная зави-

симость имеет место лишь в том случае, когда эта ситуационная деталь окажется **тематизированной**). Итак, участник коммуникации должен фокусировать внимание на специфических особенностях речевой ситуации, которые могут оказаться полезными для правильного понимания не только значения/референции, но и прагматических целей/интенций.

Следующий методологически важный момент заключается в том, что в отличие от прагматики и (оставшейся части) грамматики когнитивная теория основывается не только на правилах и концептах, но и на *стратегиях* и *схемах*, являющихся средством для быстрой и функциональной обработки информации. Стратегии и схемы представляют собой основу процесса *гипотетической* интерпретации: для данных структур текста и прагматического контекста они обеспечивают быстрое выдвижение предположений относительно возможного значения высказывания и намерения **говорящего** — **впрочем**, в дальнейшем данные гипотезы могут быть опровергнуты. Один из наиболее простых и очевидных **примеров** — когнитивная обработка типичных синтаксических структур предложения: так, если высказывание имеет вопросительную форму, то мы можем предположить, что был задан вопрос или высказана просьба (van Dijk and Kintsch, 1982).

Сходным образом происходит и анализ прагматического контекста. Если совершенно незнакомый человек подойдет к нам на улице, у нас есть все основания предполагать, что он задаст нам вопрос или обратится с просьбой, а не станет исповедоваться нам в своих любовных делах или угрожать. Похоже, что при прагматическом понимании мы не только выделяем характерные черты ситуации, но и используем имеющуюся *схему* для анализа данного прагматического контекста. **Так**, если речевая ситуация удовлетворяет набору (заданных) *ключевых* параметров, то ее можно рассматривать как допускающую совершение некоторого набора *возможных* речевых актов.

Ясно, что анализ прагматического контекста является **необходимым**, но обычно недостаточным условием для прагматического понимания высказывания. Конечно, участники коммуникации обычно находятся в состоянии определенного „ожидания“ по отношению к *возможным* последующим речевым актам. Но окончательное определение характера речевого акта происходит уже после понимания самого высказывания и после сопоставления

прагматически релевантной информации, содержащейся в высказывании, с информацией, полученной при анализе прагматического контекста. В этом отношении прагматическое понимание аналогично процессу понимания смысла высказывания, когда **предыдущий** дискурс и знание смыслового контекста играют важную роль в интерпретации каждого последующего предложения. Параллельно понятию *пресуппозиции* вполне можно ввести понятие прагматического *предусловия* (pragmatic precondition), определяемого как необходимое свойство речевой ситуации.

Схема прагматического понимания отражает *исходный контекст* коммуникации, то есть положение дел, которое потом, при совершении речевого акта, неизбежно меняется. К этому исходному контексту относятся не только события/действия, происшедшие непосредственно перед речевым актом, но, вероятно, и информация, *аккумулированная* в отношении более «ранних» состояний и событий. Однако в связи с тем, что не все детали предыдущих ситуаций взаимодействия могут быть сохранены в памяти и затем извлечены из нее, постоянно должна происходить процедура *приписывания значимости* (relevance assignment) той информации, которая с гипотетической точки зрения может оказаться важной в условиях дальнейшего или продолжающегося взаимодействия. Не исключено, что эта процедура аналогична той, которая апеллирует к макроправилам, что обеспечивает понимание сложной структурированной информации (например, дискурса). Короче говоря, исходный контекст речевой ситуации, в соответствии с которым будет интерпретироваться речевой акт, должен содержать три вида информации:

- (i) информацию общего характера (память, фреймы);
- (ii) конечное информационное состояние, фиксирующее непосредственно предшествующие события и речевые акты;
- (iii) глобальную (**микро-**)информацию обо всех предшествующих взаимодействиях, об их структурах и процессах.

Поскольку (ii) и (iii) имеют отношение к пониманию только конкретной речевой ситуации, то эти виды информации имеют *эпизодический* характер.

Из всех этих наших рассуждений следует, что прагматические контексты являются *структурированными*. Бо-

лее того, мы предположили, что быстрая когнитивная обработка информации требует, чтобы они были *иерархически структурированными* — это имеет место для смысловых **(макро)структур** дискурса. Эта иерархия должна определяться в терминах *социальных структур*: речевые акты являются составной частью социального взаимодействия (когда мы одни, мы обычно молчим).

Иерархическая структура общества позволяет нам установить, какие из единиц и отношений (например, установления, роли, действия) определяются единицами более высокого *уровня*. Чтобы вычислить, является ли речевой акт приемлемым, мы в первую очередь должны представлять, каковы наиболее общие свойства социальных *условий* (setting), в которых осуществляется взаимодействие, а уже затем обращать внимание на более специфичные особенности ситуации детали, например на характерные особенности участников коммуникации.

Хотя социальный контекст и не является темой настоящей статьи, необходимо помнить, что соответствующая социальная структура, поскольку она представлена в нашем сознании, должна быть принята во внимание при анализе процесса прагматического понимания. Необходимо также иметь в виду, что на этом уровне анализа значимой является не столько сама социальная ситуация как таковая, сколько ее *интерпретация* или *представление* о ней у участников коммуникации. Указанный вид „когнитивной относительности“ отнюдь не предполагает, что эти интерпретации не имеют „объективной“ основы. Наоборот, условия успешного взаимодействия требуют, чтобы интерпретации социальной структуры были *конвенциализированными*².

Заметим, что социальный *контекст* тоже является абстрактным конструктом по отношению к реальным социальным ситуациям. Прежде всего все те характеристики, которые не определяют поведения участников, являются социально нерелевантными: так, не является социально значимым действительное содержание моих мыслей, если оно никак не отражается в моем поведении; не является значимым и то, что я везу в своей машине, если это не имеет прямого отношения к ситуации взаимодействия.

² „Когнитивный“ подход к социальным структурам получил в последние несколько лет большое распространение, например в так называемой „этнометодологии“; см., например, работы: **Sudnow**, 1972; **Cicourel**, 1973; **Turner**, 1974. Это направление во многом обязано идеям Гарфинкеля (**Garfinkel**, 1967).

Это же относится к тем действиям, которые специфичны для данной конкретной ситуации. Так, можно чихать или улыбаться кому-то во время публичной лекции или на заседании суда, но отнюдь не эти действия являются типичными, определяющими названные социальные установления в их самых общих и существенных чертах.

Итак, анализ социального контекста надо начинать с *общего социального контекста* (general social context), который может быть описан в следующих категориях:

- (i) личное
- (ii) общественное
- (iii) институциональное/формальное**
- (iv) неформальное

Мы не даем здесь точного определения этих понятий. Важно только подчеркнуть, что они характеризуют различные виды социальных контекстов, в том числе, например, общественные институты (суды, больницы, дорожное движение), неформальные общественные „места" (салон автобуса, рестораны), частные институты (семья), неформальные личные „ситуации" (драки, объяснения в любви)

и т. д.

Охарактеризованные нами в самых общих чертах социальные контексты затем могут быть подвергнуты дальнейшему анализу в терминах следующих категорий:

- (i) позиции (например, роли, статусы и т. д.)
- (ii) свойства (например, пол, возраст и т. д.)
- (iii) отношения** (например, превосходство, авторитет)
- (iv) функции (например, „отец", „слуга", „судья" и т. д.)

Названные характеристики социальных контекстов и характеристики их *участников* определенным образом связаны между собой. Они задают *возможные действия* участников социального взаимодействия в тех или иных ситуациях.

Социальным контекстам тоже может быть придана определенная *организация*, например, с помощью некоторой структуры (социальных) *фреймов*. Так, внутри общей институциональной ситуации суда имеется несколько фреймов, которые хронологически упорядочены: фреймы обвинения, защиты и вынесения приговора. В этих фреймах участникам приписываются специфические функции,

позиции, качества и отношения. Более того, эти фреймы определяют, какие виды действия могут быть совершены. В частном институте семьи функция родителя, будучи связана с набором свойств и отношений (власть, авторитет), задает набор возможных **социальных** действий (например, обращение к детям с требованием идти спать), тогда как функция ребенка конвенционально не позволяет, чтобы ребенок делал то же по отношению к родителям. Тогда, помимо четырех категорий, в терминах которых описываются социальные контексты, мы должны иметь набор *конвенциональных установлений* (conventions) (правил, законов, принципов, норм, ценностей), которые бы определяли, какие действия ассоциируются с конкретными позициями, функциями и т. д. Так, является конвенционально заданным, как и когда человек, находящийся в неофициальной обстановке и характеризующийся определенными личностными **особенностями**, отношениями и функциями, может приветствовать другого человека. Я не стану здороваться с незнакомыми людьми на оживленной улице, но вполне могу сделать это, встретившись с ними на горной тропе. В число людей, с которыми мы здороваемся, входят не только наши хорошие знакомые, но и люди, с которыми мы тем или иным образом **соприкасались** — **даже** не обязательно тесно. Сложность этих конвенциональных установлений и налагаемые ими ограничения рассматривать здесь подробнее не имеет смысла.

Что касается анализа ситуации, сопровождающего процесс прагматического понимания, то проведенный нами (впрочем, достаточно фрагментарный) анализ **показал**, что каждый говорящий должен активизировать следующую информацию о социальном контексте в целом: **специфический** тип ситуации, фрейм контекста, релевантный в настоящий момент, свойства и отношения между социальными позициями, функциями и конкретными участниками, заполняющими „вакантные места“, а также конвенциональные установления (правила, законы, принципы, нормы, **ценности**), определяющие социально возможные действия этих людей. Отметим, что анализ *конкретной* ситуации в терминах предложенных выше концептов возможен только по отношению *к самому общему знанию* социальной структуры. В этих широких рамках далее уже могут анализироваться *специфические* свойства и отношения говорящего, его предыдущее **поведение** — **поступки, действия**, — а также содержание предшествующих речевых актов. Мы можем также приступить к рас-

смотрению *внутренней структуры* говорящего, обращая при этом внимание на его

- (i) знания, мнения
- (ii) потребности, желания, предпочтения
- (iii) отношения, установки
- (iv) чувства, эмоции

и провести этот анализ как на уровне отдельного индивида, так и на более общем уровне с **учетом** тех норм, ценностей и мнений, которых говорящий придерживается **и** в других ситуациях. Заметим, что часть наших действий является примерами конвенциональных актов, входящих в набор действий, принадлежащих неформальным или институциональным социальным ситуациям: **так**, в публичной институциональной **ситуации** уличного движения **человек**, исполняющий функции полицейского, имеет право подать мне сигнал, чтобы я **остановился**, — **и** по закону я должен подчиниться, иначе могут быть неприятности; я, следовательно, интерпретирую некоторый сигнал как проявление институционализованного действия. Другими словами, этот специфический сигнал является *приемлемым* действием именно в данной ситуации.

И, наконец, анализ прагматического **контекста** — **как** компонент понимания речевого акта в **целом** — **включает** в себя *самоанализ* (self-analysis) со стороны слушающего. Чтобы оценить, был ли совершенный собеседником речевой акт успешным, слушающий должен иметь ясное представление о характере своей (предшествующей) деятельности, а также отдавать себе отчет в своих знаниях, желаниях, отношениях и эмоциях. Так, если в какой-либо конкретной ситуации кто-то предлагает мне помощь, я должен осознать, что это предложение не идет вразрез с моим способом поведения, что эта помощь, по крайней мере частично, направлена на ту же цель, к которой стремлюсь я сам. Иными словами, предлагающий помощь должен располагать информацией не только о „мире“ или о социальной структуре как части мира, но также и обо мне как о партнере в коммуникации. А я, слушающий, должен сравнить то, что предполагает обо мне говорящий, со своим собственным знанием о себе.

Несмотря на то что в этом разделе не обо всем удалось сказать достаточно полно и четко, у нас уже все-таки складывается приличительное представление об основных компонентах *схемы анализа прагматического контекста*; эта схема используется участниками коммуникации для

определения характера речевого акта и его приемлемости в данной **ситуации** — **приемлемости** с точки зрения слушающего.

Можно предположить, что сказанное нами окажется полезным и в теории *порождения речевых актов*. Главная мысль здесь следующая: говорящий только тогда может успешно осуществить намеченный речевой акт, когда он уверен, что прагматический контекст удовлетворяет условиям этого речевого акта.

6. ПРИМЕРЫ АНАЛИЗА ПРАГМАТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА

Чтобы сделать более понятными выделенные нами уровни и категории, используемые в анализе **прагматического** контекста говорящими, приведем два примера **речевых** актов и охарактеризуем ситуации, в которых эти речевые акты являются приемлемыми. Примеры взяты как **из** институциональной, так и из личностной сфер общения.

Сначала рассмотрим следующее высказывание:

(2) „May I see **your** ticket, **please?**“

Покажите, пожалуйста, ваш **билет**.

букв.: **‘Могу я видеть ваш билет?’**

Это высказывание может быть произнесено как просьба или требование во многих ситуациях, однако мы рассмотрим только одну из них, а именно проверку билетов в **поезде** или вообще в общественном транспорте.

Тип социальной ситуации: Институциональная. Публичная

Институт : Общественный транспорт

Фрейм : Проверка билетов

А. Структура фрейма

a. Место : поезд (находящийся в **движении**)

b. Функции : **$F(x)$:** билетный контролер
 $G(y)$: пассажир

c. Свойства : **x** имеет знаки **отличия**, по которым в нем можно узнать представителя (железнодорожной инспекции, и/или **x** идентифицирует себя как билетного контролера; **x** действительно выполняет функции билетного контролера; **y** должен иметь билет (то есть он не является,

например, ребенком, **которого** родители провозят бесплатно)

d. *Отношения* : $G(y)$ подчинен $F(x)$

e. *Позиции* : (см. функции):
 x проверяет y

В. *Фреймы конвенциональных установлений* (правил, норм и т. д.)

1. Каждый пассажир, пользующийся общественным транспортом, должен иметь билет или другой проездной документ;
2. Каждый пассажир должен предъявить билет по требованию служащих железнодорожной компании;
3. Пассажир, не имеющий билета или другого проездного документа, должен заплатить штраф 25 долларов. (...)
4. В обязанности билетного контролера входит проверка билетов. (...)

Отвечающая ситуации последовательность действий (слушающего):

Макродействие : y едет на поезде в пункт Z

Предшествующая деятельность :

- y пошел на вокзал
- y купил билет ($\Rightarrow y$ него есть билет)
- y вошел в вагон (\Rightarrow он в поезде)
- (...)
- y видит/смотрит на/слышит голос/контролера
- (— y начинает искать свой билет)

Отвечающая ситуации последовательность действий (говорящего):

Макродействие : x выполняет свои обязанности, находясь в поезде, идущем в Z

Предшествующая деятельность :

- x пошел на вокзал (...)
- x проверяет билеты у пассажиров
- x видит y/x подходит к y

В описанной нами ситуации высказывание (2) может быть произнесено как *требование* и быть уместным. Это

значит, что недостаточно, чтобы слушающий просто заключил из самой формы высказывания, что **это** — *требование* (об этом см. ниже); надо, чтобы были выполнены условия, которыми в данной социальной структуре задается этот речевой акт. Только те слушающие, которые располагают нужной информацией о прагматическом контексте, могут решить, являются ли эти основания достаточными, чтобы проинтерпретировать полученное сообщение как *требование*, и, следовательно, выполнить или не выполнить его.

Так, если какая-либо характеристика прагматической ситуации будет отсутствовать, то *требование* может оказаться незаконным и, следовательно, не сработать (по крайней мере, частично). Если я нахожусь в общественном транспорте, то будет нелепо требовать у меня билет. Неуместно это и в том случае, если контролер не одет в униформу или не имеет удостоверения: я не обязан показывать свой билет первому встречному. Заметим, что фреймы конвенциональных установлений являются той основой, на базе которой могут быть выведены все специфические разновидности знаний, мнений, обязанностей, обязательств и т. д. Так, пассажир *у* (слушающий) знает, что по правилу **В.1** он должен иметь билет, и это знание является условием для действительной покупки им **билета**, который он потом, в соответствии с правилом **В. 2**, должен будет предъявить по требованию контролера.

Второй пример мы возьмем из ситуации неформального личного общения. Рассмотрим высказывание

(3) „Let me carry your suitcase!“

‘Позвольте, я понесу ваш **чемодан!**’,

произнесенное в ситуации, когда говорящий *x* встречает приехавшего поездом *у* и *предлагает* ему свою помощь. Ясно, что такое предложение будет уместным в большом количестве разнообразных ситуаций, поскольку здесь **не** существует никаких институциональных ограничений, как в первом примере.

Тип социальной ситуации: Неформальная. Межличностная.

Фрейм: Встреча кого-либо (по прибытии)

А. Структура *фрейма*

a. Место	:	Железнодорожный вокзал.
		Платформа.
b. [Функции	:	$F(x)$: встречающий
		$G(y)$: гость]

- с. *Свойства* : x достаточно сильный для того, чтобы нести **чемодан**.
 $у$ устал и/или ему по каким-либо причинам трудно нести чемодан и/или
 $у$ — **женщина** или пожилой человек
 (...)
- d. *Отношения* : x знает $у$ (и $у$ знает x)
 ($у$ знает, что) x находится на вокзале для того, чтобы встретить $у$
- e. *Позиция* : x помогает $у$

В. *Фреймы конвенциональных установлений*

1. Если x встречает $у$, то он должен быть дружески расположен к $у$;
2. Если $у$ трудно (или может быть трудно) сделать что-либо, то x должен помочь $у$ (или предложить помощь);
3. Тяжелый **багаж** — **достаточное** основание для **того**, чтобы предложить помощь;
4. Гостям, особенно женщинам, пожилым людям, больным, а также уставшим и плохо себя чувствующим надо предлагать помощь.
 (**NB!** Мы описываем *существующие* конвенциональные правила, а не, например, роли в соответствии с полом действующих лиц, какими они *должны быть*.)

Отвечающая ситуации последовательность действий:

Макродействие : Прибытие $у$. X встречает $у$.

Предшествующая

деятельность : — $у$ приготовился к выходу
 — $у$ вышел из поезда
 — $у$ осмотрелся в поисках x
 — (...)
 — $у$ подошел к x
 — $у$ улыбнулся x
 — $у$ поздоровался с x
 — (...)

Предполагается, что этот список содержит главные **компоненты** схемы, наличие которой обязательно для понимания высказывания (3) как выражения говорящим готов-

ности оказать услугу. Заметим, что поскольку мы характеризовали знания, необходимые для адекватного *восприятия* речевых актов, то описание велось *с точки зрения слушающего*.

В том случае, если основные требования прагматического контекста не будут выполнены, то предложения помочь может не последовать, а если и последует, то может быть отвергнуто. Так, согласно конвенциональным фреймам, если я не знаю человека и если я никого не встречаю, то я вряд ли стану предлагать свои услуги. А физически сильный человек откажется от помощи, предложенной человеком слабее его (например, подростком).

Использованные выше категории не являются строго определенными и поэтому требуют своего дальнейшего уточнения. Особенно трудно бывает провести четкое различие между категориями *функция* и *позиция*. Под функцией мы понимаем более или менее фиксированный, часто институционализированный набор свойств и отношений, например род занятий (судья, билетный контролер; но также и гость, хозяин и т. д.). Что касается позиций, то они более четко определяют *конкретную* роль каждого человека в ситуации взаимодействия: я могу помогать, советовать, запрещать что-либо кому-либо, «выполняя» различные функции, например врача, друга, матери и т. д.

7. „ДИНАМИКА“ ПРАГМАТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА

Поскольку совершение действия всегда связано с некоторой ситуацией, то эти ситуации (прагматические контексты) не являются статичными: они изменяются в соответствии с **причинно-следственными** отношениями, конвенциями и другими ограничениями на последовательность действий и событий. Как мы уже убедились, речевой акт обычно включен в этот поток **(взаимо)действий**. Таким образом, анализ прагматического контекста является постоянным *процессом*, а рассмотренная нами его „конечная стадия“ является начальной стадией адекватного восприятия высказывания как речевого акта. Во время **(взаимо)действия** человек постоянно *вычленяет* черты, релевантные для данной ситуации, и следит за переходом одной ситуации в другую. Человек не только знает общие характеристики социальных контекстов, фреймы и их компоненты, но и анализирует действия, совершающиеся в их рамках. При этом он делает выводы о предполагаемых целях, намерениях (и лежащих в их основе знаниях,

желаниях) участников **взаимодействия** — **особенно говорящего** — и решает, не противоречат ли полученные данные исходным условиям речевого акта.

АНАЛИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Анализ прагматического контекста не только дает информацию об условиях, с учетом которых воспринимается высказывание, но и порождает *ожидания* относительно вероятных целей участников и, следовательно, относительно возможных речевых актов, которые могут быть совершены в данной ситуации. Однако не вызывает никакого сомнения, что окончательное восприятие высказывания как вполне определенного речевого акта в большинстве **случаев** должно основываться на анализе самого *высказывания*. **Таким** образом, вопрос заключается в следующем: каковы характерные признаки высказываний, которые указывают на тип совершенного речевого акта?

Ответ на этот вопрос должен, конечно, опираться на имеющиеся сведения о „грамматической” обработке слов, фраз, предложений и дискурса. В настоящей статье мы, однако, не ставим перед собой цель дать полный обзор теоретических положений и экспериментальных данных, раскрывающих особенности правил и стратегий, которые лежат в основе фонологической, морфологической, синтаксической и семантической обработки высказываний естественного языка. Нас будут интересовать только те языковые средства упомянутых уровней, которые могут выполнять функцию *индикаторов иллокутивного акта*. Помимо информации, извлеченной из прагматического контекста, сам текст во многом дает слушающему ключ к определению иллокутивной силы высказывания.

Поскольку есть некоторые основания считать, что „оценка” этих индикаторов зависит от полной интерпретации высказывания (например, в терминах предложения /пропозиции), то имеет смысл начать именно с семантического уровня.

Семантика

Референция: Обозначение (denotation) участников коммуникации (я, ты);
Обозначение существующих объектов;
Обозначение характеристик прагматического контекста и отношений между участниками;

Обозначение состояний, событий, действий;

Обозначение модальностей: время, возможные миры, обязательства и т.д.;

и т. д.

Так, в семантической структуре уже приводившегося примера *Let me carry your suitcase* ‘Позвольте, я понесу ваш **чемодан**’ обозначены одновременно говорящий и адресат, (планируемое) действие говорящего, (испрашиваемое) разрешение и объект действия (чемодан). Слушающему по смыслу должно быть понятно, что высказывание связывает непосредственное воздействие говорящего с предметом, имеющимся у слушающего. Располагая информацией, заключенной во фрейме, а также необходимыми знаниями о мире, адресат может интерпретировать такое действие как желание оказать помощь. Но поскольку сам слушающий не просил об этом, то с его стороны сначала должно быть получено соответствующее разрешение, на что и направлено рассматриваемое нами высказывание.

Знание мира (фреймы): например, у путешественников обычно есть багаж;
в поездах проверяют билеты

Синтаксис

1. типы предложений (повествовательное, вопросительное, повелительное)

Так, в нашем примере слова *Let me (...)* ‘Позвольте мне...’ являются устойчивым выражением, которое употребляют, когда хотят получить разрешение сделать что-либо (что и будет являться собственно действием). В общем случае подобные речевые акты включают в себя вероятные (будущие) действия со стороны слушающего (просьбы, требования, приказы и т.д.);

2. порядок слов; структура сложного предложения

связаны с **пресуппозитивной** и **ассертивной** частями содержания высказывания или тема-рематической (topic-comment) структурой; они фиксируют тему дискурса и различают данную и новую информацию;

3. синтаксические функции (субъект, не прямой объект и т. д.) связаны с семантическими функциями и распределением участников в прагматической ситуации;

4. время

показывает, когда имеет или будет иметь место событие (действие); **перформативы** — **всегда** в настоящем времени;

5. категория вида и способа действия

имеет отношение к способу совершения действия и вследствие этого, возможно, к оттенкам смысла, фиксирующим отношение говорящего. Ср., например:

I promise you to come tomorrow!
'Я обещаю тебе прийти **завтра!**' и
I am promising you to do it!
'**Честное** слово, я обещаю тебе сделать **это!**'

6. порядок следования предложений

фиксирует границы и последовательность речевых актов; указывает, на основе скольких пропозиций совершен речевой акт.

Морфология/Лексика (⇒семантика)

1. выбор слов (в общем случае)

связан с соответствующими концептами и, следовательно, с возможными референтами; это ясно видно на примере **дейктических** слов и предикатов действия;

2. эксплицитное употребление перформативов

3. устойчивые выражения (tag-вопросы),

такие, как won't you, can't you, isn't it '**не так ли**', '**так ведь**', '**не правда ли**', указывают на условия (возможность совершения, истинность) речевых актов;

4. слова, подобные в нашем примере слову please '**пожалуйста**', которое обозначает **просьбу**, и т. д.;

5. прагматические частицы (особенно в нидерландском, немецком языках)

указывают на отношение говорящего к пропозициональному содержанию высказывания или к адресату, например при обвинении, упреках, защите и т. д.

Фонология/Фонетика

1. интонация

вместе с типом предложения и порядком слов формирует, например, вопросительный или утвердительный характер высказывания;

2. логическое ударение

выполняет следующие функции: комментирующие (и, следовательно, указывает на новую информацию в предложении), функцию противопоставления (и, следовательно, фиксирует ожидания адресата) и функцию введения в фокус (и, следовательно, контролирует внимание адресата);

3. темп речи, высота тона, громкость

служат для обозначения отношений, эмоций говорящего и, таким образом, указывают на тип связанного с ним речевого акта; ср. различие в произнесении высказывания *A stone is falling* 'Камень падает' как предупреждающего восклицания и как простого утверждения.

Паралингвистическая деятельность

1. дейктические движения

Например, указание на чемодан во втором из рассмотренных нами примеров;

2. (другие) жесты

Например, выслушивая обвинения, человек обхватывает голову руками;

3. выражение лица

Например, улыбка при приветствии; сердитое лицо при обвинении;

4. движение тела

Например, выталкивание кого-либо из опасной зоны при предупреждении;

5. физические контакты между участниками взаимодействия (расстояние между ними, рукопожатия, поглаживания)

Например, при приветствиях, объяснении в любви, драках.

Этот перечень не претендует на исчерпывающую полноту, однако он все-таки показывает, что многие элементы лингвистического и паралингвистического уровней высказывания указывают на определенные черты возможных в данных условиях речевых актов. Очевидно, что ни один из этих элементов, взятых изолированно, не является достаточным для определения типа речевого акта. В интерпретации, тесно связанной с анализом прагматического контекста, должны быть одновременно задей-

ствованы все уровни. Так, в нашем втором примере для **идентификации** совершенного речевого акта требуется следующая информация: апелляция к разрешению со стороны адресата, обозначение говорящего и адресата, **указание** на последовавшие действия адресата, обозначение объекта действия, (устойчивые) словесные формы, служащие для выражения просьбы, и возможные **дейктические** элементы (направление взгляда, кивок в сторону чемодана). Поскольку адресат знает, что совершаемое действие должно быть в его пользу, и из прагматического контекста ему известно, что все остальные условия (включая **референциальные**) выполнены, то, пользуясь знанием конвенциональных установлений, он проинтерпретирует высказывание (3) как выражение готовности оказать помощь.

9. ВОСПРИЯТИЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ И МАКРОРЕЧЕВЫЕ АКТЫ

В том анализе прагматического контекста, который мы дали выше, не рассматривался вопрос о том, было ли вызвано исходное состояние прагматического контекста самими участниками коммуникаций или же другими людьми, событиями и действиями. Вполне может оказаться так, что исходная прагматическая ситуация является конечной стадией и следствием предшествующих речевых актов. Речевые акты обычно образуют *последовательности* — это хорошо видно на примере обычного разговора.

Так, предшествующее утверждение, сделанное говорящим, может помочь слушающему понять, почему далее последовала угроза или обещание. Известно, что восприятие дискурса как последовательности связанных и согласованных предложений требует интерпретации этих связей (например, различных видов отношения обусловленности между фактами). Аналогично и восприятие последовательности речевых актов основано на интерпретации «связи» между идущими друг за другом речевыми актами. Наиболее общее условие связности было нами только что отмечено: предшествующий речевой акт задает контекст, в котором происходит оценка последующего речевого акта. Что касается порядка следования речевых актов вообще, то отношения условия могут или **просто** играть вспомогательную роль (то есть делать речевой акт *возможным* относительно предыдущего речевого акта), или нести в себе большую прогнозирующую силу, де-

лая последующий речевой акт вероятным или даже необходимым, как это бывает во всех видах **ритуализованных** последовательностей, например в таких парах, как (поздравление и благодарность). Когда последующий речевой акт играет роль *добавления, исправления* или *объяснения* по отношению к предшествующему речевому акту, то имеет место другой вид связи.

Составляющие последовательность речевые акты не обязательно должны быть одного и того же „уровня“. Так же как в дискурсе и в сложном предложении, мы и между речевыми актами можем найти отношения „подчинения“ и „доминирования“, например когда некоторый речевой акт является *вспомогательным* по отношению к другому. Так, я могу сказать, что я голоден, для того чтобы потом с полным правом попросить бутерброд.

И, наконец, последовательность речевых актов может анализироваться на *глобальном* уровне. В этом случае она рассматривается *как единое целое* — **как** один глобальный речевой акт или *макроречевой акт*. Так, письмо, взятое в единстве всех своих частей, может выполнять роль угрозы, инструкции или запрещения. По отношению к составляющим последовательность частным речевым актам такая прагматическая макроструктура возможна вследствие „редукции“: она определяет „результат“ высказывания в терминах общего намерения или цели. Таким образом, конкретные речевые акты могут быть или относительно „самостоятельными“ единицами коммуникации (ср. приветствия), или рассматриваться как нормальные условия, компоненты или элементы последовательности, образующие **глобальный** речевой акт. *Макроправила* в терминах **макроречевых** актов объясняют, как именно последовательность речевых актов связана со своей глобальной репрезентацией (более детально это рассмотрено в гл. 8).

На когнитивном уровне все это означает, что при анализе прагматической ситуации и последовательности высказываний слушающий применяет макроправила к предыдущим речевым актам, чтобы вычленить *релевантную* прагматическую информацию для интерпретации последующих речевых актов. Так, восприняв серию некоторых высказываний как требование, слушающий со своей стороны может планировать речевой акт отказа, причем частные детали требования сразу же исчезают из активной памяти. В этом отношении понимание цепочек речевых актов ненамного отличается от понимания других

моментов прагматического контекста (ср. восприятие объектов, состояний, событий и т. д.).

Одна из важнейших функций понимания на макроуровне заключается в том, что говорящий и слушающий на основе выполняемых ими функций в отношении макроречевого акта могут устанавливать связь между высказываниями. Если бы это было не так, мы не могли бы планировать и контролировать большие фрагменты дискурса и разговора, не были бы способны понимать говорящего на всем протяжении **его** речевой деятельности. Так, серия приветствий, утверждений, вопросов и т. д. может быть интерпретирована как „составляющая целое" только в том случае, если мы полагаем, что *таким образом* говорящий выражает **глобальное требование**, для которого соответствующие „микроречевые акты" представляют собой необходимые приготовления, условия и компоненты.

Здесь нет нужды рассматривать специфические особенности последовательного расположения речевых актов и их связь с последовательным расположением предложений в дискурсе. На линейном уровне процесс понимания не так уж фундаментально отличается от процесса понимания прагматического контекста в целом. И тем интереснее становится тот факт, что, как только последовательность речевых актов оказывается слишком большой, для ее обработки привлекаются макропроцессы.

10. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ. НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Данное выше описание понимания речевых актов не только было теоретическим, но и представляло собой некоторую абстракцию. Мы просто перечислили ряд элементов, участвующих в предполагаемой когнитивной репрезентации прагматического контекста. Однако было подчеркнuto, что как сам прагматический контекст, так и его понимание являются „динамичными", то есть должны быть рассмотрены как *процессы*. Короче говоря, нам еще не известно, *как* на самом деле строится репрезентация прагматического контекста и самого текста в процессе коммуникации. Мы не знаем точно, каким образом информация, полученная при зрительном восприятии, соединяется с логическими и прочими выводами и актуализованными фреймами; мы не знаем, в какую *форму* облекается полученная информация, как она хранится а как соединяется с имеющимися в распоряжении челове-

ка знаниями, желаниями, эмоциями, отношениями, намерениями и **целями**. И, наконец, нам неизвестно, как вся эта „внешняя" и „внутренняя" информация отображается на репрезентации категорий и структур социального контекста.

Хотя все эти вопросы представляют собой направления будущих исследований в области когнитивных основ прагматических структур, все же некоторые предположения могут быть сделаны уже сейчас на базе изложенных нами выше соображений (подробнее см.: **van Dijk** and **Kintsch**, 1983).

Прежде всего надо отметить, что информация, получаемая в процессе коммуникативного взаимодействия, отличается столь сложным характером, что для ее интеграции и обработки необходимы процессы различного рода. Так, *макроправила*, например, должны использоваться как на уровне восприятия, так и на уровне события, речевого акта и понимания языка. Короче говоря, информация должна *функционально организовываться и редуцироваться*. Как мы видели, ее организация является в определенной степени иерархичной. За каждым типичным социальным контекстом закреплён набор возможных фреймов, которые в свою очередь задают множество позиций, функций, свойств и отношений для участников **коммуникации** — членов социума. Более того, конвенциональная природа социального взаимодействия сама способствует образованию *эпистемических фреймов* с целью их последующего использования как эффективного средства организации нашего более общего знания о социальных фреймах.

Поступающая информация не только организуется, но и одновременно *редуцируется* к макроструктурам сразу нескольких уровней. Так, последовательность действий человека может быть „рассмотрена как" одно глобальное действие, для характеристики которого значимым является только общий ожидаемый от него результат или же его глобальная цель, как она видится самому действующему лицу. Эта макроредукция является возможной опять же благодаря конвенциональному, входящему во фреймы знанию, которое и определяет, какие глобальные действия с какими условиями, компонентами и последовательностями ассоциированы. Иерархическая структура **эпистемических** фреймов в свою очередь делает возможным гибкий и быстрый анализ всех уровней и компонентов, участвующих в понимании данного социального **взаимодействия**. Те же самые принципы актуальны для

восприятия визуальной информации („образов") и сложных событий. Что касается более высокого уровня, то здесь мы тоже имеем общее знание о структуре **действия** — каждая последовательность налагается на это глобальное представление, и мы можем фокусировать внимание на имеющих значимость результатах и последствиях (целях) действий.

И, наконец, при анализе сложной информации, помимо этих различных процедур, в распоряжении говорящих имеются различные виды *стратегий* понимания, функции которых заключаются в быстром выдвижении гипотез относительно наиболее вероятных структур настоящей и последующей стадий коммуникации. Эти стратегии опираются на „индикаторы" и „ключевые признаки" текста и контекста (например, интонация вопроса в просьбе; устойчивые выражения, фиксированные жесты и типичные **(ритуализованные)** действия в определенных фреймах, как в случае предложения помочь в нашем втором примере).

Хотя нами и были затронуты общие принципы речевых актов, а также когнитивные процессы, лежащие в основе коммуникативного взаимодействия, очевидным остается тот факт, что на сегодняшний момент у нас нет представления о том, как реально происходит процесс восприятия информации. Конечно, мы можем построить теоретические модели для схем и процедур, используемых говорящими при соединении контекст-анализа с текстовым анализом, и можем постараться проверить эти модели **эмпирически** — путем экспериментов и /или моделирования коммуникативного **взаимодействия**, — но такие модели, будучи построены по типу „**ввод** — **вывод**", все равно не смогут обеспечить проникновения в механизмы происходящих процессов.

Ненамного больше известно нам о когнитивных и эмоциональных „основополагающих структурах", участвующих в *планировании, выполнении и контроле* за сложными речевыми действиями, а также о процессах запоминания, извлечения из памяти, воссоздания и повторного использования представлений речевых актов. Мы еще не знаем, каким образом желания и предпочтения взаимодействуют со знанием, мнениями и отношениями и как все эти системы ведут к действию через сложные процедуры принятия решения, выбора цели и планирования. В этом смысле нерешенные проблемы когнитивной прагматики аналогичны проблемам эмпирической теории деятельности в целом. Дополнительная трудность заключается в необходи-

мости раскрыть характер отношений между анализом прагматической ситуации и анализом текста. Ясно, что пока мы лишь приступили к разработке сложной междисциплинарной области, лежащей на границе между языком, деятельностью, значением, сознанием и социальными структурами.

ЛИТЕРАТУРА

Bartlett, 1932 = Bartlett, F. C. Remembering. London: Cambridge UP, 1932.

Bobrow and **Collins**, 1975 = **Bobrow**, Daniel G., and **Collins**, Alan (eds.). Representation and Understanding. Studies in Cognitive Science. New York: Academic Press, 1975.

Charniak, 1972 = Charniak, Eugene. Towards a Model of Children's Story Comprehension. Cambridge, Mass.: MIT, Ph.D. Diss., 1972.

Cicourel, 1973 = Cicourel, Aaron. Cognitive Sociology. Harmondsworth: Penguin, 1973.

van Dijk, 1977 = van **Dijk**, Teun A. Semantic macro-structures and knowledge frames in discourse **comprehension**.—In: **Carpenter**, Patricia, and **Just**, Marsel (eds.). Cognitive Processes in Comprehension. Hillsdale, N. J.: Erlbaum, 1977, pp. 3—32.

van **Dijk and Kintsch**, 1983 = van **Dijk**, Teun A., and Kintsch, Walter. Strategies of Discourse Comprehension. New York: Academic Press, 1983.

Garfinkel, 1967 = Garfinkel, Harold. **Studies in Ethnomethodology**. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall, 1967.

Goffman, 1974 = **Goffman**, Erving. Frame Analysis. New York: Harper and Row, 1974.

Minsky, 1975 = Minsky, Marvin. A framework for representing **knowledge**.—In: P. **Winston** (ed.). The Psychology of Computer Vision. New York: McGraw Hill, 1975. [Минский М. Фреймы для **представления** знаний. М.: Энергия, 1979.]

Sudnow, 1972 = Sudnow, David (ed.). Studies in Social Interaction. New York: Free Press, 1972.

Turner, 1974 = Turner, Roy (ed.). **Ethnomethodology**. Harmondsworth: Penguin, 1974.

1. ПОНЯТИЕ МАКРОСТРУКТУРЫ

Как ранее утверждалось, связность дискурса должна объясняться как на локальном, так и на глобальном уровне. Локальная связность была определена в терминах отношений между пропозициями, выраженными соседствующими предложениями. Глобальная связность имеет более общую природу и характеризует дискурс в целом или же его большие фрагменты. Понятия, используемые для описания этого типа общей связности дискурса, включают топик, тему, общий смысл, основное содержание. Все они свидетельствуют о глобальном содержании дискурса и потому требуют объяснения в терминах семантической структуры. Понятие *макроструктуры* было введено для того, чтобы дать абстрактное семантическое описание глобального содержания и, следовательно, глобальной связности дискурса (van Dijk, 1972, 1977a, 1980a).

Макроструктуры — не единственные глобальные структуры дискурса. Для некоторых типов дискурса по крайней мере имеет смысл говорить также и о *схематической* структуре. Так, рассказы могут анализироваться с помощью повествовательной схемы, а доказательства — в терминах схемы доказательств, например силлогизмов аристотелевской логики. Такие схематические структуры, которые мы называем *суперструктурами*, задают общую форму дискурсу и могут быть эксплицированы в терминах конкретных категорий, определяющих тип дискурса. Следовательно, **макроструктуры** — это семантическое содержание категорий, входящих в суперструктурные схемы.

*Van Dijk, Teun, A. and Kintsch, Walter. Strategies of discourse comprehension. Chap. 6. **Macrostrategies**. New York: Academic Press, 1983, p. 189—206.

В абстрактной лингвистической семантике дискурса макроструктуры определяются правилами, так называемыми **макроправилами**. Основной принцип как лингвистической, так и логической семантики гласит, что интерпретация определенных единиц должна осуществляться в терминах интерпретации их составляющих частей. Поэтому определение макроструктуры посредством макроправил тоже должно основываться на значениях предложений дискурса, то есть на выраженных ими пропозициях. Поскольку макроструктуры являются по определению семантическими единицами, они также должны состоять из пропозиций, а **именно** — **из макропропозиций**. Макропропозиция, таким образом, является пропозицией, выведенной из ряда пропозиций, выраженных предложениями дискурса. Другими словами, **макроправила** — это правила семантического отображения: они устанавливают связь одной последовательности пропозиций с последовательностями пропозиций более высокого уровня и таким образом выводят глобальное значение эпизода или всего дискурса из локальных значений, то есть значений предложений дискурса.

Макроправила имеют рекурсивный характер. При наличии последовательности макропропозиций они могут быть применены снова и таким путем можно вывести макроструктуру еще более высокого уровня. Отсюда следует, что результирующая макроструктура дискурса **является** иерархической структурой, состоящей из нескольких уровней. Поэтому понятие макропропозиции относительно: оно определяется относительно последовательности пропозиций (локальной или глобальной), из которой оно выводится посредством макроправила.

В теории дискурса были определены следующие макроправила:

1. **ОПУЩЕНИЕ**: при наличии последовательности пропозиций необходимо опустить те пропозиции, которые не служат условиями интерпретации (напр., пресуппозицией для другой пропозиции в данной последовательности).

2. **ОБОБЩЕНИЕ**: при наличии последовательности пропозиций необходимо заменить эту последовательность на пропозицию, выводимую из каждой пропозиции данной последовательности.

3. **ПОСТРОЕНИЕ**: при наличии последовательности

пропозиций необходимо заменить ее пропозицией, **выведенной** из всего репертуара пропозиций, входящих в эту последовательность.

Эти краткие определения правил не учитывают многие формальные детали и другие ограничения. Мы понимаем тем не менее, что эти правила подобны правилам редукции: они опускают пропозиции или заменяют последовательности пропозиций одной **(макро)пропозицией**. В то же время они организуют значение дискурса: последовательности пропозиций организуются уже не только на локальном уровне посредством линейных отношений связности, но также и на более высоком уровне концептуальных единиц.

Очевидно, что понятие семантической макроструктуры необходимо только для больших дискурсов, к которым применимы такие понятия, как топик или основное содержание дискурса.

В нашем объяснении недостает целого ряда основополагающих характеристик. С одной стороны, эти правила предполагают, что дискурс полностью эксплицитен, то есть что **он** выражает все пропозиции, служащие условиями интерпретации последующих предложений. Однако хорошо известно, что дискурс в естественном языке не всегда бывает эксплицитным. Многие пропозиции могут быть не выражены, поскольку говорящий может считать, что они известны слушающему или же могут быть выведены им. Так же, как и при установлении локальной связности, эти правила предполагают, что ряд пропозиций может находиться в базе знаний пользователя языка. Таким образом, эта база **знаний — К — указывает**, когда пропозиция служит условием интерпретации для других пропозиций. По отношению к правилу **ОБОБЩЕНИЯ К** уточняет, когда понятие является понятием более высокого уровня по отношению к другим понятиям. Аналогично, **К** конкретизирует, когда из всей последовательности пропозиций выводится пропозиция более высокого уровня, как требуется правилом **ПОСТРОЕНИЯ**. Из последовательности „Х едет в аэропорт“, „Х проходит регистрацию“, „Х ожидает посадку...“ при наличии соответствующих знаний о мире в виде фреймов или сценариев выводится макропропозиция „Х собирается лететь самолетом“. Обычно в дискурсе выражаются только некоторые из пропозиций такой **последовательности**, и таким образом для выведения данной макропропозиции требуется **дополни-**

тельная пропозиция из *К*. Следовательно, макропропозиции выводятся из последовательностей пропозиций, относящихся к знаниям о мире пользователей языка.

2. МАКРОСТРУКТУРЫ И ПОНИМАНИЕ ДИСКУРСА

Если теоретическое объяснение макроструктур, данное в предыдущем разделе, может быть приемлемо в лингвистической семантике, то для когнитивной модели понимания оно недостаточно. Хотя когнитивное понятие знания и оказалось необходимым в этом объяснении, когнитивная модель должна быть намного сложнее. В добавление или вместо уже приведенных правил нам потребуются по крайней мере еще и такие:

1. Определение реальных *процессов*, с помощью которых из предложений дискурса выводятся макроструктуры.
2. Детализация *стратегий*, применяемых для эффективной обработки больших объемов информации, участвующей в ряде случаев в таких процессах.
3. Экспликация различных типов информации, используемой этими стратегиями, которые далее мы будем называть *макростратегиями*.
4. Детализация ограничений *памяти* на макростратегии.
5. Характеристика способов *репрезентаций* семантических макроструктур в памяти и их отношение к другим **дискурсным** или эпизодическим репрезентациям.
6. Рассмотрение типов *знаний* и стратегий, необходимых для применения макроправил и стратегий.
7. Объяснение роли макроструктур и макростратегий в когнитивной модели *локальной связности*.
8. Объяснение роли макростратегий и макроструктур в понимании *суперструктур*.
9. Рассмотрение значимости макроструктур в процессах *припоминания* и **(вос)производства** дискурса.
10. Рассмотрение роли макроструктур в выполнении целого ряда *задач, связанных с дискурсом*, таких, как резюмирование, ответы на вопросы, решение проблем, обучение (например, образование или преобразование знаний, а также убеждений, мнений и установок).

Некоторые из **этих** специфически когнитивных характеристик были включены в нашу прежнюю модель дискурса (*Kintsch, van Dijk, 1978*). Несмотря **на то, что** объ-

яснение, данное макроструктурам в той модели, было преимущественно статичным или структурным, в нем сохранились по крайней мере некоторые экспериментально подтвержденные идеи относительно **организации** дискурса в эпизодической памяти и связанных с этим основных характеристик таких процессов, как поиск и извлечение информации из памяти, резюмирование. Однако прежней модели недоставало динамического или стратегического подхода при рассмотрении определенных процессов, посредством **которых** из дискурса и знаний выводится макроструктура. Аналогичным образом не были систематизированы различные текстовые и контекстуальные ключи, используемые слушающим в реализации этих стратегий. И, **наконец**, структурное описание понимания на макроуровне, приводимое в прежней модели, едва ли могло правильно объяснить, **как** различия в задачах, целях или интересах индивида влияют на образование макроструктур.

Последнее положение требует комментария. Лингвистическая семантика обычно исходит из гипотезы, в соответствии с которой значение выражений должно быть конкретизировано независимо от контекстных или личностных параметров, которые ранее относили к **психо-** и социолингвистике. Считалось поэтому, что для данной языковой общности в определенный период времени значение **слов** и предложений является более или менее **абстрактной**, постоянной или, по крайней мере, независимой от межличностных особенностей концептуальной структурой, характеризующей систему языка в противовес ее использованию. Глобальные значения дискурса, **определяемые** в терминах семантических макроструктур, **также** наделялись таким абстрактным, неизменяемым характером: однозначному тексту приписывалась одна макроструктура. Такое допущение неприемлемо для когнитивной модели употребления языка: действительное понимание дискурса зависит от изменяющихся когнитивных характеристик пользователей языка и от контекста. **Другими** словами, в зависимости от различных стратегий интерпретации, различных знаний, убеждений, мнений, установок, интересов или целей, каждый пользователь языка приписывает дискурсу свою макроструктуру. Разные читатели выделяют неодинаковые значения в качестве основных, важных или представляющих интерес, а также наделяют дискурс различными темами и основным содержанием. Теперь это кажется очевидным, однако психология вслед за языкознанием долгое время стремилась **уста-**

новить более абстрактные и общие модели понимания языка. И с методологической точки зрения это вполне понятно: в рамках когнитивной модели не детализируется, как Джон или Мэри понимают дискурс, ее **задача** — сформулировать общие принципы. Аналогично, успешная вербальная коммуникация возможна, если только пользователи языка обладают общими значениями и знаниями. Следовательно, адекватная когнитивная модель макроструктур должна специфицировать общие принципы, соблюдаемые всеми пользователями языка при восприятии общих значений дискурса. Она должна также показать, как индивидуальные различия предполагают достаточный объем общей информации для обеспечения успешности коммуникации. Какова бы ни была когнитивная среда пользователя языка, он не может приписывать дискурсу совершенно произвольные или несопоставимые структуры. Намерения говорящего, **выраженные** текстом или на каких-либо других **основаниях** резонно приписанные слушающим говорящему, безусловно, играют определяющую роль в выведении макроструктур.

2. 1. Лингвистическая и когнитивная реальность макроструктур

До сих пор считалось, что макроструктуры являются структурами дискурса в таком же смысле, в каком в лингвистике и психологии обычно говорят о значении слов или предложений. Для когнитивной модели такое объяснение не является полным. Для нее более приемлемо объяснение значения, которое пользователи языка *приписывают* дискурсу в процессе понимания или интерпретации. Но, строго говоря, это относится и к **морфологическим** и синтаксическим структурам, когда они приписываются фонетическому ряду высказывания. Следовательно, фонологические, морфологические, синтаксические и семантические структуры, приписанные предложению или дискурсу посредством абстрактных правил или когнитивных операций, являются, как в стенографии, структурами, ассоциируемыми с этим предложением или дискурсом. Не имеет смысла делать исключение для глобальных значений, которые мы объясняем с помощью семантических макроструктур.

Единственно возможным аргументом против этого допущения могло бы служить то, что **макроструктуры** — если они вообще **существуют** — **только** выводятся из дискурса и, следовательно, относятся не к репрезентации

значения дискурса, а в лучшем **случае** — к его когнитивной модели. Этот аргумент опирался бы на то, что в отличие от значения слов или предложений макроструктуры не выражаются непосредственно предложениями дискурса **и**, значит, не могут быть частью его лингвистического значения. Однако это рассуждение является неверным не только для когнитивной модели понимания дискурса, но даже и для лингвистической семантики (если все еще имеет смысл проводить различие между ними). Прежде всего, макроструктуры часто **непосредственно** выражены в самом дискурсе, например в заглавиях, в предложениях, выражающих тему, и в словах или в резюме. Во-вторых, наличие макроструктур в значении дискурса часто сигнализируется другими способами: местоимения, связки, наречия, тема-рематическое членение, порядок слов и т. п. часто пресуппонируют предшествующие невыраженные макропропозиции и их элементы (макропредикаты и макроаргументы) и не могут быть объяснены лишь в терминах значений предшествующих предложений. В-третьих, локальная связность дискурса, установленная между соседними предложениями, не может получить полного объяснения только в терминах локальных связей между пропозициями: для установления некоторой формы глобальной организации и контроля необходимы значения более высокого уровня. **И**, наконец, нет серьезных оснований, чтобы оставлять за пределами лингвистики или когнитивной семантики такие эмпирически значимые понятия, как топик, тема, общий смысл, основное содержание.

Конечно, этот довод не предполагает произвольного расширения границ лингвистической или когнитивной семантики. Следовательно, мы не утверждаем, что, например, любая ассоциация, возникающая у индивида при понимании дискурса, стала бы частью его значения, так же как мы бы не отнесли большие объемы знаний, **пресуппозированные** или подразумеваемые значением текста, к семантической репрезентации этого текста. Хотя мы и не считаем оправданным четкое определение границ лингвистической семантики, мы условно полагаем, что значения дискурса должны быть выражены или сигнализированы, **прямо** или косвенно, поверхностными структурами текста. Семантические макроструктуры сигнализируются непосредственно тематическими предложениями или **словами**, связками, местоимениями и т. д., или же они **выражаются** косвенным образом последовательностями **предложений**.

Для когнитивной модели такие методологические вопросы, возможно, менее значимы, так как значения строятся из различных единиц знания, то есть когнитивных структур. Другими словами, понимание **дискурса** — это процесс построения вывода на всех **уровнях** — как на уровне значения слова, фразы, предложения, так и на более глобальном уровне макроструктур. Как писал Слобин (цитируется по Bates and **MacWhinney**, 1982:187): «Язык порождает мысли, но не представляет их». С этой точки зрения макроструктура дискурса является концептуальным глобальным значением, которое ему приписывается. Это приписывание в свою очередь основывается как на выраженной в тексте поверхностной структуре и структурах значения, с одной стороны, так и на различных знаниях или каких-либо иных когнитивных структурах, с другой.

2. 2. Макроструктуры как организующее средство

Семантические макроструктуры дискурса в когнитивной модели предназначены не только для объяснения таких понятий, как тема, основное содержание, или для выявления аспектов глобальной связности; они предназначены и для более важных когнитивных целей. **Макроправила** — это и правила редукции информации, и правила ее организации. Большие последовательности сложных семантических структур, таких, как предложения, изображения, пейзажи, сцены или действия, не могут быть должным образом обработаны без обращения к каким-либо структурам более высокого уровня. В процессе понимания текста мы не имеем доступа ко всем уже прочитанным предложениям. То же относится и к нашему пониманию повседневных событий и действий, многочисленные детали которых могут быть восстановлены по памяти только частично. Однако, если большие последовательности семантических структур такого рода могут быть сведены с помощью макроправил в несколько иерархически организованных макропропозиций и если такие макроструктуры являются достаточной базой для дальнейшего понимания дискурса, событий или действий, тогда может быть выполнена исключительно сложная задача упорядочивания огромного количества семантических данных. Это значит, что у нас есть: а) общий семантический базис для связи (иногда на первый взгляд кажущихся несвязанными) последовательностей пропозиций; б) относительно **про-**

стая семантическая структура, которая может находиться в кратковременной памяти; в) средство для иерархической организации последовательностей пропозиций в эпизодической памяти; г) важный ключ активации знаний для больших по объему фрагментов дискурса, событий или действий; д) действенные ключи повторной активации необходимых семантических данных; е) эксплицитная конструкция, определяющая основные, наиболее важные семантические характеристики дискурса или эпизода. Эта информация необходима для решения дальнейших когнитивных задач (приобретения знаний, припоминания, планирования действий), а также для управления и контроля над обработкой последующего дискурса.

Макроструктуры в процессе понимания **дискурса** — это далеко не роскошь; без них нельзя было бы решить эти сложные задачи. Удивительно поэтому, что, хотя некоторые типы макроструктур использовались в различных моделях понимания дискурса (Bower, 1974; Cirilo, 1981; Cirilo and Foss, 1980; Reder and Anderson, 1980; Lehnert, 1980a; Schank and Lehnert, 1979; Vipond, 1980; Graesser, 1981), все еще есть модели, базирующиеся только на локальной линейной связности. Отметим также, что макроструктуры не могут быть просто заменены иерархическими структурами знаний, такими, как фреймы или сценарии. Последние действительно представляют собой структуры знаний и имеют общую и иногда стереотипную природу, в то время как **макроструктуры** являются структурами самого дискурса и часто единственны в своем роде. Таким образом, хотя макроструктуры и образуются с помощью иерархических структур знаний, их ни в коем случае нельзя идентифицировать с ними. Только понятия, определяющие макропропозицию, выводятся с помощью знаний о мире. **Мы** знаем, что поездка в аэропорт, регистрация, посадка и т. д., взятые вместе, являются понятиями, которые могут быть **организованы** на более высоком уровне в такое понятие, как „лететь самолетом“. Мы знаем также, что собаки, кошки и **канарейки** — это домашние животные. И, наконец, мы знаем, что многие характеристики или **действия**, являющиеся частью нашего повседневного поведения, служат просто подготовительными или составными деталями более важных состояний, событий или действий. Решающим аспектом комплексного процесса понимания является таким образом образование понятий более высокого уровня, их организация и редукция. Это

означает, что коммуникативные или интеракционные цели дискурса или последовательности действий могут планироваться и быть понятными не просто в терминах окончательных результатов или конечных состояний, то есть локально как цели конечных предложений или действий, а только как цели пропозиций, речевых актов и действий более высокого уровня. Иначе говоря, макроструктуры не могут быть заменены каким-либо другим понятием, например понятием цели, которое часто используется в объяснениях действия или **акционального** дискурса и понимания рассказов. В этом случае могли бы подойти такие понятия, как глобальные намерения, цели или планы, но они определяются в терминах макроструктур. После этих более или менее общих предварительных замечаний и методологических предостережений мы можем приступить к рассмотрению вопроса о том, как пользователи языка выводят макроструктуры.

3. КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ МАКРОСТРУКТУРЫ

3. 1. Возможные темы и типы дискурсов

В связи с первостепенной важностью, придаваемой **выведению** макроструктур при обработке сложной информации, пользователям языка крайне необходимо сделать правильные предположения относительно того, о чем повествует фрагмент дискурса. Для вывода макропропозиции ими используются эффективные **стратегии**. В отличие от макроправил, радиус действия которых распространяется на целые последовательности пропозиций, для **подобных стратегий** достаточно всего нескольких „ключей”, **чтобы** выработать гипотезы с большей силой предсказуемости. Это становится возможным только тогда, когда для выработки таких гипотез используется вся значимая **информация** — не только текстовая, но и контекстуальная, а также большое количество знаний о мире. Как только в результате анализа, направленного „снизу вверх”, эта **гипотеза** — **макропропозиция** — **выведена**, она может **использоваться** при понимании последующих предложений „сверху вниз”, что, конечно, позволяет проверить ее правильность.

Построить гипотезы относительно дальнейшего хода событий с одинаковой точностью для всех дискурсов невозможно. Но даже если отдельные предложения нельзя предсказать детально, темы многих дискурсов более или

менее стереотипны. Поскольку в событиях и действиях очень много повторяющихся черт, то этими чертами на **макроструктурном** уровне будут наделены и сообщающие о них дискурсы. Таким образом, в новостях мы можем ожидать, что если русские поступают таким-то и таким-то образом, то американцы будут действовать так-то и так-то (Carbone 11, 1978). Иначе говоря, при наличии информации на определенную тему мы можем предсказать, что случится дальше. Это справедливо и для ненаучной **литературы** (романтических историй, детективов и т. д.) и даже **для** сообщений по психологии. Другими словами, наше знание об условиях и следствиях в реальном мире часто **служит** для нас **базой** формирования контекстных **ожиданий** относительно дальнейшего хода повествования в дискурсе. **Понятно**, что некоторые **типы** дискурсов могут изображать свой особый мир, не всегда подобный **реальному** миру: в повествовании мы можем ожидать счастливый конец, даже если в жизни мы думаем иначе.

С другой стороны, не все типы дискурсов можно предсказать таким образом. По понятным прагматическим причинам **большая** часть сообщаемой информации **должна** по крайней мере быть новой, то есть дискурс часто повествует о непредсказуемом или неожиданном. В бытовых рассказах **и** новостях обычно говорится о смешном, опасном или интересных в каких-либо еще отношениях **действиях** или **событиях**. Статья по психологии или учебник должны содержать информацию, которую мы прежде **не знали** и не можем сразу предсказать. Конечно, бывают **и** промежуточные случаи: при наличии сообщения о неожиданном **событии** или действии мы можем на **основании** **нашего** знания о мире сформировать контекстные ожидания о вероятном ходе событий.

Таким образом, **один** тип макростратегии основывается на **нашем** знании о мире. Поскольку дискурс повествует о реальных или вымышленных мирах, относительно которых мы уже обладаем большим количеством знаний и убеждений, то мы знаем, что ожидать дальше.

Другой набор стратегий касается наших знаний **относительно** определенных типов дискурса. Мы имеем **представление** о том, какие действия или события **описываются** обычно в дискурсах разных жанров: в новостях мы ожидаем сообщений о политических событиях и **действиях** или еще каких-либо важных событиях, например **бедствиях**, но не о банальных, неинтересных **повседневных** действиях или событиях. Поэтому, как **представля-**

ется, большая часть типов дискурса имеет ограничения на диапазон возможных тем, который мы можем назвать *тематическим репертуаром* определенного типа дискурса. Понятно, что границы этого репертуара четко не определены, они зависят от интересов, ценностей и социокультурных норм. Что интересно и заслуживает внимания сегодня и здесь, не всегда будет таким завтра и в других местах.

Тематические **репертуары** ограничиваются не только типом дискурса. Они также могут быть связаны с определенной культурой или **подкультурой**, коммуникативным контекстом или ситуацией, с ролями, функциями или положением членов общества и, наконец, с возрастными, половыми и личностными особенностями говорящих. У каждой культуры свои значимые события и действия: мы и жители какой-либо африканской деревни говорим и пишем о разных вещах. Таким же образом, в зависимости от того, где мы **находимся** — за завтраком, в ресторане, в трамвае, суде или учебной аудитории среди лингвистов, — **мы**, как правило, говорим на разные темы. О разном мы говорим с друзьями и с незнакомцами, с врагами и полицейскими, с детьми и взрослыми, с мужчинами и женщинами.

Все это достаточно очевидно. Но по непонятным причинам в систематических исследованиях по лингвистике, социологии или антропологии все еще существует пробел относительно этих тематических **репертуаров**. У нас, конечно, есть правильные интуитивные представления относительно различных тем, которые могут быть затронуты во время вечеринки или в разговоре с незнакомцем в автобусе, но мало известно об ограничениях и правилах отбора, ввода, сохранения или смены темы, о подробностях их деталей, протяженности и т.д. В классической поэтике и риторике уделялось внимание *loci communes*, т.е. стереотипным **темам** — как в литературе, так и в публичных речах (**Curtius**, 1948). Мы также знаем, что существует много **тем** — как универсальных (смерть, любовь и т.д.), так и специфических, характерных для литературы данной культуры (Фауст, Дон Жуан). Но о повседневных темах, используемых в различных ситуациях с разными людьми, мы знаем недостаточно. Существует, например, стереотипное представление, что в неформальном **общении** некоторые мужчины обычно говорят о женщинах, спортивных машинах, делах, налогообложении и т.д. Также хорошо известно, что в каждой культуре есть свои табу на

определенные темы: в нашей культуре основным из таких табу является секс, по крайней мере в ситуациях с мало-знакомыми **людьми**.

Дискурс — это существенная составляющая социокультурного взаимодействия, характерные черты которого — **интересы**, цели и стили. Изменения и ограничения находят свое проявление в дискурсе в виде определенных тематических **репертуаров**. Для нашего обсуждения это значит, что пользователи языка могут формировать гипотезы относительно того, что будет или может быть сказано, кем и в **какой** ситуации, по крайней мере в общем, то есть на уровне макроструктур. Действие этих ограничений настолько сильно, **что** нас редко удивляет выбор тем в соответствующих ситуациях. И если незнакомец в автобусе начнет нам неожиданно рассказывать о своей интимной жизни или проблемах, связанных с подоходным **налогом**, мы почувствуем себя крайне неловко. Если в подобной ситуации вообще возможен разговор, он должен затрагивать в основном темы, связанные с поездкой в автобусе, и, возможно, стереотипные вопросы (погода), важные события (убийство в городе) или другие темы общественной значимости, и только затем разговор может быть обращен **Хличным темам** — **главным** образом к поведению и **внешности**. Как видно из этого примера, репертуар тем упорядочен, существует определенная иерархия тем, определяемая в терминах вероятности или приемлемости. Степень вероятности оказывает влияние на наши ожидания относительно возможных тем в каком-либо дискурсе и, **следовательно**, на вывод гипотетической макропропозиции еще **ДО** начала дискурса или его фрагмента.

Рассмотренные нами неформально стратегии или **этапы** стратегий, базирующиеся на различных типах **информации**, могут быть названы **контекстуальными**. Это значит, что даже при отсутствии конкретной информации, получаемой из самого дискурса, пользователи языка устанавливают по крайней мере **репертуары** тем для каждой коммуникативной ситуации. Эти тематические репертуары в свою очередь ограничиваются культурными нормами, социальной ситуацией, спецификой **коммуникативного** события или речевого акта, различными социальными **параметрами** (ролями, положением, статусом, половыми, **возрастными**) и другими особенностями говорящего и, наконец, личностными **характеристиками** — **целями**, интересами, планами и самой личностью говорящего.

Имея четкие представления о типах информации,

используемой контекстуальными макростратегиями, мы до сих пор еще не располагаем сведениями об их точных формах, упорядоченности и других когнитивных ограничениях. Хотя мы не можем здесь это рассматривать, очевидно, что в самом широком смысле выбор возможных тем дискурса зависит от организации наших общекультурных знаний. У нас, возможно, также нет и готовых списков тем разговоров в автобусе, на вечеринке или за завтраком, поскольку **количество** таких списков и их **большой** объем сделали бы невозможным их практическое и, следовательно, стратегическое применение в большинстве ситуаций. Неясно также, каким образом мы узнаем о том, что та или иная тема неприемлема в определенной коммуникативной ситуации. Не представляется также возможным составить список тем, не употребляемых в тех или иных ситуациях, за исключением краткого списка табу.

Поэтому при рассмотрении контекстуальных стратегий нам следует начать с более конкретного **уровня** — социокультурной и коммуникативной ситуации. Эти ситуации довольно хорошо детерминируются типами социального контекста и типами **действующих** лиц, их возможным взаимодействием, а также местом и совокупностью объектов. Следовательно, наиболее вероятные темы для таких **ситуаций** — те, которые относятся к типичным событиям и характерным взаимодействиям. В некоторых случаях такие темы обязательны: в учебной аудитории, в суде или при посещении врача нам приходится говорить об одних вещах и запрещается говорить о других. Чтение лекции или дача свидетельских показаний уже по своей сути ограничивают **репертуары** возможных тем. Кроме типичных объектов или событий, которые могут характеризовать эти ситуации и потому фигурировать в качестве возможных тем, на выбор тех или иных тем влияют также цели, интересы, мнения или установки участников коммуникативного взаимодействия.

В свете вышесказанного попытаемся систематизировать различные блоки контекстуальной информации, используемой для определения возможных тем дискурса или его фрагментов (см. табл. 1). Этот список будет более **или** менее упорядоченным, но в зависимости от коммуникативного контекста пользователь языка может попросту перескочить через наиболее общие культурные уровни. Информация, представленная в таблице 1, предопределяет возможные или невозможные темы для говорящих.

Таблица 1. Контекстуальная информация для макростратегий.

1. *Общекультурные знания*
 - а) обычные для данной группы виды деятельности и цели
 - б) характерные события или действия (напр., ритуалы)
 - в) специфические биофизические обстоятельства (напр., климат, ландшафт, животные, растения)
 - г) конкретные объекты (напр., **промышленные инструменты**)
2. *Социокультурная ситуация* (компонент 1)
 - а) типы ситуаций (напр., завтрак, поездка в автобусе, визит, судебное разбирательство, бракосочетание)
 - б) категории участников
 - (i) функции (водитель автобуса, судья, врач)
 - (ii) роли (мать, друг)
 - (iii) социальные характеристики (половые, возрастные и т.д.)
 - (iv) индивидуальные характеристики (характер, интересы, цели)
 - в) типичные события и взаимодействия (помогать, консультировать, платить)
 - г) конвенции (законы, правила, привычки)
3. *Коммуникативные ситуации* (компонент 2)
 - а) общие цели коммуникативного взаимодействия
 - б) глобальные и локальные речевые акты
 - в) актуальный **референциальный** контекст (присутствие людей, объектов).

Чтобы понять дискурс, слушающий или читающий должен быть способен вычленять на базе или общих знаний о **мире** — как в (1) и (2) — или анализа текущего **контекста** — как в (3) — такие ориентированные на говорящего контексты или ситуации. Если говорящий и слушающий не обладают общими знаниями о мире, понимание не **может** быть полным. На глобальном уровне это означает, что, хотя могут быть поняты отдельные предложения, слушающий может не понять, о чем повествует весь дискурс в целом: без привлечения общего, более высокого уровня не могут **быть** образованы макропропозиции. Аналогичный случай возникает, когда какое-либо событие, действие или ситуация социокультурного уровня, **предсуппозитруемые** говорящим, неизвестны слушающему.

3. 2. Стратегия ввода темы

Как можно видеть из табл. 1, дискурсы и их темы не появляются из ниоткуда. Предполагается, что пользователи языка всегда активны как члены общества и как личности при глобальной и локальной интерпретации их окружения. Они производят категоризацию тех ситуаций и **взаимодействий**, свидетелями или участниками которых они являются. Таким образом, дискурсы **рассматривают-**

ся прежде всего как функциональные части коммуникативных и более общих общественных и культурных целей социальных групп или отдельных личностей. Темы, выбираемые для таких дискурсов, обычно отражают эту функциональную роль как в семантическом, так и в прагматическом плане. Пользователю языка при интерпретации дискурса не обязательно учитывать всю информацию, обобщенную в табл. 1, или осуществлять сложные поиски в области культурных или социальных знаний или убеждений: в момент коммуникации у воспринимающего обычно уже есть некоторое представление о глобальном или локальном контексте. Например, находясь в банке, мы не приступаем к построению контекста после того, как к нам обратился кассир. Мы уже знаем, где и среди каких людей мы находимся, какие действия мы можем или должны выполнять, а также то, что соответствующие взаимодействия будут осуществляться в рамках стереотипного сценария (например, погашение чека). В этой ситуации просьба показать документ, удостоверяющий вашу личность, не прозвучит совсем неожиданно, его можно частично предвидеть, исходя из общего сценария, а также из предшествующих действий (если мы уже предъявили свое **удостоверение**, мы не ожидаем, что эта тема возникнет вновь). Таким образом, пользователь языка как член общества в целом уже обладает некоторой репрезентацией структур, упомянутых в (1) и (2) в табл. 1, а иногда также частично и в (3), особенно если (3) включает коммуникативные взаимодействия, которые являются стереотипными в данном социокультурном контексте (посещение банка).

В выборе тематических **репертуаров** существует определенная степень свободы или необходимости. Неформальный, **дружеский**, личный, неинституционализованный дискурс, например разговор или переписка друзей, практически свободен от ограничений, налагаемых на выбор темы: любой говорящий может ввести любую тему при соблюдении локальной связности разговора и правил смены темы. С другой стороны, тематический репертуар в классе, в суде, у врача или в церкви более или менее упорядочен или даже строго фиксирован.

Ввод темы регулируют два типа ограничений: во-первых, темы могут быть предопределены социокультурной ситуацией и коммуникативным контекстом говорящего и слушающего, как в приведенных выше примерах. Другим ограничителем служит среда и тип дискурса: рас-

сказы, новости в газетах или по телевидению, романы могут повествовать о разном, но у них есть один общий **ограничитель — события** должны представлять интерес для тех, кому они сообщаются.

Таким образом, чрезвычайно насыщенная контекстуальная информация, подвергаемая обработке с целью выведения тем, уместных в той или иной ситуации, сводится в конечном счете к разумным размерам: у слушающего уже есть репрезентация контекста в эпизодической памяти и ему остается лишь конкретизировать цели коммуникативного взаимодействия. На этом основании он строит свои гипотезы относительно возможных речевых актов и, следовательно, о глобальных темах, а также о типах конкретных дискурсов. В иерархическом наборе тем первые места обычно занимают темы, predeterminedенные ситуацией коммуникативного взаимодействия. Референциальная свобода в рамках данного взаимодействия или типа речевого акта ограничена, как правило, представлениями об интересах говорящего (или представлениями говорящего относительно интересов слушающего), степени близости, недавних действий или событий.

Хотя эти соображения относятся, собственно, к социологии или социальной психологии, когнитивная теория понимания дискурса должна включать модель пользователей языка в рамках социокультурной и коммуникативной ситуации. Из нее, в свою очередь, могут быть выведены ограничения на возможные потери тем. Стратегии, которые мы сейчас формально обсудили, можно свести к следующему:

***Контекстуальная макростратегия I:* ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ОБЩЕГО КОНТЕКСТА.**

Ограничивайте поиск семантической информации общим культурным контекстом говорящего.

***Контекстуальная макростратегия II:* ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ТЕКУЩЕЙ СИТУАЦИИ.**

Ограничивайте поиск темы общими характеристиками текущей ситуации.

***Контекстуальная макростратегия III:* ЗАВИСИМОСТЬ ОТ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.**

Определите, какие темы непосредственно задействованы в осуществлении коммуникативных и прагматических целей говорящего.

***Контекстуальная макростратегия IV:* ТИП ДИСКУРСА.**

Определите, какие темы возможны для типа/типов дискурса, характерных для рассматриваемого коммуникативного контекста.

Контекстуальная макростратегия V: СВОБОДА РЕФЕРЕНЦИИ.

С учетом I—IV определите, какие объекты или события могут обсуждаться и кем при данном речевом акте и типе дискурса.

Эти стратегии были сформулированы в самом общем виде. Стратегия V, возможно, поверхностна, как кажется из I—IV. Однако она предназначена конкретизировать темы, еще не детализированные предшествующими стратегиями. Таким образом, стратегия V ограничивает возможный репертуар тем, например, в бытовом разговоре или в рассказе, в зависимости от социальных или личностных характеристик говорящего или отношений между говорящим и слушающим.

Контекстуальные стратегии не действуют изолированно. Они обсуждались нами с целью показать, что дискурс и, следовательно, темы дискурса зависят в большой степени от характеристик глобального или локального контекста. Именно дискурс предопределяет окончательные решения относительно текущих тем, а, значит, также и относительно необходимого соответствия между текстом и контекстом.

4. ТЕКСТОВЫЕ МАКРОСТРАТЕГИИ

В то время как контекстуальные макростратегии формируют контекстные ожидания в отношении возможных тем дискурса, различные характеристики самого текста дают основания для выведения текущей темы. Конечно, контекстные и текстовые стратегии действуют параллельно. Если контекстуальная стратегия выявляет очень конкретно тему, как в случае стереотипных ситуаций, то задача текстовых стратегий обычно значительно легче. Эта зависимость может быть даже такой сильной, что если текст и контекст не совпадают в тематическом плане, то слушающий может неправильно понять текущую тему дискурса.

4.1. Структурные сигналы

Чтобы понять текстовые стратегии пользователей языка в формировании темы как при построении, так

и при восприятии дискурса, нам следует вновь обратиться к природе семантических макроструктур. Они состоят из макропропозиций довольно высокого уровня, выведенных из пропозиций, содержащихся в тексте, а также из фоновых знаний о мире. Следовательно, макропропозиции в принципе не обязательно должны непосредственно быть выраженными в поверхностной структуре текста. Они должны быть выведены из семантической интерпретации слов, фраз, предложений или последовательностей предложений. Основная стратегия должна быть сформулирована в виде семантического вывода. Однако, чтобы облегчить построение такого вывода слушающим, дискурс, как правило, сигнализирует о предполагаемых макроструктурах. Поскольку пользователи языка привносят обычно различные знания, убеждения и т. д. в процесс интерпретации, то, вероятно, они могут вывести и различные макроструктуры. Для ограничения этого типа личностных вариаций, возникающих в ходе интерпретации, говорящие используют специальные средства. Одним из них служит эксплицитное выражение в самом дискурсе его основной темы, то есть макропропозиции. Тематические выражения могут встречаться в различных местах дискурса, но предпочтительно в его начале или в конце или же в начале и в конце соответствующих эпизодов и абзацев.

Тематические выражения имеют особые поверхностные структуры: обычно они не только предшествуют или следуют за дискурсом, встречаются в начале или в конце абзацев, но и выражаются отдельными предложениями, выделяются курсивом или отделяются от других выражений паузами. Выделение тематических выражений может быть весьма эффективным: было показано, например, что дети, не умеющие успешно использовать тематические выражения для именованя отрывков текста, легко справились с этим заданием в тех случаях, когда тематические выражения графически выделялись (см. Williams, Taylor and Ganger, 1981). Тематические выражения могут иметь различную протяженность: от последовательностей предложений до отдельных предложений, фраз или слов. **Так**, начальное или заключительное резюме в газетных новостях обычно состоит из последовательности предложений; в то время как заглавия состоят из одной предикативной синтагмы или фразы, а подзаголовки — из одной фразы или одного слова. Наконец, чтобы помочь читателю вывести макропропозиции для предшествующих или последующих фрагментов дискурса, даже

в рамках нетематических предложений используются тематические ключевые слова.

Расположение тематических выражений в начале или в конце дискурса или абзаца зависит от их семантических функций. В первом случае они помогают слушающему сформировать гипотезу относительно темы дискурса или эпизода с тем, чтобы последующие предложения могли быть интерпретированы по отношению к этой макропропозиции сверху вниз. Во втором случае тематические выражения служат для проверки, припоминания и коррекции уже выведенных слушающим макропропозиций. При этом в процессе выведения темы слушающий имеет не только уже иерархически организованную, но и поступающую новую **информацию**.

Между заранее спланированным письменным дискурсом и спонтанным устным дискурсом существуют различия в употреблении тематических выражений. В то время как в письменном дискурсе обычно имеют место заголовки и подзаголовки, в устном дискурсе, как правило, дается указание на различного вида тематические выражения.

Например: „Рассказывал ли я тебе о...“, „Знал ли ты, что...“ (см. Jefferson, 1978; Quasthoff, 1980). В устном дискурсе для выделения важных понятий может использоваться также интонация и ударение. Более того, неоднозначность коммуникативной ситуации обычно уменьшается благодаря наличию такой контекстуальной информации, как жесты и другие **паратекстовые** сигналы, а также устанавливающемуся взаимопониманию в данной коммуникативной ситуации. Наконец, темы в устном дискурсе менее сложны, особенно в незапланированном разговоре, и короче, чем в письменном дискурсе. В более длинных формах устного дискурса, особенно в монологах, например в лекциях или в публичных выступлениях, прослеживаются особенности письменного дискурса, объявленные заранее темы, резюме и т. д. Типы обсуждавшихся здесь языковых структур не всегда полностью выражают целые макропропозиции, не говоря уже о целых макроструктурах. В общем, только резюме обычно представляют макроструктуры, тогда как заглавия иногда выражают только ту макропропозицию, которая занимает в иерархии самое высокое место.

Другие выражения могут относиться не ко всей макропропозиции, а лишь к ее основным понятиям. Результатом применения такой стратегии является не **макропропозиция**, а лишь ее фрагмент. Тематические выражения, дей-

ствительно, имеют в этом отношении двойную функцию. С одной стороны, они содержат понятия, из которых могут строиться макропропозиции, а с **другой** — **являются** вводной информацией для стратегий использования знаний. Так, тематические выражения активизируют области знаний, фреймы или сценарии, необходимые для понимания последующих предложений и для применения макроправил.

4.2. Синтаксические стратегии

Сигнализация синтаксическими средствами используется прежде всего для указания локальной значимости и лишь затем как средство обозначения глобальной значимости. Таким образом, вычленение в предложении фокуса или тема-рематической структуры **топик** — **комментарий** является не столько выражением глобальной значимости, сколько механизмом, управляемым правилами соединения и распределения информации между предложениями дискурса. Как и в случае фонетического ударения, синтаксическая сигнализация часто базируется на контрасте. В частности, расщепленные предложения являются предпочтительным синтаксическим средством привлечения внимания к информации, выводящей за рамки нормы, то есть к локально значимой информации. В **аналогичных** целях могут использоваться **топикализация** и пассив. Другим типичным средством выделения информации служит система придаточных предложений, особенно различия между главным и придаточными предложениями. Иерархическая структура предложения, так же как и другие упомянутые средства, указывает на распределение информации. Так, например, первая часть предложения является, как правило, пресуппозицией, и поэтому большая значимость придается его заключительной части, то есть утверждению. Тем не менее нельзя отождествлять значимость с новой информацией, или, иначе говоря, с утверждением или фокусом. Как правило, в английском языке новая или фокусированная информация располагается в конечной ударной позиции, а отклонения от этого условия могут быть использованы для выражения контраста, нарушения контекстных ожиданий и, следовательно, для обозначения локальной значимости.

Однако эти функции являются главным образом локальными. Глобальную тематическую значимость синтаксические структуры могут выразить только косвенно,

поскольку для ее выявления требуется учитывать специфику синтаксических построений целого ряда предложений. Так, если „Джон" играет ведущую синтаксическую роль в нескольких предложениях, например, регулярно выступает в них в функции подлежащего и занимает позицию темы, он может затем быть темой и в последующих предложениях. Так формируется стратегическая гипотеза, состоящая в том, что „Джон" является основным действующим лицом в тексте и на этом **основании** — **агнсом** макропропозиции.

4.3. Маркеры смены темы

Тематические выражения относятся как к макроструктурам дискурса в целом, так и к тематически связанным частям дискурса, так называемым эпизодам. Эпизод состоит из последовательности предложений, которой управляет **макропропозиция**. Ряд авторов использует понятие „эпизод" или понятие типа „абзац" как в лингвистике (напр.: Longacre, 1979; Hinds, 1979; van Dijk, 1982b), так и в психологии (Black and Bower, 1980; Haberlandt, Berian and Sandson, 1980). Эпизоды маркируются различными **способами** — в письменном дискурсе они начинаются с красной строки, а в устном отделяются паузами. Кроме этих сигналов поверхностной структуры, при вводе эпизода обычно используются и семантические средства. Поскольку каждый эпизод имеет свою макропропозицию, они могут не совпадать по таким семантическим категориям, как агенс, время, место, возможные миры и т. д. Так, сигналы смены темы, то есть перехода от одной темы к другой, в различных эпизодах являются одним из способов выражения тем дискурса. Приведем примеры маркеров смены темы, вводящих новые эпизоды:

1. Изменение возможного мира: *Х мечтал, делал вид... что...*
2. Изменение времени или периода: *На следующий день..., На следующий год...*
3. Изменение места: *(тем временем) в Амстердаме,...*
4. Ввод новых участников.
5. Вторичный ввод уже известных участников средствами полных именных групп.
6. Изменение перспективы или точки зрения.

7. Различный набор предикатов (смена фрейма или сценария).

Таким образом, общая стратегия такова, что если какое-либо предложение не подходит под текущую макропропозицию, должна быть образована новая макропропозиция.

Макропропозиции различных эпизодов дискурса должны быть надлежащим образом связаны между собой, так же как связаны выраженные предложениями пропозиции. Их связи могут выражаться, например, с помощью **коннективов**, союзов или наречий. Кроме приведенного выше списка маркеров смены эпизодов, существуют еще средства **макросвязи** — **макроконнекторы**, с которых начинаются эпизоды, например, расположенные в начале предложения „но“, „однако“, „напротив“, „более того“ и т. д. Макроконнекторы не только сигнализируют о новых макропропозициях, но также придают необходимую связность всей макроструктуре в целом. Эта структура может быть обычной условной или же функциональной. Последующие эпизоды могут содержать разъяснение, иллюстрацию, сопоставление и т. д. В этом случае они будут иерархически подчинены предшествующему эпизоду.

4.4. Семантические стратегии

Обсуждая маркеры смены темы, которые могут быть использованы для образования новых макропропозиций, мы уже ввели ряд чисто семантических стратегий для вывода макроструктуры. В то время как макропропозиции могут быть выражены непосредственно, макроструктуры могут быть надлежащим образом выведены только из глубинных семантических репрезентаций. Поэтому именно значения слов, фраз и предложений **служат**, как правило, фундаментом при выведении тем.

Признавая особую направляющую роль макропропозиций, следует предположить, что пользователи языка стремятся вывести релевантную макропропозицию из отрывка как можно скорее, хотя они и не всегда могут сделать это. Так, пользователи языка не ждут до тех пор, пока они не поняли локальной связности всей последовательности предложений, а начинают строить макрогипотезы уже после интерпретации одного предложения или части этого предложения. В некоторых случаях частичная

макроинтерпретация может осуществляться уже после одной фразы. Если рассказ начинается предложением: «Джон...», то можно предварительно предположить, что речь пойдет о Джоне, и таким образом у нас уже есть один участник для макропропозиции. Однако вся макропропозиция в целом, то есть топик, или тема, в наших терминах может быть выведена только, когда известна вся пропозиция: возможный мир, время, место и тип предиката (действие, событие) или другие участники и их роли. Если первые части предложения или сами предложения носят довольно общий характер, они могут быть предварительно приняты за тематические. На другом полюсе находятся такие начальные предложения, которые выражают только одну, относительно незначительную деталь последовательности предложений, например: „Был прекрасный день“. Между этими двумя типами начальных предложений находятся предложения, вводящие по крайней мере участников, время и место, и в которых понятие, выраженное предикатом, позволяет сделать предположение относительно типа состояния, действия или события, о котором идет речь, и, следовательно, относительно более глобального состояния, действия или события, которые могут фигурировать в макропропозиции:

- (1) *Джону было интересно знать, где он проведет свои каникулы в этом году.*
- (2) *Мэри уже давно не видела свою бабушку.*
- (3) *Послушай, Гарри, ты свободен сегодня?*

Уже из таких начальных предложений можно получить достаточно информации относительно возможных тем дискурса. Предикаты не только могут быть интерпретированы как состояния, действия или события, но и на основании нашего знания о мире мы **определяем**, какие из этих состояний, действий или событий являются типичными мотивами или условиями их выполнения.

В соответствии со стратегиями установления локальной связности оперативно проводится проверка тождества места, времени и участников. Кореферентная **тождественность** будет первым подтверждением значимости этих категорий для макроструктуры. Для интерпретации предиката последующего предложения стратегия устанавливает возможность его включения в более общий предикат, предварительно выведенный из предиката предшествующего предложения, напр.: „уезжать в отпуск“ в (1). Если предикат еще не может быть выведен на этом этапе,

то два предиката вместе могут дать достаточно информации для вывода макропредиката второго предложения, как, например, „отправиться на **пляж**“ в такой последовательности предложений:

(4) *Сегодня был жаркий день. Они давно не были на пляже...*

Если последовательность **предложений**, которые не могут быть сведены к предварительной макропропозиции, удлиняется, то у слушающего или читающего могут возникнуть трудности в интерпретации. В этом случае может быть установлена только локальная связность, но отнюдь **не макропропозиция**. Строго говоря, результатом может быть частичная интерпретация, и пользователь языка обычно прибегает к стратегии выжидания. Как только интерпретировано предложение, дающее "ключи" к поиску темы, из памяти может быть извлечена не получившая полной интерпретации последовательность пропозиций и **ей — post hoc — может** быть предписана **макроструктурная** роль.

Очевидно, что в любом случае при выводе макропропозиций функция упорядоченных знаний о мире является крайне важной. Если упоминаются состояния, действия или события, являющиеся частью знаний, входящих во фрейм или сценарий, макропропозицию можно будет легко вывести путем семантического наполнения общей пропозиции этого сценария или его части. Но как мы и предполагали ранее, для того чтобы сформировать контекстные ожидания относительно того, какая информация может входить во всю последовательность пропозиций в целом, обычно привлекаются более общие знания о **причинно-следственных** отношениях между событиями, действиями или положениями дел.

4.5. Схематические стратегии

Наконец, при выводе макропропозиций, кроме обсуждаемой до сих пор поверхностной структурной и семантической информации, используется информация схематическая или суперструктурная. Это **происходит прежде** всего потому, что многие схематические структуры, например в повествовании, имеют канонический порядок и, во-вторых, потому, что схематические категории имеют общие семантические ограничения. Если, например, начало рассказа схематически организовано описанием **обста-**

новки, то первая макропропозиция (макропропозиции) может включать обозначение состояния участников, времени, места и мотивов для осуществления **последующих** событий или действий. [...]

ЛИТЕРАТУРА

Bates, **MacWhinney**, 1979 = Bates, E., **MacWhinney**, B. A Functional approach to the acquisition of **grammar**.—In: „Developmental Pragmatics”. (Ochs, E., Schieffelin, B. (eds.)). New York: Academic Press, 1979.

Black, **Bower**, 1980 = Black, J.B., Bower, G.H. Story understanding and problem **solving**.—„Poetics“, 9, 1980, p. 233—250.

Bower, 1974 = Bower, G. H. Selective facilitation and inference in retention of **prose**.—„Journal of Educational Psychology“, 66, 1974, p. 1—8.

Carbonell, 1978 = **Carbonell**, J. G. Politics: Automated ideological **reasoning**.—„Cognitive Science“, 2, 1978, p. 1—15.

Cirilo, **Foss**, 1980 = Cirilo, R. K., Foss, D. J. Text structure and reading time for **sentences**.—„Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior“, 19, 1980, p. 96—109.

Cirilo, 1981 = **Cirilo**, R. K. Referential coherence and text structure in story **comprehension**.—„Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior“, 20, 1981, p. 358—368.

Curtius, 1948 = **Curtius**, E. R. **Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter**. Bern: Francke, 1948.

van **Dijk**, 1972 = van Dijk, T. A. Some Aspects of Text Grammars. The Hague: Mouton, 1972.

van **Dijk**, 1977 = van **Dijk**, T. A. Text and Context. London: Longman, 1977.

van Dijk, 1980 = van Dijk, T. A. (ed). Story **comprehension**.—„Poetics“, 8, 1980 (special triple issue), p. 1—3.

van Dijk, 1982 = van **Dijk**, T. A. Episodes as units of discourse analysis.—In: „Analyzing Discourse: Text and Talk”. (Tannen D. (ed)). Washington, D. C.: Georgetown University Press, 1982.

Graesser, 1981 = **Graesser** A. C. Prose Comprehension Beyond the Word. New York: **Springer—Verlag**, 1981.

Haberlandt, **Berian** and Sandson, 1980 = **Haberlandt** K., **Berian** C., Sandson J. The episode schema in story **processing**.—„Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior“, 19, 1980, p. 635—650.

Hinds, 1979 = **Hinds** J. Organizational patterns in **discourse**.—In: „Syntax and Semantics 12: Discourse and Syntax”. (Givón T. (ed)). New York: Academic Press, 1979.

Jefferson, 1978 = **Jefferson** G. Sequential aspects of story telling in **conversation**.—In: „Studies in the Organization of Conversational Interaction”. (Schenkein J. (ed.)). New York: Academic Press, 1978.

Kintsch, Dijk, 1978 = **Kintsch** W., van **Dijk** T. A. Toward a model of text comprehension and **production**.—„Psychological Review“, 85, 1978, p. 363—394.

Lehnert, 1980 = **Lehnert** W. G. Affect units and narrative summarization (Technical Report, No. 179). Yale University, Department of Computer Science, 1980.

Longacre, 1979 = Longacre R. E. The paragraph as a grammatical **unit**.—In: „Syntax and Semantics 12: Discourse and Syntax” (Givón T. (ed.)). New York: Academic Press, 1979.

Quasthoff, 1980 = Quasthoff U. M. **Erzählen in Gesprächen**. Tübingen: Narr, 1980.

Reder, Anderson, 1980 = Reder L.M., Anderson J.R. A comparison of texts and their summaries: Memorial **consequences**.—, „Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior“, **19**, 1980, p. 121—134.

Schank, **Lehnert**, 1979 = **Schank R.C.**, Lehnert W.G. The conceptual content of **conversation**.—, „Technical Report“, 160. Department of Computer Science, Yale **University**, 1979.

Vipond, 1980 = Vipond D. Micro- and **macroprocesses** in text comprehension.—, „Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior“, **19**, 1980, p. 276—296.

ВВЕДЕНИЕ

Цель этой работы — показать, что модели играют важную роль в обработке как устных, так и письменных речевых сообщений. Хотя термин „модель“ обладает несколькими другими значениями, здесь он будет употребляться исключительно для обозначения специфического вида структурной организации знания в памяти¹. В частности, понятие модели в этой работе соотносится с ролью личного знания о реальных или воображаемых ситуациях в процессе порождения или понимания речи. Чтобы отличить это понятие от других употреблений термина „модель“, мы говорим о *ситуационных моделях*. Как предполагается, такие ситуационные модели являются формой представления личного опыта и, следовательно, составляют часть *эпизодической памяти*. Эпизодическая память — часть долговременной памяти, в которой хранится детальная информация о **каждом** событии или действии — включая вербальные действия, например, такие, как **дискурс**, — прошедшем обработке в кратковременной памяти. Поскольку предполагается, что ситуационные модели находятся в эпизодической памяти, мы иногда называем их *эпизодическими моделями*.

Выражения естественного языка вообще и дискурс, в частности, могут употребляться для того, чтобы указывать на что-либо, обозначать что-либо „в мире“ или в некотором социокультурном контексте. Дискурс дает представление о предметах или людях, об их свойствах и отношениях, о событиях или действиях или об их сложном

* T. A. van Dijk. Episodic models in discourse processing.— In: „Comprehending Oral and Written Language“. New York etc.: Academic Press, 1987, p. 161—196.

сплетении, то есть о некотором фрагменте мира, который мы именуем *ситуацией*. Следовательно, модель представляет собой когнитивный коррелят такой ситуации: это то, что „происходит в уме“ человека, когда он является наблюдателем или участником ситуации, когда он слышит или читает о ней. Следовательно, модель включает личное знание, которым люди располагают относительно подобной ситуации, и это знание представляет собой результат предыдущего опыта, накопленного в столкновениях с ситуациями такого рода. Каждая новая порция информации об определенной ситуации может быть использована для расширения и совершенствования модели, включенной в эпизодическую память. Например, у меня есть модель „субботние покупки“, включающая адреса, магазины, владельцев магазинов, мои действия при покупках и покупаемые вещи. Точно так же у меня есть личная модель „хождение на работу“, включающая движение к определенному университетскому зданию, информацию о форме и месте расположения здания, людях, с которыми я работаю, и о роде моих занятий. Такая информация, содержащаяся в памяти, необходима для того, чтобы **планировать** действия, осуществлять эти действия специфическим образом и понимать, что делают другие в таких ситуациях. В этой работе мы покажем, что и для понимания дискурса эти модели ситуаций имеют **решающее** значение, **поскольку** понимание (и порождение) дискурса **предполагает** не только улавливание его смысла, но и понимание того, о чем это **сообщение**. Из приведенных уже примеров — „покупки“ и „хождение на работу“ — ясно, что модели возникают и трансформируются (обновляются или меняются) применительно к повторяющимся личным действиям или событиям, однако модели, конечно, могут возникать и в связи с уникальными ситуациями, скажем, „дорожное происшествие, в которое я попал в прошлом году во Франции“. Кроме того, модели могут включать знание о ситуациях, имеющее в высшей степени личностный характер, однако часть содержащейся в них информации может разделяться и другими людьми, и даже целой социокультурной группой, как это происходит с моделями значительных политических и исторических событий. Иными словами, наше эпизодическое знание о ситуациях может быть в большей или меньшей степени уникальным или общим, в большей или меньшей степени личным или социальным. Одна из целей этой работы заключается в том, чтобы указать на специфическую роль моделей

в обработке дискурса в отношении к другим (более общим и социальным) видам знания о мире.

Анализ когнитивных моделей такого рода происходит на фоне более общей теории обработки дискурса, как она была разработана, в частности, мной совместно с Вальтером **Кинчем** (van Dijk and **Kintsch**, 1983). Я кратко охарактеризую некоторые основные моменты этой теории, с тем чтобы специфическая роль моделей могла быть объяснена в связи с этой более ранней работой.

В языкознании, философии, логике, **КОГНИТИВНОЙ** психологии и исследованиях по искусственному интеллекту растет интерес к роли моделей в понимании языка и дискурса. Хотя здесь не представляется возможным провести детальный обзор всей этой исследовательской деятельности, мы попытаемся в одном из последующих разделов дать о ней общее представление и одновременно охарактеризовать нашу собственную позицию среди множества разнообразных теорий в этой области.

Итак, основная задача этой **работы** — **представить** ряд взаимосвязанных гипотез о функциях и структурах ситуационных моделей, используемых при обработке дискурса. Некоторые исследователи выявили важную роль моделей, но мы практически не знаем, что представляют собой эти модели. Мы также не имеем детальных сведений о том, как эти модели формируются, трансформируются и реально используются в обработке дискурса.

Если люди формируют модели ситуаций, в которых они участвуют или о которых они читают, представляется вполне очевидным, что они строят и модели коммуникативных ситуаций, участниками которых они являются, порождая или воспринимая речь (или участвуя в речевом общении). Ясно, что такие модели представляют для нас особый интерес, и в связи с этим мы уделим внимание и этой специальной роли контекстных моделей.

И, наконец, ситуационные модели не **должны** оставаться лишь теоретическим компонентом теории обработки дискурса, но должны также описывать и объяснять эмпирические явления, относящиеся к процессам порождения и восприятия устной и письменной речи. Тем не менее в рамках этой статьи мы можем привлечь лишь **в** небольшом объеме экспериментальный материал или высказать предположения относительно экспериментов, которые могли бы продемонстрировать структуру и функции моделей.

Мы исходим из положения, что ситуационные модели

в равной мере необходимы и для устной, и для письменной речи. Только стратегии их реализации при этих двух способах коммуникации могут быть довольно различными. И все же, поскольку контекстные модели соотносятся с коммуникативной ситуацией, различия в обработке письменных и устных речевых сообщений должны быть представлены именно в **этих** моделях.

Многие из ситуаций, моделируемых в эпизодической памяти, представляют собой социальные ситуации. Поэтому мы можем использовать и развить некоторые из результатов, полученных при изучении структуры социальных ситуаций смежными научными дисциплинами, такими, как **социальная** психология и микросоциология. И наоборот, наш когнитивный подход к пониманию речи может в то же время представлять интерес для соответствующих исследований в **этих** дисциплинах, посвященных социальному взаимодействию и коммуникации, представляя теорию эпизодических моделей, включающую такую социальную информацию. В самом деле, мы приняли модели как некоторую структуру знания, но **несомненным** является и то, что мы не только обладаем знанием о ситуации (в узком смысле слова), но также и личными установками, мнениями, представлениями, эмоциями. Здесь мы можем только кратко обозначить некоторые следствия этого принятого нами положения, хотя и **сознаем**, что в нашей когнитивной теории дискурса в дальнейшем необходимо уделить больше внимания социальным параметрам когнитивных моделей.

Рассуждения, содержащиеся в этой работе, носят в общем неформальный характер, хотя они и систематизированы. Это означает, что у нас нет возможности основательно углубляться в технические детали теорий логических и когнитивных моделей. Кроме того, ограниченность объема статьи не позволяет охарактеризовать все аспекты роли моделей в обработке дискурса, и поэтому мы уделяем **внимание** лишь основным вопросам. **Наконец**, теория когнитивных **моделей** — **очень** молодое научное направление, так что многие из выдвигаемых нами положений, даже наиболее правдоподобные, следует рассматривать как рабочие гипотезы. Понадобятся последующие **теоретические** изыскания и эксперименты, чтобы точнее охарактеризовать функции и роли моделей в обработке **дискурса**. Мы не будем повторять всякий раз ссылки на ограничения, касающиеся настоящей работы, в каждом из разделов, где эти ссылки были бы уместны.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА: ТЕОРИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ДИСКУРСА

Ситуационные модели играют определенную роль в более сложной теории дискурса и обработки дискурса, основные понятия которой будут кратко охарактеризованы в этом разделе.

Эту общую теорию обработки дискурса следует, во-первых, понимать на фоне более общих процессов, происходящих в ряде научных дисциплин с начала 70-х гг. и направленных на более полный учет языковой реальности, что выразилось, в частности, в изучении речевых актов и в изучении функционирования языка в социальном контексте, в исследовании реальных текстов и разговорной речи (см. обзор: van Dijk, 1985; введение в проблематику: Coulthard, 1977; Beaugrande and Dressler, 1981). В рамках лингвистики понимание значимости изучения дискурса вело к разработке так называемых грамматик текста (van Dijk, 1972; van Dijk, 1977), в которых были выработаны, например, понятия локальной и глобальной связности, характеризующие один из видов семантических отношений между предложениями в тексте. Глобальная связность была сформулирована в терминах макроструктур, отражающих общий смысл и тематическую структуру текста (van Dijk, 1980a).

Однако адекватное представление семантики, а следовательно, и процесса интерпретации дискурса, составной частью которого являются такие понятия, как связность и макроструктура, не может быть осуществлено без учета его когнитивных аспектов. **Кинчем** и мной параллельно с разработками по когнитивной обработке дискурса, проводимыми в психологии и исследованиях по искусственному интеллекту, была разработана теория восприятия дискурса (van Dijk and Kintsch, 1978, 1983; Kintsch and van Dijk, 1975, 1978). Основные положения этой теории могут быть вкратце сформулированы **следующим** образом:

1. Понимание речи в первую очередь предполагает создание носителем языка семантического представления воспринимаемого дискурса в форме *базы текста*, состоящей из локально и глобально связной последовательности пропозиций.

2. Процесс конструктивной интерпретации происходит в кратковременной памяти, и из-за ограниченных возможностей кратковременной памяти этот процесс носит

циклический характер: воспринимаемые предложения интерпретируются как пропозиции, пропозиции соединяются содержательной связью и затем постепенно накапливаются в эпизодической памяти, после чего может быть проинтерпретирован новый отрезок текста, и т. д.

3. Процессы локальной и глобальной интерпретации предполагают наличие разного вида **пресуппозиционного** знания, хранящегося в виде фреймов и сценариев (**Schank and Abelson, 1977**) в памяти носителя языка.

4. Различные процессы, составляющие понимание, координируются *управляющей системой*, в которой представлены релевантные для данного этапа интерпретационного процесса тематические элементы (макропропозиции), преследуемые читающим/слушающим цели и информация из задействованных в данный момент сценариев.

5. Наконец, в работе (van Dijk and **Kintsch, 1983**) мы подчеркнули и доказали детально как с теоретической, так и с экспериментальной точки зрения, что процесс понимания имеет стратегический характер (и не может рассматриваться как процесс, имеющий определенную структуру и подчиняющийся определенным правилам): понимание градуально, оно осуществляется в оперативном режиме, часто происходит в условиях неполной информации, в нем используются данные, относящиеся к различным уровням организации дискурса и коммуникативного контекста; понимание, кроме того, определяется целями и представлениями отдельных индивидов. Такого рода стратегическая теория отличается от других теорий восприятия дискурса большей гибкостью и более точным представлением того, что носители языка в действительности делают, когда понимают (или порождают) дискурс.

Как мы видим, одним из результатов понимания текста является представление смысла текста в (эпизодической) памяти в форме базы текста. Однако этого недостаточно. В работе (van **Dijk and Kintsch, 1983**) было также показано, что понимание дискурса требует того типа ситуационных моделей, о которых речь шла во введении. Значит, помимо базы текста требуются также особые структуры организации знания в форме ситуационных моделей, **находящихся** в эпизодической памяти. База текста в этом случае репрезентирует смысл текста в данном контексте, а **модель** — **ситуацию**, о которой идет речь в тексте (денотат текста). Мы привели множество аргументов, чтобы объяснить, почему модель должна быть

введена в **дополнение** к базе текста. Например, в соответствии с другими исследованиями, посвященными моделям, о которых речь будет идти ниже, эти модели позволили бы нам объяснить ряд **референциальных** особенностей текста, таких, как **коререференция** (и понимание местоимений) и локальная связность текста. Таким образом, мы получили возможность ввести в когнитивную теорию идеи, которые были выработаны ранее лингвистическим и логическим анализом семантики текста (van Dijk, 1973, 1977), использовавшим такие понятия, как референция, интерпретацию с привлечением „возможных миров" и (логические) модели текста. Все же, хотя мы указали несколько важных моментов использования когнитивных ситуационных моделей, мы не дали подробной характеристики стратегическим процессам формирования, преобразования и использования моделей, не было у нас и представления о возможной структуре таких моделей. Задача настоящей **работы** — **восполнить** этот пробел.

МОДЕЛИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ФОРМАЛЬНОЙ СЕМАНТИКЕ

Одним из источников теории моделей в когнитивной психологии были логика и лингвистика, и в особенности формальная семантика. В формальной семантике модели также представляют собой конструкции, используемые для формулировки правил интерпретации выражений какого-либо формального или естественного языка. В этом отношении формальные модели могут рассматриваться как абстрактные реконструкции мира, к которому высказывания могут отсылать. Выражения, такие, как предложения, интерпретируются в соответствии с такой формальной моделью. Помимо интерпретативной функции, модель обладает моделирующей структурой, задающей, например, множество индивидуальных объектов (предметов, лиц и т. д.). Некоторый предикат, например is sick '**болел (болна)**', может быть проинтерпретирован как подмножество этих объектов, то есть как множество больных людей. Располагая этой элементарной картиной мира, формальная семантика может определять условия истинности предложений. В философии и логике эти условия часто отождествляли со смыслом предложения. Однако начиная с середины 70-х гг. было показано, что для **интерпретации** многих других аспектов предложений, принадлежащих естественному языку, таких, как модальность, время, особенности употребления прилагательных и **дейк-**

тических выражений (таких, как I 'я', you 'вы' или here 'здесь') или языковых союзов, моделирующие структуры должны быть гораздо более сложными. Так, нам может понадобиться множество «возможных миров» (одним из которых является и наш собственный, исторически данный мир), времен, местоположений и контекстуальных характеристик, таких, как говорящие и информация, которой они располагают (Hughes and Cresswell, 1968; **Keenan**, 1975; **Guenther** and Schmidt, 1979).

Для наших целей важнее указать на существенное ограничение, присущее этому типу формальной семантики и ее моделям: она разработана для интерпретации только изолированных предложений, а не текстов. Однако в последнее время наметилась тенденция к разработке текстовых моделей (**Stenning**, 1978; **Nash-Webber**, 1978; 1981; **Kamp**, 1981) после более ранних лингвистических работ по формальной семантике текста (van Dijk, 1973; 1977; **Petöfi** and **Rieser**, 1974) и после работы Карттунена (**Karttunen**, 1975), в которой было введено такое понятие, как „референт текста“. **Модель** текста должна учитывать тот факт, что мы имеем дело не просто с множеством (неопределенных) индивидуальных объектов, а с множеством особым образом описанных предметов и **личностей**, постепенно вводимых с помощью языковых **выражений**, используемых в тексте. Поэтому различные выражения могут относиться к тому же **самому** референту текста, однако мы можем отмечать изменение его положения в пространстве и времени. Кроме того, **в порождении** текста могут участвовать различные люди, как это бывает, например, в разговоре. Иными словами, **правила** интерпретации и необходимые модели становятся гораздо более сложными. Они должны учитывать **динамическую** природу постепенно развивающегося **описания** событий и эпизодов. Следовательно, модель должна постоянно модифицироваться на основе новых данных, как это происходит с когнитивными моделями.

Следует подчеркнуть, что формальные модели все же **представляют** собой лишь в высшей степени абстрактные И редуцированные реконструкции событий и эпизодов, И мы покажем далее, что еще требуется для когнитивных моделей, относящихся к памяти.

МОДЕЛИ В ПСИХОЛОГИИ И В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ

В когнитивной психологии и исследованиях по искусственному интеллекту также отмечался растущий интерес к понятию эпизодической модели. Так, Джонсон-Лэйрд и его сотрудники, основываясь на работах по логической семантике и разрабатывая подходы к специфическим проблемам вывода умозаключений и интерпретации местоимений, обратились к роли ментальных моделей (Johnson-Laird, 1983; Johnson-Laird and Garnham, 1980; Garnham et al., 1982; Garnham, 1981). Уже ранее в психологии было отмечено, что модели играют существенную роль в планировании предстоящих действий и что они позволяют нам использовать в таких действиях ранее приобретенные знания (например, Craik, 1943; цитируется также в Johnson-Laird, 1980). В упомянутой работе Джонсон-Лэйрд обстоятельно объясняет, что значение предложений в естественном языке не может быть просто сведено к пропозициональным репрезентациям, но что существует необходимость в привлечении моделей:

«Ментальные модели и пропозициональные репрезентации различаются целым рядом критериев. Они различаются в первую очередь по функции: пропозициональная **репрезентация** — это описание. Описание может быть истинным или ложным относительно реального мира. Однако люди не воспринимают мир непосредственно; они лишь обладают некоторыми внутренними репрезентациями этого мира. Следовательно, пропозициональная репрезентация является истинной или ложной относительно некоторой ментальной модели мира. В принципе это функциональное различие может быть единственным средством различения между пропозициональными репрезентациями и моделями: нет необходимости в каком-либо ином различении их по форме или содержанию. ... Модель репрезентирует положение дел и, соответственно, ее структура не произвольна, подобно структуре пропозициональной репрезентации, а играет роль непосредственного **вопроизведения** или аналогии. Ее структура отражает существенные аспекты соответствующей ситуации реального мира.» (с. 98).

Последнее предложение в этой цитате, похоже, позволяет предположить, что существуют различия по форме (у

пропозиций — произвольная структура, а модели могут быть **аналоговыми** репрезентациями и быть частично подобными образцу), мы можем также предположить, что существуют различия и по содержанию. Так, пропозиция „В прошлую субботу я ходил за покупками” концептуально значительно проще сложной структуры личного знания, то есть имеющейся в моем распоряжении модели. Один из способов использования ментальных моделей Джонсон-Лэйрд видит в том, чтобы объяснить специфические следствия, которые могут (или не могут) быть извлечены из предложений, включающих пространственные выражения, такие, как *to the right of* справа от'. Один из приводимых им примеров заключается в том, что если мы говорим о людях, сидящих за круглым столом, что В сидит справа от А, а С — справа от В, то транзитивная природа предиката „быть справа” нарушается: последнее из лиц в этой цепочке будет сидеть слева, а не справа от А. Ментальная модель, которая станет аналоговой репрезентацией (пространственной) реальности, должна убедительно продемонстрировать, почему вывод в данном случае не отвечает действительности. В самом деле, как и отмечает Джонсон-Лэйрд (1980, с. 104), модель не только базируется на информации, содержащейся в пропозициональной репрезентации, но включает и общее знание и иные релевантные репрезентации. В одном эксперименте было также выявлено, что (новая) модель строится легче, если пропозиции, описывающие пространственное расположение предметов, представлены в некотором **непрерывном** порядке (Ehrlich et al., 1979). Предполагается, что модели легче вызывать в памяти, тогда как вспоминание пропозиций требует от памяти восстановления словесной формы выражений.

Джонсон-Лэйрд (1983) разрабатывает эти положения более детально в рамках более общей теории значения и интерпретации в формальной психологии. Хотя его понятие ментальной модели близко к нашему понятию ситуационной модели, его иллюстрации находятся в пределах структур, заданных формальной грамматикой (изолированных) предложений. Важнейшим основанием для введения понятия моделей (объединяющим оба подхода) является признание значимости проблем **(ко)референции** для психологии. В то время как Джонсон-Лэйрд интересуется главным образом выводом умозаключений и процессом рассуждения, я в данном случае использую понятие ситуационной модели главным образом для интер-

претации дискурса. Кроме того, мы уделяем больше внимания структуре моделей, пользуясь концептуальным аппаратом для когнитивной репрезентации ситуаций, используя также достижения других научных дисциплин, таких, как социальная психология и социология. Наконец, я надеюсь более подробно показать когнитивные **процессы**, такие, как стратегии интерпретации, участвующие в функционировании моделей, и провести различие между моделями, возникающими ad hoc, частными моделями и более общими моделями, находящимися в эпизодической памяти, образующими опытную базу фреймов, сценариев или подобных форм более абстрактной репрезентации знания в семантической памяти. И для ментальных моделей, и для ситуационных моделей важно то, что они отличаются от семантической репрезентации предложений или текста.

Гарнхэм (1981), как представляется, сделал еще один шаг, предположив, что эти ментальные модели являются репрезентацией текста. Смысл текста, его семантическая репрезентация, необходимы лишь для формирования модели, и после этого в них уже нет надобности. Как было, кроме того, показано в работе ван Дейка и **Кинча** (1983), я полагаю, что пропозициональная база текста, представляющая смысл дискурса, не только используется для конструирования (или воссоздания) эпизодической ситуационной модели, но должна иметь и автономные способы репрезентации: мы, действительно, запоминаем (по крайней мере для некоторых текстов и контекстов) специфически различные смыслы текста, даже если они касаются одной и той же ситуации. Расположение пропозиций в повествовательном тексте может быть различным, а описываемая ситуация при этом будет той же. Такого рода различные смысловые структуры могут обладать различными прагматическими импликациями и быть необходимыми в разных социальных коммуникативных контекстах. Это не значит, что люди, раз уж они создают модель и используют ее для последующих выводов, не совершают ошибок, заключающихся в смешении различных **дескрипций** одного и того же индивидуального объекта (**Garnham**, 1981, с. 561). Подобным же образом Гарнхэм смог показать, что для некоторых предлогов, как, **например**, в предложениях The hostess bought a mink coat from the furrier '**Хозяйка** купила норковую шубу у **меховщика**' или The hostess bought a mink coat in the furrier's, '**Хозяйка** купила норковую шубу в меховом **ателье**', люди склонны

к смещению различных изначально предлогов, как показывают тесты на опознание и подобные эксперименты. Это происходит, если соответствующие предложения описывают примерно ту же ситуацию, то есть для восстановления первоначальной информации используется модель.

Фосс (1982) пользуется термином *модель текста* для того, чтобы **объяснить**, что для некоторых пропозиций высокого уровня в такого рода структурах знания эффект **концептуальной** поддержки (semantic priming) остается неизменным на протяжении определенного отрезка текста, а не ослабевает быстро, как полагали в более ранних работах по семантической поддержке. **Фосс** доказывает, что носители языка создают и совершенствуют семантическую **модель**, «в которой находятся сущности, представляющие элементы и отношения в мире говорящего» (с. 594). Однако здесь, как и в подобных работах, **посвященных** роли моделей в понимании текста, недостаточно ясно, в чем же точно заключается различие между семантической репрезентацией и моделью текста. В этом случае результаты экспериментов можно было бы легко **объяснить** в терминах семантических макроструктур (тематической структуры) текста, которые остаются активизированными в процессе понимания соответствующего фрагмента текста (**Kintsch and van Dijk, 1978; van Dijk and Kintsch, 1983; van Dijk, 1980a**).

Наконец, **Флетчер** (1983) представил некоторые экспериментальные свидетельства **трехчастной** репрезентации текста в **памяти** — его поверхностной структуры, семантической (пропозициональной) репрезентации и ситуационной модели. Так, отвлекающие факторы легче преодолеваются в тех случаях, когда они противоречат модели, чем тогда, когда они только отличаются от **пропозиций**, входящих в базу текста.

Из этого краткого обзора имеющихся по данной теме **работ** можно сделать заключение, что существует тенденция к признанию общей гипотезы, согласно которой в дополнение к семантической репрезентации текста мы **нуждаемся** в находящейся в памяти ситуационной модели, и подобного рода модель играет важную роль в таких действиях, как умозаключение, создание образа, припоминание и узнавание. Разумеется, требуется собрать значительно больше **экспериментальных** данных. Кроме того, следует более детально разработать проблемы, относящиеся к конкретным структурам и функциям моделей,

а также к их отличиям от базы текста. Одно из направленных **последующих** экспериментальных исследований могло бы выявить, когда и как используется для последующих целей информация, содержащаяся в ситуационных моделях, которая не может быть прямо взята из исходной пропозициональной репрезентации текста или быть выведена из содержащейся в ней информации. Систематические **ошибки** при припоминании и узнавании, а также смещение текстовой информации можно ожидать в тех случаях, когда испытуемые используют ситуационные модели в качестве основной базы для припоминания (см. ниже). Эти ожидания находятся в соответствии с данными, полученными в более ранних исследованиях, таких, как эксперименты **Брансфорда** и его сотрудников (см., например, **Bransford and Franks, 1972**).

В области исследований по искусственному интеллекту **сходством** с нашим понятием ситуационной модели отмечены прежде работы Роджера **Шенка** о сценариях и процессе припоминания (**Schank, 1982**). В более ранних работах сценарии, понимаемые как более общие форматы для представления знания (**Schank and Abelson, 1977**), рассматривались в качестве организованных блоков информации о типичных событиях, таких, как обед в ресторане, приход на вечеринку или автобусная поездка. Этот тип общей информации, широко используемой в социуме, должен был бы входить в семантическую долговременную память. Однако позже (1982) **Шенк подчеркнул**, что знание, которое мы используем для различных целей, имеет преимущественно эпизодический **характер**: сценарий следовало бы скорее рассматривать как определенным образом представленное знание о некотором частном личном опыте, вроде упомянутого выше примера о „дорожном происшествии, в которое я попал в прошлом году во Франции“. Только фрагменты таких сценариев имели бы более общую природу; они называются **пакетами** организации памяти. Следовательно, каждая поездка на **поезде**, которая является уникальным событием как целое, будет содержать типичные эпизоды (такие, как приобретение билетов, посадка на поезд, поиск мест), **и** поэтому они могут быть представлены как пакеты организации памяти.

Предложенные **Шенком** (личные) сценарии и наши ситуационные модели были разработаны независимо друг от друга и с разных исходных точек зрения. Однако, будучи эпизодическими репрезентациями происшедших с **ин-**

дивидом событий, они очень похожи, в особенности в том, что касается их отношения к более общим структурам знания. Однако подход, выработанный мной и Кинчем, сформулирован в основном в терминах когнитивных интерпретационных стратегий (в приложении к речевому сообщению), и целью его является выработка эксплицитной когнитивной семантики для интерпретации **коррелации**, связности и подобных явлений. Мы различаем частные модели и обобщенные модели и, кроме того, полагаем, что модели создаются и отыскиваются в соответствии со стандартными категориальными структурами либо моделирующими схемами. Наконец, мы отвели бы гораздо более скромную роль процессам припоминания среди общих стратегий поиска модели в памяти. Как будет более подробно показано далее, модели в нашем случае отыскиваются с помощью концептуальных структур, например с помощью таких форм семантической репрезентации дискурса, как макропропозиции (тематические структуры), после того как они введены в общую управляющую систему. В дальнейшем предстоит показать, могут ли **быть объединены**, и если да, то как, такие различные **понятия**, как ментальные модели, личные сценарии и ситуационные модели, в рамках единой теоретической схемы для представления эпизодического знания и мнений, пригодных для использования в изучении процессов понимания, репрезентации, поиска, обновления и модификации содержащейся в памяти информации и процессов, имеющих отношение к эпизодической (личной) памяти и семантической (социальной) памяти.

СТРУКТУРА МОДЕЛЕЙ В ПАМЯТИ

Прежде чем мы сможем установить функции моделей в обработке дискурса, следует определить, что собой представляют эти модели. Предположения относительно внутренней структуры моделей могут опираться на различные источники: философские, психологические, лингвистические и социологические. Хотя в каждом случае возникает множество технических и методологических проблем, мы сосредоточиваем наше внимание только на **основных** результатах.

Ситуационные модели и реальные ситуации

Если **ситуационные** модели в памяти могут быть поняты как формы когнитивной реконструкции таких фрагментов мира, которые мы назвали ситуациями, то возможно, что структура таких реальных ситуаций в чем-то аналогична моделям. Впрочем, в онтологии и эпистемологии давно предполагали, что структура „того, что существует“, тесно связана с тем, „что мы (можем) знать“ о действительности. В самом деле, как указывает Джонсон-Лэйрд (1983), мы постигаем действительность только через наши модели (см. также **Lippman** п, 1922). Это **значит**, что наши интуитивные, общепринятые понятия и категории, используемые для интерпретации действительности, на самом деле являются понятиями и категориями, составляющими наши модели действительности. Так, мы обычно выделяем различные дискретные сущности, такие, как предметы и лица, а не представляем себе действительность как недискретную массу. Подобным же образом мы выделяем разные естественные категории разного рода сущностей, например столы, стулья, женщин, теории. Кроме того, единичные объекты, принадлежащие к какой-либо категории, могут рассматриваться как обладающие определенными свойствами или участвующие в каких-либо отношениях. И, наконец, объекты, обладающие такими свойствами или находящиеся в таких отношениях, производят процессы, события или действия, то есть „факты“ некоторой реальной или воображаемой ситуации. Эти различные типы явлений фигурируют и в логических моделях, упомянутых выше. Но между реальными ситуациями и их когнитивными соответствиями существуют и различия, например:

1. Поскольку мы не можем и не должны знать все факты, относящиеся к миру, для когнитивных моделей типична фрагментарность и неполнота.

2. Модели могут репрезентировать реальные ситуации на различных уровнях обобщения. Так, мы можем в самом общем виде представить в модели сложное действие „Джон побывал в поездке по **Португалии**“, тогда как в действительности это действие заключает в себе чрезвычайно сложную и непрерывную последовательность событий, действий, объектов и людей, только небольшое подмножество которых фигурирует в модели.

3. Входящие в модель понятия не произвольны, они отражают социально значимую интерпретацию ситуаций.

Например, передача предмета от одного лица другому в определенной социальной ситуации может рассматриваться как „подарок”.

4. Несмотря на социальную обусловленность концептуального представления ситуаций, когнитивные модели являются, конечно, личными, то есть субъективными. Одна и та же ситуация может быть проинтерпретирована различными способами, с различных точек зрения, с различными целями, если это делают разные люди.

Эти и другие специфические черты когнитивных моделей были описаны, иногда в различных терминах, в ряде исследований в области социальных наук, и их следует принимать во внимание в нашей теории структуры моделей в памяти. И, напротив, наша теория когнитивных моделей предлагается как систематическое объяснение хорошо известных особенностей „понимания мира”, упомянутых выше.

Язык и дискурс

В нашем обсуждении формальной семантики выяснилось, что употребление языка и дискурс также соотнесены с миром. Так, мы можем описывать ситуации с помощью текста и составляющих его предложений. Носители языка таким образом выражают свою интерпретацию мира, свои модели, и мы вправе предположить, что способы выражения не являются произвольными. В самом деле, различные функциональные грамматики (Dik, 1978; Givón, 1979) подчеркивают, что, например, синтаксическая структура функционально связана с глубинными семантическими репрезентациями (и с коммуникативными актами). Предполагается, что эти репрезентации состоят из предиката (часто выражаемого глаголом) и аргументов, **выражающих** различные ролевые отношения, **такие**, как актант, пациент, инструмент или цель. Очевидно, что такие функциональные категории демонстрируют, как мы анализируем, например, структуру действий. Иными словами, синтаксические и семантические категории сообщают нам нечто о строении наших моделей действительности.

Точно так же структура дискурса определенным образом отражает наше понимание эпизодов, то есть последовательностей событий или действий, как это имеет место в отношении предложений, составляющих повествовательный текст. Наиболее общие макроструктуры (**тематиче-**

ские единства) и их выражение, например заголовки, демонстрируют используемые нами способы репрезентации структуры ситуаций, относящиеся к более высокому уровню и более абстрактные. В этих повествовательных текстах могут быть выражены такие конвенциональные категории, как обстановка или осложнение, и это поясняет, как мы можем организовывать эпизоды с помощью различных категорий. То же относится и к наблюдаемым различиям между элементами ситуации по их **выделенности** как на уровне предложения, так и на уровне текста или же к специальным категориям для времени, места и обстоятельств (van Dijk, 1977, 1980a). Иными словами, синтаксические и семантические структуры предложения и текста не произвольны; они отражают основные категории и структуры наших моделей познания действительности.

Социальное познание и определение ситуаций²

В социальной психологии и микросоциологии давно обратили внимание на объективные и субъективные характеристики ситуаций и их роль в понимании взаимодействия (детальный обзор см. Forgas, 1979; Argyle et al., 1981). Для участия в социальных ситуациях членам социума необходимы модели этих ситуаций. Такие модели представляют собой то, что традиционно именовалось „определением ситуации“ (Thomas, 1928). Модели являются аккумуляцией предшествующего, биографически детерминированного опыта, полученного в (сходных) ситуациях (Schutz, 1970).

Форгас (1979) в своем обзоре показывает, что в большей части исследований, посвященных ситуациям, изучаются целостные свойства ситуаций, которые могут быть представлены с помощью таких параметров, как **приятное — неприятное, свободное — формальное, вовлекающее — невовлекающее**. Каким образом люди могут давать столь общие оценки, не обсуждается. Он также показывает, что несмотря на множество различных классификаций число основных повседневных социальных ситуаций ограничено (около 30).

Аргейл и др. (1981) в результате проведенной ими большой теоретической работы приходят к выводу, что **социальные** ситуации и являющееся их компонентом социальное взаимодействие могут анализироваться на основе таких категорий, как: 1) личности и их свойства; 2) со-

циальные структуры, такие, как статус и роль; 3) элементы взаимодействия, такие, как дружелюбие; 4) объекты, релевантные для внимания, такие, как напитки и еда на вечеринке; 5) окружающая обстановка, заданная границами, реквизитом и пространственным расположением; и б) правила и обычаи, определяющие, какие действия могут или должны выполняться в соответствующих ситуациях. Эти элементы систематическим образом определяют, каким образом люди действуют и понимают действия друг друга.

Эти возобновившиеся исследования структуры и интерпретации (социальных) ситуаций имеют общий источник с работами по когнитивным моделям. Так, Липман (1922) в своей книге об общественном мнении не только выдвинул важные новые идеи относительно природы социальных стереотипов (введенное им понятие), или о свойствах новостей, но и строил свой теоретический анализ общественного мнения на понятии „психологических образов" („pictures in our heads"), сходном с понятием ситуационной модели.

«Дело в том, что реальная окружающая среда слишком объемна, слишком сложна и слишком быстротечна для непосредственного восприятия. Мы не способны реагировать на все ее тонкости, многообразие, представленное в ней множество изменений и сочетаний. И хотя мы вынуждены действовать именно в этой среде, нам приходится ее реконструировать по более простой модели [выделено мной.— Т.в.Д.], чтобы справиться с ней. Чтобы люди могли путешествовать в мире, им необходимы карты... В связи с этим исследователь должен начинать с выявления взаимоотношений между местом действия, выработанным человеком образом этого места и отношением к этому образу, реализующемуся в условиях места действия.» (с. 16—17).

«Уже сам тот факт, что люди вообще теоретизируют, является доказательством того, что их псевдосреда, их внутреннее представление о мире являются определяющим моментом в их мышлении, чувствах и действиях. Ведь если бы отношение между действительностью и человеческой реакцией на нее было прямым и непосредственным, а не опосредованным и производным, сомнения и ошибки были бы невозможны.» (с. 27).

Эти рассуждения, сделанные журналистом более 60-ти лет назад, и сегодня весьма уместны и вполне могли бы найти место в современных исследованиях психологов,

посвященных познавательным процессам (за **исключением** отсылок к „людям“, которые путешествуют по свету и **теоретизируют...**). Ранние предположения относительно применения теории когнитивных моделей мы находим также в работах по социальным стереотипам и групповым представлениям, о которых мы коротко **сообщим** в конце настоящей работы.

Схемы ситуаций

Наш последний шаг в этом **разделе** — **объединить** различные рассмотренные подходы для создания первого наброска общей теоретической схемы. Основная идея, из которой мы исходим, заключается в том, **что** люди используют для создания ситуационных моделей так называемые **схемы ситуаций**. Это значит, что люди постоянно создают модели, и этот процесс ни произволен, ни сильно зависит от контекста. Они используют **более** или менее стабильные категории для объектов, составляющих ситуационную модель. Это значит также, что для создания моделей люди используют эффективные стратегии (van **Dijk and Kintsch, 1983**), из чего следует, что они анализируют различные ситуации в основном одним и тем же способом. Только различие в содержании определяет различие моделей: схематический каркас ситуации в большей или **меньшей** степени инвариантен (хотя для некоторых ситуаций не все категории и не всегда оказываются релевантными). [...] Терминальные узлы схемы заполняются множеством пропозиций, которые в свою очередь могут обобщаться в **макропропозиции**³. [...] Отличие схемы от действительного представления конкретного текста (базы текста) заключается в том, что схема модели может содержать в своих терминальных категориях значительный объем информации, которая не выражается и не должна выражаться в предложениях или тексте, например, потому, что она входит в пресуппозицию общего знания или является элементом личной эпизодической памяти, нерелевантным в конкретном тексте. Эти расхождения между базами текстов и моделями будут рассмотрены далее.

Другая характерная черта схемы ситуации заключается в том, что для различных **составляющих** ее категорий, таких, как участники или действие, существуют в свою очередь схемы общего характера: имеются интуитивные теории относительно лиц и действий, которые, если

в этом есть **необходимость**, могут стать частью схемы модели.

Для простоты мы предположили, что терминальные узлы схем моделей заполняются пропозициональными **(макро)структурами**. Ранее мы, однако, указывали, что модели могут быть не только пропозициональными, они могут также содержать аналоговую информацию, характеризующую, например, пространственную структуру **ситуации**, пространственные отношения между **предметами**, внешние свойства предметов и **лиц** (подробнее см. **Johnson-Laird, 1983**). Схема лишь показывает, что независимо от того, какого рода информация о ситуациях требуется, люди систематически различают, например, окружающую обстановку, обстоятельства, участников и их действия или различные свойства этих составляющих. Наконец, схема позволяет приписывать ситуациям общие свойства как на более высоких **(макро)уровнях**, так и на более низких **(микро)уровнях**. Вечеринка по случаю дня рождения может быть скучной в целом, могут быть скучными и отдельные ее участники. Иными словами, мнения и оценки, принадлежащие людям, могут быть составной частью осуществляемого ими моделирования ситуаций. В описании ситуации такие мнения и оценки могут проявляться только косвенно (например, в форме специфического выбора стилистически окрашенной лексики), обычно **они** не бывают представлены с помощью особых пропозиций в базе текста. Так, выбор слова *hoologans* '**хулиганы**' вместо *demonstrators* '**демонстранты**' в газетном сообщении (см., например, **Halloran et al., 1970**) является выражением оценочной пропозиции, входящей в модель, с помощью которой журналист описывает демонстрацию (см. также **van Dijk, 1987b, c**).

Наконец, следует, без сомнения, допустить возможность того, что модели являются сложными, т. е. состоят из других моделей. Так, в рамках общей ситуации вечеринки по случаю дня рождения в некоторых случаях могут быть выделены более специфические „ситуации“, как ссора или пожар, характеризующиеся своими собственными **временем** и обстоятельствами, набором участников и событий. Обычно более общая ситуация в этом случае может играть роль своего рода фона, относиться к категории обстоятельств для более частных ситуаций. В общем, мы можем предположить, что модели не просто являются изолированными структурами знания в эпизодической памяти, но они системно связаны по одной или нескольким

категориям или измерениям (ср., например, „время, когда я в прошлом году был в Калифорнии“, или ситуации, в которых „участвовал Гарри“). Такие связи делают возможным сочетание или даже слияние частных моделей, а также процесс припоминания, описанный **Шенком** (1982).

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ В ВОСПРИЯТИИ ДИСКУРСА

В начале работы мы высказали предположение, что модели играют важную роль в обработке дискурса. Более конкретно было выражено предположение, что ситуационные модели создают базу эпизодического знания для понимания дискурса. Они представляют собой то, о чем говорится в дискурсе. Мы видели также, что люди, слушающая или читая дискурс, не только конструируют его смысл в виде базы текста, но и создают или извлекают из памяти модель, репрезентирующую то, что они думают относительно ситуации, которой посвящен дискурс. Хотя по ряду соображений это представляется достаточно очевидным, мы все еще не знаем точно, каким **образом функционируют** модели. В этом разделе я попытаюсь охарактеризовать некоторые из функций ситуационных моделей. Хотя модели играют определенную роль во всех процессах обработки информации, таких, как восприятие и действие, я ограничиваюсь здесь обработкой дискурса.

Эпизодическая природа моделей

Было высказано предположение, что ситуационные модели являются частью эпизодической памяти. Это значит, прежде всего, что они отражают личный опыт. Однако этот критерий является все же довольно неопределенным. Строго говоря, мы в этом случае имели бы дело только с моделями ситуаций, в которых участвовали сами хотя бы как наблюдатели. Мы полагаем, что это условие является слишком жестким, и есть основания считать, что мы в состоянии создавать (и извлекать из памяти) модели на основании косвенной информации, например сообщений, рассказанных другими, или других текстов. Если Джон рассказывает нам о ссоре, случившейся на вечеринке, то мы пытаемся смоделировать случившееся и эту вечеринку так, как если бы мы были ее участниками. Это возможно, поскольку у нас есть частичная информация

о специфических обстоятельствах, полученная из рассказа Джона, общие знания о ссорах и вечеринках, представленные в соответствующих фреймах или сценариях, а также наш собственный опыт, приобретенный прежде на вечеринках, то есть **личные** модели вечеринок или даже ссор на вечеринках. Эти различные источники позволяют нам построить по крайней мере часть модели той ситуации, о которой рассказывает Джон. Очевидно, что, если бы мы присутствовали на вечеринке, наша модель была бы более полной. Мы полагаем, что то же самое происходит, когда люди читают или слушают новости. Модели, которые они создают относительно одной и той же **ситуации**, такой, как гражданская война в Сальвадоре или израильская интервенция в Ливане, на основе прежних новостей на эту же тему (и информации, **извлекаемой** из сценариев военных действий), обновляются и модифицируются с помощью новой информации (van Dijk, 1987b, c). Специфическая эпизодическая природа этих моделей выражается в том, что в них получают репрезентацию время, место и источник новой информации о событиях (Tulving, 1983).

Частные и общие модели

Ситуации по определению уникальны. Они включают события и действия, определяемые конкретными пространственными и временными параметрами, а также уникальной последовательностью **событий** или действий и их участников. Из этого могло бы следовать, что и наши модели подобных ситуаций должны быть уникальными. Однако и это условие мы считаем слишком жестким. Разумеется, мы обладаем и уникальными моделями уникальных событий, которые мы пережили (или о которых мы слышали), и мы порой бываем даже способны извлекать такие частные модели из памяти, например, если они касаются чрезвычайно интересных или важных событий в нашей жизни или если они связаны с глубокими переживаниями. В этом случае новые ситуации, действительно, могут напомнить нам об этих событиях.

Однако такая теория эпизодических моделей была бы не в состоянии объяснить то, что, судя по всему, происходит, когда мы понимаем дискурс. В особенности нам бы хотелось эксплицитно выразить то, что происходит при обновлении нашего личного знания за счет **новых** сведений. Поэтому мы проводим различие между частными

и общими моделями. Частная модель как раз **и** является уникальной репрезентацией уникальной ситуации, в которой мы участвовали, о которой мы читали или слышали. Уникальная модель конструируется из следующих типов информации: 1) фрагментов уже имеющихся общих моделей, 2) информации, полученной из данного дискурса или из непосредственных наблюдений, 3) актуализированных фрагментов общего семантического знания. Иными словами, каждая частная модель представляет собой конструкцию ad hoc, составленную из других форм знания. После того как дискурс понят, эта частная модель употребляется уже реже, хотя есть основания предположить, что новые элементы этой частной модели служат для обновления уже имеющихся общих моделей. Информация о конкретной ссоре на конкретной вечеринке может быть использована для обновления наших знаний о ссорах и **вечеринках**. Только в некоторых случаях позднее мы можем испытывать потребность в частной модели, например, если мы хотим рассказать о том, что тогда **случилось**. Однако для большинства обыденных ситуаций уникальность такого рода не требуется. Ситуации, связанные с повседневной работой, покупками, домашними заботами или встречами со знакомыми, вряд ли принадлежат к числу событий, которые следует запомнить как нечто требующее уникального хранения в памяти. Скорее мы включаем информацию из частных моделей в более общие (но все же личные!) модели подобных ситуаций. В таких случаях общая модель определяется теми же условиями пространственного расположения, возможно, тем же периодом времени, теми же участниками, теми же типами действий или событий. Мы абстрагируемся от нерелевантных деталей, обстоятельств или действий. Следует подчеркнуть, что такие обобщенные модели не содержат общего, стереотипного знания того рода, какое обычно бывает представлено во фреймах или сценариях. Эта информация является общим достоянием для членов данного социума и не касается частных пространственных характеристик или участников, а только общих культурных свойств социальных ситуаций, таких, как угощение и вручение подарков на вечеринке по случаю дня рождения. Такие социальные сценарии могут составлять часть структуры общих моделей, но только при замене общих терминов частными. В самом деле, **наши** частные модели могут существенно отличаться от социальных сценариев.

Можно выдвинуть даже более сильное **предположе-**

нив: информация общего характера, которая содержится в сценариях, используется лишь при условии ее актуализации в частной или общей модели в тех случаях, когда люди понимают ситуацию или дискурс о ситуации. Если я конструирую модель вечеринки по случаю дня рождения, на которой я был, я вместе с тем конструирую и модель вручения подарка, угощения или беседы с Джоном. Строго говоря, сценарии в лучшем случае определяют множество возможных моделей. Сценарий может, например, определять (в социальном плане), какого рода модели мы можем именовать вечеринками по случаю дня рождения. Наш предшествующий опыт, относящийся к вечеринкам, то есть наша общая модель вечеринок, может включать повторяющиеся факты из личной жизни, вообще не представленные в социальном сценарии. Используя наши личные модели для создания социальных сценариев, мы в общем случае отвлекаемся от такого специфического личного опыта. Мы нормализуем наш опыт, сравнивая его с опытом других людей, например, когда мы слушаем и запоминаем их рассказы о сходных ситуациях и их модели этих ситуаций. У многих эпизодических (общих) моделей нет вообще соответствующих сценариев.

Тот факт, что мы можем обладать личными моделями уникальных событий, конечно же, не исключает существования общедоступного знания о таких событиях, в особенности если мы узнаем о них из сообщений средств массовой информации. Многие люди обладают личной моделью убийства президента Кеннеди, часто сопровождаемой специфической контекстуальной информацией (о том, когда и где они узнали эту новость; см. **Brown and Kulik, 1977**), но личные модели уникальных событий могут включаться в социальное знание и становиться его частью. Иными словами, не всякое социальное знание организовано подобно фреймам и сценариям, как это бывает с повторяющимися, типичными эпизодами в той или иной культуре. Для нашего рассуждения представляет интерес то обстоятельство, что знание об общественных событиях, общедоступное для данного социума, может составлять пресуппозицию в дискурсе.

Стратегии использования моделей

Как и всякое знание, модели в ходе обработки дискурса используются стратегически (van **Dijk and Kintsch**,

1983). Стратегии использования моделей направлены на **эффективное** использование релевантного личного знания. Например, для понимания рассказа о вечеринке по случаю дня рождения от нас, вероятно, не требуется привлечения всего того, что мы знаем о таких вечеринках, — будь то социальное или личное знание. Возможно, потребуются лишь фрагменты наших моделей, в **зависимости** от целей, текста и контекста. Ранее мы уже **предположили**, что для создания частной модели ситуации, с которой мы имеем дело, может оказаться необходимым объединение этих различных фрагментов в новую, созданную ad hoc модель. Попробуем охарактеризовать эти допущения более систематически, посредством перечисления стратегических ходов, совершаемых людьми при использовании моделей.

1. *Коммуникативный контекст.* Прежде всего следует отметить, что люди принимают участие в создании коммуникативного контекста и понимают этот контекст, в **котором** следует интерпретировать воспринимаемый ими дискурс. В связи с этим они извлекают из памяти частные или общие модели сходных прежних контекстов, например собеседования при приеме на работу или лекции (см. ниже). На этом этапе существенно то, что модели коммуникативных контекстов как таковые могут служить для поиска в памяти соответствующих ситуационных моделей, которые могут быть связаны с **дискурсами**, типичными для данных контекстов. Так, модель собеседования при приеме на работу может служить для того, чтобы извлечь из памяти модели, сформированные на основе предыдущего опыта в этой области; чтение газет активизирует модели **социополитических** и общественных событий и **т. п.**

2. *Цели и интересы.* В более специфическом плане не только тип коммуникативного события, но и наши цели и интересы как **таковые** — **еще** до того, как мы прочли или услышали **сообщение**, — в состоянии активизировать или воссоздать в памяти частные ситуационные модели. Я могу читать газету с намерением получить новую информацию о последних событиях в Центральной Америке, и такая специфичная цель может уже привести в действие мои личные модели, относящиеся к Центральной Америке.

3. *Заголовки, анонсы и вводные тематические предложения.* Способы выражения фрагментов макроструктуры (тематической структуры) текста, например заголовки или вводные тематические предложения, в **стратегиче-**

ском плане используются не только для того, чтобы активизировать релевантные знания о специфических событиях. Так, если газетный заголовок гласит: „Новые бои в Ливане“, то мы не только получаем некоторую общую характеристику новых событий, но и мощный стимул для восстановления в памяти прежних моделей, касающихся военных действий в Ливане.

4. *Предложения.* Понимание предложений, составляющих дискурс, осуществляется посредством стратегического конструирования пропозициональных схем. Вместе с предшествующими пропозициями они **должны** составлять связную последовательность, например, на основании причинно-следственных связей между фактами, или тождества аргументов. Если контекст, наши целевые установки, предварительная информация, полученная из макроструктуры, не активизировали и не воссоздали в памяти ни одной модели, то это может быть осуществлено с помощью начальных пропозиций сообщения. **Если** начальные пропозиции содержат новую информацию, из памяти может быть извлечена подходящая модель и пополнена за счет новой информации. Связность предложений требует сочетания с информацией микроуровня, включенной в модель: если возможна причинно-следственная связь, мы конструируем **причинно-следственные** отношения между обозначенными фактами. То же касается и **референциального** тождества участников дискурса: подходит ли производимое описание к лицу, представленному в задействованной в данный момент модели? Категории времени, места и обстоятельств в предложениях и пропозициях будут определять возможную дискретность или недискретность соответствующих эпизодов модели.

5. *Управление.* Сложные процессы понимания на локальном и глобальном уровнях, активизация и восстановление в памяти моделей и сценариев или других видов знания нуждаются в управлении, то есть в управляющей системе. Эта управляющая система опирается на **информацию** глобального характера о коммуникативном контексте, например, о типе коммуникативной ситуации, жанре речевого сообщения, свойствах участников, на релевантные в данный момент цели и интересы носителя языка и, наконец, на **макропропозицию**, соответствующую данному фрагменту дискурса. Мы полагаем, что эта управляющая система следит за использованием общих сценариев, которые требуются в данный момент для обработки сообщения в кратковременной памяти, а также

задействованных личностных моделей. Именно эта управляющая система отвечает также за стратегическое комбинирование нескольких ситуационных моделей: она использует информацию микроуровня из кратковременной памяти, или **базы** текста, находящейся в эпизодической памяти, и согласовывает ее с общим контекстом и целевой информацией, а также с общими сценариями, а затем выдвигает эффективную гипотезу относительно того, какого рода фрагменты моделей следует извлечь из памяти или активизировать и как их следует сочетать.

6. *Обновление.* Стратегическое использование моделей не предполагает, что мы должны активизировать всё имеющееся в нашем распоряжении знание о какой-либо ситуации, не предполагается даже, что вся релевантная информация должна активизироваться сразу. Напротив, представление о динамической природе понимания заставляет скорее предположить, что частная модель строится постепенно, как на основе новой информации, так и на основе информации из уже имеющихся моделей. Благодаря этому новая информация может быть включена в частную модель именно там, где она будет необходима, а не произвольным образом. Только в некоторых случаях возникает необходимость полной трансформации старой модели в таком процессе обновления, например в тех случаях, когда мы убедились, что прежде совершенно превратно истолковывали подобные ситуации.

7. *Оценка.* Судя по всему, интерпретация **дискурса** состоит из двух основных **частей** — **создания** соответствующей базы текста и создания частной модели путем таких операций, как рекомбинация фрагментов старых моделей и обновление моделей. Однако это еще не все. Мы можем также захотеть оценить как воспринимаемую информацию, так и возможные или происходящие трансформации моделей, к которым приводит получение этой информации. Например, мы можем попытаться выяснить, истинна или ложна информация. Ложные пропозиции, конечно, могут содержаться в базе текста, поскольку они составляют часть того, **что** было сказано и что имелось в виду, но нет необходимости включать их в частную модель, если эта информация противоречит тому, что уже содержится в наших моделях. Ясно, что для оценки истинности или очевидности предложений и сообщений требуется когнитивная теория, включающая эпизодические модели.

Сходным образом дискурс оценивается не только в отношении истинности или ложности, но и в отношении

к индивидуальным нормам и ценностям, то есть в **отношении** к существующим в данный момент у носителя языка взглядам. Кроме того, оцениваться таким образом может не только дискурс или база текста (как хорошее, плохое, интересное, глупое и т. д.), но и описываемые факты. Значит, читающий/слушающий будет помещать в некоторых фрагментах частной модели личностные оценки участников, событий или действий. Это еще одна причина того, почему модели являются одновременно по своей сути эпизодическими и личностными. По истечении какого-то времени мы часто не помним деталей ситуации, а только нашу положительную или отрицательную оценку ситуации или эпизода (Forgas, 1979). Бауэр (1980) показал, что в ряде случаев может быть достаточно ассоциации по настроению, для того чтобы восстановить в памяти события, связанные с тем же настроением.

МОДЕЛИ КОНТЕКСТОВ

Можно считать тривиальным утверждение о том, что дискурсы не создаются и не воспринимаются в вакууме. Они являются неотъемлемой составляющей коммуникативных ситуаций. Поэтому мы полагаем, что носители языка создают и модель той конкретной ситуации, **участниками** которой они являются по определению. В то время как ситуационные модели можно назвать семантическими, так называемые контекстные модели являются прагматическими и социальными. Они необходимы, как мы уже видели, для того, **чтобы** создать связную базу текста, определить жанр дискурса, представить цели и интересы участников дискурса, а также обеспечить должное внимание общепризнанным или ситуативно обусловленным характеристикам участников коммуникации, таким, например, как статус или социальная роль. Эти условия **необходимы** также для того, чтобы приписать дискурсу прагматическую интерпретацию, то есть определить, какой речевой акт при этом осуществляется: угроза, утверждение или просьба (van Dijk, 1981).

Контекстные модели, по определению, носят частный характер: они являются моделями данной специфической коммуникативной ситуации. Тем не менее в некоторых случаях на их основе можно создавать более общие модели, например модели проведенных нами важных или сложных переговоров или модель ситуации, в которой мы получили важный дискурс (во время собеседования при при-

еме на работу, на лекции, в телевизионной передаче и т.п.).

Поскольку конкретный дискурс составляет часть коммуникативного контекста, мы можем предположить, что репрезентация текста является частью контекстной модели. В самом деле, в некоторых случаях мы можем вспомнить не только, что было сказано (то есть часть базы текста), но и то, когда, кем и как это было сказано (**Keenan, MacWhinney and Mayhew, 1977**). Дискурс является неотъемлемой составляющей контекста. Он связан не только с **объектами**, о которых идет речь, и, следовательно, для его понимания требуются не только ситуационные модели. Дискурсы сами по себе являются социальными действиями, которые могут запоминаться ради самих себя. Такие дискурсы могут вызывать важные изменения в социальных отношениях и социальных ситуациях. Судебное **разбирательство**, например, в значительной степени состоит из обусловленных ситуацией речевых действий, таких, как обвинение (обвинительные заключения), иски, свидетельства, допросы и приговоры, которые в своей совокупности могут иметь важные социальные последствия. Из этого вытекает значимость конструирования людьми контекстных моделей тех коммуникативных ситуаций, которые имеют решающее значение для их жизни. В некоторых случаях мы даже вспоминаем только контекстную модель нашего разговора с кем-нибудь и совсем не помним, о чем шла речь (ситуационная модель).

В конечном итоге именно контекстная модель определяет типичную эпизодическую природу дискурса и частной ситуационной модели: она задает такие параметры, как время, место и способ получения нами информации о какой-либо ситуации. Хотя мы провели теоретическое разграничение между базой текста и общими или частными моделями, находящимися в эпизодической памяти, а также между личностными и социальными моделями, следует сознавать, что вместе с обсуждаемыми здесь контекстными моделями система нашей памяти представляет собой интегрированную структуру этих видов информации. Мы уже видели, что репрезентация самого дискурса (базы текста и его поверхностной структуры) является частью контекстной модели, и эта контекстная модель находится в систематических отношениях с конструируемой частной ситуационной моделью. [...]

Контекстная модель позволяет нам провести также теоретическое рассмотрение различий между устной и **пись-**

менной речью (Rubin, 1980). Вообще говоря, мы исходим из того, что модели ситуаций создаются и требуются для понимания как устных, так и письменных текстов. Однако иногда могут иметь значение и различия в способе коммуникации, и это следует отразить в контекстной модели. В некоторых случаях мы помним, в какой форме (устной или письменной) была получена нами данная информация, а иногда и то, кто нам ее передал. Важно и то, что в письменном тексте обнаруживаются различные сигналы, способствующие формированию **базы** текста, макроструктур и моделей, сигналы, отсутствующие как таковые в устном тексте: верстка текста, заголовки, различные шрифты. Как уже говорилось, в этих случаях формирование макроструктур, как и извлечение необходимых моделей из памяти, может быть облегчено.

Однако основные различия между устной и письменной коммуникацией заключаются в системе стратегической организации процессов порождения и восприятия сообщений (Hildyard and Olson, 1982). В отличие от восприятия на слух, чтение допускает установление приемлемой для индивида скорости восприятия, понимания и усвоения знания. Это означает, что читающие могут уделить больше времени извлечению из памяти личностных моделей и могут активизировать больше информации, заключенной в этих моделях. В результате могут возникнуть и конфликты: более широкое и более уместное использование моделей дает возможность лучшего понимания, но в то же время бесконтрольная активизация информации, содержащейся в личной памяти, может приводить к смешению ее с информацией, содержащейся в данном тексте и в данной ситуационной модели. С другой стороны, богатая информация, содержащаяся в устном тексте (передаваемая интонацией, жестами, **паралингвистическими элементами**), позволяет конструировать более дифференцированную контекстную **модель** и, следовательно, способствует более эффективному восстановлению в памяти самой коммуникативной ситуации.

ПРИМЕР: ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ И СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МОДЕЛИ

Поскольку полный анализ соответствующих моделей знания, необходимых для понимания даже простого текста, занял бы, вероятно, большую часть отведенного для

этой публикации места, мы ограничимся лишь несколькими фрагментами такого **анализа**. В таблице 1 (см. табл. в Приложении, с. 105—107) анализируется начало информационного сообщения, опубликованного в одной нидерландской газете („NRC-Handelsblad“ от 12 июля 1983 г.). В левой колонке дана информация, содержащаяся в тексте и в части коммуникативного контекста (выраженная средствами естественного языка без какой-либо формализации), а в правой колонке — **предполагаемые** модели, активизируемые, используемые и обновляемые в ходе чтения информации. Поскольку не существует стандартных способов представления множества процессов, происходящих при этом, используемая нами нотация моделей, их содержания, порядка воссоздания моделей, обновления и установления связей внутри и между моделями создана ad hoc, (см. табл. на с. 105—107).

Во-первых, мы видим, что контекст поставляет и активизирует некоторую информацию о типе коммуникации (газетное сообщение), типе газеты и о тех **особенностях** политической ориентации газеты (консервативной), которые могут имплицитно воздействовать на **газетное** сообщение. Последнее может выразиться, **например**, в том, что о леворадикальных движениях будет сообщаться лишь негативная информация.

Заголовок -текста и лежащая в его основе **семантическая** репрезентация содержит понятия, которые могут служить для активизации основных моделей данного текста, то есть ПЕРУ и (ВООРУЖЕННОЕ) НАПАДЕНИЕ. **Частная** модель в этом случае представляет собой сочетание информации, извлеченной из этих двух моделей, с информацией, содержащейся в тексте: нападение произошло в Перу. Модели включают как общую информацию о Перу и вооруженных нападениях, так я **возможную** личную информацию, связанную, например, с находящимися в Перу друзьями. Информация в моделях А.с и d получена из недавних газетных сообщений о террористическом движении в Перу. Эта информация может подключать **недавние** конкретные модели текста и контекста и, следовательно, частные модели этих террористических актов. Конвенциональные категории, входящие в состав модели НАПАДЕНИЕ, такие, как участники, цель, действие, частично взяты (восстановлены заново) из информации, содержащейся в базе текста. Тот факт, что при нападении использовано оружие, составляет часть нашей общей модели (и сценариев) нападения, кроме **того**, это **предполагает**

ся заголовком („один человек убит“). Имеющиеся в нашем распоряжении знания позволяют предполагать, что речь идет о политической акция. Последующие **предложения** пополняют эти модели информацией: точное местонахождение (Лима, штаб-квартира Партии народного действия), число нападавших, число пострадавших и как они пострадали, использованное оружие. Значительный объем информации, которая может **быть** использована или извлечена путем умозаключений, не выражен в тексте, например то, что **Лима — столица** Перу, что **нападавшие — противники** правящей Партии народного действия, и, возможно, оценочное суждение типа того, что люди, нападающие на безоружных женщин, поступают плохо. Предшествовавшая информация в газетах могла сформировать еще одну модель, а **именно** — о подпольном движении „**СЕНДЕРОЛЮМИНОСО**“, что может задействовать информацию, не содержащуюся в тексте, например о том, что **раньше** их поддерживали крестьяне. Это отсутствие информации в тексте может связываться с нашей моделью данной газеты (более подробно о понимании газетных сообщений см. van **Dijk and Kintsch**, 1983).

Разумеется, здесь не отражены образные представления, которые могут возникать в нашем воображении, а именно то, как происходило нападение. Стреляли из автомобиля? Как можно бросить гранату из (движущегося) автомобиля? То же самое может относиться и к представлению о здании штаб-квартиры и т. п.⁴

Однако важнее то, что этот пример показывает, как фрагменты моделей извлекаются из памяти с помощью ключевых моментов текста, как они используются и обновляются.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Если понятие ситуационной модели обладает эмпирическим содержанием, то следует по крайней мере попытаться выявить экспериментально некоторые более специфические следствия их существования. Некоторые экспериментальные исследования уже упоминались, и, разумеется, существует достаточное количество проведенных ранее экспериментов, которые могут быть **проинтерпретированы** по-новому, в свете теории моделей. Однако **ограниченный** объем данной **публикации** не позволяет провести детальный разбор полученных в этой области

экспериментальных данных. Поэтому мы лишь кратко выскажем ряд предположений и дадим некоторые предварительные прогнозы.

1. Первое общее предположение, конечно, сводится к тому, что носитель языка, не обладающий моделью или обладающий чрезвычайно фрагментарной моделью, должен встретиться со значительными трудностями при понимании дискурса. Результатом может быть замедление чтения, слабое запоминание, значительное количество ошибок при воспроизведении по памяти и узнавании и другие последствия низкой степени понимания. Так, сообщения о **чрезвычайно** непривычных событиях могут представлять большую сложность именно потому, что создать подходящую частную модель довольно сложно. Это характерно для сообщений о событиях и действиях, происходящих в обществах с другой культурой (Kintsch and Greene, 1979).

2. Можно ожидать, что определенные свойства текста облегчают или затрудняют создание частной модели. Это типично для текстов с абстрактным содержанием, для которых образные представления о **конкретных** лицах, предметах или действиях не играют роли (Paivio, 1971).

3. Текст может содержать описание ситуации, следующее канонической структуре модели, и в этом **случае** создание модели должно происходить легче, чем при описании ситуации, отличающемся от канонического (Mandler, 1978; Ehrlich et al., 1979; Levelt, 1982; Jarvella and Klein, 1982).

4. Если структура текста довольно сильно отклоняется от канонической структуры модели, это может осложнить понимание, но в то же время отрезки текста, отклоняющиеся от привычных шаблонов, легче опознать. То же должно относиться и к специфическим стилистическим чертам текста и к риторическим фигурам.

5. Если частные модели собраны из фрагментов других моделей, то следует ожидать, что при большем количестве задействованных моделей для понимания текста требуется большее количество времени. Кроме того, в этих случаях воспроизведение по памяти может **быть** менее успешным, чем при ситуации, которой соответствует одна модель.

6. Существует тенденция к смешению собственно текстуальной информации с информацией, содержащейся в модели. Она проявляется тем очевиднее, чем больше времени прошло с момента предъявления сообщения. Эф-

фект будет усиливаться, если испытуемые прочтут **несколько** текстов об одной и той же ситуации, как это бывает с **газетными** новостями (см. также Bower, Black and Turner, 1979).

7. Если модели играют определенную роль в процессе обновления информации, можно ожидать, что тексты с большим количеством новой информации труднее читать, понимать или воспроизводить по памяти по сравнению с текстами, содержащими большое количество информации из старых моделей, поскольку в этом случае объем конструктивной деятельности должен быть большим.

8. Модели обеспечивают фоновое знание для понимания дискурса. Следовательно, если модель является достаточно полной, текст может содержать больше имплицитной информации и быть относительно менее связным: в таких случаях наблюдается более активное использование пресуппозиций и меньшее число эксплицитных коннекторов или связывающих пропозиций.

9. **Если** частные модели используются только ad hoc для обновления более общих моделей, то извлечение этих частных моделей из памяти будет более сложным, чем извлечение из памяти (обновленных) общих моделей.

10. Мы предположили, что общие (социальные) сценарии используются в восприятии речи только через актуализацию в эпизодических моделях. Это может означать, что **актуализованные** фрагменты сценария будут лучше припоминаться, чем **неактуализованные**. С другой стороны, следует принять во внимание и то, что общее, стереотипное знание извлекается из памяти легче, чем эпизодические модели. Здесь потребуются дальнейшие детальные разработки.

11. Модели формируются не только на основе текстуальной информации, но также и на основе интерпретации реальных **событий** и образов. Потребуется серия экспериментов, чтобы выяснить, возможно ли смешение содержащейся в модели информации, извлеченной из текста, и информации, полученной из других источников (**Schallert**, 1980). Представляется возможным экспериментальное отделение понимания и припоминания текстуальной информации от информации, принадлежащей модели.

Хотя мы сформулировали здесь несколько довольно общих предположений о роли моделей, в целом будет достаточно сложно точно отделить информацию, **принадле-**

жащую базе текста, от информации, содержащейся в частных моделях, общих моделях и **сценариях** ⁵.

Разумеется, эмпирическое подтверждение когнитивной реальности ситуационных моделей не должно ограничиваться контролируруемыми лабораторными экспериментами. Напротив, данные о содержании и индивидуальных стратегиях использования эпизодических моделей могут быть извлечены и из более естественных проявлений таких моделей, например из автобиографических высказываний, рассказов, интервью. Процессы извлечения, оценки и использования информации, содержащейся в личном опыте, которые формируют наши личные модели, в самом деле достаточно сложно воссоздать в лабораторных условиях. Существует немало исследований, посвященных различным методам, и они наверняка обеспечат данные о содержании, структуре и использовании личностных моделей (Linton, 1975; Neisser, 1982; Whitten and Mauriello Leonard, 1981).

Наконец, мы должны хотя бы упомянуть об одном из интереснейших приложений теории когнитивных моделей. В нашей работе, выполненной в рамках проекта исследований об этнических предубеждениях в разговорах об этнических меньшинствах в Нидерландах, выяснилось, что различные виды предубеждений, а также различные стратегии их выражения (или невыражения) в речи тесно коррелируют с теоретическими различиями, проведенными в этой работе между различными видами моделей (van Dijk, 1984; 1987a). Предубеждения, основанные на личном опыте, то есть обеспеченные моделями ситуаций, происходивших в ближайшем окружении, отличаются от тех разновидностей предубеждений, которые **производны** от более общих, социальных стереотипов относительно этнических групп. Однако личностные предубеждения могут легко переходить из частных моделей в общие или могут использоваться в качестве „подтверждения” **негативных** социальных установок.

В исследованиях по социальному познанию (см., например, **Forgas, 1981**) и их приложениях по исследованию социальных стереотипов (**Hamilton, 1981**) все больше внимания уделяется роли социальной репрезентации ситуаций, личностей и групп. Такие понятия, как схемы и сценарии, были заимствованы из психологии и работ по искусственному интеллекту с тем, чтобы моделировать структуру и использование стереотипных представлений о национальных меньшинствах. Наши исследования по-

ЗВОЛЯЮТ высказать предположение, что в дополнение к более эксплицитным способам представления информации и четким стратегиям обработки социальной информации ситуационные модели также важны при рассмотрении формирования и функционирования мнений и установок, относящихся к этническим меньшинствам. Без понятия модели неясно, как находящиеся во власти предрасудков люди в действительности интерпретируют межэтнические ситуации и как они действуют в таких ситуациях. Отсутствие конкретного личного опыта, например столкновений с представителями национальных меньшинств, будет побуждать людей „представлять себе“ такой опыт путем формирования моделей „по умолчанию“, то есть путем актуализации уже существующих этнических установок, извлеченных из семантической (социальной, общей) памяти. И наоборот, единичная частная модель такого столкновения может быть использована в стратегии формирования общих моделей и абстрактных установочных схем, относящихся к этническим меньшинствам (подробнее см. van **Dijk**, 1987a).

Мы привели этот пример продолжающегося исследования не только потому, что он демонстрирует релевантность понятия эпизодических моделей в других областях психологии и социологии, и не только для того, чтобы выявить ряд специфических черт предубежденной речи, но и с целью подчеркнуть потребность в междисциплинарном подходе к дальнейшей разработке этого понятия, а также желая указать на возможность успешного использования когнитивных теорий в анализе актуальных социальных проблем.

ВЫВОДЫ

Мы продемонстрировали, что когнитивная теория обработки дискурса нуждается в теории моделей. Модели представляют собой находящиеся в эпизодической памяти когнитивные репрезентации ситуаций, которые описываются в дискурсах. Они включают аккумулированный опыт предыдущих событий с теми же или подобными предметами, лицами или явлениями. Они требуются в качестве основы интерпретации дискурса. Только в отношении этих моделей мы можем оценить сообщение по его истинности/ложности, установить **референциальное** тождество и выявить его связность на локальном и глобальном уровнях.

Мы предположили, что ситуационная модель строится вокруг схемы модели, состоящей из ограниченного числа категорий, которые используются для интерпретации ситуаций. Эти схемы наполняются затем конкретной информацией, которую мы получаем о такой ситуации в различных ситуативных и коммуникативных контекстах. Дискурс обычно обрабатывается с тем, чтобы обновить существующие модели или создать новые. Поскольку дискурсы одновременно могут быть о разных видах опыта, нам часто требуется построить новую частную модель из фрагментов существующей модели. Таким образом, каждая частная модель создается на основе: 1) информации, извлеченной из текста, 2) фрагментов уже имеющихся моделей, 3) актуализации общего знания (сценариев).

Наконец, было продемонстрировано, что понимание дискурса требует также создания частных контекстных моделей, неотъемлемой составляющей которых является данный конкретный дискурс. Эти контекстные модели не только придают тексту необходимое социальное измерение, но также служат собственно эпизодическим и коммуникативным измерением ситуационных **моделей**, конструируемых в результате обработки дискурса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Не **следует** смешивать это понимание **моделей** с таким пониманием, при котором „модель“ является **приблизительным** эквивалентом „теории“. В данной работе когнитивная **модель** — это не модель (теория) познания, а структура представления знания в памяти.

² В особенности в этом разделе не было **возможности** отдать должное многим ценным идеям о **социокогнитивных** аспектах ситуаций и эпизодов, которые были выдвинуты в течение **последних** десятилетий исследовательской деятельности. Подробнее см. работы: Forgas, 1979; Argyle et al., 1981. Полезная антология, включающая множество публикаций по разным аспектам понимания (социальной) ситуации: Furnham and Argyle, 1981.

³ Эти макропропозиции **необходимы**, чтобы организовать иерархически, порой чрезвычайно обширного объема, знание, которое может быть накоплено в результате неоднократного получения информации (включая тексты) о различных категориях схемы, то есть деталях, касающихся **лиц, предметов**, действий, с которыми мы регулярно сталкиваемся.

* Другие сообщения в нидерландской прессе, как и заметка в „**Гардиан**“ от 13 июля 1983 г., включают различные детали того же события и, следовательно, выражают и вводят различные модели (которые можно назвать *вариантами модели* или *альтернативными моделями*) ситуации. Так, „**Гардиан**“ **сообщает**, что нападавшими руководила женщина, что было убито три человека и что нападавшие на самом деле покинули машины и ворвались в здание. Несмотря на точность цифровых данных

в газетных сообщениях (**риторический** прием, цель **которого** — подчеркнуть **достоверность**), различные информационные агентства и газеты, судя по всему, выражают различные модели.

⁵ Это скорее техническая проблема для проведения контролируемых экспериментов. Как было показано в настоящей работе, существуют систематические различия в содержании, функциях и **использовании** различных структур знания/мнений в памяти, даже если между ними имеются многочисленные связи. Поскольку эпизодическая память накапливает сведения не только об эпизодах, а семантическая долговременная память является не только семантической (а включает также схемы эпизодов), представляется более уместным говорить соответственно о *личностной* и *социальной* памяти.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Пример анализа текста. База текста и ситуационная модель текста. В графе „Информация, содержащаяся в моделях” информация, полученная из базы текста, выделена, даже если она была известна до того. Значимые референты текста/модели пронумерованы (**p1**, **p2** и т. д.), чтобы показать **корреференцию**.

Текст. ПЕРУ: ОДИН ЧЕЛОВЕК **УБИТ** ВО ВРЕМЯ НАПАДЕНИЯ НА ШТАБ-КВАРТИРУ ПАРТИИ

При нападении группы из пяти вооруженных человек на штаб-квартиру правящей Партии народного действия в Лиме одна женщина была **убита**, еще тридцать человек было **ранено**. Полиция предполагает, что нападавшие принадлежали к террористической группировке маоистского толка „Сендеро **Люминосо**“.

Вчера около семи часов вечера по местному времени пятеро нападавших, находившихся в машинах, открыли огонь из полуавтоматических винтовок и забросали гранатами здание партии, в котором как раз началось заседание ее женской секции.

Генеральный секретарь партии Х. А. **Орландини** назвал нападение „самым варварским” актом за три года существования группировки „Сендеро **Люминосо**“.

Перед самым нападением в пятнадцать других местах столицы взорвались бомбы. Жертв не было (**АП, АФП**).

КОНТЕКСТНАЯ
ИНФОРМАЦИЯ

ИНФОРМАЦИЯ, **СОДЕРЖАЩАЯСЯ** В МОДЕЛЯХ

1. Газета	1. МОДЕЛЬ: (НИДЕРЛАНДСКАЯ) ГАЗЕТА
2. Не первая полоса, маленькая заметка	а. консервативная
3. Международные новости	2. Международное событие, относительно малозначимое
	а. социально-политические события

ФРАГМЕНТЫ
БАЗЫ ТЕКСТА

4. **Заголовок**
Перу: один человек убит во время нападения на штаб-квартиру партии.
3. **МОДЕЛЬ А: ПЕРУ**
а. Страна. **МЕСТНЫЕ СОБЫТИЯ.**
б. Северо-западная часть Южной Америки
с. Актуальные политические проблемы (информация получена из 1 и 2а)
д. Террористическая деятельность
е. У меня есть друзья (k, m) в Перу
(МОДЕЛИ k и m)
4. **МОДЕЛЬ В: ВООРУЖЕННОЕ НАПАДЕНИЕ** (информационное сообщение, насилие в странах третьего мира, информация из 1а)
а. Участники: атакующие (p1), атакованные (p2) (жертвы: один человек убит (p3))
б. Цель: штаб-квартира партии (здание) (p4)
с. Действие: нападение
д. Орудие действия: оружие
е. Причины: политические (информация из В.б и А.с)
5. Пятеро вооруженных напали на штаб-квартиру правящей Партии народного действия в Лиме.
5. **МОДЕЛЬ В.а. Вооруженные (p1), пятеро (p1)**
В.б. Штаб-квартира партии (p4)
Дополнительный фактор: Партия народного действия (p5)
Дополнительный фактор: ПНД входит в правительство
6. **МОДЕЛЬ А: Лима — столица**
МОДЕЛЬ В: Место действия: Лима
7. **МОДЕЛЬ В.е. 1. Нападавшие выступают против правящей партии** (информация из В.б.).
2. Нападавшие — члены террористической организации? (информация из В.е. и А.с—д.).

6. Одна женщина убита и еще тридцать человек ранено.

8. МОДЕЛЬ В: Последствия: **женщина (р3), тридцать р2 ранены.**
В.е. Оценочный модификатор: **нападавшие — подлые люди** (убивают женщин).

7. Полиция предполагает, что нападавшие принадлежали к террористической группировке маоистского толка „Сендеро Люминосо“.

9. МОДЕЛЬ В: Реакция: действия **вопреки, заявление.**

10. МОДЕЛЬ В.а.: (подтверждение 7.2?) и А.д.: террористическая группировка „Сендеро Люминосо“: МОДЕЛЬ С.

МОДЕЛЬ С: „СЕНДЕРО ЛЮМИНОСО“

- a. **Террористическая деятельность** в Перу.
- b. **Маоистская идеология** (ортодоксальная)
- c. **Поддерживается** беднейшим крестьянством
- d. Возглавляется бывшим университетским преподавателем
- e. Недавняя статья в газете
- f. По-испански: „Светлый путь“
- g. Подлые люди? (информация из В.е)
- h. МОДЕЛЬ: ГАЗЕТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

8. Вчера около семи часов вечера по местному времени пятеро нападавших, находившихся в машинах, открыли огонь из полуавтоматических винтовок и забросали гранатами здание партии, в котором как раз началось заседание ее женской секции.

11. МОДЕЛЬ В: Время: **около семи вечера, вчера, местное время** (время в Перу)
В.С.: **открыли огонь из полуавтоматических винтовок (р1), забросали гранатами (р1)**
В.: Откуда совершалось нападение: **автомобили (ВБ: повторяющаяся в тексте информация о цели не здесь; ср. 4)**

12. МОДЕЛЬ В: Обстоятельства: **заседание женской секции р5 как раз началось** (женщины в здании: женщина р3) (МОДЕЛЬ А.е.: МОДЕЛИ k и t: друзья в опасности? Друзья — члены СЛ? (МОДЕЛЬ С))

ЛИТЕРАТУРА

- Argyle et al.**, 1981 = Argyle, M., Furnham, A., Graham, J. A. *Social Situations*. London: Cambridge University Press, 1981.
- Beaugrande**, Dressier, 1981 = **Beaugrande**, R. de, Dressier, W. U. *Introduction to Text Linguistics*. London: Longman, 1981.
- Bower, G.H., 1980 = Bower, G.H. *Mood and memory*.— „**American Psychologist**“, 1980, 36, 129—148.
- Bower et al., 1979 = Bower, G.H., Black, J.B., Turner, T.J. *Scripts in memory for text*.— „**Cognitive Psychology**“, 1979, 11, 177—220.
- Bransford, Franks, 1972 = Bransford, J.D., Franks, J.J. *The abstraction of linguistic ideas*.— „**Cognitive Psychology**“, 1972, 2, 331—350.
- Brown, Fraser, 1979 = Brown, P., Fraser, C. *Speech as a marker of situation*.— In: „**Social Markers in Speech**“ (**Scherer, K. R.**, Giles, H. (eds.)). London: Cambridge University Press, 1979.
- Brown, Kulik, 1977 = Brown, R., Kulik, J. *Flashbulb memories*.— „**Cognition**“, 1977, 5, 73—99.
- Coulthard, 1977 = Coulthard, M. *Introduction to Discourse Analysis*. London: Longman, 1977.
- Craik**, 1943 = **Craik**, K. *The Nature of Explanation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1943.
- van Dijk, 1972 = van Dijk, T. A. *Some Aspects of Text Grammars*. The Hague: Mouton, 1972.
- van Dijk, 1973 = van Dijk, T. A. *Text grammar and text logic*.— In: „**Studies in Text Grammar**“ (**Petöfi, J. S.**, Rieser, H. (eds.)). Dordrecht: Reidel, 1973.
- van Dijk, 1977 = van Dijk, T. A. *Text and Context*. London: Longman, 1977.
- van Dijk 1980a = van Dijk, T. A. **Macrostructures**. Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1980.
- van Dijk, 1980b = van Dijk, T. A. (ed.). *Story comprehension (Spec. issue)*.— „**Poetics**“, 1980, 8, 1/3.
- van Dijk, 1981 = van Dijk, T. A. *Studies in the Pragmatics of Discourse*. Berlin: Mouton, 1981.
- van Dijk, 1983 = van Dijk, T. A. *Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice*.— „**Text**“, 1983, 3, 375—404.
- van Dijk, 1984 = van Dijk, T. A. *Prejudice in Discourse*. Amsterdam: Benjamins, 1984.
- van Dijk, 1985 = van Dijk, T. A. (ed.). *Handbook of Discourse Analysis*. London: Academic Press, 1985, vol. 1—4.
- van Dijk, 1987a = van Dijk, T. A. **Communicating Racism: Ethnic Prejudice in Thought and Talk**. Newbury Park (CA): Sage, 1987.
- van Dijk, 1987b = van Dijk, T. A. *News as Discourse*. Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1987.
- van Dijk, 1987c = van Dijk, T. A. *News Analysis*. Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1987.
- van Dijk, Kintsch, 1978 = van Dijk, T. A., Kintsch, W. *Cognitive psychology and discourse: Recalling and summarizing stories*.— In: „**Current Trends in Text Linguistics**“ (Dressier, W. U. (ed.)). Berlin: de Gruyter, 1978.
- van Dijk, Kintsch, 1983 = van Dijk, T. A., Kintsch, W. *Strategies of Discourse Comprehension*. New York: Academic Press, 1983.
- Dik, 1978 = Dik, S. *Functional Grammar*. Amsterdam: North-Holland, 1978.
- Ehrlich et al., 1979 = Ehrlich, K., Mani, K., Johnson-

Laird, P. N. Mental Models of Spatial Relations. University of Sussex, Laboratory of Experimental Psychology, 1979.

Fletcher, 1983 = Fletcher, C. R. Surface Forms, **Textbases** and **Situational Models**. University of Colorado, Boulder, Department of Psychology, 1983.

Forgas, 1979 = Forgas, J. P. Social Episodes. New York: Academic Press, 1979.

Forgas, 1981 = Forgas, **J. P. (ed.)**. Social Cognition. New York: Academic Press, 1981.

Foss, 1982 = Foss, **D. J.** A discourse on semantic priming.— „Cognitive Psychology”, 1982, **14**, 590—607.

Furnham, Argyle, 1981 = Furnham, A., Argyle, M. (eds.) The Psychology of Social Situations. London: Pergamon Press, 1981.

Garnham, 1981 = Garnham, A. Mental models as representations of text.— „Memory and Cognition”, 1981, **9**, 560—565.

Garnham et al., 1982 = Garnham, **A., Oakhill, J., Johnson-Laird, P. N.** Referential continuity and the coherence of discourse.— „Cognition”, 1982, **11**, 29—46.

Givón, 1979 = Givón, T. On Understanding Grammar. New York: Academic Press, 1979.

Guenther, Schmidt, 1979 = Guenther, **F., Schmidt, S. J. (eds.)**. Formal Semantics and Pragmatics for Natural Languages. Dordrecht: Reidel, 1979.

Halloran et al., 1970 = Halloran, **J. D., Elliott, P., Murdock, G.** Demonstrations and communication. Harmondsworth; England: Penguin Books, 1970.

Hamilton, 1981 = Hamilton, **D. (ed.)**. Cognitive Processes in Stereotyping and Intergroup Behavior. Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1981.

Hildyard, Olson, 1982 = Hildyard, **H., Olson, D. R.** On the comprehension and memory of oral vs. written discourse.— In: „Spoken and written language” (Tannen **D. (ed.)**). Norwood (NJ): Ablex, 1982.

Hughes, Cresswell, 1968 = Hughes, **G. E., Cresswell, M. J.** An Introduction to Modal Logic. London: Methuen, 1968.

Jarvella, Klein, 1982 = Jarvella, R. J., Klein, W. (eds.). Speech, Place and Action. Chichester: Wiley, 1982.

Johnson-Laird, 1980 = Johnson-Laird, **P. N.** Mental models in cognitive science.— „Cognitive Science”, 1980, **4**, 72—115.

Johnson-Laird, 1983 = Johnson-Laird, **P. N.** Mental Models. London: Cambridge University Press, 1983.

Johnson-Laird, Garnham, 1980 = Johnson-Laird, **P. N., Garnham, A.** Descriptions and discourse models.— „Linguistics and Philosophy”, 1980, **3**, 371—393.

Kamp, 1981 = Kamp, **H.** A theory of truth and semantic representation.— In: „Formal Methods in the Study of Language” (Groenendijk **J. A. G. et al. (eds.)**). Amsterdam: Mathematical Centre Tracts, 1981.

Karttunen, 1975 = Karttunen, **L.** Discourse referents.— In: „Syntax and Semantics” (McCawley **(ed.)**), vol. 7. New York: Academic Press, 1975.

Keenan, 1975 = Keenan, E. L. (ed.) Formal Semantics of Natural Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1975.

Keenan et al., 1977 = Keenan, **J. M., MacWhinney, B., Mayhew, D.** Pragmatics in memory: A study of natural conversation.— „Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior”, 1977, **16**, 549—560.

Kintsch, Greene, 1978 = Kintsch, **W., Greene, E.** The role of culture-specific schemata in the comprehension and recall of stories.— „Discourse Processes”, 1978, **1**, 1—13.

Kintsch, Dijk, 1975 = Kintsch, W., Dijk, T.A. van. Comment on se rappelle et on resume des histoires.— „Langages“, 1975, **40**, 98—116.

Kintsch, Dijk, 1978 = Kintsch, W., Dijk, T.A. van. Toward a model of context comprehension and production.— „Psychological Review“, 1978, **85**, 363—394.

Levelt, 1982 = Levelt, W.J.M. Linearization in describing spatial networks.— In: „Processes, Beliefs and Questions“ (Peters, S., Saarinen, E. (eds.)). Dordrecht: Reidel, 1982.

Linton, 1975 = Linton, M. Memory for real-world events.— In: „Explorations in Cognition“ (Norman, D.A., Rumelhart, D.E. (eds.)). San Francisco: Freeman, 1975.

Lippmann, 1922 = Lippmann, W. Public Opinion. New York: Harcourt, 1922.

Mandler, 1978 = Mandler, J.A. code in the node: The use of a story schema in retrieval.— „Discourse Processes“, 1978, **1**, 14—35.

Nash-Webber, 1978 = Nash-Webber, B.L. A Formal Approach to Discourse Anaphora. Cambridge (MA): Bolt, Beranek and Newman, 1978.

Nash-Webber, 1981 = Nash-Webber, B.L. Discourse model synthesis: Preliminaries to reference.— In: „Elements of Discourse Understanding“ (Joshi, A.K. et al. (eds.)). London: Cambridge University Press, 1981.

Neisser, 1982 = Neisser, U. (ed.) Memory Observed: Remembering in Natural Contexts. San Francisco: Freeman, 1982.

Paivio, 1971 = Paivio, A. Imagery and Verbal Processes. New York: Holt, 1971.

Petöfi and Rieser, 1974 = Petöfi, J.S. and Rieser, H. Probleme der modelltheoretischen Interpretation von Texten. Hamburg: Buske, 1974.

Rubin, 1980 = Rubin, A. A theoretical taxonomy of the differences between oral and written language.— In: „Theoretical Issues in Reading Comprehension“ (Spiro, R.J. et al. (eds.)). Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1980.

Schallert, 1980 = Schallert, D.L. The role of illustrations in reading comprehension.— In: „Theoretical Issues in Reading Comprehension“ (Spiro, R.J. et al. (eds.)). Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1980.

Schank, 1982 = Schank, R.C. Dynamic Memory. London: Cambridge University Press, 1982.

Schank, Abelson, 1977 = Schank, R.C., Abelson, R.P. Scripts, Plans, Goals and Understanding. Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1977.

Schutz, 1970 = Schutz, A. On phenomenology and social relations.— In: „Alfred Schutz on Phenomenology and Social Relations“ (Wagner, H.R. (ed.)). Chicago: University of Chicago Press, 1970.

Stenning, 1978 = Stenning, K. Anaphora as an approach to pragmatics.— „Linguistic Theory and Linguistic Reality“ (Halle, M. et al. (eds.)). Cambridge (MA): MIT Press, 1978.

Thomas, 1928 = Thomas, W.I. Situational analysis. The behavior pattern and the situation.— In: „W.I. Thomas on Social Organization and Social Personality“ (Janovits, M. (ed.)). Chicago, University of Chicago Press, 1928.

Tulving, 1983 = Tulving, E. Elements of episodic memory. London: Oxford University Press, 1983.

Whitten and Mauriello, Leonard, 1981 = Whitten, W.B. and Mauriello, Leonard J. Directed search through autobiographical memory.— „Memory and Cognition“, 1981, **9**, 566—579.

АНАЛИЗ НОВОСТЕЙ КАК ДИСКУРСА*

НОВОСТИ КАК ТИП ДИСКУРСА

Одно из наиболее очевидных свойств газетных и телевизионных новостей, которое игнорировалось как в традиционных, так и в сравнительно недавних исследованиях средств массовой информации, состоит в том, что они представляют собой особый вид дискурса. Доминирование социальных наук в изучении средств массовой коммуникации привело к концентрации внимания преимущественно на экономических, политических, социальных или психологических аспектах обработки текстов новостей. Такая **ориентация** дала возможность выявить основные факторы, задействованные в процессе производства новостей и в процессах использования или воздействия этих сообщений. В подобных исследованиях внимание на само сообщение обычно обращается лишь постольку, поскольку оно информирует о факторах, **действующих** в различных контекстах его **употребления**. Различные формы **контентанализа** — как традиционные, так и недавно возникшие — **были** направлены на методологически адекватное описание отдельных свойств текстов массовой информации с основной **целью** — **выявить** особенности соответствующих контекстов. Адекватность такого подхода определяется скорее обоснованностью используемых категорий и изощренностью статистической обработки результатов, чем систематическим анализом и пониманием текстов массовой коммуникации.

Основываясь на результатах современных междисциплинарных исследований дискурса, мы можем несколько

* Teun A. van Dijk. The Analysis of News as **Discourse**. — In: „News Analysis. Case Studies of International and National News in the Press (Ed. by Teun A. van **Dijk**). Hillsdale, New Jersey, 1988, p. 1—30.

иначе подойти к изучению текстов сообщений массовой коммуникации. Определяющим свойством этой новой ориентации является ее направленность на изучение самой сути процесса массовой коммуникации, а именно самих речевых сообщений. При таком подходе речевые сообщения уже не анализируются лишь в терминах, поддающихся наблюдению и статистической обработке, эмпирически выявляемых переменных, соотносящихся со свойствами источника новостей или условий их производства, с одной стороны, и характеристиками потребителей и оказываемого на них **воздействия** — с другой. Весь корпус текстов массовой коммуникации, и тексты новостей в особенности, требует, помимо этого, изучения их самих как особого типа языкового употребления и особого типа текстов, относящихся к специфической социокультурной деятельности.

Это означает, прежде всего, что тексты массовой коммуникации следует анализировать с точки зрения их собственной структурной организации, на различных уровнях описания. Такой структурный анализ не ограничивается лингвистическим описанием фонологических, морфологических, синтаксических Или семантических структур изолированных слов, словосочетаний или предложений, как это принято в структурной или порождающей лингвистике. Тексты характеризуются и более сложными, относящимися к более высокому уровню свойствами, такими, как отношения связности между предложениями, общая тематическая структура, схематическая организация, и рядом стилистических и риторических параметров. Тексты массовой коммуникации, представленные в письменной или устной форме как в форме монолога, так и в форме диалога, получают при таком подходе комплексное описание как их общей организации, так и специфических свойств. Таким путем мы можем, например, описать структуру и функцию заголовков и вводов (leads) в текстах газетных сообщений, так же как и стилистические **особенности**, линейную и тематическую организацию таких текстов. Точно так же тексты интервью или бесед со знаменитостями, то есть тексты, являющиеся одной из форм диалогического взаимодействия в сфере массовой коммуникации, могут исследоваться с точки зрения изменения в них ролей говорящих, линейной упорядоченности, использования различных стратегий.

И все же это еще не все. Изучение дискурса не ограничивается эксплицитным описанием структур самих по се-

бе. Результаты исследований дискурса в области таких различных дисциплин, как теория речевой коммуникации, когнитивная психология, социальная психология, микро-социология и этнография, показали, что дискурс не является лишь изолированной текстовой или диалогической структурой. Скорее это сложное коммуникативное явление, которое включает в себя и социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характеристиках), так и о процессах производства и восприятия сообщения. Хотя основательный структурный анализ уже сам по себе важен в изучении процесса массовой коммуникации, все же главным здесь является расширенное понимание контекстуальной перспективы дискурса, особенно значимой в исследовании текстов массовой коммуникации. Направленный таким образом **дискурсный** анализ может также привести к новому пониманию тех процессов производства и использования сообщений, которые справедливо считаются наиболее значимыми в изучении массовой коммуникации. Новое при таком подходе видится в следующем: многие факторы и условия производства текстов массовой коммуникации, от экономических условий до социальных и институциональных процедур выпуска текстов новостей, теперь могут быть эксплицитно соотнесены с различными структурными характеристиками этих текстов. То же верно и для процессов восприятия: понимание, запоминание и воспроизведение информации, содержащейся в текстах новостей, теперь могут изучаться в аспекте их обусловленности текстуальными и контекстуальными (когнитивными, социальными) особенностями процесса коммуникации.

СТАНОВЛЕНИЕ ДИСКУРСНОГО АНАЛИЗА

Обращение к **дискурсному** анализу при исследовании средств массовой коммуникации началось сравнительно недавно; поэтому необходимо краткое введение для обоснования предпосылок и развития этого нового подхода (подробнее об этом см.: van Dijk, 1985 с). В то же время такой беглый исторический очерк может показать междисциплинарные основания и теоретическую и методологическую разнородность области **дискурсного** анализа.

Хотя историю этого направления исследований дискурса, находящегося на стыке разных наук (ср. нем. „Textwissenschaft“), можно проследить до античных трактатов по риторике и поэтике более чем 2000-летней **давно-**

сти, его современное развитие началось в середине 1960-х гг. Как и структурная, и порождающая грамматики в лингвистике, современный **дискурсивный** анализ, находящийся под методологическим влиянием этих грамматик, основан на исследованиях в области антропологии и этнографии и связях этих дисциплин с поэтикой и семиотикой. В период развития русского формализма (в годы до и после Октябрьской революции) антропологи, лингвисты и литературоведы представили первый опыт **простейшего** структурного анализа различных типов текста (**Erlich**, 1965). И до сих пор, думается, наиболее **важным** исследованием такого плана, подключающим к анализу многие другие дисциплины, явилось исследование морфологии русской сказки, предложенное Владимиром Проппом 60 лет назад (**Propp**, 1928, 1958).

Структурализм, семиотика, нарративный анализ и этнография

Неизвестные на Западе в течение десятилетий исследования Проппа и работы других ранних формалистов способствовали возникновению структурной антропологии Клода **Леви-Стросса** (**Lévi-Strauss**, 1958; **Lévi-Strauss**, 1960) в 1960-х гг. Вместе с **ростом** структурной лингвистики и ее достижениями работы Леви-Стросса по анализу мифов и первые переводы работ русских формалистов на французский язык (**Todorov**, 1966 b) способствовали развитию направления, которое теперь известно под названием французского структурализма. Главной особенностью этого структуралистского подхода является его интерес к анализу повествования. **Исследование** литературных рассказов и обыденных историй, затем анализ фильмов и социальных мифов, которые **основываются** преимущественно на методах языкознания, представлены в работах Барта (**Barthes**, 1966), **Греймаса** (**Greimas**, 1966), Тодорова (**Todorov**, 1966 a; **Todorov**, 1969), **Кристевой** (**Kristeva**, 1969), Эко (Есо, 1966; Eco, 1976), Меца (**Metz**, 1966), Бремона (**Bremond**, 1964; **Bremond**, 1973) и многих других („Communications", 1964; „Communications", 1966; см. также Culler, 1975). Хотя первые исследования такого рода начали появляться примерно в 1964 г., их социокультурный контекст и оказанное ими влияние на читателей связаны со студенческими волнениями 1968 г. и последовавшими изменениями в сфере высшего образования в том же году

и в последующие годы. В 1970-х гг. стало наблюдаться быстрое распространение структурализма этого направления и в Европе и в США, однако наиболее значительным и продолжительным воздействием этого направления было в **романоязычных** странах Европы, Северной и Южной Америки.

Связующим элементом в этом очень широком наборе различных направлений было возрождение новой дисциплины, а именно семиотики (франц. **sémiologie**), на основе нескольких родственных дисциплин в области социальных наук (Morris, 1938) и гуманитарных наук (**Barthes**, 1964; **Eco**, 1976). Как общая теория знаковой деятельности семиотика дала равную возможность антропологам, литературоведам, лингвистам и социологам изучать значение и обозначение в терминах, позволяющих устанавливать междисциплинарные соответствия и связи. Помимо широкоизвестных семиотических исследований мифов, рассказов, поэтических произведений, семиотика стимулировала также усиленный интерес к изучению различных явлений культуры и общественной **жизни**, которые ранее не пользовались вниманием со стороны традиционных научных дисциплин, например к изучению жестикюляции, национальных флагов и символов, к исследованию кино, рекламы, комиксов и других средств массовой информации. (Многие из этих работ были впервые опубликованы в широкоизвестном журнале „Communications“.) Семиотический подход в дальнейшем оказал воздействие и на исследование средств массовой коммуникации и новостей (Bentele, 1981; Hartley, 1982).

В то же самое время в другой части Европы структурная антропология также пробудила интерес к систематическому анализу мифов и сказок (**Dundes**, 1964; **König-Maranda** and **Maranda**, 1971). И лишь исследование в области лингвистической антропологии, разрабатываемой в США, заложили основы для широкого изучения дискурса и коммуникативных явлений. Благодаря деятельности таких ученых, как Хаймс и Гамперц, середина 1960-х гг. была отмечена возникновением этнографии устной речи и этнографии коммуникации (Hymes, 1964; **Gumperz** and **Hymes**, 1972). Помимо структурного анализа мифов, сказок, рассказов, песен, различных типов повседневного устного общения, в рамках данного подхода производилось исследование общего этнографического контекста таких дискурсов, в том числе особенностей их коммуникативной реализации, а также

социальных и культурных условий их употребления (Bauman and Sherzer, 1974; Saville-Troike, 1982; Gumperz, 1982a; Gumperz, 1982b).

Анализ речевого общения

Вторым важным источником современного дискурсного анализа следует признать микросоциологию. Исходя из существенно отличающихся теоретических и феноменологических ориентации, различные социологи, такие, как Гoffман (Goffman, 1959; Goffman, 1967), Гарфинкель (Garfinkel, 1967) и Сикурель (Cicourel, 1973), сосредоточивают внимание на изучении повседневного речевого общения и значениях и интерпретациях, лежащих в его основе. Такая направленность исследований вскоре породила особый интерес к одному из наиболее обыденных и в то же время наиболее своеобразных видов повседневного речевого общения — разговору, беседе (Sudnow, 1972; Schenkein, 1978). Движение в этом направлении было положено работой Сакса, Щеглова и Джефферсона (Sacks, Schegloff and Jefferson, 1974) о смене ролей в разговоре; вслед за этим методы анализа речевого общения быстро распространились на другие дисциплины, такие, как социолингвистика и этнография, и теперь этот анализ является одной из основных парадигм в обширной сфере дискурсного анализа. Анализ речевого общения не только привлек устойчивое внимание к неформальным типам устной речи, но и оказал влияние на изучение других типов диалогического взаимодействия: текстов „врач — пациент“, „учитель — ученик“, текстов общения при встречах, интервью при найме на работу (Sinclair and Coulthard, 1975; Labov and Fanshel, 1977; Mehan, 1979; см. также van Dijk, 1985c, vol. 3; Atkinson and Heritage, 1984; McLaughlin, 1984).

Прагматика и социолингвистика

Третьим направлением, важным для становления дискурсного анализа, явились работы по философии, в том числе работы 1960-х гг. по анализу речевых актов (таких, как обещания или угрозы) Остина (Austin, 1962), Сёрля (Searle, 1969) и Грайса (Grice, 1967/1975). Они обеспечили базисную концептуальную структуру для рассмотре-

ния употребления языка с точки зрения прагматики, что позволило установить необходимую связь между языковыми высказываниями как лингвистическими объектами, с одной стороны, и социальными действиями, с другой (**Sadock**, 1974; **Parret**, Sbisa and Verschueren, 1981; **Leech**, 1983; **Levinson**, 1983). Первоначально большая часть этих исследований ограничилась рамками высказываний, состоящих из **одного изолированного** предложения. Однако оказалось, что ранее не исследовавшиеся прагматические связи между лингвистическими структурами и социальными действиями важны и при анализе текста как последовательности речевых **актов**, и при анализе отношений между текстом и контекстом (van Dijk, 1981).

Четвертым источником влияния на **дискурсный** анализ была зарождающаяся в середине 1960-х гг. социалингвистика (**Fishman**, 1968). Социалингвистика предложила заменить достаточно абстрактное, **внеконтекстное изучение** языковых систем методами структурной или порождающей грамматик эмпирическим исследованием реального использования языка в определенном социальном **контексте** (**Giglioli**, 1972; **Dittmar**, 1976). Основное внимание социалингвистики было сосредоточено на том влиянии, которое оказывают социальные факторы (принадлежность к определенному классу, роду, этническому типу и под.) на лингвистическую вариативность; социалингвистика отвергает устоявшееся представление об однородности языковой общности, владеющей одним и тем же языком. Под влиянием таких работ, как работы Эрвин-Трипп (**Ervin-Tripp**, 1969) и Лабова (**Labov**, 1972a; **Labov**, 1972b), изучение реального функционирования языка, естественно, привело к анализу стилистической вариантности и различных типов дискурса, таких, как речевое общение „родителя и ребенка“, рассказы в повседневной речи, словесные дуэли между юношами-неграми. Как и другие вышеупомянутые дисциплины, современная социалингвистика в значительной степени сливается с анализом социальных типов дискурса (**Stubbs**, 1983).

Обработка текста с точки зрения психологии в искусственного интеллекта

Пятый источник **определяется** сменой парадигм, осуществившейся в конце 1960-х — начале 1970-х гг. в пси-

ХОЛИНГВИСТИКЕ, когнитивной психологии и в области искусственного интеллекта: вскоре после периода сближения с порождающими грамматиками в рамках анализа предложения психология обнаружила „заманчивую" сферу **исследования** — **область** обработки текста с возможными выходами в область педагогической психологии (**Freedle and Carroll, 1972; Kintsch, 1974**). Восприятие, запоминание, репрезентация в памяти, воспроизведение текстовой **информации** — **вот** основные процессы, которые исследовались в рамках этого плодотворного научного направления (обзор работ и список рекомендуемой литературы см. в: **van Dijk and Kintsch, 1983**). Исследование этих процессов проводилось в основном на материале рассказов, благодаря по крайней мере тем из американских исследователей, кто воспринял структурный анализ повествования (**van Dijk, 1980 b**). В исследованиях по искусственному интеллекту внимание также **сосредоточено** на рассказах, результаты такого анализа особенно важны для компьютерного моделирования значительных по своему объему знаний (организованных в сценарии), необходимых для интерпретации дискурса. (**Schank and Abelson, 1977**).

Лингвистика текста

Наконец, и сама лингвистика, отчасти под влиянием структуралистских работ по анализу повествования, постепенно **выходит** за рамки одного предложения. Во многих странах, особенно в Западной **Европе**, в конце 1960-х гг. предпринимаются первые попытки разработки **грамматики** текста и теории текста (**Petöfi, 1971; Dressier, 1972; van Dijk, 1972; Schmidt, 1973**; для введения в проблему см.: **Beaugrande and Dressier, 1981; Beaugrande, 1980**). Такие теории призваны были **выявить** закономерное сочетание предложений, а также предоставить возможность высокоуровневой семантической интерпретации текста в терминах макроструктур (**van Dijk, 1980 a**). В Великобритании многие ученые проявляли интерес к структурам дискурса, особенно под влиянием так называемой системной грамматики, развиваемой **Хэллидеем** (**Halliday and Hasan, 1976; Benson and Greaves, 1985**). В этих работах по лингвистике текста было выявлено, что позиция в тексте и выполняемая функция определяют не только любопытные свойства последовательностей предложений или целых

фрагментов текста, но и особенности фонологической и синтаксической структуры, а также варианты семантической интерпретации предложений. Сходные наблюдения характерны и для грамматики дискурса, развиваемой в США (Givón, 1979). Такие различные направления **дискурсного** анализа впервые дали возможность эксплицитно охарактеризовать **отношения**, существующие между грамматическими структурами текста, с одной стороны, и другими структурами текста, например **нарративными**, — с другой.

Становление дискурсного анализа как нового междисциплинарного направления

В начале 1970-х гг. результаты работ в этих разных направлениях дискурсного анализа получали отражение в монографиях, специальных выпусках журналов, в материалах конференций и в других институциональных формах. В это время, однако, названные направления были относительно автономны. До конца 1970-х гг. стремление к интеграции и взаимное обогащение еще не были характерны для данных областей научного поиска. То, что первоначально представляло автономные линии развития в отдельных научных дисциплинах, быстро превращалось в одну из отраслей формирующейся дисциплины, называемой то **дискурсным** анализом, то исследованием дискурса, то лингвистикой текста (см. van Dijk, 1985 c). Выходит два международных специализированных журнала — „Text” и „Discourse Processes”, целиком посвященных исследованиям в этой новой области, стоящей на стыке нескольких научных дисциплин; работы этого направления **обсуждаются** на отдельных секциях различных конференций, посвященных вопросам гуманитарных и социальных наук. К дисциплинам, стоящим у истоков этой новой области **исследований**, вскоре присоединились история и правоведение (уделяющие особое внимание различного рода текстам) и, наконец, теории речевой и массовой коммуникации.

Такой взгляд на возникновение дискурсного анализа как науки, состоящей из нескольких областей исследования, тесно связанных со своими исходными дисциплинами, дает лишь частичное представление об исследовательской работе в этом направлении. В языкознании, вероятно, речевым актам посвящено гораздо больше исследований, чем в философии, то есть той дисциплине, где

была впервые разработана теория речевых актов. Точно так же и дискуссии о теоретической, методологической и эмпирической пригодности грамматик рассказа были **гораздо** более оживленными, широкими и даже более плодотворными в психологии и в области искусственного **интеллекта**, чем в литературоведении, семиотике и антропологии, вместе взятых, породивших само понятие **грамматики** рассказа. Другими словами, новую дисциплину можно рассматривать с точки зрения изучаемых ею проблем и объектов анализа, при этом нередко требуется выход за границы исходных научных дисциплин.

Существуют также различия между тем, что может быть достаточно приблизительно названо типами **дискурсного** анализа в разных странах. Так, например, особенности построения новой теории, процедуры исследования, описания, а также различия в философских и даже политических взглядах отличают англоязычные работы по **дискурсному** анализу от существующих концепций **дискурсного** анализа в романоязычных странах, несмотря на все возрастающее число **заимствований**, наложений, взаимопереводов и, следовательно, взаимное влияние. Вообще говоря, **дискурсный** анализ в англоязычных **работах** характеризуется продолжающимся воздействием со стороны структурной или порождающей **лингвистик**, когнитивной психологии, прагматики и микросоциологии. В отличие от своих собственных предшественников **1960-х** и ранних **1970-х** гг. некоторые известные французские школы (находящиеся под влиянием идей **Альтюссера**, **Фуко**, **Деррида** и /или **Лакана**) отличаются большей философской направленностью **дискурсного** анализа, сопровождаемого частыми ссылками на идеологические, исторические, психоаналитические и неомарксистские работы, особенно в сфере литературного анализа (**Culler**, 1980). Стиль некоторых работ такой ориентации отличается также большей **метафоричностью** и поэтому труден для „**непосвященных**“.

Этот вариант дискурсного анализа, развиваемый во Франции, благодаря его историческим и политическим посылкам, способствовал появлению широко известных культурологических и идеологических работ социологов и специалистов по массовым коммуникациям в Англии, например исследований Центра по изучению современной культуры (CCCS) в **Бирмингеме** (**Hall, Hobson, Lowe and Willis**, 1980; о практическом использовании анализа новостей см. **Hartley**, 1982).

Проведенное различие направлений исследования является довольно огрубленным. Так, например, в **англоязычной** традиции следует отличать ученых, работающих строго в рамках анализа речевого общения, от исследователей других типов дискурса. Первая группа ученых достаточно близко придерживается исконных микросоциологических методов, идущих от феноменологической социологии; вторая группа более свободно пользуется методами анализа речевого общения, лингвистики, психологии, других социальных наук. Новости в прессе являются формой письменного или каким-либо другим образом зафиксированного и заранее обдуманного дискурса, поэтому мы остановимся на теориях, имеющих дело со структурами письменных текстов. Такая направленность позволяет нам, однако, упоминать работы и других ориентации и стилей, когда в них исследуются те же явления или проблемы.

СТРУКТУРА ДИСКУРСА И СООБЩЕНИЯ-НОВОСТИ

При изучении новостей внутренней жизни и международных новостей, отражаемых в прессе, мы используем ряд теоретических понятий из области **дискурсного** анализа, которые требуют вводных пояснений. Мы выше отмечали, что подходы к изучению текстов и диалогов как в рамках дискурсного анализа, так и вне его существенно различаются в зависимости от теорий, методов, школ, а также индивидуальности отдельных ученых. В этом отношении дискурсный анализ едва ли отличается от других дисциплин в области социальных и гуманитарных наук. И все же, не пытаясь примирить все точки зрения и вывести какой-либо общий знаменатель, во введении мы упоминаем некоторые из основных широко и эффективно используемых теоретических понятий. Некоторые из этих понятий и объединяющая их общая структура описания, лежащая в основе данного введения, уже были рассмотрены нами в предыдущих работах по **дискурсному** анализу (van Dijk, 1972; van Dijk, 1977; van Dijk, 1980a; van Dijk, 1981).

Дискурс как коммуникативное событие

Выше указывалось, что дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим

образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта. Преимущество такого понимания состоит в том, что **дискурс**, нарушая интуитивные или лингвистические подходы к его определению, не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания, то есть рамками текста или самого диалога. Анализ разговора с особой очевидностью подтверждает это: говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию. В этом смысле беседа, собрание, слушание дела в суде, урок в **классе** — **все** они могут быть названы сложными коммуникативными событиями. Такие события можно далее расчленить на более мелкие коммуникативные акты, такие, как история в разговоре, иск адвоката в суде, объяснение урока учителем в классе. Некоторые из этих явлений, например рассказы или дискуссии, могут проявлять качества, которые характерны для коммуникативных актов и дискурсов в другом социальном окружении.

В письменных или печатных типах дискурса такая **интеракциональная** природа этого явления менее заметна: писатель, **текст**, читатель находятся не в таком тесном взаимодействии в пределах единой ситуации, локализованной в пространстве и времени. Но даже и в этом случае следовало бы проанализировать тексты с точки зрения динамической природы их производства, понимания и **выполняемого** с их помощью действия. Например, анализ значения дискурса, который представляется нам очень важным, может до определенного момента ограничиваться отвлеченным описанием значения самого текста, но эмпирически было бы более правильным говорить о значениях, выраженных с помощью самого высказывания или созданных им, или о значениях, **возникших** в процессе публикации текста писателем, или о значениях, которые приписываются тексту или извлекаются из него читателем. В этом случае, при определении значения дискурса, нужно учитывать значения, общедоступные для участников коммуникации, знание языка, знание мира, другие установки и представления. Следует добавить, что **писатели** создают формы и значения, которые предположительно понятны читателю или которые могут быть эксплицитно ему адресованы, которые возбуждают реакции и которые вообще ориентированы на получателя, как это происходит в разговоре. В случае письменной **коммуника-**

ции писатели и читатели участвуют в процессе **социокультурного** взаимодействия.

Все эти характеристики относятся **и** к текстам новостей. В узком смысле слова мы можем отвлеченно исследовать структуры сообщений новостей, определяемых в качестве особого вида социального дискурса. И все же (с этим более подробно мы ознакомимся ниже) рассматриваемые структуры новостей могут быть адекватно поняты только в одном случае: если мы будем анализировать их как результат когнитивной и социальной деятельности журналистов по производству текстов и их значений, как результат интерпретации текстов читателями газет и телезрителями, производимой на основе опыта их общения со средствами массовой информации.

Однако было бы, вероятно, полезным различать когнитивную обработку текста или социальные параметры коммуникации, осуществляемой посредством текстов, с одной стороны, и структуры самих текстов массовой коммуникации, с другой. В нашем исследовании мы сосредоточим внимание на структуре текстов новостей и лишь изредка будем соотносить эти структуры с их когнитивными, социальными и политическими контекстами; последние были довольно подробно описаны в других работах, посвященных новостям и средствам массовой коммуникации (**Gans, 1979; Tuchman, 1978; Fishman, 1980**). (Дальнейшее теоретическое описание структуры новостей и проблем когнитивной обработки в производстве текстов и их понимании см.: van **Dijk, 1987e**.)

Грамматический анализ

Структурное теоретическое исследование позволяет нам выявлять различия между отдельными уровнями и параметрами дискурса. При реальном продуцировании текстов и их восприятии пользователями языка обработка текста может идти на всех уровнях почти одновременно; каждый из этих уровней обработки может быть стратегически использован для извлечения максимума информации. Некоторые из этих выделяемых в теории уровней дискурса традиционно описываются методами лингвистических грамматик, то есть систем правил и категорий для теоретического анализа звуков, слов, синтаксических **структур**, а также их значений. Таким путем мы получаем соответственно фонологическое, морфологическое, синтаксическое и семантическое описание предложений.

В грамматиках дискурса, имеющих дело с последовательностями предложений, такие описания относительно: характеристики какой-либо синтаксической структуры (например, порядка слов) или значение предложения могут зависеть от характеристик других предложений дискурса. Так, местоимение типа she **'она'** используется только для обозначения девушки или женщины, о которых уже ранее шла речь в тексте (ранее они могли быть обозначены, например, с помощью слов my girlfriend **'моя подружка'**, an actress **'актриса'**) или которые известны или могут быть узнаны слушателем на основе другой информации. Задача лингвистов — **выявить** такие структуры с эксплицитным представлением всех их особенностей и, самое главное, выработать **теоретическое** описание и объяснение потенциальных грамматических структур конкретного естественного языка.

Когда мы исследуем особые типы дискурсов, такие, например, как газетные новости, нашей задачей является описание не просто структур, возможных в таких сообщениях, а грамматических структур, предпочтительных или типичных для дискурсов данного вида. Это значит, что мы имплицитно сравниваем их со структурами в других видах дискурса или контекста, а это в свою очередь предполагает возможную вариативность грамматических структур в различных контекстах. Такая **вариативность** — область стилистики, дисциплины, которая не только описывает возможные типы варьирования в различных видах дискурса, но которая ставит себе целью объяснить связи между различными вариантами языкового **употребления**, с одной стороны, и индивидуальными и социальными контекстами, с другой. Так, в официальных ситуациях и в письменных текстах мы стараемся использовать язык официального общения и более сложные, более полные, грамматически более правильные предложения, чем в **неформальных** разговорах. Такие социальные факторы, как общественное положение, обладание властью, пол или этническая принадлежность, также оказывают влияние на стилистическую вариативность (Sebeok, 1960; Sandell, 1977; Scherer and Giles, 1979).

И в текстах „качественной“ прессы (и особенно в них), и в текстах новостей, как правило, используются длинные, сложные предложения; в них много **номинализаций**, например disruption **'разрушение'** вместо they disrupted... **'они разрушили...'**; нередко здесь используется и „официальный“ жаргон, заимствованный в основном у **полити-**

ков. Иногда в текстах новостей используются синтаксические структуры, редкие в других формах дискурсов, например инвертированные повествовательные предложения. Вместо предложения: *Reliable sources declared that Libya has been attacked by the US Air Force* **‘Как** сообщили достоверные источники, Ливия была атакована военно-воздушными силами **США**’ используется: *Libya has been attacked by the US Air Force, reliable sources declared* **‘Ливия** была атакована военно-воздушными силами **США**, сообщили достоверные **источники**’. Ниже мы покажем, что выдвигание важной информации на первое место является общим структурным свойством газетных сообщений новостей. Это качество мы обозначаем **общим** термином „структурирование по принципу релевантности” (*relevance structuring*).

Грамматический анализ использования языка в текстах прессы обнаруживает и общую направленность сообщений какого-либо журналиста или всей газеты. Синтаксис предложения отражает распределение семантических ролей участников события: либо порядком слов, либо различным функциональным соотношением элементов (субъект, объект), либо использованием активных или пассивных форм. В заголовке типа *Police kills demonstrator* **‘Полиция** убивает **демонстранта**’ „полиция” стоит на первом **месте** — **месте** субъекта, что указывает на роль агенса, деятеля. В пассивной конструкции *Demonstrator killed by police* **‘Демонстрант, убитый полицией**’ „полиция” также находится в роли агенса, но в этом случае „демонстрант” стоит на первом месте, месте субъекта. Это указывает на то, что „полиции” здесь отводится менее значимая роль. Наконец, заголовок *Demonstrator killed* **‘Демонстрант убит**’ может придать „полиции” имплицитную роль. В то же время заголовок становится синтаксически двусмысленным: его можно понять и как описание события, в котором убийцей был демонстрант (ср. *Demonstrator killed* **‘Демонстрант убил**’), или вообще ассоциировать участников демонстрации с убийством. Грамматический анализ синтаксиса газетных сообщений показал, что дело именно в этом: журналисты стараются использовать такие „понижающие” (*downgrading*) синтаксические структуры и имплицитные обороты, чтобы затушевать отрицательные роли правящей элиты (Fowler, Hodge, Kress and Trew, 1979).

Таким же образом направленность теленовостей может быть выражена определенными кинокадрами, снятыми

с сочувствием либо к полиции, либо к ее „противникам“, то есть к демонстрантам, забастовщикам, скваттерам. В исследованиях Группы по изучению средств массовой коммуникации университета Глазго (1976; 1980; 1982) внимание ученых было привлечено также к скрытой, имплицитной направленности сообщений и к оценкам в использовании таких слов, как „забастовка“ или „беспорядки“ (см.: **Halloran, Elliot and Murdock, 1970**, где представлен серьезный анализ самого явления „демонстрации“ и различного употребления слов, обозначающих участников демонстраций).

Дискурс как связная последовательность предложений

Дискурс и, следовательно, тексты новостей не состоят из изолированных предложений. Помимо структур, описанных лингвистикой и традиционными грамматиками предложения, были выдвинуты и другие структуры дискурса. Первым и очевидным шагом в этом направлении является изучение структур последовательностей предложений. Это означает, в частности, что синтаксис и семантика предложения в дискурсе описываются с учетом структур и интерпретации соседствующих, обычно **предшествующих**, предложений того же текста. Порядок слов и функции, **выполняемые** ими, лежащие **в** их основе семантические роли могут зависеть от такого текстового **окружения** (**Givón, 1979**). Так, если в последовательности предложений говорится в основном о действиях участников **демонстрации**, то, соответственно, слово „демонстранты“ **следует** расположить на первом месте, месте субъекта, которое указывает на выполнение этой составляющей роли топика. Далее может следовать пассивное предложение типа They **were** harassed by the police ‘**Они** были измучены **полицией**’, а не предложение The police harassed them ‘**Полиция** измучила **их**’. Другими словами, идеологически пристрастная точка зрения выражается не только в использовании определенных структур предложения, но также и в зависимости синтаксиса и семантики от текста. Точно так же, если мы ввели в текст участника действия, то далее в тексте он может обозначаться с помощью личного местоимения (they ‘**они**’), указательного местоимения (those people ‘**те люди**’) или полной, повторяющейся или новой дескрипции (the demonstrators ‘**демонстранты**’ или the hooligans ‘**хулиганы**’). Эти и другие по-

верхностные структуры, используемые в качестве **сигналов** лежащей в их основе семантической связности (**coherence**), описываются обычно как свойства **когезии** (Halliday and Hasan, 1976). Существуют правила и **определенные** стратегии установления когезии, и важно выяснить, проявляют ли какие-либо предпочтения или отклонения от этих правил все тексты новостей или лишь особые типы таких текстов.

На семантическом уровне анализ дискурса как последовательности предложений дает возможность изучать соотношенные друг с другом интерпретации: значение или референция слов, несамостоятельных или самостоятельных предложений рассматриваются как функция от значений и референций, закрепленных за предшествующими предложениями. Этот аспект дискурса часто описывают с точки зрения локальной или последовательной связности (когерентности) (van Dijk, 1977). В упрощенном виде основное правило семантической связности состоит в том, что предложение *A* связано с предложением *B*, если *A* относится к ситуации или событию, которое является возможным (вероятным, необходимым) условием существования ситуации или события, к которому относится *B* (или наоборот). Так, последовательность *We went to the beach yesterday. We did a lot of surfing* '**Вчера** мы ходили на пляж. Мы много занимались **сёрфингом**' согласно этому правилу является семантически связной (посещение пляжа позволяет заниматься сёрфингом). А последовательность *We went to the beach yesterday. The price of the dollar dropped by 10% last year* '**Вчера** мы ходили на пляж. Курс доллара упал на 10% в прошлом **году**' не является семантически связной, так как посещение пляжа не является событием такого типа, которое могло бы повлиять на изменение курса доллара. Поэтому правило семантической связности можно перефразировать еще проще: текст является семантически связным, если он описывает возможную последовательность событий (действий, ситуаций). Следовательно, семантическая связность зависит от наших знаний и суждений о том, что возможно в этом мире.

Роль знаний в интерпретации

Принцип информационной связности текста также показывает, что семантика дискурса не является автоном-

ной в том смысле, что достаточно знать лишь лексические значения слов и их сочетаний. Нам необходимо и знание о мире и, следовательно, необходим когнитивный и социальный анализ знаний носителей языка в рамках определенной культуры, анализ того, как они используют эти знания в процессе интерпретации дискурса вообще и в установлении связности текста в частности. Признание важности именно этих факторов способствовало тому, что когнитивная психология и искусственный интеллект стали играть такую значительную роль в изучении процессов интерпретации дискурса. С этой точки зрения анализ организации и использования знаний и убеждений, хранящихся в памяти, становится столь же важным, как и описание той роли, которую играют структуры дискурса в понимании текста. Анализ показал, что такие знания должны быть эффективно организованы в особые кластеры, так называемые сценарии, содержащие всю общедоступную в данной культуре информацию о конкретном стереотипном варианте какого-либо эпизода. У людей могут быть одинаковые сценарии для таких форм поведения, как совершение покупок в супермаркетах, прием гостей в день рождения или выход на демонстрацию (Schank and Abelson, 1977).

Как и в любом другом виде дискурса, средства массовой информации в значительной степени полагаются на общедоступные знания и суждения в связном и всем понятном изображении тех событий, которые требуют организации знаний в форме сценариев: сценариев о гражданской войне, о террористическом акте, о политическом митинге, о голосовании или о „революции“.

Эти политические сценарии определяют и социальные установки, так как включают мнения и суждения, основанные на оценке событий определенными социальными группами. Из этого следует, что наше субъективное представление о семантической связности газетного сообщения может определяться тем, имеется или нет в нашем распоряжении соответствующий сценарий или социологическая установка. Это может иметь особое значение для понимания и оценки причин или оснований каких-либо действий или событий (Carbonell, 1979). При таком концептуальном подходе нам легче изучать различные по идеологической ориентации способы использования сценариев или установок в процессе сообщения новостей (например, когда описываются причины вторжения войск США в Гренаду, в сравнении с их не интервенционалист-

ской политикой в других странах Американского континента, таких, как Чили или Парагвай).

Макроструктуры

Следующая ступень анализа дискурса представлена более высоким или более глобальным уровнем, чем микроуровень слов, предложений и связей между предложениями. Если мы говорим, что текст новостей посвящен нападению США на Ливию, мы соотносим это сообщение не с **отдельными** предложениями или последовательностями предложений, а со всем текстом как целым. Это означает, что такие нечеткие термины, как „о (чем-то)“ или „топик (или тема) такой-то“, должны исследоваться на этом общем, глобальном уровне. Термин *семантическая макроструктура*, используемый в данной концепции, был введен для того, чтобы отразить этот важный аспект дискурса и его обработки. **Данный** термин эксплицитно показывает общие топики или темы текста и одновременно дает характеристику тому, что можно было бы назвать общей связностью (когерентностью) текста, так же как и его общими или основным смыслом (van Dijk, 1980a). В английском языке используется немало слов для обозначения наиболее важной информации, выраженной в сообщении, и это заставляет предположить, что носители языка часто полагаются на такую макроструктурную информацию. Макроструктуры выводятся из значений **предложений** (пропозиций) текста по правилам какой-либо (например, лингвистической) теории с помощью операции селекции, обобщения, конструирования. В когнитивной теории обработки дискурса эти правила действуют как не всегда надежные, но эффективные макростратегии, которые дают возможность читателям извлекать топик текста из последовательности предложений (van Dijk and Kintsch, 1983). Эта процедура в значительной степени зависит от нашего знания о мире (сценариев). Сценарии позволяют сводить последовательности пропозиций, подобных U.S. planes flew to Libya. They **bombed** the harbor of **Benghazi**... ‘Самолеты США совершили налет на Ливию. Они бомбили порт **Бенгази**...’, к такой макропропозиции, ют топику, как: The U.S. attacked Libya ‘США напали на **Ливию**’, потому что мы знаем, что нападение может **быть** совершено с помощью самолетов, что обычно самолеты могут летать и сбрасывать бомбы, что сбрасывание бомб является одним из способов нападения. Обладая одним

и **тем** же сценарием военно-воздушного нападения, мы в состоянии понять газетные сообщения о таком **нападении** и приписать им глобальную связность или глобальный топик, или тему.

Макроструктуры и когнитивные операции, в которых эти **макроструктуры** используются, являются определяющими как в процессах производства текстов **новостей** — в работе корреспондентов и **редакторов**, — так и в процессах восприятия, накопления, запоминания и дальнейшего воспроизводства информации потребителями. **Использование** возможностей макроструктурирования объясняет, как газетчики (newsmakers) привычно, изо дня в день суммируют несметное число текстов-источников (сообщения **других** средств массовой **информации** — **телеграфные** сообщения, интервью, отчеты, материалы пресс-конференций), лежащих в основе производства **какого-либо** отдельного газетного сообщения. Теория макроструктур предоставляет возможность исследовать особые характеристики заголовков и вводов (leads), в которых **субъективно** обобщается остальная часть сообщения (van Dijk, 1985c). И, наконец, именно выделение макроструктур делает понятным, почему в памяти читателей удерживаются только основные топики, то есть высшие уровни макроструктуры газетного сообщения (**Höijer and Findahl, 1984; van Dijk, 1987c**).

Суперструктуры, схемы новостей

Как для выражения и организации значений предложения необходима синтаксическая форма, так **необходима** форма и для организации общего значения или макроструктуры текста как целого. Схематическая суперструктура и является такой формой. Схема может быть задана набором характерных категорий и набором правил или стратегий, определяющих **порядок** следования этих категорий. Так, у нас, в нашей культуре, мы все придерживаемся одной нарративной схемы, в которой представлены следующие категории: Краткое Содержание, Обстановка (**Setting**), Направленность, Осложнение, Развязка, Оценка и Кода. Эти категории могут быть использованы даже в рассказах в обиходном общении (**Labov and Waletzky 1967; Labov, 1972c; Labov, 1982**). Если одна из обязательных категорий отсутствует, адресат может заключить, что рассказ не закончен, у него нет смысла или это вообще не рассказ. Многие часто используемые

типы дискурса также демонстрируют присущую им суперструктуру, так как это облегчает процессы производства и восприятия текста. Если мы знаем или догадываемся, что текст, который предстоит **воспринять**, — **рассказ**, то можно активизировать имеющиеся у нас, применительно к нашей культуре, конвенциональные знания о схеме рассказа. Это облегчит приписывание особых нарративных функций соответствующим эпизодам текста („должно быть, это Осложнение“). Без использования макроструктур и суперструктур нам пришлось бы интерпретировать текст и выявлять его связность только на микроуровне, а построение структур высшего уровня возможно было бы применительно лишь к отдельно взятому тексту. Как показали экспериментальные исследования, для носителей языка это очень трудно, если не невозможно. Отсюда следует, что глобальные структуры, отражающие и тематическое содержание, и схематическую форму, являются определяющими в теоретическом анализе; они же очень важны и в реальных процессах производства и понимания **текста**.

Газетные сообщения ежедневно публикуются тысячами; согласно определенным жестким ограничениям, накладываемым профессиональной практикой, составом различных сотрудников, периодом времени, предельными сроками подачи материала эти газетные сообщения тоже должны быть организованы посредством такой схемы, схемы новостей (van **Dijk**, 1986). Это означает, что некоторые части текста новостей могут выполнять конвенциональные функции, которые рассматриваются как обязательные или факультативные категории формальной организации текста. Общеизвестна категория Краткого Содержания, составленная, соответственно, из Заголовков и **Вводки**. Корпус текста демонстрирует также такие различные схематические функции, как Главное Событие, Фон, Контекст, История, Вербальные Реакции или Комментарии, каждая из которых при дальнейшем анализе может быть расчленена на более мелкие категории. Например, категория Комментариев может быть разделена на Оценку и Перспективы, где корреспондент или редактор могут дать оценку событиям-новостям. Журналисты также привыкли, хотя и не в такой прямой форме, искать информацию, которая соответствовала бы данным категориям, например когда журналист пытается найти предпосылки (или описать фон) происшедших событий. Другими словами, структуры новостей, такие, как **формаль-**

ные конвенциональные схемы, могут быть соотнесены с установившейся практикой производства текстов новостей или выведены на ее основе.

Специфическим свойством сообщений-новостей является то, что и макроструктуры (топики) и схема новостей, которая организует их, не представлены в тексте одной непрерывной последовательностью. Скорее они дискретны, появляются эпизодически, частями. Вершина макроструктуры такого текста новостей обычно дается в начале, то есть **на** первом месте; затем следует Заголовок (макропропозиция высшего уровня), затем **Вводка** (вершина макроструктуры), затем последовательно идут **макропропозиции** низших уровней сообщения, включающие детали содержания и менее важные категории схемы (например, Историю **или** Комментарии), располагаемые в самом конце. Конечно, это очень эффективная стратегия, которая допускает стилистическое варьирование в статьях разных корреспондентов или разных газет. **Для** читателя важно, что в принципе начало текста содержит самую важную информацию. Здесь опять налицо существенная связь между структурами текстов новостей и **стратегиями** их производства, с одной стороны, и использованием этих сообщений в контексте средств массовой информации, с другой. Это верно для газетных сообщений, но также верно и для теленовостей, которые выражают, как **правило**, **лишь** верхние уровни макроструктур газетных сообщений. **В сущности, теленовости** можно рассматривать как суммирование или резюме газетных текстов новостей.

Макроструктуры выводятся из текста или приписываются ему на основе наших знаний и убеждений, и поэтому эти структуры, конечно, подвержены межсубъектному **варьированию**: информация, являющаяся самой важной для одного человека или группы людей, может не быть таковой для других. Это означает также, что текст может быть тенденциозно тематически и схематически структурирован, например когда менее важную информацию помещают в заголовке или вводке или когда важную **информацию** помещают в конце сообщения, а то и **вовсе** опускают.

Структурирование по принципу релевантности

Особые **условия** производства и восприятия текстов новостей, так же как и их основные коммуникативные функции, определяют, как представляется, структуру этих

текстов на всех уровнях. Общим правилом является представление важной информации в начале сообщения. Это **правило** влияет не только на общую тематическую или схематическую организацию сообщения, но также и на **порядок** предложений в абзацах, описывающих какой-либо эпизод, или на порядок слов внутри самих **предложений** (где наиболее важные действующие лица стремятся занять первые места). Таким образом, этот особый параметр структурирования по принципу релевантности пронизывает весь текст, все его уровни. В то же время **исследование** направленного распределения информации в тексте соответственно степени ее релевантности позволяет изучать когнитивные, социальные и идеологические условия производства этих текстов, а также их обработку и, следовательно, запоминание и использование читателями.

Риторические структуры

Наконец, все структурные уровни текста находятся под влиянием риторического аспекта повествования. Если структурирование по принципу релевантности отражает **наиболее** важное в тексте, указывает на него, то некоторые другие специальные действия, используемые на каждом уровне, ориентированы на придание тексту большей убедительности. Хорошо известны приемы **фонологического** уровня, такие, как ассонанс или рифма; синтаксического уровня, например параллелизмы; семантические приемы, такие, как сравнения или метафоры. То же наблюдается и в новостях, где могут быть использованы слова, выполняющие функции гиперболы или преуменьшения, или где слова и предложения употребляются в значениях, способствующих созданию эффекта контраста или кульминации. Эти структуры содействуют более компактному представлению информации и тем самым они способствуют ее лучшему запоминанию, а, следовательно, усиливают воздействие. Они также могут ввести в действие особые сценарии или установки (например в тех случаях, когда демонстрация риторически изображается с точки зрения насилия) с помощью использования сравнений и метафор, заимствованных из сценариев военных действий (наступление, оборона и т. п.). Сообщения-новости изобилуют также и цифровыми данными (и **верными**, и неверными), чтобы обозначить точность сообщения и таким образом его объективность.

Резюме и заключение

Мы кратко обсудили основные структурные уровни письменного дискурса и использовали несколько основных теоретических терминов для установления упрощенной схемы анализа текстов новостей. Систематизированное описание новостей как типа дискурса представлено в кратком виде на рис. 1.

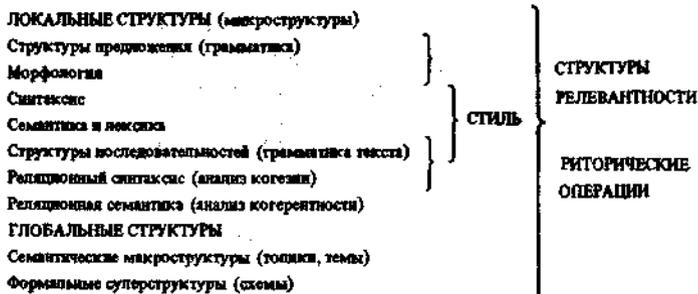

Рис. 1. Структуры дискурса.

Основное внимание мы сосредоточили на структурах, которые особенно важны для анализа текстов прессы. В устных сообщениях становится релевантным и фонологический уровень, например при анализе моделей интонации в предложениях или их последовательностях: разные модели могут быть использованы с особым семантическим или риторическим заданием, в целях эмфазы, преуменьшения или контраста. При анализе устной речи, особенно записанных на пленку интервью, необходимо также и дополнительный, диалоговый уровень анализа, который отражал бы правила, стратегии и структуры распределения ролей, паузирования, заминок и поправок, стратегических ходов (например, участники событий представляют себя только в положительном свете, а политических и идеологических врагов они рисуют только с отрицательной стороны). Диалоговый уровень включал бы в себя и другие качества контролируемой или спонтанной речи. Наконец, текст и устный разговор состоит не только из последовательностей предложений, но и из речевых актов. Последовательности речевых актов могут анализироваться на локальном и глобальном уровнях, мы можем выявить их локальную или глобальную связность, определить речевые акты макроуровня, прагматические фор-

мальные схемы. Такой тип **анализа** не столь важен для сообщений-новостей, большинство которых является **просто** последовательным рядом утверждений. Однако эти утверждения **могут** — **на** локальном или глобальном **уровнях** — **имплицитно** содержать вопросы, обвинения, защиту, советы или другие речевые акты. По сути, **социальная**, политическая или идеологическая ценность анализа новостей часто **зависят** от того, **насколько** эксплицитно выявлены значения, лишь подразумеваемые, прямо не выраженные, раскрыты имплицитные функции текстов новостей: при внимательном анализе то, что не сказано открыто, может оказаться более важным, чем то, что выражено эксплицитно или открыто подразумевается.

В дальнейшем при анализе материала будут использованы теоретические положения, представленные в этом разделе. Однако любой практический анализ, особенно анализ большого количества данных, ограничен определенными рамками. Интуитивно выявить основные топики сотен или даже тысяч текстов новостей еще **представляется** возможным, но невозможно определить во всех подробностях особенности их синтаксических, стилистических или семантических структур. В исследованиях такого типа мы ограничиваемся **качественным анализом** представительных выборок текста. К тому же теоретически обоснованный анализ может быть и систематическим, и эксплицитным, но совсем не обязательно он является релевантным с точки зрения соответствия целям самого исследования, его **проблемам**. Так, для доказательства идеологической предвзятости бессмысленно пытаться подробно выявить синтаксическую структуру всех предложений какой-либо выборки из текстов новостей. В лучшем случае такое описание было бы необходимо для комплексного качественного и грамматического анализа **синтаксических** структур языка газеты. При качественном анализе выборки предложений, направленном на обнаружение тех синтаксических средств, с помощью которых обозначаются роли участников **событий-новостей**, вопрос стоит несколько иначе: не как часто используются данные средства, а как они **используются**. Другими словами, у систематического анализа структур есть большие преимущества перед более интуитивным по характеру контент-анализом, особенно при подробном изучении текстов новостей, но при этом у него есть и определенные ограничения, очевидные при широком исследовании количественных аспектов этих текстов. **Тем** не менее анализ структур

текста может привести к четким определениям и новым аспектам рассмотрения тех единиц, которые **используются** в количественном контент-анализе, таких, как топики или как наличие или отсутствие особых схематических категорий, скажем, истории или контекста какого-либо события.

ОБРАБОТКА НОВОСТЕЙ КАК ТИПА ДИСКУРСА

Как мы **подчеркивали**, анализ дискурса не следует ограничивать структурами текстов или диалогов. Когда дискурсы получают определение как единицы вербального общения или как коммуникативные явления, к их реальной обработке или использованию в социальных или коммуникативных аспектах следует обращаться с позиций целостного, интегрированного подхода. В этом разделе обсуждаются некоторые аспекты связей, **существующих** между текстом и контекстом.

Здесь не стоит подробно рассматривать исторические, политические, **макросоциологические** характеристики текстов новостей, так же как и их качества как средств массовой коммуникации, поскольку все они уже были описаны в большинстве работ по анализу **новостей**. Важно было бы **показать**, как эти социально **ориентированные** качества новостей отражаются на обработке текстов и их структурах на микроуровне, как они выражаются и как вводятся в действие. Например, влияют ли экономические условия **производства** текстов новостей на их **схематические** структуры **или** структуры релевантности, и если влияют, то каким образом? Каким образом пол автора текста, его этническая или классовая принадлежность определяют тематические или стилистические **характеристики** этого текста? **Или**, наоборот, как **можно** с достоверностью вычислить эти макропараметры на основе анализа текстов?

Серьезная постановка и разрешение таких вопросов потребовали бы написания целой монографии. Здесь в **общих** чертах представлен план, необходимый для анализа материала в последующих главах книги, при этом особое внимание будет обращено на те аспекты, которые игнорировались в предшествующих исследованиях. Соотнесение текстов новостей с социальными макроструктурами вообще и с общественными институтами по производству **новостей**, такими, как институт средств массовой информации, в частности, требует такой теоретической стратегии,

с помощью которой можно было бы исследовать поочередно различные уровни. Например, прямая связь между историей или мировой экономикой, с одной стороны, и различными вариантами стилистического выбора в текстах новостей, с другой, маловероятна. Даже более тесные связи, существующие между способами институциональной организации или **социо-идеологическими** установками и формой сообщения или его стилем, требуют анализа нескольких промежуточных стадий.

Создатели и потребители текстов новостей как социальные субъекты

Нашей первой теоретической посылкой в этой сложной системе анализа является **признание** участников процесса создания/потребления текстов новостей (журналистов и аудитории средств массовой информации) „социальными субъектами“ (social actors) и членами определенных социальных групп. Они являются представителями социума, наиболее близко стоящими к самому сообщению, так как именно они создают и интерпретируют эти тексты в общем коммуникативном контексте новостей. Деятельность этих социальных субъектов, их **социокультурная** активность, организация, общность **убеждений** или идеологии дают возможность соотнести тексты новостей с процессами их институционального и социального производства и потребления, а также с экономическими условиями их производства и распространения. Эти факторы определяют и историческую значимость таких текстов, их роль в выражении идеологии и, следовательно, в **узаконивании** власти или в установлении (отрицании) **статус-кво** в глобальной системе информации и коммуникации. На этой стадии анализа не важно, влияет ли (и если влияет, то как) этот широкий исторический, культурный или **социоэкономический** контекст на деятельность участников коммуникации, определяет ли он эту деятельность. Нашим единственным **допущением** является **признание** того факта, что такой контекст должен иметь свое место в анализе дискурса новостей, но их связь может быть только косвенной, допускающей некоторую степень неопределенности текста, дающей возможность проявиться индивидуальным различиям. Мы начали исследование на уровне самого текста, и поэтому стратегически полезнее вести анализ снизу вверх, чем сверху вниз или только на верхнем уровне, как это делае-

тся в большинстве работ по социальным наукам, использующим метод макроанализа. Поэтому связь между текстом новостей и контекстом определяется на уровне социальной деятельности и социальных знаний, включенных в процесс обработки текста новостей.

Когнитивный аспект: социальное познание в обработке текста

Соотнесение текстов новостей с бесчисленным количеством их контекстов при анализе деятельности участников коммуникации и их позиций все же не дает возможности установить прямые связи между текстами и процессами их производства и потребления. Сначала мы сосредоточим внимание на когнитивных характеристиках участников события как важном компоненте их социального облика. Не учитывая этого параметра в процедуре производства или потребления новостей, мы не сможем описать или объяснить процессов **понимания**, приписывания значений, передачи информации, процессов убеждения, способов выражения идеологии или любой другой аспект, который является определяющим в знаковой коммуникации **посредством** языка и текстов. Вышесказанное может представляться очевидным, но до последнего времени, в сущности, не было серьезных **исследований** когнитивных аспектов производства и потребления новостей (**Höijer and Findahl, 1984; Findahl and Höijer, 1984**). Ученые в области когнитивной психологии мало уделяли внимания анализу средств массовой информации (**Thorndyke, 1978; Green, 1979**), а большинство **исследователей** в сфере массовой коммуникации уже зарекомендовали себя ранее как специалисты в области социологии, истории, **экономики** или политических наук. Микро-социологи, начавшие изучать процессы подготовки и написания новостей журналистами, широко пользуются такими когнитивными понятиями, как интерпретация, правила **или** процедуры (**Molotch and Lester, 1974; Tuchman, 1978; Lester, 1980**), но объясняют их не более подробно, чем когнитивные понятия классической **макро-**социологии, такие, как **нормы**, цели, ценности, идеологические установки.

При акценте на когнитивной обработке как ключевом этапе в процессе соотнесения текста новостей и контекста, с включением в этот процесс самих участников коммуникации, мы не имеем в виду, что такая когнитивная **проце-**

дура носит персональный или **индивидуальный** характер. При более широком анализе производства новостей индивидуальные когнитивные характеристики могут оказаться существенными лишь при объяснении каких-либо индивидуальных или окказиональных вариантов в создании или интерпретации новостей. Но мы не занимаемся анализом деятельности журналистов и потребителей средств массовой информации как отдельных индивидуумов, они для нас социальные субъекты, члены социальных групп, и наш когнитивный подход **ориентирован** на социальное познание.

Когнитивный анализ процесса обработки дискурса новостей основан на взаимодействии между репрезентациями и операциями в памяти. Операции имеют стратегическую природу (van **Dijk and Kintsch**, 1983). В отличие от правил грамматики или формальных алгоритмов, стратегии характеризуются гибкостью, целенаправленностью и зависимостью от контекста. Они анализируют различные типы поступающей информации и управляют когнитивными репрезентациями не всегда надежно, но достаточно эффективно. Стратегии допускают параллельную обработку, то есть одновременный анализ частичной и неполной информации, поступающей одновременно из разных источников. Так, в основных процессах интерпретации, которые определяют восприятие текста, гибко используются поверхностные структуры текста (то есть **морфологические**, синтаксические и лексические структуры), контекстуальная информация, идущая от реального процесса взаимодействия участников коммуникаций, характеристика социальной ситуации и различные типы репрезентации знаний в памяти. И значения, и знания могут быть использованы и при анализе синтаксической информации предложений **или** различных схематических форм текстов. Эти процессы осуществляются в направлении как снизу вверх, так и сверху вниз, **т. е.** для **построения** больших, более абстрактных, структур или **структур** более высокого уровня используется конкретная (локальная) информация, и наоборот, структуры более высоких уровней используются для построения предположений о том, какая конкретная информация появится с наибольшей вероятностью. (Подробнее о природе таких репрезентаций **и** стратегических операций по производству и пониманию текстов см.: Britton and Black, 1985; Graesser, 1981; **Flammer and Kintsch**, 1982; **Sanford and Garrod**, 1981; **Otto and White**, 1982; **Mandl**, Stein and Tra-

basso, 1984; см. также van Dijk and Kintsch, 1983 — данная работа лежит в основе настоящего исследования.)

Сценарии

На входе и на выходе этих стратегических операций находятся различные типы репрезентаций. Ранее мы видели, что знания в памяти могут быть представлены в виде сценариев (**Schank and Abelson, 1977**). Такие сценарии можно определить как абстрактные, схематические, иерархически организованные наборы пропозиций, конечные позиции которых являются незаполненными: их наполнение производится по умолчанию (default values). Поэтому эти сценарии могут быть приложены к различным ситуациям путем заполнения этих терминальных позиций конкретной информацией. Если в системе нашей культуры есть сценарий о супермаркете, то этот сценарий направляет наши намерения и наши действия в супермаркете или понимание того, что происходит там. Понимание дискурса может предположительно включать в себя общее содержание сценария; это содержание может, таким образом, частично подразумеваться, как это происходит, например, с информацией о том, что в супермаркете можно купить еду и хозяйственные товары, что там есть ручные тележки для покупок, что товары можно выбирать и отбирать самому и что после всего нужно заплатить кассиру. Стереотипные, присущие какой-либо культуре социальные ситуации могут быть представлены в памяти в форме сценариев таким образом, что люди могут взаимодействовать друг с другом или **общаться** на основе этого общего знания. Подобные сценарии относительно постоянны, они часто **используются** членами социума, поэтому сценарии находятся в семантической или социальной долговременной памяти, в отличие от информации, в которой нуждаются лишь в исключительных случаях. Кроме сценариев отдельных эпизодов, в нашей семантической памяти существуют фреймовые репрезентации об известных объектах и личностях, так же как и знание о единицах, категориях и правилах языка, дискурса и коммуникации (**Minsky, 1975**). Наконец, мы обладаем организованными в определенные схемы представлениями об общих взглядах, то есть оценочными представлениями о социальных явлениях, структурах или проблемах (таких, как государственная система образования, ядерная энергия или аборты). Для обозначения подобных аб-

страктных понятийных схем, также усваиваемых в обществе, разделяемых этим обществом и используемых членами социальных групп, мы употребляем классический термин „установки“. (Abelson, 1976; van Dijk, 1982; van Dijk, 1987a; Fiske and Taylor, 1984.)

Модели

Такие разнообразные типы социальных знаний и убеждений, включающие лингвистические коды, фреймы, сценарии и установки, образуют репрезентации общего характера, которые используются для интерпретации поступающей конкретной информации: ситуаций, событий, действий или дискурса. Эти стратегические процессы анализа и интерпретации осуществляются в рабочей или кратковременной памяти. Результаты таких операций накапливаются затем в эпизодической памяти, которая вместе с семантической (социальной) памятью является частью долговременной памяти. Таким образом, эпизодическая память действует как накопитель всей входящей и получившей интерпретацию информации и включает весь наш индивидуальный опыт, относящийся как к событиям, которые мы наблюдали или участниками которых мы являлись, так и к воспринятым текстам. Таким путем каждое событие или ситуация получают репрезентацию в терминах субъективной модели (Johnson-Laird, 1983; van Dijk and Kintsch, 1983; van Dijk, 1985a; van Dijk, 1987b). Эта модель ситуации организована также в виде схемы и отражает такие постоянные категории, как Обстановка (Время, Место), Обстоятельства, Участники, Событие/Действие и соответствующие им характеристики, включая оценочные свойства. Пользователю языка нужно понять текст, и он создает для этого не только эпизодическое представление этого текста, но и представление о событиях или явлениях, которым посвящен текст, то есть он создает модель. Таким образом, модели выступают и в качестве **референциальной** основы когнитивной интерпретации, они также играют важную роль в выявлении условий связности (**когерентности**) текста, о которой говорилось выше. В соответствии с положениями социологической теории люди действуют не столько в реальном мире и говорят не столько о нем, сколько о межсубъектных моделях явления и ситуаций действительности, получивших определенное толкование (Berger and Luckman, 1967). Следовательно, индивидуальные и

групповые различия в обработке социальной информации могут быть объяснены и на основе различий в моделях.

Если мы воспринимаем, например, сообщения средств массовой информации о воздушной атаке США на Ливию в апреле 1986 г., мы создаем ментальную модель этого события на основе информации, полученной из этих сообщений. При этом часть нашей конкретной модели представляет собой фрагменты той общей информации, которая у нас уже есть о военных операциях, о Ливии, о регионе Средиземного моря, о Ближнем Востоке или об актах **терроризма** — эти сведения могли быть получены из более ранних сообщений по каналам массовой информации. Можно использовать более поздние тексты, посвященные данному событию, с целью приведения этой модели в соответствие с новыми **фактами** — именно подобная операция является одной из основных функций текста новостей. При построении такой модели мы можем вспомнить и о других сходных событиях (**Schank**, 1982), то есть мы можем извлечь из памяти похожие модели, например нападение США на Гренаду.

Мы используем наборы таких моделей для обобщения и абстрагирования и, в конечном счете, можем реконструировать некоторые типы фреймов, сценариев или установок, которые образуют наши общие социальные знания и убеждения. Это означает, что мы обладаем единичными моделями, с одной стороны, и абстрагированными **сценариями** — с другой. Но при этом нам необходимо иметь и обобщенные (и все же личностные) модели, которые должны отражать наш привычный опыт, относящийся к повторяющимся событиям или ситуациям, скажем, посещение службы, повседневному обеду или покупке, совершаемому утром каждую субботу. Модели являются центральными репрезентациями в процессах нашего понимания. То же характерно и для процессов производства текста, понимания и коммуникации: основной целью этих процессов является установление понимания, то есть построение или модернизация модели или передаточной модели **получателю**. Можно сказать, что эпизодические репрезентации текстовых структур и значений служат средством создания таких моделей. Другими словами, мы понимаем текст, только если мы понимаем ситуацию, о которой идет речь, то есть если у нас есть модель этого текста (или для этого текста). Все это относится и к текстам новостей.

Модели контекста

Для того чтобы иметь возможность участвовать в коммуникативном событии, мы создаем также модель контекста, отражающую коммуникативную обстановку, место действия, обстоятельства, участников, а также тип речевых или каких-либо других актов, **включенных** в процесс коммуникации. Саму **репрезентацию** текста или диалога можно считать ядром модели этого коммуникативного события: во время процесса коммуникации или вскоре **после** него такая репрезентация текста предоставляет возможность вспомнить или более или менее точно воспроизвести, что было сказано и как. По истечении **длительного** времени большая часть информации, содержащейся в тексте, уже не может быть извлечена из памяти; существует тенденция к запоминанию только макроструктур воспринятого текста, следовательно, структур самого верхнего уровня модели. Так, ни один читатель не может воспроизвести все подробности множества сообщений о нападении США на Ливию, **переданные** по радио или публиковавшиеся в течение нескольких дней. По-видимому, на **основе** всех этих текстов мы пытаемся **представить** себе случившееся путем моделирования ситуации; **и позже**, при воспроизведении этих текстов, например в беседе о новостях дня, **используется** эта модель, особенно макроструктуры ее высшего уровня. Иначе говоря, рассказы о нашем опыте или событиях, почерпнутые из прессы, представляют собой результат целенаправленного отбора, они частично отражают эпизодические модели, существующие в нашей памяти.

Воспроизведение текстов новостей не является поэтому обязательно верным: индивидуальные убеждения, **мнения**, опыт являются частью ситуационной модели текста, а воспроизведение таких текстов отразит **не** вполне **точные** воспоминания, то есть совсем не те сведения, о которых мы **читали**, — на самом деле будет воспроизведена **информация**, которую мы извлекли из нашей индивидуальной модели или создали по этой модели во время чтения текста. Информация, в основе которой лежат сценарии или определенные установки и которая стала компонентом этой модели, часто воспроизводится в предвзятой форме. Припоминание читателями уголовных историй, в которые оказываются вовлеченными юноши с черным **цветом** кожи, наглядный тому пример (**Graber**, 1984). Отсутствие объективности основано на сложившихся

этнических убеждениях, на схемах этнических предубеждений, существующих в социальной памяти (**Rothbart, 1981; van Dijk, 1987a**). Вообще говоря, людям свойственно наиболее полно припоминать информацию, которая **подтверждает их знания**, убеждения и установки или **какие-либо** особые отклонения от них.

Стратегия обработки текста я система контроля

Иерархические структуры репрезентаций текста, **модели** и **сценарии**, существующие в памяти, способствуют быстрому и эффективному поиску с помощью разнообразных стратегий извлечения информации, например направленному сверху вниз в соответствии с релевантными субкатегориями. Этим можно объяснить факт лучшего запоминания макроструктур некоторых действий или текстов: они расположены в верхних уровнях имеющихся у нас ментальных моделей этих **событий**; вместе с тем они определенным образом **организуют** большой массив информации и этим они отличаются от детализированной информации, представленной на низших уровнях **иерархии**. Если **основные** тоника текста соответствуют **основным событиям**, заложенным в модели, то относительно легко вспомнить, чему вообще был посвящен текст, в то время как **подробности** микроструктурной информации или стилистические обороты могут вскоре легко забыться. Иногда **оценочные** суждения, **извлеченные** из деталей описания, например об источнике текста, его авторе и главных действующих лицах, могут лучше запомниться, чем сами эти детали. Как мы видим, эффективные, гибкие стратегии вместе с разумной организацией накопленной **информации** лежат в основе удивительной способности человека обрабатывать в сравнительно короткое время сведения о бесконечном количестве событий, ситуаций, а **также** огромное количество текстов и при этом быть в **состоянии** извлекать какую-то часть информации для неоднократного использования в будущем.

Можно, наконец, предположить, что существует общая система контроля за организацией этой **информации** я правильным, успешным и целенаправленным управлением ею. Эта система следит за **процессами** извлечения информации из социальной и эпизодической памяти и использованием ее, а **именно** за тем, какие сценарии и модели задействованы в настоящий **момент**; **исполь-**

зуются сейчас; к какой информации обращаются и анализируют в рабочей памяти; какая информация должна перейти из этой краткосрочной памяти в эпизодическую, долговременную память. В процессе обработки текста контролирующая система определяет, какой из главных **топиков** (макропропозиций) или какая суперструктурная схема (или ее категории) наиболее релевантны на данном этапе. Отсюда следует, что такая контролирующая **система** является динамической: она постоянно адаптируется к происходящим процессам и управляет различными фазами обработки входящей и исходящей информации. И одной из главных когнитивных функций заголовка в прессе является создание **макроструктурной** репрезентации в этой контролирующей системе. Одновременно с активизированными сценариями и моделями этот предвзвешенно заданный топик будет далее направлять и облегчать, а иногда настраивать определенным образом понимание остальной части сообщения.

Суммируя изложенное, можно сказать, что когнитивная структура включает в себя: (1) репрезентации, существующие в эпизодической и социальной памяти, такие, как сценарии, установки и модели; (2) стратегические процессы, в рамках которых гибко используются, применяются и модифицируются, в соответствии с новой информацией, новыми условиями и пр., такие репрезентации; (3) систему контроля, которая управляет процессом поиска в памяти, активацией имеющихся знаний и их приложением, использованием макроструктур и суперструктур, переводом информации в разные виды памяти. Эта структура имеет отношение как к пониманию ситуаций, явлений, действий и текстов о них, так и к планированию действий, их **производству** или исполнению. Планирование вербального или другого действия означает лишь создание модели того, что мы намереваемся сделать в данной обстановке и времени, и конкретное произведение или исполнение речевого акта полностью находится под контролем такого плана-модели. На исполнение речевого акта одновременно влияет также и новая, подходящая к данной ситуации внешняя информация, релевантная для надлежущей **реализации** запланированного действия и накапливаемая в постоянной модели такого действия и его контекста. Каждое сообщение-новость подготавливают и пишут также под влиянием модели события-новости, модели одного из явлений массовой коммуникации (в модели могут быть отражены задачи сообщения, предельные сроки под-

готовки, типы читателей и под.) и лежащих в ее основе социальных сценариев и установок.

Социальные репрезентации

Хотя приведенная нами картина когнитивной обработки текста предполагает использование **менталистского** подхода, нужно особо подчеркнуть, что такая обработка ориентирована и на социальные характеристики. Несмотря на то, что некоторые элементарные процессы и ограничения могут являться общими свойствами обработки информации человеком (например, предельные объемы памяти), а уникальное, присущее отдельному индивиду и основанное на фактах его биографии понимание может быть представлено в персональных моделях его опыта, эти процессы и репрезентации в значительной мере зависят от обработки социальной информации и социального общения. Знания, убеждения, установки, владение **языком**, все другие типы общей информации **приобретаются**, используются и изменяются в различных социальных контекстах. Социальные субъекты постоянно выражают эти знания, проверяют и сравнивают их со знаниями других членов тех же социальных групп, в той же культуре, они предполагают, что такими знаниями обладают и другие участники социального взаимодействия, общения посредством дискурса. Сами структуры сценариев и моделей, возможно, образовались на основе нашего участия в социальном общении путем долгого и сложного обучения. Представляется, что это одна из причин существования в сценариях, моделях и даже в семантических репрезентациях и синтаксических структурах предложений и рассказов одинаковых формирующих категорий, таких, как обстановка, событие/действие и роли **участников**, вместо указаний на объемы, цвета или размеры, которые организуют наше визуальное восприятие. Иначе говоря, память и познание являются столь же социальными, сколь и ментальными феноменами. Или, точнее, у членов социума имеются общие социальные репрезентации различного типа, которые организуют их социальное общение и понимание (**Farr and Moscovici, 1984**). В их распоряжении — **варьируемые** (в зависимости от типа культуры и часто основанные на групповых представлениях) схемы, относящиеся к участникам социального общения, группам, институтам, а также структурным взаимоотношениям ме-

жду ними (Forgas, 1981; Wyer and **Srull**, 1984; Fiske and **Taylor**, 1984; **Hastie et al.**, 1980). Такая социальная категоризация не является произвольной. Осуществляемая путем обработки социальной информации в период первичной и вторичной социализации и коммуникации, социальная категоризация организована с учетом уже упомянутых параметров, таких, как пол, возраст, внешний вид, происхождение, род занятий, статус, обладание властью или личностные особенности. Каждая из этих категорий может далее ассоциироваться с наборами стереотипных критериев, обуславливающих такую категоризацию, например **прототипические** внешние данные, деятельность или социальную обусловленность их проявления.

Как мы подробнее увидим в наших исследованиях по проблемам представления этнических меньшинств и скваттеров, такие же категории и критерии могут быть использованы и для организации информации о группах людей с отклоняющимся от нормы поведением, об этнических группах, иммигрантах или людях других национальностей (Hamilton, 1981; Fiske and Taylor, 1984; van **Dijk**, 1987a). Подобные групповые схемы контролируют обработку социальной информации, то есть наше взаимодействие с членами этих групп или другие коммуникации, так или иначе связанные с участниками групп. Такие схемы в основном определяют построение нами моделей социальных встреч; внутри моделей могут быть выделены **или** получить большую или меньшую значимость определенные социальные субъекты или приписываемые им характеристики, которые, следовательно, будет легче припомнить в будущем. Если схемы являются по своему характеру негативными или основывающимися на недостаточной информации, их называют предвзятыми, **сексистскими**, или расистскими. То же самое можно сказать и об интерпретации взаимодействия с членами групп, которым приписывают какие-либо врожденные или весьма характерные качества, ассоциируемые с полом, расовой принадлежностью, происхождением, внешностью, возрастом. В таких случаях когнитивные репрезентации будут варьировать у различных групп, в зависимости от **социальноэкономического** и культурного статуса группы в социальной структуре. Когнитивные схемы, имеющиеся у членов какой-либо группы и отражающие информацию о тех, кто не принадлежит к данной группе, должны различаться, в зависимости от того, какое положение эта группа занимает (доминирующее или подчиненное), **уча-**

ствует ли она в разделении власти, заинтересована ли она в сохранении политики угнетения или она бросает вызов этой политике (**Tajfel**, 1981; **Levin and Levin**, 1982). Таким образом, групповые схемы играют центральную роль в более общей организации социальных, идеологически ориентированных установок; одновременно схемы предоставляют материал для **узаконивания прав** этой группы и ее деятельности в социальной структуре. Иначе говоря, структуры и содержание социальной памяти являются функцией нашего социального (группового) положения в обществе.

Такие же организационные принципы лежат в основе наших общих социальных репрезентаций о групповых или классовых отношениях, об общественных институтах и других социальных структурах. Категории, упоминаемые выше, относились к отдельным членам групп, но группам как целому также могут быть приписаны важные характеристики, такие, как численность группы, ее экономические возможности, обладание властью, статус. Так, исследование когнитивных репрезентаций и разговоров, относящихся к этническим меньшинствам, показывает, что люди с белым цветом кожи в Западной Европе и Северной Америке склонны представлять себе само существование людей с черным цветом кожи, иммигрантов или других меньшинств не только как сложную проблему, но и как угрозу государству, культуре, **социальноэкономическому** положению (ср. вопросы жилья и обеспеченности работой), **привилегиям**, безопасности каждого и общему благосостоянию (**van Dijk**, 1984; **van Dijk**, 1987a).

Классовое **самовосприятие** — **еще один** тип категоризации в групповых **схемах** — **характеризует** явление, которое традиционно исследовалось в качестве классового сознания. Различные общественные институты могут быть охарактеризованы путем перечисления главных задач, стоящих перед ними, выполняемых ими функций, продуктов их деятельности или услуг, а также с помощью представления их внутренней (например, иерархической) организации, их возможностей, стандартных отношений с другими такими же заведениями или группами **социальных** субъектов. Здесь, однако, не место подробно описывать такие сложные схемы или детальные стратегии использования этих схем при обработке социальной информации. Релевантным для данного обсуждения является, однако, тот факт, что носители нашей культуры также обладают отличающимися друг от друга представлениями

о различных средствах массовой информации, таких, например, как телевидение или газета. Читая газету, читатели руководствуются своими убеждениями и схемами установок, относящихся к газетам (или конкретной газете), чтобы направлять восприятие и извлекать из своей памяти и знаний необходимые суждения об изображенном в событиях-новостях. Институтам, ведающим коммуникацией, приписываются авторитетность или способность внушать доверие; например, аудитория может поверить в то, что теленовости более надежны и менее предвзяты, чем газетные сообщения (Vogart, 1981).

Социальные репрезентации, идеологические установки и производство новостей

Производство новостей и их восприятие обязательно включают в себя эти социальные репрезентации. Для журналистов и читателей, принадлежащих к одному обществу, классу или культуре, часть репрезентаций может быть общей, поэтому в газетных сообщениях обычно эти репрезентации предполагаются заданными. Предполагается также, что читателю или зрителю известны основные социальные институты и их характеристики, так же как и основные социальные группы или классы. События-новости и действия становятся понятными на фоне общих знаний в системе одной культуры, и эксплицитное выражение таких пресуппозиций является основной задачей критики средств массовой культуры (Hall, 1980). С другой стороны, журналисты как отдельная группа также принадлежат к средним слоям общества, к категории служащих. Большая часть из них предположительно принадлежит к белому населению мужского пола и живет на Западе. Соответственно нашей основной посылке о **социокогнитивном** характере репрезентаций **установки** этой группы также находят отражение в их когнитивных репрезентациях. Не только общие нормы, цели и ценности, но также и интересы, разделяемые **членами** разнообразных групп, воплощаются в то, что журналисты знают и думают о других социальных группах и социальных структурах (Gans, 1979).

Следовательно, социальные схемы, существующие в представлениях журналистов, **оперативно** воплощаются в создаваемые ими модели новостей. Эти модели и схемы, вместе, определяют, как журналисты будут освещать новые социальные события, представлять их в (новых) моде-

лях и обновлять старые модели. Эти модели играют свою роль на каждой стадии процесса производства новостей, в обычной процедуре сбора новостей (сенсаций), в коммуникативном взаимодействии во время интервью и пресс-конференций, в восприятии всего материала текстов-источников и его обобщения **и**, наконец, в самом написании материала или его редактировании. В то же время все журналисты знают о форме представления материала (об этом мы говорили выше), так же как и о стиле его изложения, наборе предпочтительных тем, о тех личностях или группах, которые интересны для описания. Вся эта информация может быть использована как вклад в построение коммуникативной модели контекста, которая в свою очередь включает некоторые важные фрагменты общей схемы всего института средств массовой информации, представления о „текучке“, особые цели, предельные сроки подготовки материала, а также личные качества журналиста. Общеизвестные ценностные ориентации (убеждения, профессиональные установки), относящиеся к определению большей или меньшей значимости сообщения (**newsworthiness**) теми, кто занят производством новостей (**Galtung and Ruge, 1965; Golding and Elliott, 1979; Gans, 1979**), — это практические, разумные оценочные критерии, которые дают возможность стратегически распределять и отбирать источники новостей, в том числе тексты-источники, позволяют извлекать из них главную информацию, предоставляют возможность видеть перспективы развития событий и, наконец, определяют тематическую и стилистическую структуры сообщения. Эти ценностные ориентации основаны на сложном взаимодействии уже упомянутых социальных репрезентаций (относящихся к данной культуре, этнической или родовой принадлежности, национальности, политической идеологии, основным целям) с информацией, которая более направленно определяет коммуникативную модель (читатели, предельные сроки подготовки материала, истинные цели).

На основе таких теоретических посылок можно сделать вывод, что репрезентация и воспроизведение событий-новостей журналистами — не такой простой и инертный процесс, это скорее набор конструктивных стратегий, находящихся под социальным и идеологическим контролем. Производство сообщений определяется присущими каждому данному журналисту моделями, относящимися к **событиям-новостям**, — как при непосредственном наблюдении

нии событий, потенциально способных стать темой новостей, так и при чаще происходящей процедуре обработки текстов-источников, посвященных этим событиям. Такие модели, основанные на определенных социальных репрезентациях, окрашены внутренней предвзятостью; для журналистов ведущих изданий это будут репрезентации, характерные для доминирующих групп. Это не исключает возможности индивидуальных вариаций, отклонений, сопротивления условностям, поэтому репрезентации подвержены некоторым изменениям: мы уточнили, что модели воплощают личный опыт или намерения, и это передается в сообщениях, принимается другими журналистами и используется для порождения контридеологии и противодействий, при соответствующей **социальноэкономической** и культурной обстановке. И все же социальные репрезентации и институциональные ограничения, которые также сознательно заминаются (чтобы действовать соответственно им, нужно знать их), являются очень вескими факторами, поэтому индивидуальные решения и действия журналистов касаются обычно менее важных аспектов производства новостей.

Восприятие новостей

То, что было сказано выше о журналистах и производстве текстов новостей, может относиться, с соответствующими изменениями, и к читателям и к их восприятию текста. Мы подчеркивали, что тексты новостей, так же как их производство и понимание, предполагают наличие большого количества общих социальных репрезентаций, включая отдельные убеждения и идеологические установки. Читатели, конечно, меньше знакомы с профессиональными привычками, особенностями мировоззрения и ценностными **ориентациями** журналистов; но имплицитно им всё же известна некоторая часть этих характеристик: читатели интерпретируют тексты, в которых эти установки и ценности выражены или указаны в неявной форме. Принятое журналистами определение новостей таким образом косвенно воспроизводится и читателями, которые были бы удивлены (и, возможно, сопротивлялись бы) коренным изменениям в выборе, содержании или стиле сообщений-новостей. Для когнитивного анализа общения посредством таких текстов особенно важной представляется конструируемая читателями модель того события, которое отражено и эффективно представлено в тексте **сооб-**

щения. Очевидно, модель события, сконструированная индивидуальным читателем, не будет полностью совпадать с моделью этого события, имеющейся у журналиста, или той моделью, которую он хотел бы создать у читателя. Индивидуальные модели и различия в социальных репрезентациях могут привести к различной интерпретации новостей, то есть к различным моделям. И опять подчеркнем, что такие вариации ограничены, ибо рамки интерпретации у большинства читателей задаются социальными репрезентациями, которые предопределяют единую точку зрения.

ВЫВОДЫ

В этом кратком очерке проблем социального познания и его важности при анализе сообщений-новостей как явления массовой коммуникации мы наметили связи, которые неизбежно существуют между такими сообщениями, их структурами, процессами их производства и восприятия, описали деятельность создателей новостей (newsmakers), влияние социальных репрезентаций на производство новостей и их понимание, пытались выявить социальный статус тех, кто занимается выпуском новостей, и связи между ними, институциональные и другие структурные взаимоотношения. При таком анализе создание новостей оказывается процессом, совмещающим в себе социальные и когнитивные акты и стратегии. Поэтому дать явное и объективное определение производства новостей и их потребления довольно трудно: ограничения, накладываемые родовой или расовой принадлежностью, классовыми или институциональными различиями, не могут иметь непосредственного отражения на уровне **топиков**, структур или стилистических характеристик. То же можно сказать и о таких параметрах, как влияние той или иной группы, ее интересы, идеология. Если мы описываем связи, например между выбором топика и интересами автора-журналиста (мужчины, представителя белого населения, живущего на Западе), мы делаем это как упрощение на макроуровне.

Теоретическое и эмпирическое описание еще более сложно (хотя иногда необходимо упростить описание в риторических или дидактических целях или в целях логичности изложения). Так, основной цепочкой связей в общей сети является следующая: сообщение-новости ↔ структуры новостей ↔ когнитивная обработка и репрезентация

(производство или интерпретация) таких структур новостей социальными субъектами ↔ построение модели и ее обновление ↔ социальные репрезентации социальных субъектов как членов групп (сценарии, установки, идеологическая ориентация) ↔ производство новостей как социальное взаимодействие (сбор новостей, принятие решения, реальное производство газеты) ↔ межгрупповые связи между журналистами и другими группами и их участниками (например, группой элиты) ↔ **внутриинституциональная** деятельность, правила, цели и стратегии в организации новостей ↔ внешние цели и интересы в организации новостей как частных, так и государственных корпораций ↔ установленные отношения между институтом средств массовой информации и другими институтами (например, государством, правительством, парламентом, деловыми кругами, профсоюзами и т. п.) ↔ и, наконец, место института средств массовой информации в истории и в культуре и его связи с другими институтами.

Эта цепочка связей не исключает других связей и отношений между элементами этой общей сети. Например, макроструктурные отношения на начальном уровне могут быть определены в отвлеченных **социальноэкономических** терминах; но в то же время эти отношения действуют и на локальном микроуровне, в виде действий, деятелей, членов различных групп и их когнитивных репрезентаций, а **также** в виде текста, например в обсуждениях и переговорах между средствами массовой информации и другими институтами. То есть, как только мы хотим получить эмпирическое свидетельство того, что происходит на верхних уровнях организации новостей, мы непременно переходим к анализу **того**, что происходит на нижнем, локальном, уровне. Итак, в нашем подходе к новостям и их производству как процессу, направленному как **сверху вниз**, так и снизу вверх, важно определить во всех подробностях структуры и функции соответствующих связей или уровней.

Это также означает, что серьезный и критический анализ идеологического аспекта новостей невозможен без экспликации связей, которые соединяют структуры новостей с социальными знаниями журналистов, журналисты при этом рассматриваются как члены групп, входящих в идеологические институты, такие, как средства массовой информации. Поэтому наши исследования не могут быть ограничены ни исключительно текстовым или контент-анализом, ни высоким уровнем глобальных противоречий

в мировом информационном порядке. Если столь часто наблюдаемые несоответствия в мировом информационном порядке находят **отражение** в обычном тексте новостей, то отражение это должно быть последовательным, должно быть зафиксировано на каждом этапе, вплоть до текстовых структур. Мы, очевидно, только начали понимать некоторые связи и их пересечения в этой сложной сети отношений.

Такой структурно-ориентированный подход имеет особое значение для анализа производства новостей. Помимо исторического, экономического или институционального анализа текстов новостей как средства массовой информации, в 1970-е гг. появилось стремление к микро-социологическому анализу процесса создания новостей (Tuchman, 1978). Этот уровень анализа дает возможность установить связи между социальной стратификацией и ежедневными контактами журналистов, между профессиональными формами деятельности и институциональными порядками, и все это увязывается с идеологическими установками, которым должны следовать журналисты. Было подробно показано, как журналисты собирают и интерпретируют новости, как они оказываются втянутыми в эту сеть отношений, дающих доступ в такие закрытые заведения, как правительство или полиция, или как принадлежность журналиста к той или иной социальной группе и ее идеологии отражается на определении сути новостей и их ценности (Gans, 1979; Fishman, 1980; Cohen and Young, 1981). И хотя в таких исследованиях на интерпретацию обращается особое внимание, мы тем не менее видели, что этот процесс и связанные с ним репрезентации описываются поверхностно и неопределенно. Мы можем определенно сказать, что социальная структура и идеологическая направленность процесса производства новостей могут считаться объективными предпосылками выделения новостей в качестве культурного и социального объекта только в следующем случае: если мы точно знаем, каким образом журналисты приобретают социальные знания, как эти знания структурированы, как они используются в процессах понимания и представления ситуаций сбора информации и в процессах коммуникации, как эти знания используются в других текстах массовой информации, а также в тех текстах, которые являются источниками для данных текстов новостей, и как эти знания влияют на реальный процесс создания текста.

Abelson, 1976 = **Abelson**, R. Script processing in attitude formation and decision making.—In: **Carrol**, J. and **Payne**, J. (eds.) **Cognition and Social Behavior**. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1976, p. 33—46.

Atkinson, **Heritage**, 1984 = **Atkinson**, J., **Heritage**, J. (eds.) **Structures of Social Action**. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1984.

Austin, 1962 = **Austin**, J.L. **How to Do Things with Words**. Oxford: Oxford University Press, 1962.

Barthes, 1964 = **Barthes**, R. **Éléments de sémiologie**.—„Communications”, 1964, vol. 4, p. 91—135.

Barthes, 1966 = **Barthes**, R. Introduction a l'analyse structurale des récits.—„Communications”, 1966, vol. 8, p. 1—27.

Bauman, **Scherzer**, 1974 = **Bauman**, R., **Scherzer**, J. (eds.) **Explorations in the Ethnography of Speaking**. London: Cambridge University Press, 1974.

de **Beaugrande**, 1980 = de **Beaugrande**, R. **Text, Discourse and Process**. Norwood, NJ: **Ablex**, 1980.

de **Beaugrande**, **Dressler**, 1981 = de **Beaugrande** R., **Dressler**, W. **Introduction to Text Linguistics**. London: Longman, 1981.

Benson, **Greaves**, 1985 = **Benson**, J., **Greaves**, W. (eds.) **Systemic Perspectives on Discourse**. Vols. 1—2. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1985.

Bentele, 1981 = **Bentele**, G. **Semiotik und Massenmedien**. Munich: **Oelschläger**, 1981.

Berger, **Luckman**, 1967 = **Berger**, P., **Luckman**, T. **The Social Construction of Reality**. New York: Doubleday, 1967.

Bogart, 1981 = **Bogart**, L. **Press and People**. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1981.

Bremond, 1964 = **Bremond**, C. **Le message narratif**.—„Communications” 1964, vol. 4, p. 4—32.

Bremond, 1973 = **Bremond**, C. **Logique du recit**. Paris: **Seuil**, 1973.

Britton, **Black**, 1985 = **Britton**, B., **Black**, J. (eds.) **Understanding Expository Text**. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1985.

Carbonell, 1979 = **Carbonell**, J. **Subjective Understanding**. Doctoral Thesis, Yale University. Department of Computer Science, 1979.

Cicourel, 1973 = **Cicourel**, A. **Cognitive Sociology**. **Harmondsworth**: Penguin Books, 1973.

Cohen, **Young**, 1981 = **Cohen**, S., **Young** J. **The Manufacture of News, Deviance, Social Problems and the Mass Media**. (2nd rev. ed.) London: Constable/Sage, 1981.

Communications, 1964 = **Communications**. **Recherches** semiologiques. Paris: **Seuil**, 1964.

Communications, 1966 = **Communications**. **Recherches** semiologiques. **L'analyse structurale** du recit. Paris: **Seuil**, 1966.

Culler, 1975 = **Culler**, J. **Structuralist Poetics**. London. **Routledge** and **Kegan Paul**, 1975.

van **Dijk**, 1972 = van **Dijk**, T. **Some Aspects of Text Grammars**. The Hague: **Mouton**, 1972.

van **Dijk**, 1977 = van **Dijk**, T. **Text and Context**. London: Longman, 1977.

van **Dijk**, 1980a = van **Dijk**, T. **Macrostructures**. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1980.

- van Dijk, 1980b = van Dijk, T. Story **comprehension**.— „**Poetics**“, 1980, vol. 8, N 1/3 (special issue).
- van Dijk, 1981 = van Dijk, T. Studies in the Pragmatics of **Discourse**. Berlin, New York, Mouton, 1981.
- van **Dijk**, 1982 = van **Dijk**, T. Opinions and attitudes in discourse comprehension. = In: **Le Ny J.**, Kintsch W. (eds.) Language and Comprehension. Amsterdam: North Holland, 1982, p. 35—51.
- van Dijk, 1984 = van **Dijk**, T. Prejudice in Discourse. **Amsterdam**: Benjamins, 1984.
- van Dijk, 1985a = van Dijk, T. Cognitive situation models in discourse production: The expression of ethnic situations in prejudiced **discourse**. = In: **Forgas J. (ed.)** Language and Social Situations. New York: Springer, 1985, p. 61—80.
- van Dijk, 1985b = van Dijk, T. (ed.) Handbook of Discourse Analysis (**Vols. 1—4**). London: Academic Press, 1985.
- van Dijk, 1985c = van **Dijk**, T. Structures **of news in the press**.— In: van Dijk, T. (ed.) Discourse and Communication. Berlin: de **Gruyter**, 1985.
- van Dijk, 1986 = van **Dijk**, T. News **schemata**.— In: Cooper C., **Greenbaum S.** (eds.) Studying Writing. Linguistic Approaches. Beverly Hills, CA: Sage, 1986.
- van Dijk, 1987a = van **Dijk**, T. Communicating Racism. Ethnic Prejudice in Thought and Talk. **Newbury Park, CA**: Sage, 1987.
- van Dijk, 1987b = van **Dijk**, T. Episodic models in discourse **processing**.— In: Horowitz, R., Samuels, S. (eds.) Comprehending **Oral** and Written Language. New York: Academic Press, 1987.
- van **Dijk**, 1987c - van Dijk, T. News as Discourse. **Hillsdale, NJ**: Lawrence **Erlbaum Associates**, 1987.
- van Dijk, Kintsch, 1983 = van Dijk, T., Kintsch, W. **Strategies of Discourse Comprehension**. New York: Academic Press, 1983.
- Dittmar**, 1976 = **Dittmar**, J. A Critical Survey of **Sociolinguistics**. New York: St. Martin's Press, 1976.
- Dressler**, 1972 = Dressler, W. **Einführung in die Textlinguistik**. Tübingen: **Niemeyer**, 1972.
- Dundes, 1964 = Dundes, A. The Morphology of the North-American folktale. Helsinki: FFC, 1964.
- Eco, 1966 = Eco, U. James Bond: **une combinatoire narrative**.— „Communications“, 1966, vol. 8, p. 77—93.
- Eco**, 1976 = **Eco**, U. A Theory of Semiotics. **Bloomington**: Indiana University **Press**, 1976.
- Erlich**, 1965 = Erlich, V. Russian Formalism. The Hague: Mouton, 1965.
- Ervin-Tripp, 1969 = Ervin-Tripp, S. **Sociolinguistics**.— In: **Berkowitz, L.** (ed.) Advances in Experimental Social Psychology. New York: Academic Press, 1969.
- Farr, Moscovici**, 1984 = Farr, **R.**, Moscovici, S. (ed.) Social Representations. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
- Findahl, Hoijer, 1984 = Findahl, O., Hoijer, B. **Breighlights-analys**. Stockholm: **Studentlitteratur**, 1984.
- Fishman**, 1968 = Fishman, J. (ed.) Readings in the Sociology of Language. The Hague: Mouton, 1968.
- Fishman**, 1980 = **Fishman**, M. Manufacturing the News. Austin, **TX**: University of Texas Press, 1980.
- Fiske, Taylor, 1984 = Fiske, **S.**, Taylor, S. Social Cognition. Reading, MA: **Addison—Wesley**, 1984.
- Flammer, Kintsch, 1982 = Flammer, **A.**, **Kintsch**, W. (eds.) Discourse Processing. Amsterdam. North Holland, 1982.

Forgas, 1981 = **Forgas**, J. *Social Cognition. Perspectives on Everyday Understanding*. London: Academic Press, 1981.

Fowler, **Hodge**, Kress, Trew, 1979 = Fowler, R., Hod-ge, B., Kress, G., **Trew**, T. *Language and Control*. London: **Routledge** and Kegan Paul, 1979.

Freedle, Carrol, 1972 = Freedle, **R.**, Carrol, J. *Language Comprehension and the Acquisition of Knowledge*. New York: Winston, 1972.

Galtung, Ruge, 1965 = Galtung, **J.**, Ruge, M. The structure of foreign news.— „*Journal of Peace Research*“, 1965, vol. 2, p. 64—91.

Gans, 1979 = Gans, H. *Deciding What's News*. New York: Pantheon Books, 1979.

Garfinkel, 1967 = **Garfinkel**, H. *Studies in ethnomethodology*, Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1967.

Giglioli, 1972 = **Giglioli**, P. (ed.) *Language and Social Context*. **Harmondsworth**: Penguin Books, 1972.

Givón, 1979 = **Givón**, T. (ed.) *Discourse and Syntax*. *Syntax and Semantics* (Vol. 12). New York: Academic Press, 1979.

Glasgow University Media Group, 1976 = *Glasgow University Media Group*. *Bad News*. London: Routledge and Kegan Paul, 1976.

Glasgow University Media Group, 1980 = *Glasgow University Media Group*. *More Bad News*. London: Routledge and Kegan Paul, 1980.

Glasgow University Media Group, 1982 = *Glasgow University Media Group*. *Really Bad News*. London: Writers and Readers, 1982.

Goffman, 1959 = **Goffman**, E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. Garden City, NY: Doubleday, 1959.

Goffman, 1967 = Goffman, E. *Interaction Ritual: Essays on face-to-face behaviour*. Garden City, NY: Doubleday, 1967.

Golding, Elliot, 1979 = Golding, P., Elliot, P. *Making the News*. London: Longman, 1979.

Graber, 1984 = Graber, D. *Processing the News*. New York: Longman, 1984.

Graesser, 1981 = **Graesser**, A. *Prose Comprehension beyond the Word*. New York: Springer, 1981.

Green, 1979 = **Green**, G. *Organization, Goals and Comprehensibility in Narratives: Newswriting, a Case Study* (Report, N132). University of Illinois: Center for the study of reading. Technical report, 1979.

Greimas, 1966 = **Greimas**, A. *Sémantique structurale*. Paris: Larousse, 1966.

Grice, 1975 = Grice, H. *Logic and conversation*.—In: Cole, P., Morgan, J. *Syntax and Semantics*, 3: *Speech Acts*. New York: Academic Press, 1975, p.41—58.

Gumperz, 1982a = **Gumperz**, J. *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Gumperz, 1982b = Gumperz, J. *Language and Social Identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Gumperz, **Hymes**, 1972 = Gumperz, J., Hymes, D. *Directions in Sociolinguistics*. *The Ethnography of Communication*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972.

Hall, Hobson, Lowe, Willis, 1980 = Hall, S., Hobson, D., **Lowc, A.**, Willis, P. (eds.) *Culture, Media, Language*. London: **Hutchinson**, 1980.

Halliday, Hasan, 1976 = Halliday, **M.**, Hasan, R. *Cohesion in English*. London: Longman, 1976.

Halloran, Elliot, Murdock, 1970 = Halloran, **J.**, Elliot, P.,

Murdock G. Demonstrations and Communication. A case study. Harmondsworth: Penguin Books, 1970.

Hamilton, 1981 = Hamilton, D. Cognitive Processes in Stereotyping and **Intergroup** Behavior. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1981.

Hartley, 1982 = Hartley, J. Understanding News. London: **Met-huen**, 1982.

Hastie, Ostrom, Ebbesen, Wyer, Hamilton, Carlston, 1980 = Hastie, R., Ostrom, T., Ebbesen, E., Wyer, R., Hamilton, D., Carlston, D (eds.). Person Memory: The Cognitive Basis of Social Perception. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1980.

Höijer, Findahl, 1984 = Høijer, B., Findahl, O. Nyheter, förståelse, och minne. Stockholm: **Studentlitteratur**, 1984.

Hymes, 1964 = Hymes, D. Language in Culture and Society. New York: Harper and Row, 1964.

Johnson-Laird, 1983 = Johnson-Laird, P. Mental Models. London: Cambridge University Press, 1983.

Kintsch, 1974 = Kintsch, W. The Representation of Meaning in Memory. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1974.

Köngas-Maranda, Maranda, 1971 = **Köngas-Maranda, E., Maranda, P.** Structural Models in Folklore and Transformational Essays. The Hague: Mouton, 1971.

Kristeva, 1969 = **Kristeva, J.** *Sèmeotikè. Recherches pour une sém-analyse*. Paris: **Seuil**, 1969.

Labov, 1972a = Labov, W. Language in the Inner City. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972.

Labov, 1972b = Labov, W. *Sociolinguistic Patterns*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972.

Labov, 1972c = The transformation of experience in narrative syntax.— In: **Labov, W.** Language in the Inner City. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972, p.354—396.

Labov, 1982 = **Labov, W.** Speech actions and reactions in personal narrative.— In: Tannen, D. (ed.). *Analyzing Discourse: Text and Talk*. Washington, DC: George Town University Press, 1982.

Labov, Fanshel, 1977 = Labov, W., Fanshel, D. *Therapeutic Discourse*. New York: Academic Press, 1977.

Labov, Waletzky, 1967 = Labov, W., Waletzky, J. Narrative analysis. Oral versions of personal experience.— In: **Helm, J. (ed.)**. *Essays on the Verbal and Visual Arts*. Seattle: University of Washington Press, 1967.

Leech, 1983 = Leech, G. *Principles of Pragmatics*. London: Longman, 1983.

Lester, 1980 = Lester, M. Generating newsworthiness: The interpretive construction of public events.— „American Sociological Review”, 1980, vol.4S, p.984—994.

Lévi-Strauss, 1958 = Levi-Strauss, C. *Anthropologie structurale*. Paris: **Plon**, 1958.

Levi-Strauss, 1960 = **Lévi-Strauss, C.** *L'analyse morphologique des contes populaires russes*.— „International Journal of Slavic Linguistics and Poetics”, 1960, vol.20, p.122—149.

Levin, Levin, 1982 = Levin, J., Levin, W. *The Functions of Discrimination and Prejudice* (2nd ed.). New York: Harper and Row, 1982.

Levinson, 1983 = Levinson, S. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Mandl, Stein, Trabasso, 1984 = Mandl, H., Stein, N., Trabasso, T. (eds.) *Learning and Comprehension of Text*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1984.

- McLaughlin, 1984** = **McLaughlin, M.** Conversation. How Talk is Organized. Beverly Hills, CA: Sage, 1984.
- Mehan, 1979 = Mehan, H. Learning Lessons. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979.
- Metz, 1966** = **Metz, C.** La grande systématique du film narratif.— „Communications“, 1966, vol.8, p.120—124.
- Minsky, 1975** = **Minsky, M.** A framework for representing knowledge.—In: **Winston, P.** (ed.). The Psychology of Computer Vision. New York: McGraw Hill, 1975.
- Molotch, Lester, 1974** = **Molotch, H., Lester, M.** News as purpose behaviour: On the strategic use of routine events. Accidents and scandals.— „American Sociological Review“, 1974, vol.39, p.101—112.
- Morris, 1938** = **Morris, C. W.** Foundations of the Theory of Signs. Chicago: International Encyclopedia of Science, 1938.
- Otto, White, 1982** = **Otto, W., White, E.** (eds.). Reading Expository Material. New York: Academic Press, 1982.
- Parret, Sbisa, Verschueren, 1981** = **Parret, H., Sbisa, M., Verschueren, J.** (eds.). Possibilities and Limitations of Pragmatics. Amsterdam: Benjamins, 1981.
- Petofi, 1971** = **Petofi, J.** Transformationsgrammatiken und eine ko-textuelle Texttheorie. Frankfurt: Athenäum, 1971.
- Prppp, 1958** = **Propp, V.** Morphology of the folktale. **Bloomington, IN:** Indiana University Press, 1958. (Original work published 1928).
- Roeh, 1982** = **Roeh, I.** The Rhetoric of News. **Bochum:** Studienverlag, 1982.
- Rothbart, 1981** = **Rothbart, M.** Memory processes and social beliefs.—In: **Hamilton, D.** (ed.). Cognitive Processes in stereotyping and intergroup behavior. **Hillsdale, NJ:** Lawrence Erlbaum Associates, 1981.
- Sacks, Schegloff, Jefferson, 1974** = **Sacks, H., Schegloff, E., Jefferson, G.** A simplest systematic for the organization of turntaking for conversation.— „Language“, 1974, vol.50, p.696—735.
- Sadock, 1974** = **Sadock, J.** Towards a Linguistic Theory of Speech Acts. New York: Academic Press, 1974.
- Sandell, 1977** = **Sandell, R.** Linguistic Style and Persuasion. London: Academic Press, 1977.
- Sanford, Garrod, 1981** = **Sanford, A., Garrod, S.** Understanding Written Language. New York: Wiley, 1981.
- Saville-Troike, 1982** = **Saville-Troike, M.** The Ethnography of Communication. Oxford: **Blackwell**, 1982.
- Schank, 1982** = **Schank, R.** Dynamic Memory. London: Cambridge University Press, 1982.
- Schank, Abelson, 1977** = **Schank, R., Abelson, R.** Scripts, Plans, Goals and Understanding. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1977.
- Schenkein, 1978** = **Schenkein, J.** (ed.). Studies in Conversational Interaction. New York: Academic Press, 1978.
- Scherer, Giles, 1979** = **Scherer, K., Giles, H.** (eds.). Social Markers in Speech. London: Cambridge University Press, 1979.
- Schmidt, 1973** = **Schmidt, S.** Texttheorie. Munich: Fink (UTB), 1973.
- Searle, 1969** = **Searle, J.** Speech Acts. Cambridge University Press, 1969.
- Sebeok, 1960** = **Sebeok, T.** Style in Language. Cambridge, Mass: MIT Press, 1960.
- Sinclair, Coulthard, 1975** = **Sinclair, J., Coulthard, M.** Towards an Analysis of Discourse. London: Oxford University Press, 1975.

Stubbs, 1983 = **Stubbs**, M. **Discourse** Analysis. The **Sociolinguistic** Analysis of Natural Language. Oxford: **Blackwell**, 1983.

Sudnow, 1972 = **Sudnow**, D. (ed.). Studies in Social Interaction. New York: Free Press, 1972.

Tajfel, 1981 = **Tajfel**, H. Human Groups and Social Categories. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

Thorndyke, 1978 = **Thorndyke**, P. Knowledge acquisition from newspaper stories.— „**Discourse** Processes", 1978, vol.2, p. 95—112.

Todorov, 1966a = **Todorov**, T. Les catégories du **récit littéraire**.— „Communications", 1966, vol.8, p.125—151.

Todorov, 1966b = **Todorov**, T. **Textes des formalistes russes**. Paris: **Seuil**, 1966.

Todorov, 1969 = **Todorov**, T. **Grammaire** du Decameron. The Hague—Mouton, 1969.

Tuchman, 1978 = **Tuchman**, G. Making News. New York: Free Press, 1978.

Wyer, Srull, 1984 = **Wyer**, R. Jr., **Srull**, T. (eds.). Handbook of Social Cognition. (Vol.1—3). Hillsdale, NJ: Lawrence **Erlbaum Associates**, 1984.

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ ЭТНИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ*

ВВЕДЕНИЕ

Впечатляющий прогресс, наблюдаемый за последнее десятилетие в области психологии и искусственного интеллекта, **привел — среди** прочих достижений, связанных с обработкой текста на естественном **языке,— к** осознанию того важного **факта, что** понимание текста предполагает не только знание языка, но также и знание мира. В частности, была сформулирована гипотеза о том, что важнейшим компонентом процессов построения и восприятия текстов является осмысление стоящих за ними социальных ситуаций и их когнитивная репрезентация. Внимание, которое уделяет этому предположению ряд научных дисциплин, все время растет, о чем свидетельствует настоящая книга. По всей видимости, многие ученые пришли к единому мнению о том, что построение *моделей* в памяти, соединяющих репрезентацию ситуаций с обработкой текстов (discourse), является многообещающим и наиболее продуктивным направлением исследований в данной области. И все же мы еще крайне мало знаем о природе таких моделей и их использовании. В этой главе мы покажем, как связаны когнитивные модели социальных ситуаций с производством текстов, и продемонстрируем практическую полезность этого подхода, анализируя **тексты**, обладающие высокой социальной значимостью: **повседневные** беседы о группах национальных меньшинств.

* Теш А. van Dijk. Cognitive Situation Models in Discourse Production: The Expression of Ethnic Situations in Prejudiced Discourse (Chapter 4).— Из книги: „Language and Social Situations”. New York, 1985, p. 61—79.

Для установления эксплицитной связи между социальными ситуациями, познанием и текстами требуется междисциплинарный подход. Необходимо привлечь понятийный аппарат когнитивной и социальной психологии, микросоциологии и анализа дискурса. Таким образом, теоретическую базу настоящей главы составляют следующие научные области:

1) *когнитивная теория стратегической обработки информации*. Эта теория отводит особую роль стратегическому характеру производства и восприятия текстов; она рассматривает продуцирование и восприятие текстов как гибкий, многоуровневый процесс обработки данных, осуществляемый в оперативном режиме (van Dijk and Kintsch, 1983);

2) *социокогнитивная теория текста* (дискурса), которая распространяет построенную стратегическую модель, приспособляя ее к объяснению роли мнений и социальных отношений в процессе обработки текстовой информации (van Dijk, 1982);

3) *социальное познание и теория социальных ситуаций*, С их помощью определяется общий подход к интересующему нас когнитивному измерению социальных ситуаций (Argyle, Furnham and Graham, 1981; Forgas, 1979, 1981; Furnham and Argyle, 1982); и, наконец, современные изыскания в сфере

4) *этнических стереотипов в познании и диалоге* (Hamilton, 1981a; Tajfel, 1981; 1982). В более ранней работе мы разработали на данной теоретической базе **социокогнитивную** теорию репрезентации, а также теорию структур этнических предубеждений и их стратегического выражения в повседневном дискурсе (van Dijk, 1983, 1984a).

Здесь нам хотелось бы развить дальше положение о том, что модели (этнических) ситуаций играют весьма заметную роль как в **организации** этнических убеждений и мнений в памяти человека, так и в их выражении в речевом общении. В частности, мы надеемся ответить на вопрос, как люди воспринимают, понимают и запоминают этнические столкновения и как информация о встречах с представителями этнических меньшинств „воспроизводится" в речи.

Эмпирический материал нашего **исследования** составляют тексты, взятые из огромного множества свободных по своей форме интервью с жителями (белой) части голландского **населения** в нескольких кварталах Амстердама.

Тему бесед составили группы людей, которые считаются в Нидерландах „иностранцами“, а именно **рабочие-иммигранты** из стран Средиземноморского бассейна (главным образом из Турции и Марокко), а также лица, переселившиеся в страну из бывшей голландской колонии Суринам (недалеко от республики Гайана). Размышления и разговоры об этих группах являются весьма распространенным занятием для подавляющего большинства голландцев; эти группы быстро становятся жертвами распространяющихся предубеждений и дискриминации.

Хотя существует несколько источников для таких этнических предубеждений, например едва уловимое негативное изображение этнического меньшинства средствами массовой информации (см. van **Dijk**, 1983a), очень многие стереотипы, по-видимому, передаются через неформальные каналы повседневных разговоров. Поэтому мы попытаемся как можно глубже проникнуть в социологические механизмы, лежащие в основе восприятия групп этнического меньшинства, представлений о них и отношений к ним, а также изучить способы, какими вся эта информация стратегически выражается в речи и таким образом распространяется в обществе.

СИТУАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ПАМЯТИ

Недавние открытия в психолингвистике и когнитивных теориях обработки текстовой информации позволили сформулировать положение о ведущей роли семантических моделей памяти в понимании (**Johnson-Laird**, 1983; van **Dijk**, 1987; van **Dijk** and **Kintsch**, 1983). Это утверждение было сформулировано под влиянием понятия модели в формальной лингвистике и логике, понятия, составляющего основу правил интерпретации.

Формальные модели являются, так сказать, репрезентациями тех фрагментов действительности, по отношению к которым являются осмысленными соответствующие языковые выражения, а последние в свою очередь в этих моделях интерпретируются, то есть получают в них истинностную оценку. Психологическим коррелятом **понятия** модели служит *модель в эпизодической памяти* (и потому последняя носит название „*эпизодическая*“). Эпизодические модели функционируют как частичные, субъективные и релевантные когнитивные представления о положении дел в реальном мире и тем самым о социальных ситуациях в мире. По этой причине мы называем та-

кого рода модели также *ситуационными*. Когнитивные модели составляют **референциальный** базис для **интерпретации** дискурса, а не „фрагментов реального мира“, или ситуаций. Их локализация в эпизодической памяти говорит о том, что они представляют собой интегрированные структуры предшествующего опыта людей. В них отражены знания и мнения людей о конкретных событиях или ситуациях. Помимо всего прочего, это означает, что ситуационные модели служат сформированной на основе личного опыта базой для более общих и абстрактных „фреймов“, или „сценариев“, в (семантической) памяти, о чем шла речь во многих работах, появившихся после оказавшей заметное влияние на других авторов книги **Шенка и Абельсона (Shank and Abelson, 1977)**. Наше понятие модели близко к тому, которое **Шенк называет** теперь „сценарием“ (**Shank, 1982**), однако, чтобы избежать возможной путаницы, мы будем использовать **понятие** сценария только в его более абстрактном, общем и внеконтекстуальном смысле. Субъективные ситуационные модели отражают не только знание о конкретных событиях, но также убеждения и мнения (оценочные суждения). Наконец, эти модели по своей природе могут быть отнесены к разряду аналоговых, поскольку могут заключать в себе представления о пространственных или каких-то других характеристиках событий или ситуаций.

В более ранних теориях понимания дискурса (см., например, **Kintsch and van Dijk, 1978**) предполагалось, что основная цель восприятия состоит в последовательном построении репрезентации *текста* в эпизодической памяти. Сейчас мы полагаем, что в *дополнение* к такой **репрезентации** люди строят также модель того, „о чем“ этот текст, то есть модель некоторой ситуации. Фактически сама модель становится главной целью процесса понимания, в то время как репрезентация текста по большей части является лишь средством достижения этой цели. Действительно, репродуцирование текстов часто означает поиск и воспроизведение фрагментов модели, в особенности если более не удастся отыскать определенных частей семантической репрезентации текста. Таким образом, получение информации и ее использование требуют в общем случае обновления и ряда других трансформаций эпизодических моделей.

Мы будем различать *частные* (particular) и *общие* (general) *модели*. Частные модели отражают уникальную информацию о какой-либо одной ситуации, например о той,

которая обрабатывается „сейчас“, тогда как общие модели могут включать в себя информацию из нескольких частных моделей об „одной и той же“ ситуации или же ситуации „одного и того же типа“. Частные модели могут содержать „**новую**“ **информацию**, в соответствии с которой перестраиваются общие модели. Так, **процесс** „напоминания“, описанный **Шенком (Schank, 1982)**, представляет собой либо поиск предшествующей частной модели, *либо* поиск общей модели, относящейся к „опознаваемой“ ситуации.

Те общие модели, которые являются социально релевантными, могут быть **преобразованы** — с целью, например, **их** еще большего обобщения, абстрагирования от конкретных ситуаций и отрыва от **контекста** — **во фреймы** или **сценарии** в семантической („социальной“) памяти. Следовательно, мы можем теперь осуществить последовательный переход от индивидуальных, частных **моделей** — через модели более общие — **к** самым общим фреймам или сценариям, разделяемым членами социума.

Существуют также модели будущих ситуаций. Построение таких моделей, исходя из имеющихся фрагментов конкретной модели, а также общей информации о структурах действий, наших **способностей**, мотивах и целях, называется *планированием*.

Некоторые характеристики моделей ситуации

Теперь, когда нам известно, для чего нужны и как используются модели, необходимо ответить на вопрос относительно их структуры: как выглядят эти модели? Ответы на этот вопрос должны удовлетворять некоторым общим требованиям. Во-первых, модели должны быть построены таким образом, чтобы обеспечить быстрый и эффективный поиск, обработку и представление релевантной информации о (социальных) ситуациях. Во-вторых, коль скоро модели мыслятся как база фреймов и сценариев, они должны иметь структуру, сходную со структурой сценариев. В-третьих, модели должны быть легко доступными различным преобразованиям, таким, как, например, корректировка (updating).

То структурное устройство моделей, которое мы здесь предлагаем, может быть названо *категориальным*. Так, каркас модели составляет схема, в которую входит определенное число фиксированных категорий. Такая схема будет стратегически эффективной для понимания со-

циальных ситуаций, то есть для решения той задачи, которую мы себе поставили. Из **социальных** ситуаций мы намереваемся извлечь определенные «типы» информации, которые затем уже будут отнесены к соответствующим категориям в схеме (см. работы: Argyle et al., 1981; **Forgas**, 1979; Furnham and Argyle, 1982; в них содержится обзор сходных, а также ряда других предложений по поводу анализа структуры социальных ситуаций). Так, Форгас (1979) считает, что социальные ситуации **интерпретируются** и хранятся в памяти на основе их **распределения** прежде всего по эмоциональным категориям: «приятный», «формальный» или «опасный». Такой подход несколько не противоречит более структурному пониманию моделей. Скалярные, эмоциональные оценки могут быть концептуально представлены как часть модели; их, например, можно подвести под категорию «Модификатор», в свою очередь присоединяемую к каждой категории в схеме. Категория «Модификатор» может быть приписана как к «ситуации в целом», то есть к самому высокому узлу, так и относиться к категориям более низкого уровня (**например**, «деятель» или «событие»).

· Отсюда следует, что нужно различать *глобальные* и *локальные* уровни репрезентации, или **макро-** и **микроструктуры** (см. van **Dijk**, 1980a). Такая иерархическая организация позволяет проводить быстрый и эффективный поиск, а также надлежащим образом использовать те модели, которые удовлетворяют всем сформулированным выше требованиям.

· Наш категориальный подход во многом сходен с методом компонентного анализа, предложенным **Арджиллом** и др. (**Argyle et al.**, 1981). Эти авторы «анализируют» ситуации в терминах участников, целей, правил, контекстных поддержек и действий. Однако, поскольку репрезентации единичных ситуаций в частных моделях являются временными, эпизодическими, мы помещаем правила в семантическую (социальную) память, несмотря на то что участники социальной ситуации, действующие в ней, могут знать эти правила и пользоваться ими. В своем исследовании мы концентрируем внимание на отдельных элементах ситуаций. Баркера (см. **Barker**, 1968), например, прежде всего интересуют типы поведения и окружения; для нас же важно определить, какие *когнитивные* категории принимают участие в понимании и репрезентации социальных ситуаций, а какие непосредственно действуют в них. Факты, относящиеся к когнитивной репрезентации ситуации,

могут быть извлечены из самых разных источников, начиная с прямых наблюдений, объяснений, полученных от других лиц, или интервью и кончая экспериментально контролируемые тестами или заданиями (например, по сортировке или оценке текстов). Помимо этих психологических подходов к анализу ситуации, данные могут быть получены также в результате микросоциологического анализа, например в процессе объяснения различных стратегий взаимодействия партнеров (см. работы: Goffman, 1959; 1967).

Лингвистические данные

Имеется также ряд лингвистических фактов, свидетельствующих о характере гипотетических структур моделей памяти. Носители языка конструируют предложения и тексты для описания ситуаций, поэтому разумно предположить, что грамматические структуры предложений и структуры текстов подсказывают исходные характеристики самих моделей. Кроме того, они позволяют слушающим эффективно реконструировать содержание и организацию «предполагаемой» модели. Например, сторонники функциональной грамматики (Dik, 1978) считают, что сематические репрезентации предложений отражают категорию главного предиката (обозначающего Действие, Событие, Процесс или Состояние) и некоторое число участников, обслуживающих различные роли, такие, как Агенс, Пациент, Объект или Инструмент. В поверхностной структуре предложения на эти роли могут указывать падежи или порядок слов. Например, роль Агенса обычно исполняют подлежащие, нередко при этом занимающие начальную позицию темы (тематическую позицию) в предложении.

Похожие выводы можно сделать и по поводу организации текста. Так, Лабов (1972) показал, что такие тексты, как короткие рассказы, могут отражать различные условные категории типа Обстановки, Осложнения, Развязки, Оценки или Кода. Некоторые из этих категорий соответствуют структурным характеристикам моделей ситуаций в памяти. Действительно, короткие истории являются (частичными, относительными) отображениями таких моделей, хотя тексты этих историй предназначены для описания не любых рассматриваемых моделей, а лишь тех, в которых представлены «интересные» события или случаи. Вообще на предложения или тексты накладываются

тся не только когнитивные, но и прагматические, контекстные, коммуникативные и **интеракционные** ограничения.

В исследованиях рассказов, проводимых в рамках искусственного **интеллекта**, а также в работах по психологии, связанных с построением так называемой «грамматики рассказа» (story grammar), предлагались самые разнообразные когнитивные представления для структур рассказов и для их понимания (см. **Bruce**, 1980; **Wilensky**, 1978, и статьи, собранные в: van **Dijk**, 1980b). Существенно, что рассказы в этих работах анализируются, как правило, в терминах структур действий, которые выражены в данных текстах, а именно в терминах Планов, Целей и Участников действий.

Анализ всех этих источников дает основание заключить, что, во-первых, модели являются **иерархическими**, категориальными структурами пропозиций, образующими стратегически эффективную «схему», а во-вторых, категории в моделях включают в себя **Обстановку** (Время, Место, Окружение, Условия), Участников в различных ролях, а также События или Действия, каждое, возможно, с категорией Модификатора, определяющей субъективную оценку ситуаций.

Стратегическое использование моделей

Структурные репрезентации всего лишь наполовину приближают нас к ответу на вопрос о природе моделей ситуации. Нам нужно еще определить операции и, в частности, *стратегии*, применяемые к структурам этих моделей. Например, высокоуровневая макроорганизация моделей дает возможность проводить **поиск, опирающийся** на зависящие один от другого уровни репрезентации. Иногда необходима только самая важная информация о модели, например, когда дается краткое резюме ситуации (или строится рассказ о такой ситуации). В этом случае разные категории позволяют нам осуществлять избирательный поиск моделей по заданным Времени, Месту или Участникам. К сказанному можно добавить, что в недавно вышедшей работе о настроении и памяти (см. **Bower**, 1980) показано, что иногда можно осуществлять избирательный поиск через посредство эмоций: мы, например, лучше вспоминаем «приятные» события, когда находимся в хорошем настроении.

Современная теория атрибуции текста (см., например, **Jaspars, Fincham, and Hewstone**, 1983) вслед за ранее высказанными идеями **Хейдера** (см. **Heider**, 1958) тоже выдвигает ряд предложений относительно стратегического использования моделей. Так, люди могут рассматривать ситуации и запоминать их с точки зрения как участника, так и стороннего наблюдателя, или они могут объяснять действия, относя их либо к **«внутренним» — мотивационным** или **личностным — характеристикам** деятеля, либо к **«внешним» — ситуативным** или **контекстным — факторам**. Такого рода анализы действий, совершаемых его участниками, возможны, только если сами участники проводят соответствующие различия в своих моделях ситуаций. Это означает также, что люди не только пользуются схемами **моделей**, но и опираются на общие теории действий, событий и участников при понимании ситуаций (ср. **Hastie et al.**, 1980). В зависимости от типа задания (ср., например, понимание объяснений) люди уделяют тем или иным характеристикам моделей больше или меньше внимания, например, больше обращают внимание на категориальные компоненты и их **внутреннюю** организацию (Обстановка, Участники или Действие).

СИТУАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ В ПРОИЗВОДСТВЕ ТЕКСТОВ

Если значительная часть нашей ранее опубликованной работы по проблемам, связанным с обработкой текстов, была посвящена пониманию (van **Dijk and Kintsch**, 1983), то здесь мы обратимся к *порождению* текстов. И сделаем это на основе теоретической **конструкции**, кратко изложенной выше, а именно рассматривая порождение текста главным образом как процесс, берущий свое начало в моделях ситуаций. В зависимости от числа ограничений носители языка, так сказать, «считывают» соответствующие пропозиции в имеющихся ситуативных моделях и, таким образом, **конструируют** семантические представления, или «базу», лежащую в глубинной структуре текста. Мы не учитываем здесь образование поверхностной структуры, то есть такие процессы, как **лексикализация** и синтаксическое оформление речевого произведения (**Butterworth**, 1980).

Каковы же основные компоненты нашей теории построения текстов?

Контекстная модель

Естественно, что порождение текстов происходит не в вакууме, а является составной частью коммуникативного контекста. Чтобы построить текст, подходящий для данного контекста, люди должны хранить в памяти представление об этом контексте, то есть иметь *контекстную модель*. Такая модель содержит информацию об участниках речевой коммуникации, их целях и о типе социальной ситуации, к которой должен быть приложен строящийся текст (завтрак, посещение врача или дебаты в парламенте). Контекстная модель контролирует как стиль, так и содержание и, следовательно, определяет, *какого* рода информация может или должна быть найдена в ситуативной модели. В некоторых ситуациях отдельные темы являются запрещенными. Таким образом, контекстные модели контролируют стратегический поиск по эпизодической памяти (какие модели оказываются **подходящими?**), а также управляют **поиском** внутри самих моделей (какого рода информация о ситуации должна быть передана в **тексте?**).

Системы управления

Контекстная информация, по крайней мере частично, будет храниться в общей *Системе Управления*. Последняя регулирует поток информации между кратковременной и долговременной памятью. Она определяет, какие модели и сценарии должны быть активизированы и какие их фрагменты должны быть в действительности найдены, чтобы было возможно построить данный текст. Кроме того, Система Управления указывает *тему* или *темы*, о которых идет речь, и эти тематические макропропозиции могут служить ключом к поиску релевантных моделей ситуации, которые, как мы уже видели, находятся под влиянием самих этих макропропозиций. Далее, Система Управления содержит информацию о типе *речевого акта* и коммуникативных целях, которые должны быть реализованы в высказывании (то есть в единице данного текста) в **данном** контексте (например, утверждение, угроза или **обвинение**) — **как** на локальном уровне индивидуальных речевых актов, так и на глобальном уровне **«макро-речевых» актов**, контролирующих протяженные фрагменты текста (van Dijk, 1977; 1980a; 1981).

Наконец, Система Управления указывает на то, какой *тип текста* должен быть построен. В **зависимости** от кон-

текста и коммуникативных намерений мы можем захотеть построить рассказ или доклад полиции о некоторой ситуации, газетное сообщение или научный доклад. Очевидно, что типом текста будет определяться стиль и общая организация текста; кроме того, от типа текста зависит его возможное содержание и, следовательно, та информация, которую можно извлечь из модели ситуации. Например, в моем рассказе о краже все внимание может быть сконцентрировано на моих личных затруднениях или оценках, тогда как в полицейском докладе акцент может быть сделан на опознании личности (внешности) вора или на характерных деталях украденных вещей. Иными словами, поиском, активацией, использованием и семантическим **(ре)конструированием** модельной информации — **всеми** этими процессами стратегически управляет общая Система **Управления**.

Семантическое порождение

Семантическое порождение дискурса происходит при условиях и ограничениях, которые были сформулированы выше, и включает построение семантической репрезентации **дискурса**, то есть его «текстовой базы». Информация, входящая в текстовую базу, извлекается главным образом из моделей ситуации, но, кроме того, в базу могут **входить** более общие знания и информация о контексте (как в **метакоммуникативных** утверждениях, определяющих фрагменты контекстной модели). Порождение текстовой базы представляет собой стратегический процесс, совершаемый в оперативном режиме (on-line). Постоянным входом в него служат активизированные и восстановленные в памяти модели ситуаций, а управляется процесс с самого начала до конца с помощью информации из Системы Управления, такой, как, например, актуальные или общие темы текста. Если заданы контекст и зависящая от типа текста тема (например, после вопроса, полученного от собеседника), говорящий будет пользоваться этой темой как ключом к поиску релевантных моделей, относящихся к данной теме. Активация может быть только частичной, поскольку лишь какой-то один фрагмент модели может оказаться релевантным. Например, в **беседе** о том, как прошел отпуск, тема «Я был в Испании в прошлом году» может активизировать только определенные модели или их фрагменты (например: «На пляже

было очень хорошо»), а в качестве делового разговора или интервью по поводу работы мы скорее обратимся к его или ее профессиональным занятиям в Испании. Таким образом, контекстно-релевантная (под)тема может быть выбрана заранее или же сконструирована и как таковая может служить темой всего текста, будучи представленной в виде макропропозиции, управляющей производством его семантического содержания.

Еще одна важная характеристика производства семантического содержания состоит в том, что семантическая база текста не обязательно должна быть столь же полной, как модель. В принципе каждая пропозиция, выведенная слушающим из какой-то другой информации (заклученной в модели или **сценарии**), может быть „опущена“. Следовательно, текстовая база содержит лишь ту информацию, которая является **необходимой и релевантной** в данном актуальном контексте (van **Dijk**, 1979), хотя, разумеется, спонтанная речь может включать внешне «избыточную» (повторяющуюся, выводимую) информацию. Существуют, однако, определенные стратегические ограничения на «сверхполноту» такого рода. Странно было бы, например, в рассказе о ресторане слышать все время от говорящего, что там работает официант или **официантка — ведь** знание этого факта составляет пресуппозицию. **Если** имеются модельные или сценарные знания, вполне достаточно было бы обойтись тут указанием с помощью определенной дескрипции (см. **Schank** and **Abelson**, 1977).

Макропорождение

Мы предположили, что тематические макропропозиции могут быть «считаны» с моделей ситуации, однако мы также отметили, что конкретный текст и контекстные ограничения могут менять эти темы. Другими словами, в действительности темы нужно уметь строить. В самом деле, рассказывая своим друзьям историю о краже, **можно** акцентировать их внимание на разных аспектах этой ситуации, причем отличных от тех, что были выделены в докладе полиции про «те же события». То же самое относится и к тексту самого доклада полиции. Указанные ограничения могут оказывать влияние и на (1) **иерархическую** организацию тем (отдельная информация может быть повышена в ранге в ходе порождения текста), и на (2)

линейный порядок **следования** тем в тексте. Так, иногда тематические „причины“ выражаются в тексте позже по сравнению с тем, как им это приписано некоторой моделью (ср., например, объяснения). В детективных историях, в частности, личность убийцы может быть установлена лишь в конце рассказываемой истории; сходные стратегии «нарастающего напряжения» встречаются и в повседневных рассказах.

Весьма сходным образом макропропозиции должны заполнять *схематические категории* текста, например **повествования** или доказательства (аргументации). Это означает, что от типа текста зависит, какая тематическая информация должна „идти первой“, аналогично тому, как тип текста определяет последовательность появления контекстной информации в рассказываемой истории.

Микропорождение

Порождение последовательности актуальных (микро-) пропозиций текстовой базы осуществляется под общим контролем тематических (**макро**)пропозиций. Этот процесс также происходит в оперативном режиме, хотя в ряде случаев допускается локальное изменение порядка. Первый принцип здесь (и **проблема**) — это *линеаризация* (linearization) пропозиций (**Levelt**, 1982): какая информация должна идти первой? Мы полагаем, что стратегическим движением микропропозиций может управлять модель; так, первые пропозиции в модели становятся первыми пропозициями в базе текста. Это случай „естественного упорядочивания“. Однако под действием разнообразных — **прагматических**, когнитивных, риторических, **коммуникативных** — факторов возможна трансформация естественного порядка (например, упоминание В раньше А оказывается более эффективным, уместным, элегантным, изящным, вежливым и т. д.). Далее, микропропозиции в последовательности должны быть линейно связными (van Dijk, 1977). Последнее означает, что пропозиции должны обозначать соотносимые „факты“ так, как те представлены в данной модели; например, пропозиции могут выражать отношения „условие/причина“ или „следствие“. Кроме такой условной связности, между пропозициями может быть установлена также „функциональная“ связность; в частности, две следующие одна за

другой пропозиции А и В могут быть связаны как „обобщение“, „контраст“, „пример“ или как „повторение“ и т. п. И **наконец**, теперь уже связанная локально и глобально последовательность пропозиций может быть частично переупорядочена **из-за** различий в их локальной уместности, из-за разницы **в** пресуппозициях или в тематическом членении, из-за разных операций, производимых над фокусом пропозиции (смена **основной/фоновой** информации). Выражение пропозиций в простых и сложных предложениях или в последовательностях предложений функционально зависит от всех указанных локальных семантических ограничений (van Dijk, 1981). Аналогично самый поверхностный синтаксис (порядок **слов**, падежи и т. п.) вместе с **интонацией** — **этого** мы здесь не **касаемся** — **тоже** сигнализируют обо всех этих операциях (Givón, 1979). Это косвенно означает, что поверхностные структуры зависят также и от стратегий преобразования информации, содержащейся в модели, в семантическую базу текста.

ВЫРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ

В качестве иллюстрации теоретических предпосылок, сделанных в предыдущих разделах, рассмотрим несколько подробнее один тип социальной ситуации и один тип дискурса: встречи с представителями этнических меньшинств и повседневные разговоры об этнических меньшинствах и их представителях. Предпринятый нами анализ является составной частью действующего междисциплинарного проекта университета города Амстердама. Научные изыскания, проводимые в рамках этого проекта, преследуют две основные цели: разработать эксплицитную когнитивную теорию этнических отношений (и, в частности, этнических предубеждений), а также провести эмпирический анализ тех способов, какими люди ведут разговор об этнических группах и как следствие выражают свое отношение к этим группам. В отличие от большинства других экспериментальных подходов к изучению этнических стереотипов все необходимые данные мы извлекаем непосредственно из неформальных интервью с (**большими**) представителями жителей Амстердама, составляющими большинство его **населения**. В заключительном разделе нам хотелось бы предложить объяснение некоторых свойств полученных экспериментальных **данных**.

в терминах когнитивного представления о ситуационных моделях. Если ситуации в общем случае могут быть восприняты, поняты и представлены в виде эпизодических моделей, то можно, естественно, предположить, что к таким ситуациям относятся также и те, которые мы назвали здесь „встречи с представителями этнических меньшинств“. Люди обычно много говорят друг с другом об этих встречах, и, анализируя разговоры и рассказы о них, мы тем самым глубже постигаем и природу социальных ситуаций, и их общую репрезентацию, (возможно, предубежденное) представление о встречах с этническими меньшинствами.

В настоящем разделе нас прежде всего будут интересовать когнитивные репрезентации ситуаций и стратегии обращения с ними. Меньше внимания будет уделено характеристикам предубеждений в дискурсе, которые нами подробно рассматривались в других работах (van Dijk, 1983b, 1984a). На общее построение рассказов об этнических меньшинствах влияют не только глубинные когнитивные представления, **но** также коммуникативные и **интеракциональные** стратегии. В частности, выяснилось, что разговор о меньшинствах носит в высшей степени **стратегический** характер: с одной стороны, люди по возможности хотят выразить свое негативное отношение к ним или дать им негативную оценку, а с другой стороны, существующие социальные нормы обязывают людей производить хорошее впечатление и не казаться расистами. В ряде случаев эти конфликтующие стратегии самовыражения и положительного самопредставления (так сказать, „сохранения своего лица“) можно наблюдать по их отражению в семантических процессах, стилистическом выборе той или иной пропозиции, риторических приемах и в ряде разговорных элементов (паузах, исправлениях, поправках, неправильных началах предложений или текстов). С другой стороны, часть свойств описываемых текстов-бесед можно проинтерпретировать как наблюдаемые „сигналы“ поведенческих когнитивных стратегий управления всеми этими „**деликатными**“ **мнениями** и убеждениями.

Этнические установки

Под *этническим предубеждением (предрассудком)* мы будем здесь понимать господствующие в обществе нега-

тивные установки по отношению к этническому меньшинству в целом и к отдельным его представителям. Хотя такое понимание **кажется** излишне **когнитивистским**, следует особо отметить, что этнические **предубеждения** — это не просто личные или индивидуальные установки, но установки одной (количественно превосходящей) социальной группы по отношению к другой, которые разделяются всеми или большинством членов группы и которые помещены в исторические, экономические или социальные структуры, типичные для наших „северо-западных“ обществ. И хотя тут мы вовсе не затрагиваем вопрос о различных социальных, или общественных, ограничениях, накладываемых на этнические установки, следует иметь в виду, что приобретение, „использование“ или восприятие этнических предубеждений, а тем самым их когнитивной организации и стратегического управления находятся в функциональной зависимости от взаимодействий этнических групп в социальной среде. Исходя из этого, мы попытаемся объединить далее отдельные результаты тех исследований этнических стереотипов и межгрупповых отношений, которые были осуществлены в рамках американской и европейских научных традиций; среди этих работ можно выделить такие, как **Hamilton, 1981a**, или работы Тайфеля и его сотрудников (**Tajfel, 1978, 1981, 1982**). Здесь нам не удастся учесть ни более ранние дефиниции, ни тем более ранние работы в области этнических предубеждений, однако все эти исследования служили нам естественным историческим фоном (см. **Allport, 1954; Ehrlich, 1973; Katz, 1976** и другие публикации по этой теме). Как легко видеть, наше собственное исследование принадлежит к **числу** работ, относящихся **к** новой области „социального познания“ (см. **Forgas, 1981; Higgins, Herman and Zanna, 1981**), однако в целом у нас складывается впечатление, что, во-первых, данное направление недостаточно познавательное, а во-вторых, недостаточно социальное (ср. в этой связи известный упрек в адрес социальной психологии, которая также вторгается в область изучения этнических предубеждений).

Если рассматривать этническое предубеждение как особый тип социальной установки, то в качестве отправного пункта нам понадобится надежная теория социальных установок. Оставляя на какое-то время в стороне всю обширную социально-психологическую литературу по проблемам социальных **установок** — **примерно** за последние

50 лет,— мы можем, в сущности, считать, что социальные установки представляют собой сложные когнитивные структуры убеждений или мнений, бытующих в социуме (см. **Abelson**, 1976; van Dijk, 1982). Подобно фреймам или сценариям, эти структуры обладают схематической организацией и располагаются в семантической (или даже скорее в „социальной“) памяти. При этом мнения можно трактовать как оценочные убеждения, а социальные установки мыслить себе в основном как иерархические конфигурации разделяемых обществом мнений. Частные мнения, или мнения отдельных лиц, характеризуют структуры эпизодической памяти, такие, как модели ситуаций. В действительности и теория, и эмпирический материал показывают, что источником возникновения мнений, которые выражают люди в рассказах о встречах с представителями этнических меньшинств, являются либо общие структуры социальных установок, либо частные модели ситуаций. Очевидно, что большая часть информации, отсутствующей в моделях ситуаций (например, из-за недостатка личного опыта общения с представителями групп этнического меньшинства), восполняется за счет анализа общих установок, разделяемых в обществе. Так именно обстоит дело с социальными установками, и здесь мы сталкиваемся с одной из возможных *стратегий*, имеющих определяющее значение для этнических предубеждений. Предубеждения следует объяснять не только через статические когнитивные репрезентации (схематические структуры, категории и собственно содержание) установок и моделей ситуаций, но и через динамические процессы, происходящие в ситуациях реального использования такого рода информации в речевых или каких-то иных взаимодействиях в социальной среде.

С помощью некоторого фиксированного числа базовых категорий этнические установки организуются в схемы. *Схемы установок* играют важную роль при пополнении системы новыми установками или при преобразовании системы. Категории отражают возникновение или появление этнических групп и их членов, **социоэкономическое** положение, социокультурные характеристики представителей групп и приписываемые последним личностные свойства. Категории отнюдь не произвольны: происхождением своим они обязаны взаимодействию социальных групп и тем представлениям, которые имеются в данной социальной среде. Категории передают основную информацию, существенную для социально доминантной

группы. Наиболее **существенно то**, что этнические предубеждения **представлены** „негативными“ установками. Это означает, что на верхних уровнях структуры **установок** преобладают негативные мнения. Очевидно, что этнические установки не только являются производными от других установок или схем **метаустановок**, но также выводимы из конкретного опыта людей, а точнее, из субъективного отражения этого опыта в этнических моделях, о чем мы подробнее поговорим в заключительных разделах настоящей главы.

Модели этнических ситуаций

Эпизодические модели этнических ситуаций заключают в себе субъективный опыт членов данного социума, накопленный ими в межэтнических встречах. В этих моделях отражены как осмысление, так и оценка таких встреч. Для обозначения интегрального процесса субъективного осмысления и приписывания оценки мы будем пользоваться термином „**интерпретация**“. Новые, отдельно взятые (частные) этнические ситуации интерпретируются как функциональные корреляты общих моделей, которые построены и истолкованы на основании предшествующего накопленного опыта и под влиянием общих, стереотипных социальных установок. Для этнически предубежденно настроенных лиц новые этнические ситуации получают, как правило, негативную оценку из-за превалирующего „негативного“ содержания общих моделей и установок. И в случае, если новая ситуация отображается в эпизодической памяти как негативная, мы имеем картину, хорошо согласующуюся с ранее полученными знаниями, а также с уже **существующими** убеждениями и мнениями. Наличие такого „пристрастного“ социального восприятия подтверждается рядом важных эмпирических фактов (см. их обзор в работе: **Hamilton, 1981a**). При этом действия, совершаемые этническим меньшинством, воспринимаются более „негативно“ (**Duncan, 1976**), а люди обычно лучше запоминают именно негативные действия представителей этнического меньшинства. Вообще при интерпретации этнических социальных ситуаций этническое большинство, как правило, устанавливает „иллюзорные корреляции“ (см. **Hamilton, 1979, 1981b; Hamilton and Rose, 1980**). Наши собственные эмпирические данные также дают основание говорить о том, что такие

процессы действительно имеют место, и позволяют уточнить отдельные их детали. В частности, отрицательные характеристики одного какого-то аспекта этнической ситуации (например, соседство или (плохие) жилищные условия) переносятся на всю конкретную группу представителей меньшинства. Разумеется, это всего лишь одна из допустимых стратегий обработки информации, связанной с этническими предубеждениями (хорошо известной под названием „поиск козла отпущения“), однако для того, чтобы составить полную и эксплицитную картину, необходимо представить в явном виде все релевантные полные структуры и описать все когнитивные операции над ними. Особенно важны здесь не (только) стереотипные установки (схемы), а модели ситуаций. Для описания конкретного разговора или последовавшего **действия**, для использования в дальнейшем информации о них, люди всегда обращаются к моделям соответствующих событий. А тогда присутствие, например, негативных мнений, представленных в модели ситуации в виде макропропозиций, объясняет, почему легче воссоздаются аспекты ситуации, которые оцениваются как отрицательные, или почему негативные идеи или понятия оказываются более „**доступными**“.

Стратегии, которые включены в этническую модель, построенную этнически предубежденными людьми, вполне приспособлены для такой „негативной“ организации моделей ситуации в памяти. Об одной из этих стратегий — стратегии „**переноса**“ — уже шла речь выше: отрицательная оценка фона, окружения, событий или действий в данной этнической ситуации может быть перенесена на ее **участников** — **представителей** этнического меньшинства. Аналогично стратегии поиска в направлении сверху вниз и снизу вверх могут „распространяться“ по всем негативным ситуациям вплоть до конкретных участников самих ситуаций, а отрицательные оценки, приписанные характеристикам некоторого действия, могут быть отнесены к его участнику, являющемуся членом группы этнического меньшинства. Как и при анализе криминальных историй, в описании этнических ситуаций могут быть введены „недостающие деятели“ из числа относящихся к этническому меньшинству, на которых непосредственно распространяется соответствующее негативное отношение.

Рассказы об этнических группах

Представители этнического большинства постоянно рассказывают всякие истории о представителях меньшинств и о встречах с ними. Так было и в наших неформальных **интервью**. В выбранных нами пятидесяти **интервью** (из общего числа приблизительно ста тридцати) мы обнаружили сто тридцать три рассказа об „**иностранцах**“. Рассказы **эти** интересуют нас в связи с обсуждаемой здесь темой, поскольку для нас каждый **рассказ** — **это** текст, отражающий положение дел в ситуативной модели, то есть модели, отображающей события и действия рассказчика, которые по той или иной причине „интересны“ слушающему (см. **Ehlich**, 1980; **Labov**, 1972; **Polanyi**, 1985; **Quasthoff**, 1980, где приводятся различные характеристики текстов **таких** повседневных рассказов). Поэтому рассказы об этнических меньшинствах позволяют вскрыть прежде неизвестные свойства моделей этнических ситуаций в памяти. Естественно, что другие элементы текста **приспосабливаются** для выполнения иных социальных функций и среди них эффектное воспроизведение рассказа, возбуждение интереса у слушающего, самопредставление **или** убеждение адресата (см. об этом более подробно в: **van Dijk**, 1983b, 1984).

В основном все рассказы состоят из **Фона** и **Эпизода**. В свою очередь **Эпизод** содержит обычно некоторую **Завязку** и **Развязку**. Кроме того, описание событий и их участников (большой частью) сопровождается дискретной **Оценкой**, отражающей личные оценки рассказчика или участников событий. По-видимому, именно рассказы об этнических меньшинствах обладают весьма примечательной особенностью. Как показано в таблице, более или менее обязательная категория **Развязки** едва ли не в половине рассказов отсутствует. Это значит, что в моделях ситуаций, описанных в рассказах, которые содержатся в памяти, хранится только информация о самих (по большей части негативных) событиях или о действиях представителей этнического меньшинства, а не о том, что „**рассказчики** проделали с этими событиями или действиями“. Иными словами, люди рассматривают этнические ситуации как весьма подходящие для описания, **то** есть они рассказывают свои истории не для представления своих позитивных акций (в нашем списке есть лишь несколько „героических“ историй), а чтобы пожаловаться на действия „чужих“. Результирующие действия в развяз-

Таблица. Категории повествования и их частоты в рассказах о меньшинствах

Интервью	Число рассказчиков	Число рассказов	События	Резюме	Обстановка	Ориентация	Осложнения
Группа I	20	50	22 (44%)	6 (12%)	50 (100%)	21 (42%)	50 (100%)
Группа II	30	83	22 (27%)	9 (11%)	81 (98%)	45 (54%)	81 (98%)
Общее число	50	133	44 (33%)	15 (11,3%)	131 (98,5%)	66 (49,6%)	131 (98,5%)

Интервью	Развязка	Оценка	Экспликация	Заключение	Рассказы/рассказчик	Среднее число категорий на один рассказ
Группа I	24 (48%)	33 (66%)	13 (26%)	17 (34%)	2 1/2	4,7
Группа II	48 (58%)	49 (59%)	20 (24%)	27 (32%)	2 3/4	4,6
Общее число	72 (54,1%)	82 (61,6%)	33 (24,8%)	44 (33,0%)	2 2/3	4,7

Замечание. Рассказы в интервью группы II были выведены явным образом.

ке — это главным образом усилия (например, Протесты или Жалобы), направленные на преодоление „трудностей“, однако эти действия часто терпят неудачу. Государственные органы — Агенты предполагаемых действий — такие, как правительство или полиция, как правило, предстают как „неэффективные“: „Они ничего не могут поделать“. Результирующая картина, то есть ситуативная модель, ясна: представители этнического меньшинства описываются через соответствующие ситуации как угрожающие нормам, ценностям, экономическим интересам, личной безопасности или благополучию большинства. В самом деле, рассказчики строят стратегии своих повествований таким образом, чтобы убедиться, что служащие правильно восприняли и проинтерпретировали текст (и, следовательно, желаемую модель); при этом рассказывающие особо подчеркивали, что их самих нельзя обвинять в негативных событиях или действиях других лиц. Категории Оценки и Заключение не только обеспечивают отображение событий так, как их видят са-

ми рассказчики, но и **гарантируют**, что эти события будут оценены в соответствии с разделяемыми или принятыми большинством нормами („Мы не привыкли к таким вещам" или „Мы не делаем таких вещей"). Таким образом, интегральные макротемы в рассказах об этнических меньшинствах могут быть названы „агрессия" (преступления, драки, насилие), „ежедневное беспокойство" (причиняемое запахами, шумом, грязью) и „странные привычки" (одежда, приготовление пищи, образ жизни, структура семьи и поведение). Прежде всего такие рассказы можно услышать в тех районах или кварталах, где каждый день происходят контакты с этническим меньшинством. В других районах люди главным образом излагают более общие мнения. Следовательно, рассказы могут быть подразделены на те, которые опираются на модели, и те, которые опираются на (общие) структуры установок.

Из всех этих немногочисленных наблюдений можно сделать ряд выводов. Во-первых, вывод о том, что модели этнических ситуаций организованы посредством высокоуровневых негативных (**макро**)мнений; во-вторых, что эти негативные оценки обращены преимущественно на представителей группы этнических меньшинств; в-третьих, что из-за негативного отношения этнического большинства к меньшинству рассказы о меньшинстве затрагивают только ограниченный набор тем, а именно агрессивное **поведение**, доставляемое беспокойство и культурные различия; в-четвертых, что оценки относятся к общему различию между этническим большинством и меньшинством или к угрозе, которую представляет меньшинство для принятых этнических норм, ценностей, привычек, убеждений, и, наконец, в-пятых, что представители этнического большинства в этих рассказах обычно изображаются жертвами.

Такого рода модель со временем может стать стандартной. Она воспроизводится не только в стереотипных рассказах, но и в сообщениях прессы об „опыте" встреч с людьми из группы этнического меньшинства, об оценке этих встреч и о возникающих в результате предубеждениях. В свою очередь обобщение частных моделей может „подтвердить" существующие этнические установки и управлять интерпретацией новых ситуаций.

Возьмем два рассказа из нашего материала (тексты рассказов содержатся в Приложении) и покажем, как можно выявить из их анализа отдельные параметры моделей этнических ситуаций. Эти взятые в качестве примера рас-

сказы позволяют вскрыть **основные** характеристики моделей. В первом из них чернокожие представители (из Суринама) описаны как дикари и как люди, поведение которых отклоняется от общепринятых норм в ряде других отношений (см. их пристрастие к шуму). В этом рассказе счастливой Развязки попросту нет, тогда как во втором, хотя таковая и имеется (рассказчица вместе со своим мужем помогают чернокожей соседке), она вместе с тем передает отрицательную реакцию рассказчицы на поведение соседа и отсутствие какой бы то ни было помощи со стороны властей. Подчеркнем, что в обеих рассказанных историях представлены те элементы социальных ситуаций, о которых речь уже шла выше: *Время* (**уикенд**, канун Нового года), *Место* (дом рассказчицы), *Условия* (**обычные** занятия рассказчицы), особые (осложняющие) *События*, *Участники* и их частные и общие *Оценки*, выраженные в *Модификаторах*.

Для моделей этнических ситуаций, помимо специфического их содержания (негативные действия и оценки, относящиеся к членам групп этнического **меньшинства**), характерно наличие **особого**, отличающего только эти модели структурного **параметра** — **оппозиции „МЫ — ОНИ“** [или „свой — чужой“]. Эта оппозиция отражает конфликт между группами этнического большинства и меньшинства и в то же время определяет различную оценку ситуаций („точку зрения“). Стилистика рассказов, наличие особых местоимений, риторические приемы и структура **рассказов** — **все** эти языковые средства выражают данную оппозицию и соответствующие точки зрения. Об этом очевидно свидетельствует первый из наших примеров: „Нам надо было встать рано утром, а ТЕ готовы были веселиться хоть всю ночь“. Модель, представленная на рис. 1, может служить примером модели этнической ситуации, содержащей такую „пристрастную“ информацию.

Тексты отобранных нами рассказов позволяют увидеть, как происходит доступ к соответствующим моделям. Зачастую рассказ следует сразу после того, как сделано некое общее негативное утверждение об этническом меньшинстве, и он как бы служит подтверждением **высказанного** утверждения. Очевидно, что это утверждение является тематическим ключом к обнаружению релевантной модели. В этом случае тема рассказа может быть представлена в виде идущего вначале Резюме, которое обычно содержит общую Оценку. Отсюда следует, что ка-

тегория Оценки занимает высокое положение в структурных представлениях моделей этнических ситуаций, на что обращал внимание еще **Форгас** (см. **F o r g a s, 1979**), который рассматривал возможные интерпретации социальных ситуаций и структуру памяти в целом. Далее, актуализация модели в конкретном рассказе осуществляется по принципам, которые были нами указаны, а именно сверху вниз и слева направо, хотя иногда допускается требующее определенных усилий изменение такого порядка. Иными словами, отображение модели в повествовании является результатом взаимодействия модельных структур и стратегий, а также конверсационных и нарративных ограничений на их применение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой главе мы начали свое рассуждение с того, что привели ряд аргументов, доказывающих, что социальные ситуации представлены в эпизодической памяти в виде моделей. При этом модели толкуются как структурные объекты, возникшие в ходе осмысления и оценки событий, происходящих в социальных ситуациях. В свою очередь модели служат индивидуальным эмпирическим основанием **для** построения фреймов, сценариев или установок. Они отражают знания, убеждения и мнения носителей языка, лежащие в основе понимания и порождения текстов. Модели служат „стартовой площадкой“ для порождения текстов, то есть обеспечивают информацией, которая может быть явно использована (или которая должна остаться имплицитной) при порождении семантической базы текста. Для поиска, обнаружения и выбора информации из моделей ситуации применяются различные стратегии. О структурной организации моделей говорят данные, полученные из самых разных источников. Эти структуры являются многоуровневыми и категориальными; в них присутствуют такие категориальные элементы, как Обстановка, Обстоятельства, Участники, События, Действие. Процесс образования и использования модели находится под контролем Системы Управления, которая наряду с другой „основной“ информацией содержит макропропозиции (темы), и Контекстной Модели, отражающей важнейшие параметры коммуникативного контекста.

Затем мы применили нашу теоретическую конструкцию для объяснения этнических предубеждений и их выражений в тексте. Так, мы можем теперь соотнести **этниче-**

ские встречи — через субъективные (и пристрастные) представления их в **моделях** — с этническими установками самой общей природы. Рассуждения об **особом** характере „этнических моделей ситуаций” и стратегий их **использования** при этнических **межгрупповых** („мы” vs. „они”) столкновениях или при распространении **внутригрупповых** предубеждений в ходе повседневных разговоров опирались на эмпирические данные, полученные при анализе естественных языковых **текстов-рассказов** об этническом меньшинстве.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. *Рассказ о соседях-иммигрантах из Суринама*

«Так вот, когда нам надо в понедельник вставать в семь утра и идти на работу, а у них там веселье, вечеринка с воскресенья, и уже пять, ну это, в общем-то, согласитесь, не слишком приятно. И это не раз, не два, это происходило всякий раз. А когда один из нас, мой муж то есть, вышел на лестницу и попросил их вежливо быть чуточку потише, он, знаете, мог бы и нож в спину схлопотать. Я бы лично ни за что на свете не вышла к ним. Я с **ребенком** посреди ночи сидела в гостиной, потому что мы оба не могли спать, а муж работает, а наши соседи не **работают** и потому могут позволить себе веселиться...»

2. *Рассказ о соседях-иммигрантах из Суринама*

«Эта **суринамка**, которая живет внизу, под нами, она **вообще-то** приятная, да и ее муж был тоже... но смотреть, как тебя бьют... Был канун Нового года, мы праздновали его вместе. Не знаю, что у них там произошло, но она хотела что-то сделать, что ему не понравилось, то ли на проигрывателе поменять пластинку, то ли еще что-нибудь в этом роде. И тогда он ее бутылкой из-под джина ударил по голове, одной из тех тяжелых бутылок, знаете. У нее спереди на **голове-ну-прямо-рана**, и мы пошли тогда к себе домой посреди ночи. Затем она показала рану моему мужу и **говорит, что** не может пойти ни в полицию, ни в больницу, никуда, иначе он снова ее побьет... **Поэтому** только утром мой муж смог отвезти ее в полицейский участок, и там ему сказали, что надо еще раз прийти днем. Они даже акта не составили, так, чтобы та могла подать

жалобу, а швы в больнице накладывать **уже** было слишком поздно, и теперь у нее эта вмятина на голове. **Такие** мелочи, вот...»

ЛИТЕРАТУРА

- Abelson, 1976** = **Abelson, R. P.** Script **processing** in attitude formation and decision **making**.— In: "Cognition and Social **Behavior**" (J. S. Carroll and J. W. Payne (eds.)). Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1976, p. 33—46.
- Allport, 1954** = **Allport, G. W.** The nature of **prejudice**.— Reading, MA: Addison-Wesley, 1954.
- Argyle, Furnham and Graham, 1981 = Argyle, M., **Furnham, A.**, and **Graham, J. A.** Social Situations. London: Cambridge University Press, 1981.
- Barker, 1968 = Barker, **R. G.** Ecological Psychology. Stanford, CA: Stanford University Press, 1968.
- Bower, 1980** = **Bower, G. H.** Mood and **memory**.— "American Psychologist", 36, 1980, p. 128—148.
- Bruce, 1980 = Bruce, B. C. Plans and social **actions**.— In: "Theoretical Issues in Reading Comprehension" (R. J. Spiro et al. (eds.)). Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1980, p. 367—384.
- Butterworth, 1980 = **Butterworth, B.** (ed.). Language Production. London: Academic Press, 1980.
- van **Dijk, 1977** = van **Dijk, T. A.** Text and Context. London: Longman, 1977.
- van **Dijk, 1979** = van **Dijk, T. A.** Relevance assignment in discourse **comprehension**.— "Discourse Processes", 2, 1972, p. 113—126.
- van **Dijk, 1980a** = van **Dijk, T. A.** Macrostructures. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1980.
- van **Dijk, 1980b** = van **Dijk, T. A.** (ed.). Story **comprehension**.— "Poetics", 9, № 1/3 (special issue).
- van **Dijk, 1981** = van **Dijk, T. A.** Studies in the Pragmatics of Discourse. The Hague: Mouton, 1981.
- van **Dijk, 1982** = van **Dijk, T. A.** Opinions and **attitudes** in discourse **comprehension**.— In: "Language and Comprehension" (W. Kintsch and J. F. LeNy (eds.)). Amsterdam: North Holland, 1982.
- van **Dijk, 1983a** = van **Dijk, T. A.** Minderheden in de media (Minorities in the media). Amsterdam. **Socialistische Uitgeverij** Amsterdam, 1983.
- van **Dijk, 1983b** = van **Dijk, T. A.** Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic **prejudice**.— "Text", 3, 1983, p. 375—404.
- van **Dijk, 1984** = van **Dijk, T. A.** Prejudice in Discourse. Amsterdam: Benjamins, 1984.
- van **Dijk, 1987** = van **Dijk, T. A.** Episodic models in discourse processing.— In: "Comprehending Oral and Written Language" (R. Horowitz and S. J. Samuels (eds.)). New York: Academic Press, 1987.
- van **Dijk and Kintsch, 1983** = van **Dijk, T. A.** and **Kintsch, W.** Strategies of Discourse Comprehension. New York: Academic Press, 1983.
- Dik, 1978** = **Dik, S. C.** Functional Grammar. Amsterdam: North Holland, 1978.
- Duncan, 1976** = **Duncan, B. L.** Differential social perception and attribution of **intergroup** violence: Testing the lower limits of stereotyping of **blacks**.— "Journal of Personality and Social Psychology", 34, 1976, p. 590—598.

- Ehlich**, 1980 = **Ehlich**, K. (ed.). *Erzählen im Alltag*. Frankfurt: Suhrkamp, 1980.
- Ehrlich**, 1973 = **Ehrlich**, H. J. *The Social Psychology of Prejudice*. New York: Wiley, 1973.
- Forgas**, 1979 = **Forgas**, J. P. *Social Episodes*. London: Academic Press, 1979.
- Forgas**, 1981 = **Forgas**, J. P. (ed.). *Social Cognition*. London: Academic Press, 1981.
- Furnham and Argyle**, 1982 = **Furnham**, A. and **Argyle**, M. (eds.). *The Psychology of Social Situations*. London: Pergamon Press, 1982.
- Givón**, 1979 = **Givón**, T. (ed.). *Discourse and Syntax*. New York: Academic Press, 1979.
- Goffman**, 1959 = **Goffman**, E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1959.
- Goffman**, 1967 = **Goffman**, E. *Interaction Ritual*. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1967.
- Hamilton**, 1979 = **Hamilton**, D. A *cognitive-attributional* analysis of *stereotyping*.—In: L. Berkowitz (ed.). *Advances Experimental Social Psychology*, Vol. 12. New York: Academic Press, 1979, p. 53—84.
- Hamilton**, 1981a = **Hamilton**, D. (ed.). *Cognitive Processes in Stereotyping and Intergroup Behavior*. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1981.
- Hamilton**, 1981b = **Hamilton**, D. Illusory correlation as a basis for *stereotyping*.—In: D. Hamilton (ed.). *Cognitive Processes in Stereotyping and Intergroup Behavior*. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1981.
- Hamilton and Rose**, 1980 = **Hamilton**, D. and **Rose**, T. L. Illusory correlation and the maintenance of *stereotypic beliefs*.—"Journal of Personality and Social Psychology", 39, 1980.
- Hastie et al.**, 1980 = **Hastie**, R., et al. (eds.). *Person Memory: The Cognitive Basis of Social Perception*. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1980.
- Heider**, 1958 = **Heider**, F. *The Psychology of Interpersonal Relations*. New York: Wiley, 1958.
- Higgins, Herman and Zanna**, 1981 = **Higgins**, E. T., **Herman**, C. P., and **Zanna**, M. P. (eds.). *Social Cognition: The Ontario symposium* (Vol. 1). Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1981.
- Jaspars, Fincham and Hewstone**, 1983 = **Jaspars**, J., **Fincham**, F. D., and **Hewstone**, M. (eds.). *Attribution Theory: Conceptual, Developmental and Social Dimensions*. London: Academic Press, 1983.
- Johnson-Zaird**, 1983 = **Johnson-Laird**, P. N. *Mental models*. London: Cambridge University Press, 1983.
- Katz**, 1976 = **Katz**, P. A. (ed.). *Towards the Elimination of Racism*. New York: Pergamon Press, 1976.
- Kintsch and van Dijk**, 1978 = **Kintsch**, W., and **van Dijk**, T. A. *Towards a Model of text comprehension and production*.—"Psychological Review", 85, 1978, p. 363—394.
- Labov**, 1972 = **Labov**, W. The transformation of experience in narrative *syntax*.—In: **Labov**, W. *Language in the Inner City*, Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972, p. 354—396.
- Levelt**, 1982 = **Levelt**, W. J. M. Linearization in describing spatial *networks*.—In: S. Peters and E. Saarinen (eds.). *Processes, Beliefs and Questions*. Dordrecht, **Reidel**, 1982.
- Polanyi**, 1985 = **Polanyi**, L. *The American Story*. Norwood, N.J.: **Ablex**, 1985.
- Quasthoff**, 1980 = **Quasthoff**, U. *Erzählen in Gesprächen*. Tübingen: **Narr**, 1980.
- Schank**, 1982 = **Schank**, R. C. *Dynamic Memory*. London: Cambridge University Press, 1982.

Schank and Abelson, 1977 = Schank, **R. C.**, and Abelson, **R. P.** Scripts, Plans, Goals and Understanding. Hillsdale, N.J.: **Erlbaum**, 1977.

Tajfel, 1978 = **Tajfel, H. (ed.)**. **Differentiation** between Social Groups. London: Academic Press, 1978.

Tajfel, 1981 = **Tajfel, H.** Human Groups and Social Categories. London: Cambridge University Press, 1981.

Tajfel, 1982 = **Tajfel, H. (ed.)**. Social Identity and **Intergroup** Relations. London: Academic Press, 1982.

Wilensky, 1978 = **Wilensky, R.** Understanding Goal-Based Stories. New Haven. **CT: Dept.** of Computer Science, Yale University, 1978.

ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ В ДИСКУРСЕ. РАССКАЗЫ ОБ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВАХ *

1. ИСТОРИИ, ПОВЕСТВОВАНИЕ ИСТОРИИ И ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА

Повествование историй занимает важное место в нашей повседневной жизни. Мы рассказываем истории в ходе беседы, чтобы сообщить о том „интересном“, что сами **пережили**, или чтобы убедить других в социальной значимости определенных действий или событий, в которых мы принимали участие. В детстве мы слушаем или читаем рассказы для детей; когда становимся старше, читаем художественную литературу. Немного найдется жанров повествовательной прозы, с которыми мы были бы лучше знакомы, чем с разновидностями этого типа повествования. В рамках нашей культуры мы, таким образом, накопили немало имплицитных знаний о типичном содержании и правилах создания историй, а также о ситуациях, в которых уместно их рассказывать. Теория повествования ставит своей задачей ясное выражение этого культурного знания. Эта теория формулирует структурные категории и правила построения историй, а также стратегии уместного и эффективного повествования историй в различных социальных контекстах.

Истории повествуют в основном о людях. В первую **очередь** — о нас самих или о людях, которых мы знаем, или же о действиях или событиях, в которых нам довелось принимать участие в прошлом. Они отвечают на вопрос: „*Что случилось?*“. И все же они повествуют далеко не о *всяком* явлении или действии. Многие повседневные или привычные действия едва ли стоят того, чтобы о них рассказывать другим **людям**, — **ведь** наши слушатели могут

* Т. van Dijk. Prejudice in Discourse. Amsterdam: Benjamins, 1984, Chapter 5. Stories about minorities, p. 79—104.

© 1984 by Т. А. van Dijk.

уже заранее знать, что случилось. Следовательно, истории должны повествовать о тех событиях, которые по крайней мере в меньшей степени предсказуемы, ожидаемы, тривиальны и для рассказчика и для слушателя, то есть они должны быть хотя бы относительно „интересными“. Предпочтительным материалом для рассказа являются таинственные, забавные, опасные, **необычные** или самые последние события, при этом интерес к рассказу определяется нашими действиями в подобной ситуации. Такие события часто создают „затруднения“ на пути выполнения наших повседневных задач, и наши слушатели могут захотеть узнать, как нам удалось „преодолеть“ эти затруднения и как мы реагировали на эти события. Те типичные черты эпизодов, о которых в рамках нашей культуры мы имеем право рассказывать истории, получили конвенциональные способы выражения в самой структуре рассказа. К примеру, мы можем ожидать наличия категорий Осложнения и Развязки во многих рассказах, что и было обнаружено **Лабовым** и **Валецким** (см. **Labov and Waletzky, 1967**), когда они просили людей рассказать о таком эпизоде из их жизни, когда они „боялись смерти“. Совершенно очевидно, что для нашей собственной жизни опасность представляет **собой** один из наиболее достойных повествования эпизодов, **составляющих** часть нашего личного опыта; однако в повседневной жизни наши рассказы, как правило, будут посвящены более обыденным опасностям, угрожающим нашим целям и ценностям.

Если в рассказах говорится о людях и в особенности о тех действиях и событиях, которые затрудняют выполнение повседневных задач или представляют для нас некоторую опасность, то можно предположить, что практически обязательными участниками рассказа, по нашему мнению, будут именно те люди, которые создают реальную угрозу нашим идеалам и основным целям. Из предыдущей главы мы поняли, что под это определение в точности подходят представители малых этнических групп. Поэтому готовность, с которой люди начинают рассказывать истории об „иностранцах“, не является неожиданностью. Рассказы эти обычно посвящены негативным **событиям** и в соответствии со сложившимися стереотипами действующими лицами таких „негативных“ эпизодов Являются иностранцы: именно их мы воспринимаем как лиц, ведущих себя необычно, странно, опасно, не совсем нормально или непонятно. В многообразном этническом обществе они играют роль стереотипных злодеев в пред-

убежденных рассказах или клоунов в расистских анекдотах (Dundes, 1973; Wilson, 1979; Scherzer, 1984).

И все же истории об этнических меньшинствах рассказываются не просто для передачи нашего личного опыта или для того, чтобы привлечь внимание слушателя описанием деталей интересного эпизода. Помимо этого, с их помощью реализуется одна из форм субъективной обработки социальной информации, направленная на сообщение того, что мы „знаем“ о новых этнических меньшинствах, или иммигрантах, и как мы воспринимаем их действия. Рассказы о подобных историях формулируют нормы и ценности, на основе которых производится оценка „отклоняющихся“ форм поведения. Таким образом обеспечивается базисное для этнического большинства знание об этнических меньшинствах, а также даются рецепты относительно того, какой должна быть реакция и какими — действия. Эти рассказы воплощают в себе нашу предубежденность, лежащую в основе оценок и реакций. В то же время они рассказываются для того, чтобы эту предубежденность разделяли с нами и другие.

В отличие от аргументированных высказываний, утверждений и других суждений об иностранцах и нашем отношении к ним, имеющих обобщающий характер, истории рассказывают о ситуативно определенных эпизодах. В них сообщается об эпизодах, которые имели место в определенное время, в определенном месте и с определенными людьми, и прежде всего с самим рассказчиком. Те ситуации, в которых мы были наблюдателями или участниками, запечатлеваются в нашей памяти в виде модели ситуации. Рассказ о какой-либо истории является частичной реализацией такой модели, приспособленной, разумеется, к данному случаю таким образом, чтобы образующееся в результате повествование было коммуникативно и социально приемлемым. Рассказы об этнических меньшинствах сообщают о ситуациях, в которых представители меньшинства выступают как действующие лица, но вместе с тем они воплощают и нашу субъективную модель таких ситуаций. Такие модели, как мы видели, характеризуются предубежденностью, это относится в равной мере и к основывающимся на них рассказам. Анализ рассказываемых историй об этнических меньшинствах может, следовательно, показать, как мы создаем негативные модели об иностранцах.

2. ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ

Как уже отмечалось, редко какой повествовательный **жанр** так знаком нам, как жанр рассказа. То же можно сказать и об изучении повествования. Мы знаем не так много жанров, которые бы так часто подвергались анализу или о которых создавалось бы столько теорий, как о жанрах повествовательных. Сначала были исследованы жанры наиболее „интересные" в эстетическом отношении, такие, как драма и роман, **затем** — **более** „народные", такие, как сказки и мифы, и наконец, в связи с возрастающим вниманием социологов к нашей повседневной жизни исследователи обратились к обыденным **рассказам**, создаваемым в ходе разговоров. Здесь нет возможности углубиться ни в историю развития, ни в отдельные частности этих теорий, которые восходят к анализу драмы Аристотелем и продолжают свое развитие вплоть до структурного анализа последних пятидесяти лет. Мы можем остановиться лишь на наиболее важных моментах и сделать некоторые выводы относительно категорий и принципов, релевантных для анализа рассказов об этнических меньшинствах.

Если оставить в стороне более ранние литературоведческие работы о романе и коротком **рассказе**, одним из источников современного анализа повествовательных жанров можно считать работу Проппа (1928) о русской сказке. Он создал инвариантную „морфологию" тематических категорий („функций"), делающую возможной подстановку повторяющихся элементов многих различных сказок. **Совсем** как в наших теперешних историях о Джеймсе Бонде, герой получает задание разрешить определенную проблему (например, вернуть царевну, похищенную **Змеем-Горынычем**), подвергается опасности, в серьезных испытаниях убивает врага, возвращается домой с победой и получает награду. Существенным для наших рассуждений является то, что в этой работе (и **тех** многочисленных структурных анализах повествования, на создание которых сорока годами позже эта работа вдохновила **ученых** — **специалистов** по семиотике, этнографии, литературоведению) было дано первое теоретическое определение повествовательных структур. Рассказы создаются с помощью фиксированного списка категорий и правил их соответствующего упорядочения. Во многих популярных рассказах эти категории могут иметь семантическую природу: они представляют собой **инвариант-**

ные темы с заданными ролями для участников действия; таковыми могут быть роли героев и злодеев. То же самое относится к историям об этнических **меньшинствах**: я, мы, голландцы вообще выступаем здесь как герои или жертвы, а представители этнического **меньшинства** — как злодеи. Из ограниченного репертуара могут выбираться даже события и действия, фигурирующие в истории. Этнические меньшинства доставляют нам разного рода неприятности: они шумят, мусорят на улицах, занимают наши рабочие места или квартиры, вступают на преступный путь. Рассказы об этнических меньшинствах становятся особым жанром фольклора, основывающегося на **внутригрупповой** предубежденности. Они так же стереотипны, как и лежащие в их основе предубеждения.

Кроме выявления стереотипного **характера** тематического списка предпочитаемых участников и эпизодов, результатом структурного анализа является также более общее описание повествовательных категорий и правил, применимых и к анализу других типов рассказов, существующих в рамках нашей **культуры**, — и тех, которые образуются в ходе повседневных бесед, и тех, которые рождены массовой культурой, телевизионными постановками, детективами. В связи с этим мы уже упоминали работу Лабова о рассказах, основывающихся на личном опыте (**Labov-Waletzky**, 1967; Labov, 1972; 1982). Устные рассказы этого типа могут расчленяться на эпизоды с различными функциями, такими, как: Резюме (summary), Описание окружающей обстановки или Расположение (setting or orientation), Осложнение (complication), Развязка (resolution) и Кода* (coda). Резюме заявляет о некоторой истории и представляет ее, сообщая об описываемых в ней „интересных" событиях. В разговоре эта категория обычно используется для того, чтобы получить слово и завоевать внимание слушателей. Описание окружающей обстановки позволяет дать характеристику **места**, времени, обстоятельств и главных действующих лиц событий. Осложнение включает характеристику основных „катастрофических" событий, а Развязка включает описание действий, предпринятых для преодоления препятствий, возникающих в результате этих событий. Оценка, которая может выражаться на различных стадиях развития пове-

* **Кода** — заключительный фрагмент музыкального произведения, в котором кратко повторяются его основные музыкальные темы. Здесь: заключение, выводы, итоговый фрагмент **истории**. — *Прим. перес.*

ствования, передает мнение рассказчика о событиях и тех чувствах, которые они вызывают. Кода связывает взаимозависимые события прошлого с реальным прагматическим контекстом самого рассказывания истории. Это осуществляется путем формулирования выводов, выражения намерений относительно будущих действий или рекомендации слушателям. В нашем разборе рассказов об этнических меньшинствах мы попытаемся более детально охарактеризовать такие повествовательные категории.

Повествовательные категории, подобные упомянутым выше, требуют в то же время наличия эксплицитной связи с дискурсом, с самим рассказом, посредством которого они выражаются, то есть они должны быть связаны с лингвистическими параметрами речевого воплощения рассказа. В ряде предыдущих работ нами было предложено изучение повествовательных структур как „глобальных” схем организации связного текста, а именно суперструктур (van **Dijk**, 1972; 1976; 1980). Суперструктуры представляют собой всеобщую абстрактную глобальную „форму” связного текста, состоящую из иерархически организованного набора категорий, специфических для определенного жанра. Помимо повествовательных структур существуют также суперструктуры или схемы аргументации, например проповедей или научных работ. Содержание, которое соответствует терминальным категориям таких суперструктурных форм-схем, должно, конечно, также быть „глобальным”, а именно представлять собой макропропозицию, или тему. В конце концов, Описание окружающей обстановки или Осложнение рассказа редко состоит только из одного слова или предложения. Если макропропозиция передает в „концентрированном виде” значение последовательности предложений (текстовой „эпизод”; см. van **Dijk**, 1982b) в рамках значения более высокого уровня, схематические категории суперструктуры предписывают этим макропропозициям выполнение определенных функций, например функций Описания окружающей обстановки или Осложнения данному сегменту текста.

Сходство с (функциональной) грамматикой очевидно: здесь действуют правила образования, которые характеризуют „хорошо оформленные” рассказы на основе составляющих их формальных категорий. Канонические повествовательные структуры могут подвергаться трансформации, что наблюдается, например, в тех случаях, когда рассказ начинается с осложнения. Такие „грамматики

рассказов" не только вызвали интерес при литературоведческом и семиотическом подходах к анализу повествования, но и были использованы психологами для воссоздания процессов понимания и репрезентации рассказов в памяти (Rumelhart, 1975; Kintsch — van Dijk, 1975; van Dijk — Kintsch, 1978; Mandler, 1978; Mandler — Johnson, 1977). Подобным же образом в области искусственного интеллекта рассказы и повествовательные структуры моделируются в терминах, лежащих в основе структур деятельности, таких, как осуществление соответствующих шагов, приводящих к успешному достижению намеченных целей или к неудачам при их выполнении. Несмотря на то что эти грамматики рассказа и подходы, осуществляющие анализ с точки зрения теории действия, нередко представляются как противоположные теории понимания рассказов (Black — Wilensky, 1979), их следует скорее считать взаимно дополняющими друг друга описаниями „глубинных" повествовательных структур (van Dijk (ed.), 1980; van Dijk — Kintsch, 1983).

При структурном подходе в рамках различных дисциплин рассматриваются простые и „жестко фиксированные" формы повествования, такие, как мифы, сказки, детские рассказы или некоторые популярные жанры художественной литературы (детективы, телевизионные постановки). Мы же подчеркиваем необходимость изучения повседневных форм повествования, представляющих собой неотъемлемую часть повседневного речевого общения. В этой связи за последнее десятилетие мы стали свидетелями возрастающего интереса к особенностям этого вида рассказывания историй в ходе разговора (Jefferson, 1978; Polanyi, 1983; Quasthoff, 1980; Ehlich, 1980). Спонтанное рассказывание истории является одним из результатов, достигаемых в процессе коммуникативного взаимодействия между говорящим и слушающим. При речевом общении рассказчик не может ни с того ни с сего начать рассказывать об интересном случае из своей личной жизни. Для того, чтобы это произошло в ходе разговора, должны возникнуть подходящие обстоятельства. Только когда, например, какой-либо несчастный случай будет упомянут в ходе разговора, рассказчик может попытаться завладеть вниманием слушателей и предложить рассказать о каком-либо несчастном случае, который произошел с ним или с ней. Такое предложение носит стратегический характер. К примеру, сперва можно намекнуть на ка-

кой-то интересный аспект (например, на осложнение ситуации) для того, чтобы заинтересовать слушателя. И только получив разрешение рассказать историю (выраженное, например, вопросом „А что **случилось?**“), рассказчик может приступить к изложению самой истории (например, дать описание окружающей обстановки). В то же время слушатель может задавать вопросы, требовать пояснений, давать оценку или выражать свои эмоции, например показывать различными способами, что история не очень интересна или же недостаточно хорошо рассказывается. Кроме того, многие существенные подробности Окружающей обстановки или Осложнения могут быть опущены во время непосредственного рассказывания истории: Эти детали могут быть введены позднее, по мере развития повествования. С помощью грамматических **паравербальных** или невербальных средств могут быть обозначены и границы перехода одной повествовательной категории в другую. Специфические категории, такие, как Осложнение или Оценка, выделяются с помощью различного рода экспрессивных средств с целью повышения их эффективности. Другими словами, рассказывание какой-либо истории представляет собой осуществляющийся в оперативном режиме **интеракционный** процесс, в котором используется ряд стратегий, направленных на адекватное приспособление рассказа к ситуации, его представление, введение, развитие, организацию и завершение описания случая из личной жизни. Рассказчик должен уделять особое внимание тому, чтобы рассказываемая **история** была о чем-то существенном (Polanyi, 1979) и сохраняла свою актуальность и занимательность.

3. СХЕМЫ РАССКАЗОВ ОБ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВАХ

Рассмотренные ранее свойства рассказов теперь следует более детально охарактеризовать (я имею в виду рассказываемые истории об этнических меньшинствах в нашем обществе). Некоторые из наиболее общих функций этих рассказов уже в самом общем виде были описаны выше. Люди рассказывают об опыте своего личного общения с представителями этнических меньшинств, производя при этом оценку их действий и одновременно представляя своим современникам социальную „базу данных“, состоящую из субъективно интерпретируемых, но социально значимых „фактов“, относящихся к этнически инородной группе. Иными словами, они передают мо-

дели этнических ситуаций, которые могут быть восприняты (Я адаптированы) другими членами общества в целях усовершенствования их собственных моделей и формулирования общих выводов относительно представителей этнических меньшинств.

В этом разделе мы проанализируем общую схематическую организацию рассказов об этнических меньшинствах. В качестве базы данных мы используем 133 истории, рассказанные в ходе пятидесяти различных интервью. Часть этих бесед специально проводилась с целью записи рассказов об этнических меньшинствах, особенно в тех районах Амстердама, где осуществляется много контактов белого населения с представителями этнических меньшинств. Людей спрашивали об их личном опыте общения с представителями **этнических** меньшинств вместо того, чтобы, скажем, высказать их мнение об „иностранцах" или этнической ситуации в Нидерландах вообще. Тем не менее, оказалось, что люди так же охотно начинали рассказывать истории даже тогда, когда их **специально** никто не просил рассказывать о том, что пережили они лично. Как только они высказывали некоторое общее суждение (независимо от того, просили их об этом или нет), они нередко изъясляли готовность рассказать какую-нибудь историю в качестве „доказательства", иллюстрации или примера, подтверждающего это суждение. И, действительно, рассказы об этнических меньшинствах часто используются с целью аргументации.

В наших рассказах мы обнаружили в основном те же категории, что и категории, описываемые **Лабовым** (1972), хотя и с некоторыми интересными модификациями. Мы рассмотрим каждую из этих категорий и приведем **несколько** примеров их реализации в речевом общении (из-за ограниченности места мы, тем не менее, не можем привести в качестве примеров эти истории полностью).

3.1. Категории повествования

(а) Приуроченность к ситуации

Мы уже заметили, что истории не **рассказываются** в ходе речевого общения без особых ограничений, **которые** регулируют их приуроченность к случаю: истории могут вводиться только в подходящих местах. К примеру, при использовании в качестве функциональных **компонен-**

тов в аргументации или в качестве иллюстраций какого-либо более общего рассуждения требуется особое „размещение“ рассказываемой истории в определенной части разговора. Маркерами такого стратегического размещения часто являются особые выражения, такие, как: „возьмем **для** примера“, „это напоминает мне“ (см. также **Schank**, 1982) или „Мне довелось испытать такое“. Таким образом, категория приуроченности к ситуации является не столько повествовательной категорией, сколько категорией **речевого** общения. С ее помощью осуществляется переход от темы беседы или общего утверждения, высказываемого в рамках этой темы, к уровню более специфичного или более конкретного описания, относящегося к релевантному личному опыту. **Приурочивание** к ситуации связывает в этом случае текущую тему речевого общения с вставляемой в него историей. Приведем некоторые примеры:

- (1) (О живущих среди иностранцев в де **Бийлмере**)
*Расск. **: Yes, it is not pleasant to live there. And it so happens that my daughter's brother in law, he has left there. He bought a house in G. out of sheer misery... **‘Да**, не очень-то приятно там жить. И так **уж** получилось, что брат мужа моей дочери, он уехал отсюда. Он купил дом в Г. просто с **горя**...’
- (2) (Беспокойство, доставляемое соседями)
*Интер. **: Can you tell me about those experiences?
‘Вы можете рассказать мне об этих **случаях**?’
Расск.: Yes, uh, what can I tell you. They probably don't know how to use a **tap**...
‘Да, гм, что я могу сказать вам. Они, возможно, даже не знают, как пользоваться **краном**...’
- (3) (**Суринамцы** приезжают сюда, чтобы разбогатеть)
Расск.: Well, like that Surinamese lady, uh, well she came to live in that **apartment**...
‘Ну, как та **суринамка**, гм, ну, она поселилась в этой **квартире**...’

В примере (1) тема изначально формулируется в сжатом виде с помощью оценочного утверждения, но эту

* *Расск.* — рассказчик, *интер.* — интервьюирующий. — *Прим. перев.*

оценку необходимо подкрепить конкретным примером, который вводится фразой типа *it so happens* 'и так получается'. В примере (3) осуществляется переход за счет использования элемента *well* 'в общем' (голл. *пой*), и выражение *like that* 'вроде как' отмечает релевантность следующего за ним примера. Иногда **приурочивание** к ситуации может быть инициировано интервьюирующим; например, интервьюирующий задает вопрос о каком-то конкретном личном переживании, за которым следует стратегический вопрос, обращенный к воспоминанию типа "что мне **сказать?**". Приурочивание также в конечном итоге указывает тот момент в разговоре, в который говорящий заявляет, что он может **кое-что** рассказать на данную тему, как в:

- (4) Since you are talking about that, it is a funny thing, well then I will tell you something funny...
'Раз уж вы об этом заговорили, забавно, конечно, ну, тогда я расскажу вам кое-что **забавное...**'

Здесь приурочивание выражается с помощью метакоммуникативного выражения о данной теме, за которым следует определенная оценка ("забавное"), которая и дает начало "забавной" истории. Впоследствии мы еще вернемся к этому рассказу.

(б) Резюме (Краткое содержание)

Следующую категорию, которая может восприниматься как **компонент** категории **приурочивания** или как самостоятельная категория, можно назвать "резюме". С ее помощью представляется какая-то важная часть рассказываемой истории, часто как фрагмент Осложнения или ожидаемая Оценка рассказа. Во многом аналогично названию рассказов или заголовкам новостей краткое содержание выражает часть макроструктуры текста. При рассказывании истории в ходе беседы Краткое содержание не только выполняет функцию введения темы, но в то же время и способствует возбуждению интереса к ней:

- (5) **Интер.:** And, **uh** can you tell me about that?
Расск.: Well, yes, the other day I nearly **got** beaten up **uh** one Saturday morning by one of them.
Интер.: **Yes!?**

- Расск.:** Yes.
Интер.: How did it happen?
Интер.: ‘И, э, не можете ли вы рассказать мне **об этом?**’
Расск.: ‘Ну да, на днях меня едва не избил, да, как-то в субботу утром, один из **них**.’
Интер.: ‘**Да?!**’
Расск.: ‘**Да.**’
Интер.: ‘**Как это случилось?**’
(6) **Интер.:** Do you know any foreigners personally?
Расск.: No, not personally. YES, that Surinamese woman who used to live downstairs, she was, for the rest she was a nice woman, and he was also kind of nice. But, well, to let yourself be beaten up, and **uhh...**
Интер.: But why did that happen?
Интер.: ‘**Вы лично знаете каких-либо иностранцев?**’
Расск.: ‘**Нет, лично я не знаю. Да, та суринамка, что жила внизу, она была, в остальном она была приятная женщина, и он тоже довольно симпатичный. Но, все же, позволять, чтобы тебя избивали и, мм...**’
Интер.: ‘**Но почему так случилось?**’
(7) (Продолжение примера 4).
Расск.: You know, slaughtering those sheep, that's also one of those sad things...
Расск.: ‘**Понимаете, закалывание этих овец, это тоже одна из тех печальных вещей...**’

В этих трех примерах истории начинаются введением наиболее интересных событий, таких, как getting a beating ‘получить трепку’, to be beaten up ‘быть избитой’, slaughtering sheep ‘забой овец’. Эти пропозиции определяют категорию осложнения данного рассказа, и в этом плане их достаточно для краткого намека на тот интерес, который вызывает эта ситуация, или на необычность ситуации, о которой идет речь. И, действительно, интервьюирующийся в двух случаях реагирует соответствующим образом, выражая недоверие и стимулируя тем **самым** говорящего или же спрашивая о тех или иных подробностях („Как это **случилось?**“, „Почему это **случилось?**“?). Такие вопросы означают, что рассказчик или **рассказчица** могут продолжать рассказывать свою историю. В когнитивном плане краткое содержание также функционирует как выражение

макропропозиции, которая определяет контролируруемую подтему следующего отрезка разговора, то есть заявленной истории, таким образом, чтобы слушатель уже заранее более или менее знал, чего ему ожидать. Другими словами, краткое содержание имеет одновременно важные когнитивные и речевые или **интеракционные функции** при организации, планировании и управлении последующими сегментами разговора.

(в) *Описание окружающей обстановки*

Описание окружающей обстановки является для нас первой основной категорией собственно рассказа, поскольку две первые категории функционируют в качестве введения к нему. В описание окружающей обстановки входит спецификация времени, места и состава участников событий, о которых сообщается в рассматриваемой истории. Так, в примере (1) мы видели, что участники событий могут упоминаться сразу же после произведенного **приурочивания** рассказа (my daughter's brother in law '**брат мужа моей дочери**'), а в примере (3) мы сразу же знакомимся с that Surinamese lady '**этой женщиной-суринамкой**'. В примере (5) интервьюируемый сперва приблизительно определяет время совершения действия (the other day '**на днях**'), затем излагает часть краткого содержания и только **затем** — **после** маркера, указывающего на его **колебания**, — **уточняет** время (one Saturday morning '**утром в одну из суббот**'). В примере (6) в рамках данной категории не только вводится чета **соседей-суринамцев**, но и дается их общая оценка. Типичным, по-видимому, для рассказов об этнических меньшинствах (инородных группах вообще) является расширенное использование прямой прономинализации, то есть использование местоимений без предварительной идентификации антецедента. Местоимение „они” может означать иностранцев вообще или каких-то определенных иностранцев, о которых в данный момент идет речь. Такой акт неточной идентификации может быть воспринят как выражение общей стратегии дистанцирования, но в то же время и как выражение процесса познавательной категоризации инородной группы с помощью разграничения ОНИ/МЫ. Иногда детали описания окружающей обстановки вводятся в рассказ позднее, а именно тогда, когда становится **необходимым** введение дополнительной информации о времени, месте и участниках событий. Практически в **этом** случае

начальное описание окружающей обстановки дает лишь минимальную информацию о „сцене” и действующих лицах.

(г) Ориентация

Категория ориентации, тесно связанная с предыдущей категорией, дает дальнейшую спецификацию обстоятельств, например описание текущих событий или действий, осуществляемых участниками. Такая ориентация необходима для создания фона при описании интересных событий, упоминаемых в осложнении. Поэтому ориентация, как правило, дает характеристику обыденных действий главного действующего лица. Она может способствовать также и воплощению проблем, которые могут возникнуть, причем так, что у получателя возникают особые ожидания. Вот некоторые **примеры**:

- (8) I was sitting on a terrace. Then one of the guys comes along whom I know from the city.
'Я сидел на террасе. Потом подходит один из парней, которого я знаю, из **города**.'
- (9) When they were having their lunch **break**...
'**Когда** у них был обеденный **перерыв**...'
- (10) We had to get up Monday morning at seven.
'**Нам** приходилось вставать утром в понедельник в **семь**.'
- (11) (In the supermarket) That woman bought bread.
'(В супермаркете) Эта женщина купила **хлеб**.'
- (12) My mother had her laundry hanging outside.
'**Бельё** у моей матери висело на **улице**.'

И действительно, такие описания обычно включают характеристику повседневных ситуаций или ежедневных занятий: завтрак, утреннее пробуждение, хождение по магазинам, стирка белья и так далее. В рассказываемых историях об этнических меньшинствах такой внешне тривиальный фон имеет особую функцию. Он указывает на то, что разрушительные события, упоминаемые в осложнении, действительно нарушают повседневную рутину нашей жизни. Усложняющие жизнь негативные действия этнических меньшинств не являются все же исключительными, они сами по себе — **обычная** составная часть нашей жизни, а не исключительные события. И в то же время нормальное положение вещей, представленное в ориентации, может контрастировать с необычным поведением,

изображенным далее в этой истории. Таким образом подчеркивается значимость подобных необычных действий или их скрытый смысл (ср. van der Wurff, 1984).

(d) *Осложнение*

Ядро рассказываемой истории составляет категория Осложнения. Именно здесь мы находим описание „интересного" события, такого, как **проявление** необычных, странных, непонятных, преступных или других неожиданных или ненормальных действий представителей этнических меньшинств в рассказываемой истории. Поэтому Осложнение более, нежели другие категории, выражает социальный конфликт, в который втягиваются представители этнического большинства, нарушение инородными этническими группами общепринятых норм и системы ценностей, противоречие нашим привычкам и обыденным занятиям, а также и нашим ожиданиям. В связи с этим большинство Осложнений негативно окрашено, и именно в данные фрагменты повествования включаются соответствующие негативно окрашенные описания качеств и действий представителей этнического меньшинства. Серьезность возникающих осложнений во многом подогревает интерес к истории в целом и, следовательно, повышает ее нарративные возможности в речевом общении. В рассказываемых историях об этнических меньшинствах в качестве осложнений, как правило, используются описания краж, агрессивных актов, угроз, ограблений, шумного или антисанитарного поведения и вообще таких действий, которые причиняют беспокойство рассказчику или другим представителям этнического большинства. Тем не менее, не все такие „осложняющие жизнь" события в одинаковой мере интересны. Часто они представляют собой те самые раздражающие **нас мелочи**, с которыми неизбежно сталкиваются соседи. В этом случае повествовательный потенциал негативного опыта должен быть усилен с помощью ряда риторических и других речевых стратегий, таких, как преувеличения, повторы, выражения оценки. Пример осложнения (собственно говоря, двойного, встроеного **Осложнения**) мы находим в следующем фрагменте:

- (13) (Рассказывает женщина, которая работала в приюте для опустившихся женщин.)

In that home where I worked they (Surinamese

women) **were** for example not allowed to speak their own language, you know, they absolutely, absolutely had to speak Dutch. Well, I think that, I think that's inSANE, I think, when I meet Dutch people abroad then I'm going to speak Dutch and I'm not going to speak Italian or English or what ever, because I mean these people aren't allowed to speak their own **LANguage** (Pause). I was supposed to forbid it, but I didn't do it.

‘В этом приюте, где я работала, им (**суринам-кам**) не разрешали, например, говорить на их родном языке, понимаете, они непременно, просто непременно должны были говорить по-голландски. Ну, я думаю, что я думаю, что это просто **сумасшествие**, я считаю, что, когда я встречу за границей голландцев, я буду говорить по-голландски, я не собираюсь говорить по-итальянски или по-английски или на каком-либо еще языке. Я хочу сказать, что этим людям не разрешают говорить на их родном языке. (Пауза). Считалось, что я буду им это запрещать, но я этого не **делала**.’

Это осложнение входит в историю, рассказываемую относительно терпимо настроенной женщиной (на что указывает ее активная позиция в отношении прав **этнического** меньшинства), оно выражает в наиболее общем виде те социальные конфликты, которые являются частью межэтнических отношений. Осложнение основывается на конкретном событии-нарушении, состоящем в запрещении говорить на родном языке. В этом случае именно степень терпимости служит основой для оценки женщиной этого (негативного) действия коллег. И все же при описании нарушения норм представителями этнического большинства по отношению к членам инородной этнической группы требуется, очевидно, некоторое обоснование этого нарушения (иначе можно было бы подумать, что использование голландского языка в Нидерландах является лишь проявлением уважения и вежливости), и поэтому в качестве дополнительного аргумента женщина использует сравнение. Мы уже видели ранее, что сравнения часто используются в нашем материале, в особенности сравнения с теми условиями, в которых находятся голландцы за границей. Здесь, тем не **менее**, сравнение осуществляется в пользу этнического меньшинства: мы бы тоже не стали

говорить на иностранном языке с голландцами за границей. Во многих других случаях сравнения используются против представителей этнических меньшинств, например, когда утверждается, что голландцам за границей тоже приходится приспосабливаться (этот миф хорошо известен). И в то же время приводимый аргумент в сочетании с акцентным выделением выраженной оценки (in-SANE **'ненормально'**) подчеркивает нелепость, и в этой связи „интересен" (то есть пригоден для рассказа) характер действий коллег рассказчицы. Хотя у нас имеется еще несколько рассказов о том, как представители этнического большинства выступают в защиту представителей этнического **меньшинства** (при проявлении дискриминации), все же в большинстве рассказываемых историй описываются осложнения, в которых представители **этнических** меньшинств характеризуются отрицательно:

(14) (О **соседях-суринамцах**)

Well, look if we have to get up Monday morning at seven o'clock in order to get to work, and they're still partying on Sunday morning at five, then that is not what you call nice, is it? And that was not just once, not twice, that happened all the time. And when you would go upstairs and uh go ask politely if they could be more quiet, then you might get a knife in your back.

'Ну, послушайте, если нам приходится вставать в понедельник утром в семь часов, чтобы поспеть на работу, а они все еще принимают гостей в пять часов утра в воскресенье, тогда это уже не **то**, что называется порядочным поведением, не так ли? И это не единичный случай, это происходит сплошь и рядом. А когда пойдешь наверх и спросишь вежливо, не могут ли они вести себя потише, можешь еще получить нож в спину.'

Строго говоря, этот фрагмент нельзя считать повествовательным, поскольку в нем содержатся суждения обобщающего характера о повторяющихся событиях, и поэтому он не является описанием какого-либо конкретного и относимого к определенной ситуации события. Тем не менее, далее в том же интервью приводятся детали более частного характера, что в конечном итоге превращает данное сообщение в своего рода *обобщенную историю*. Здесь рассказывается о том, что такое повседневное

действие, как раннее вставание, нарушается из-за поздних приемов гостей чернокожими соседями. Описание этого осложнения все же нуждается в подкреплении со стороны каких-либо семантических или риторических средств. В семантическом плане мы имеем здесь обычный контраст между положительным поведением представителей этнического большинства (*мы* встаем рано и идем на работу) и разгульным поведением соседей, предполагающим, что *они*, возможно, и *не ходят* на работу (этот довод зависит от указания на время: имеет ли все же женщина в виду утро воскресного дня или раннее утро понедельника, то есть конец воскресной **ночи**?). Во-вторых, интерпретируемая дает негативную оценку, но формулирует ее с помощью сдержанного высказывания и литоты (*not exactly nice* '**не очень-то мило с их стороны**' здесь имеет значение '**крайне неприятно**'). В-третьих, прием гостей может быть вполне нормальной и, следовательно, приемлемой формой поведения, и из-за этого женщине приходится подчеркнуть особо, что: а) время было выбрано не то (слишком поздно ночью) и б) это было не исключительное событие (которое можно и даже следует стерпеть), а часто повторяющееся. Оба эти факта усугубляют негативную оценку акта нарушения порядка и в то же время позволяют характеризовать саму женщину как, по всей вероятности, терпимого человека („Я бы **потерпела**, если бы это было только иногда"). Та же стратегия самопрезентации проявляется и в использовании слова *politely* '**вежливо**' в следующем предложении; с помощью этого слова подчеркивается, что второе **осложнение** — *getting a knife in one's back* '**всадить нож в спину**' — **не** связано с нашей вежливостью или с нашим нетерпимым отношением к своим соседям.

(e) Развязка

За осложняющими ситуацию событиями в рассказе, как правило, следует сегмент, который можно определить как развязку, то есть разрешение конфликта или затруднения, создаваемого этим осложнением. Реакцией на проблему могут быть как психические, так и физические действия, направленные на восстановление нормального течения жизни, изначального положения дел или на достижение стоящих перед индивидом задач и торжества его системы ценностей. В народных преданиях мы могли бы ожидать в данном случае доблестного сражения героя

обычно с победным **исходом**. Это, тем не менее, редко случается в рассказываемых историях об этнических меньшинствах. Существуют примеры успешного разрешения проблем, примеры некоторых форм будничного героизма, **но** значительно чаще проблемы, поставленные осложнением, не имеют решения. И именно так **рассказчик** — **представитель** этнического **большинства** — **видит** этот социальный конфликт: проблемы возникают из-за представителей этнических меньшинств, но мы ничего не можем с этим поделать. И вместо героической истории об успешных действиях мы получаем в таких случаях историю-жалобу или историю-обвинение. Основным является не стремление изобразить нас как положительных героев, а скорее стремление охарактеризовать других негативно, **как** злодеев. В связи с этим категория развязки может и отсутствовать. А если действие и предпринимается, **как** в примере (14), оно может быть безуспешным: на вежливую просьбу отвечают угрозой насилия. Само **присутствие** и поведение членов этнически инородной группы приводит к тому, что представители этнического большинства становятся их жертвами. На фоне нормальных, вежливых, полных терпимости и понимания действий людей нашего типа выделяются *их* действия, **нарушающие** все нормы:

(15) **(В** супермаркете **суринамка** приносит обратно только что купленный ею хлеб)

She goes out of the store and comes back and says I don't want that bread. Then the manager said, very **DECENTLY**, madam we do not **exCHANGE** bread. No, you do not exchange bread in Holland, do we? Well, then that woman made a **TERRIBLE** scene and, you know, the manager tried to explain **her** that we do not exchange bread here, in a very decent way, but the woman started to **SHOUT** like do not touch me...

‘Она выходит из магазина, возвращается **обратно** и говорит: „Мне не нужен этот хлеб“. Тогда управляющий сказал, очень вежливо: „Мадам, мы хлеб не обмениваем“. Нет, в Голландии хлеб не обменивают, не так ли? Так вот, эта женщина устроила жуткую сцену, и, вы знаете, управляющий пытался объяснить ей, что мы здесь хлеб не обмениваем, очень доброжелательно, но эта женщина стала кричать, как будто её **режут...**’

И снова именно действующее **лицо** — **представитель** этнического большинства (здесь управляющий **супермаркета**) — **реагирует** на „отклоняющееся“ поведение **суринамки** в соответствии с правилами вежливого поведения: он очень терпелив и вежливо объясняет ей наши правила обмена товаров в магазине. И именно чернокожая женщина изображается здесь как человек, не только нарушающий нормы, но еще и агрессивный, не прислушивающийся к голосу рассудка. В этом примере интервьюируемый апеллирует к знанию правил самим интервьюирующим (You do not exchange bread in Holland, do we? ‘Хлеб у нас в Голландии ведь не обменивают, не так ли?’). Это делается с тем, чтобы еще раз выдвинуть на передний план сущность соответствующего правила, которое было нарушено **суринамкой**. Очевидно, что само представление ситуации может иметь предвзятый характер: вряд ли особое внимание было бы привлечено к эпизоду с обменом хлеба, если бы в нем участвовала белая женщина (то же самое можно сказать и о реакции управляющего). Более того, ничего не говорится о том, был ли хлеб упакован (представляется совершенно неправдоподобным, чтобы **суринамка** могла вернуть хлеб распакованным, уже раскрытым, если принять во внимание строгие гигиенические правила, принятые в тропическом **Суринаме**). Для наших рассуждений существенно не только то, что в рассказанной истории запечатлелась эта, вероятно, неполная и предвзято негативно окрашенная модель ситуации, но прежде всего то, что здесь использовались стратегии негативного описания действий представителей этнического меньшинства (противоречие нормам, эмфатическое использование интонации, повторов, суперположительных оценок для характеристики действий представителей этнического большинства и т.д.). Именно так незначительные инциденты повседневной жизни преобразуются в настоящие драмы с четко распределенными ролями участников и крайне отрицательно характеризующимися событиями. Такая стратегия акцентирования хорошо известна из работ психологов о предубеждениях и межгрупповом восприятии (Allport, 1954; Tajfel, 1981). И хотя такая подчеркнутая дифференциация представителей этнического большинства и инородных этнических групп, возможно, уже **существует** в групповой схеме находящегося во власти предубеждений коллектива или же в конкретных моделях ситуаций, эта дифференциация в то же время выполняет важные функции в речевом общении, направлен-

ные на убеждение партнера по коммуникации. Она делает негативное изображение представителей этнически инородной **группы** более запоминающимся, более правдоподобным и, следовательно, более эффективным.

(ж) *Экспликация*

Истории о **представителях** этнических меньшинств часто включают один или более повествовательных ходов, которые могут быть названы экспликацией. Такие ходы могут быть составной частью осложнения или оценки (см. далее), но их частое использование заставляет предположить, что они снижают более специфический статус самостоятельной категории. В рамках экспликации можно ожидать реализации обобщенных пропозиций, передающихся в настоящем времени, часто с использованием обобщений. Они применяются для того, чтобы передать какое-либо общее правило, охарактеризовать норму, рамки, фон или дать другую пояснительную информацию, на основе которой передается информация о негативных действиях представителей этнически инородных групп. Экспликации, как правило, встречаются в интервью таких людей, которые хоть и рассказывают что-то негативное о представителях этнических меньшинств, но все же стараются понять их поведение или даже дать ему объяснение. Обычной процедурой в таких случаях является ссылка на различия в области культуры:

- (16) They are different, jumpier.
'**Они** совсем не такие, как мы, более **нервные**.'
- (17) That's the mentality of people. Not only the Turks, but also the Dutch, but...
'**Такое** у людей мышление. Не только у турок, но и у голландцев, **но...**'
- (18) They don't know the time.
'**Они** не знают **времени**.'
- (19) They stand up for each other, otherwise they cannot maintain themselves.
'**Они** стоят **друг** за друга, а иначе не смогут **выжить**.'
- (20) Normal Dutch people, they don't do that.
'**Нормальные** люди, голландцы, этого не **делают**.'

Некоторые из пояснительных ходов, конечно, подразумевают оценку событий, но отличие от „настоящих”

повествовательных оценок заключается в том, что эти общие объяснения обязательно должны отражать личную оценку событий (или эмоциональную реакцию). Скорее сами действия размещаются в определенных рамках, в пределах которых различия менталитета, или норм поведения, рассматриваются как возможная причина совершения таких (негативных) действий (см., например, Kelley, 1983).

(3) Оценка

Оценка в рассказах выражается не столько с помощью отдельного компонента структуры, сколько особыми характеристиками самого **повествования**, в процессе которого рассказчик может выразить свое мнение или эмоции относительно описываемых действий или событий. Типичными выражениями оценки являются следующие: „Мне это не понравилось“, „Я боялся“ или „Это был просто удар для меня“. И в то же время оценка может выражаться также с помощью стилистически маркированных лексических единиц, интонации, невербальных действий и т. д. Мы видели, что женщина из примера (14) использует недосказанность при оценке шумных вечеринок своих соседей, а женщина из сцены в супермаркете пользуется особой интонацией, чтобы выразить вежливое поведение управляющего. Нередко люди приходят в состояние крайнего возбуждения, когда они вновь переживают те ситуации, о которых они рассказывают, и оценочная природа таких фрагментов повествования ощущается в этих случаях на всех уровнях, как в следующем примере о турках:

- (21) at the **Haarlemmerdijk** (a street in Amsterdam), they walk, all filth and dirt, only on that market. Well, then I can only say, **HOW, howhow** is it possible, don't you think, it's somehow **INSANE**, isn't it...
'... На **Гарлеммердейк** (улица в Амстердаме) они разгуливают, воплощение грязи и порока, только на продажу. Что ж, тогда я только могу сказать, **КАК**, как это может быть возможным, вам не кажется, что это какое-то безумие, не так ли...'

Помимо эмоциональной интонации, звучащей в этом отрывке, мы видим, что высказавший эти слова человек с большим предубеждением относится к иностранцам, рассматривая их только в негативном свете, как безнравственных, грязных людей; он пытается вызвать одобре-

ние у интервьюирующего, ударением подчеркивает риторический вопрос и использует отрицательно окрашенное слово INSANE **'безумно'**. Тем не менее, большая часть собранного нами материала не содержит таких эмоционально окрашенных отрицательных оценок. Люди могут время от времени злиться, но, **по-видимому**, они держат под контролем свои оценки, используя, например, сдержанные высказывания (недоговоренность), литоты и другие средства для того, очевидно, чтобы принизить степень серьезности ситуации, как они ее видят. (Голландская риторика, так же как и английская, чаще предпочитает недосказанность преувеличению или эмоциональной речи: эмоциональная риторика воспринимается как менее заслуживающая доверия.) Поскольку категория развязки едва ли достаточно развита в историях об этнических меньшинствах и отрицательно окрашенные оценки представителей этнически инородных групп играют такую существенную роль в формировании дискурса, основанного на предубеждениях, можно выдвинуть ту гипотезу, что в данном случае оценка играет (хотя бы частично) роль развязки. Мы не можем ничего сделать в противовес негативному поведению, но в нашем сознании возникает определенная реакция, выражающаяся в негативной оценке. И, действительно, такие (негативные) оценки встречаются в большинстве записанных нами историй.

(и) Заключение

И наконец, рассказываемые истории часто имеют **завершающую** категорию: Коду, или Заключение, где окончательно проясняется *релевантность* данной истории для той ситуации, в которой она рассказывается. Из предыдущего опыта могут делаться выводы для того, чтобы направлять сиюминутные или будущие действия рассказчика или слушающего. Более детальная оценка действий или действующих лиц рассказа может быть в обобщенном виде сведена к типичным действиям, свойственным таким участникам. Другими словами, Заключение можно назвать своего рода моралью, в особенности в историях об этнических меньшинствах: здесь без такой морали, конечно же, не обойтись. Люди не рассказывают таких **историй** для забавы, их рассказывают потому, что предположительно они имеют реальную общественную мораль: оценку описываемой малой **этнической** группы, **иллюстра-**

цию к обобщающему утверждению, высказываемому об этой группе, предложения о соответствующих действиях, которые следует предпринять по отношению (или против) к этим представителям этнического меньшинства в данных обстоятельствах. В то время как другие категории реализуются с помощью предложений с глаголами в различных формах прошедшего времени (или исторического настоящего), для подобных Заключений характерно использование „обобщающего" настоящего времени или одной из форм будущего времени. Часто в этом Заключении повторяются утверждения, положившие начало истории. Таким образом, повествование становится „замкнутым" с точки зрения его **встроенности** в речевое общение. Поскольку истории обычно возникают как своего рода иллюстрации или „доказательства", используемые в аргументации, эта заключительная категория может одновременно совпасть с категорией Заключения той **аргументативной** структуры, в которую была встроена данная история. Вот несколько примеров таких выражений-Заключений из наших интервью:

- (22) Oh no, I **uh** still **dare** to go out Monday nights.
 ‘О нет, я-то все еще рискую выходить вечером по **понедельникам.**’
- (23) It just depends how you handle them.
 ‘**Это** просто зависит от того, как ты с ними **обходишься.**’
- (24) Now he doesn't come anymore.
 ‘**Теперь** он уже больше не **приходит.**’
- (25) So those blokes I don't like.
 ‘**Поэтому** этих парней я не **люблю.**’

3.2. Иерархическая структура повествовательной схемы

Различные повествовательные категории, вкратце охарактеризованные выше, не только определяют соответствующие фрагменты рассказанной истории, но и образуют иерархическую схему (см. далее схему). Это означает, что некоторые категории, взятые вместе, могут снова реализоваться на более высоком уровне анализа. Например, **Приурочивание** к ситуации и Резюме, взятые вместе, могут рассматриваться как категория подготовки для всей истории в целом. Они, если можно так сказать, являются не частью собственно повествовательной структуры, а частью рассказывания истории. **Повествователь-**

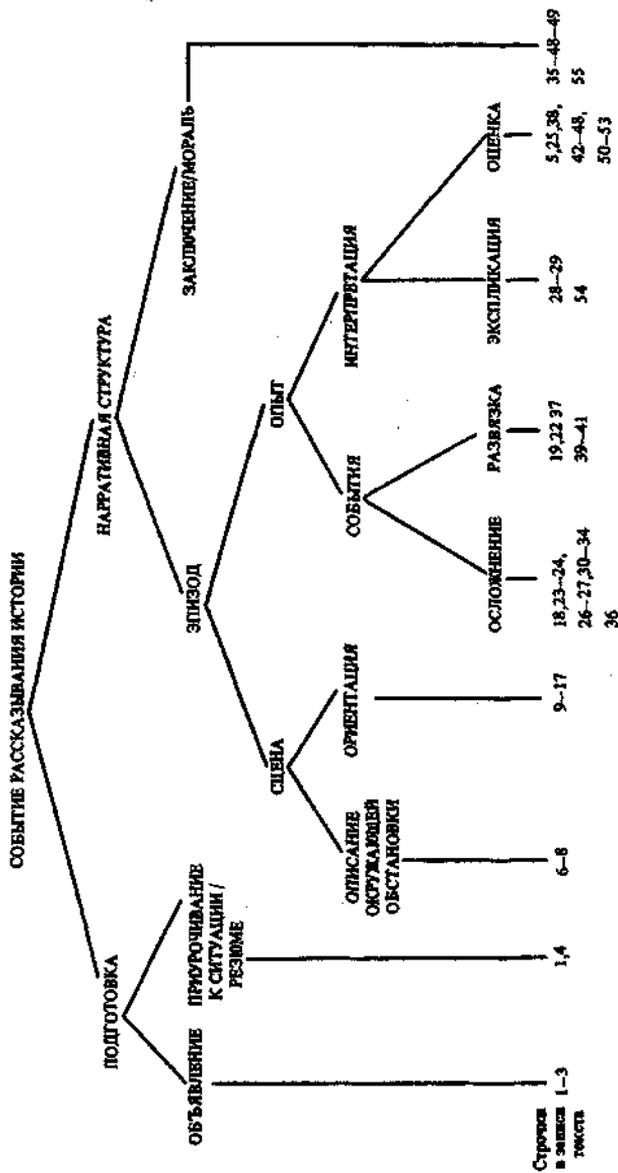
ная структура состоит из одного или более Эпизодов (что и делает эту категорию более высокого уровня повторяющейся) и, возможно, еще из Заключения, которое также может восприниматься скорее как компонент Рассказывания, чем как компонент повествовательной структуры. В число Эпизодов входят Сцены (или Ситуации) и Опыт, приобретаемый в данной ситуации. Опыт же в свою очередь имеет отношение к некоторому Событию (Событиям), доминирующему в Осложнении и Развязке, и Интерпретации этих событий (Экспликации и/или Оценке). Таким образом, мы и получаем абстрактную идеализированную и „каноническую” структуру повествования. Мы **видели**, что трансформация и локальные изменения порядка следования здесь, разумеется, возможны.

3.3. Некоторые количественные доказательства

Не в каждой рассказываемой истории реализуются суперструктурные категории. Иногда они имплицитны, а иногда лишь факультативны и, следовательно, не всегда должны реализоваться в конкретной истории. Мы считаем, что „ядерная история” **должна**, как правило, состоять из Описания окружающей обстановки, Осложнения, Развязки, в которой более или менее имплицитно может присутствовать Оценка, выраженная, например, с помощью использования оценочного стиля. И в то же время мы видели, что истории об этнических меньшинствах имеют в этом отношении особый статус. Те трудности, о которых рассказывается, не всегда могут быть преодолены, так что за осложнением может и не последовать „героическое” или „удачное” разрешение конфликта. Вместо этого мы ожидаем, что в таком случае имеющая большое значение Оценка возьмет всю нагрузку на себя как эксплицитно реализующаяся категория, формулирующая саму суть дела, а именно „мотивированное” отрицательное мнение о представителях этнических меньшинств и их присутствии.

Для того, чтобы проверить эту гипотезу, мы подсчитали все реализации соответствующих категорий в 133 историях (см. таблицу). Мы видим и в самом деле, что описание окружающей обстановки и осложнение встречаются практически во всех историях. Развязки отмечаются приблизительно только в 50% историй, а **оценка** — в более чем 60% историй. Резюме, как кажется, не часто бывают

Схема 1. Повествовательная схема истории (26).

Страницы
в тексте

Таблица 1. Повествовательные категории и частотность их реализации в историях об этнических меньшинствах.

Интервью	Число рассказчиков	Число историй	Приурочивание к ситуации	Резюме	Обстановка
Группа I	20	50	22 (44%)	6 (12%)	50 (100%)
Группа II	30	83	22 (27%)	9 (11%)	81 (98%)
Общее число	50	133	44 (33%)	15 (11,3%)	131 (98,3%)

релевантны, тогда как приурочивание к ситуации и заключение наличествуют в третьей части от общего числа историй. Каждый из интервьюируемых за время интервью рассказывает в среднем по $2\frac{2}{3}$ истории, а каждая история содержит приблизительно пять повествовательных категорий. Эти данные частично подтверждают нашу гипотезу о том, что истории об этнических меньшинствах, действительно, часто не имеют в своем составе развязки.

3.4. Пример

После того, как мы рассмотрели некоторые структурные компоненты истории об этнических меньшинствах и привели некоторые выборочные примеры, мы можем представить пример целой истории. Это позволит нам увидеть, какие категории действительно используются, в каком порядке они реализуются и какие другие характеристики могут иметь рассматриваемые истории. Мы выбрали достаточно стереотипную историю, касающуюся хорошо знакомой темы „закалывания овец“. Эта тема сыграла свою особую роль в создании структуры предубеждений, и складывается впечатление, что люди рассказывают об этом даже в том случае, если они лично не принимали никакого участия в подобных событиях (на самом деле подпольный забой скота производится исключительно редко, поскольку большинство людей из Турции или Марокко пользуются услугами бойни). Интервью, из которого взята эта история, брали у супружеской пары, но основным рассказчиком является муж, а жена только время от времени его поддерживает (см. Quasthoff, 1980 — о таком виде рассказывания истории двумя рассказчиками). На полях справа мы обозначили повествовательные категории, которые, согласно нашему анализу,

Структурная категория	Осложнение	Развязка	Одесса	Экспликация	Заключение	История/рассказчик	Число историй
21 (42%)	50 (100%)	24 (48%)	33 (66%)	13 (26%)	17 (34%)	2 1/2	4.7
43 (54%)	81 (98%)	48 (58%)	49 (59%)	20 (24%)	27 (32%)	2 3/4	4.6
66 (49.6%)	131 (98.5%)	72 (54.1%)	82 (61.6%)	33 (24.8%)	44 (33.0%)	2 2/3	4.7

могут быть соотнесены с соответствующими отрезками истории. Разумеется, возможны и другие интерпретации, поскольку все эти категории еще выделены достаточно гипотетически и они еще не совсем формализованы и эксплицированы. Кроме того, некоторые фрагменты истории могут иметь более одной повествовательной функции. Два небольших отступления в записях опущены (например, после строки 8 дается дополнительная информация о хорошенькой дочери). И вновь следует отметить, что сам перевод обнаруживает серьезные недостатки: трудно с помощью английского языка равноценно передать голландские разговорные выражения (например, *честица пои* здесь переводится как *well „ну, в общем“*).

(26) Мужчина: Раз уж вы говорите об этом.

Это вещь забавная, что ж, я тогда расскажу вам кое-что забавное.

Вы знаете, что **закалывание овец** — это одна из таких печальных вещей.

5

Ну, тогда, хорошо, и **живут** тут за **углом**, жила **семья**, **турки**, и у них всегда **была хорошенькая** дочка.

10

Но однажды, та **женщина**, что живет внизу, приходит ко мне и говорит: «Вы не знаете, где **Г.?**» А Г., он мой дружок, он был комендантом (в доме напротив). Я сказал: **„Ну, он в сарае“**. „Что ж, — **говорит она**, — **мне** надо с ним немного поговорить”.

ПРИУРОЧИВАНИЕ К СИТУАЦИИ

РЕЗЮМЕ ОЦЕНКА

ОПИСАНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ ОБСТАНОВКИ ОРИЕНТАЦИЯ

15	Я говорю: „Хорошо, пойдёте со мной“, и мы идём туда вместе. Я говорю: „Эй, Г.“ — я говорю — „соседке надо поговорить с тобой“. И он говорит: „Ну, в чем дело? “ — И тогда она говорит: „На лестнице плохо пахнет“. Я говорю: „Ну, давайте пойдём, посмотрим“.	ОСЛОЖНЕНИЕ РАЗВЯЗКА
20	„И ещё забита труба от раковины“. (Имитирует голос соседки). Ну, и ещё посмотрите на это. Но к тому времени мы уже увидели баранью шкуру, тайком развешенную на балконе.	ОСЛОЖНЕНИЕ РАЗВЯЗКА ОСЛОЖНЕНИЕ
25	Интер.: Вот это да! Мужчина: Вы понимаете, они закололи тайком овцу в ванной комнате.	ОЦЕНКА ОСЛОЖНЕНИЕ
	Женщина: Да, был рамадан.	ЭКСПЛИКАЦИЯ
30	Мужчина: Понимаете, рамадан. И все, от чего они не знали, как избавиться (того, что осталось от этой овцы], они запихали в эту неширокую трубу, понимаете.	ОСЛОЖНЕНИЕ
35	Интер.: В канализационную трубу. Мужчина: В канализационную трубу. Женщина: И это единственная история... Мужчина: И вся эта штука была забита.	ЗАКЛЮЧЕНИЕ ОСЛОЖНЕНИЕ
	Вскрыли трубу. Там была полиция тоже. Послушайте, кто же так делает!	РАЗВЯЗКА ОЦЕНКА
	Интер.: Что, кто, что эти люди сами вызвали полицию, чтобы она вмешалась, или что, что же случилось?	РАЗВЯЗКА
40	Мужчина: Да, приехала полиция. Женщина: Ведь не разрешается резать овец дома , разве вы этого не знаете!	ОЦЕНКА
	Мужчина: А еще это значит, что кто-то должен заплатить за все это.	ОЦЕНКА
45	Женщина: Ну, конечно! Интер.: Да. Мужчина: Потому что против этого ничего нельзя сделать. Женщина: И это единственное столкновение, которое у нас однажды...	ОЦЕНКА/ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

50	Мужчина:	И самое интересное, что это было, так сказать, не... Кто вообще делает такие вещи. Вы же не станете резать цыпленка в своей комнате, не так ли, и ...	ОЦЕНКА
	Интер.:	Нет. Это теперь чаще всего делают на бойне.	ЭКСПЛИКА- ЦИЯ
55	Мужчина:	Но так и должно быть.	ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой истории мы, во-первых, видим, что, действительно, большинство введенных нами категорий реализуются. Во-вторых, эти категории не обязательно выражаются непрерывными сегментами, они могут быть выражены и с помощью дискретных **фрагментов**. Рассказчик может вновь и вновь вводить такие категории, как осложнение или развязка. В строке 18 мы встречаем описание представляющего интерес события, которое нарушает привычное положение вещей, а **именно** — **появление** необъяснимого запаха на лестнице. Затем следует первое введение развязки, выражающейся в действиях людей, которые собираются помочь соседу. Но с помощью прямых имитирующих цитат вводится дополнительный осложняющий материал по проблеме, с которой столкнулись люди. Следующий основной элемент **осложнения** — „обнаружение бараньей шкуры“, „тайно“ вывешенной на балконе. Это, разумеется, повествовательное ядро истории: самая удивительная и странная часть события. **Интервьюирующий** в строке 25 реагирует так, как от него это требуется, то есть выражая восклицанием оценку, чтобы отметить особую функцию и особый интерес к этому событию. Уже из информации о бараньей шкуре слушающий может понять, что случилось; поэтому следующим ходом говорящего является просто-напросто подтверждение этой догадки: они, действительно, зарезали барана (в ванной). Женщина объясняет причину: наступил рамадан. Это объяснение подхватывается или подтверждается ее мужем, который продолжает рассказывать детали об источнике запаха: останки барана запихнули в канализационную трубу. Все эти различные детали обогащают общую категорию осложнения (в схеме они входят в одну ячейку).

Заметьте, что дальнейший анализ события или действия может, к примеру, давать допустимые подразделения категорий, такие, как цель, повод, причина, действие, результат или последствия, как это предлагается в ранее упоминавшихся различных грамматиках рассказов и работ

о повествовании, выполненных в рамках разработки систем искусственного интеллекта. Мы все же не считаем перечисленные категории собственно повествовательными, а скорее категориями, относящимися к более общей семантической теории событий и действий, лежащей в основе теории повествования.

Интересно, что женщина в приведенном примере хочет прервать рассказ и заключает, что это единственная история, которая приключилась у них с иностранцами (весь их опыт общения с ними). Тем самым она отвечает на основной вопрос **интервьюирующего**. **Ее** муж, тем не менее, еще не высказался до конца и продолжает описывать еще какие-то детали (нередко повторяясь), относящиеся к осложнению и развязке, например такой интересный факт, как вовлечение в инцидент полиции. Это, разумеется, стратегически существенно, поскольку присутствие полиции делает происшествие более серьезным и, следовательно, более выигрышным для рассказа. Пока нами оставлена без внимания категория оценки: ведь не только само пережитое событие достойно **того**, чтобы о нем рассказывали. Нам также необходимо мнение о нем и, по возможности, мораль, которая из **него** следует. Здесь оценка (после наиболее обобщенной, которая дана в **строке 5**) формулируется с помощью риторического восклицания (с соответствующим ударением на „сделает“ (строка **38**)). Характерно, что интервьюирующий хочет получить дополнительную информацию о роли, которую играет полиция в этом деле. Такой информации, тем не менее, не поступает, а лишь повторяется все та же фраза. Оказывается, что женщина интерпретирует вопрос **интервьюирующего по-своему**. Она формулирует **существующую** норму (закон) и предполагает при этом, что интервьюирующий этой нормы не знает (что является упреком в его адрес). Это может означать, что она боится, как бы интервьюирующий не счел событие недостаточно серьезным для того, чтобы вызывать полицию, а ведь без этого история была бы менее интересной. Затем вводятся дальнейшие оценочные ходы и подготавливается заключение: в 48-й **строке**, помимо оценки, выражается также и заключение более общего характера: с подобными вещами ничего нельзя поделывать. Таким образом, на уровне событий данной истории дается развязка, а именно обнаружение источника дурного запаха, совершение определенных действий соседями и полицией, тогда как на более высоком уровне развязка отсутствует: проблемы, возникающие у нас из-за

контактов с иностранцами, разрешить нельзя. В строке 49 женщина пытается дать заключение снова, на этот раз говоря о „каком-либо контакте“, послужившем причиной возникновения этой истории, но мужчина продолжает и здесь оценивать события, обращаясь к интервьюируемому с гипотетическим сравнением: „Вы же не станете резать цыпленка у себя в комнате, не так ли?“ Этот стратегический ход не принимается полностью интервьюирующим, который, хотя и отвечает отрицательно, но все же добавляет, что в наши дни забой овец в основном производится на бойне. Таким образом, интервьюирующий занимает все же несколько иную **позицию** по сравнению с теми, кто рассказывает стереотипные и **основывающиеся** на предубеждениях истории о „неприятностях с соседями“ (и, действительно, ведь сами голландцы нередко резали дома **цыплят!**). И, наконец, мужчина заканчивает свой рассказ так же, как и женщина, а именно тем, что в их практике это был **единственный** случай (**негативного**) **общения** с живущими по соседству **иностранцами**. Поэтому и заключение здесь является не своего рода моралью, а лишь минимально выраженным завершением, вновь напоминающим о **том**, что послужило поводом для рассказа. Более существенным заключением и моралью представляется мысль, выраженная в строке 48: „С этим ничего нельзя поделать“. Точно так же и оценка предполагает **вывод — мораль**, а именно: „Такие вещи у нас в Нидерландах не делаются“. И действительно, по-настоящему суть в таких историях передают подобные повторяющиеся оценки. Они показывают, почему данная история так существенна для данного интервью. Они выражают отношение представителей этнического большинства к „отклоняющемуся“ поведению представителей этнически инородной группы.

4. ТЕМЫ РАССКАЗОВ

Повествовательные схемы представляют собой формальные **структуры**, лежащие в основе организации **рассказываемых** историй. Для нашего обсуждения проблемы предубеждения важно, тем не менее, не только то, как люди рассказывают истории об этнических меньшинствах, но также и то, что они рассказывают. В предыдущем разделе мы проанализировали некоторые из таких тем в том виде, в каком они использовались в различных интервью,

но здесь нам будет особенно интересно познакомиться поближе с тем, какого рода темы люди выбирают при повествовании своих историй. В конце концов, как мы сами предположили, такие истории должны повествовать о том, что пережито человеком лично, или вообще о каких-то интересных событиях или действиях. Поэтому именно истории, основанные на предубеждениях, будут в целом рассказывать о личном опыте столкновения рассказчиков (или их знакомых) с отрицательно интерпретируемыми действиями представителей этнических меньшинств. Поскольку категории осложнения используются именно для введения в историю таких „негативных” действий, мы даем классификацию всех тех действий, которые характеризуются как негативные и ассоциируются с представителями национальных меньшинств. В приводимой ниже таблице 2 в сокращенном виде зафиксированы темы, которые служат для реализации категории осложнения в таких историях.

Таблица 2. Темы для введения Осложнения в историях о меньшинствах.

1. Агрессивность , насилие, угрожающее поведение и драки	(27)
2. Ограбления, кражи, нападения с целью ограбления	(13)
3. „Ненормальное” поведение (из-за различий культурного уровня)	(9)
4. Нарушение общественного порядка, доставление хлопот, действия, причиняющие беспокойство	(9)
5. Нечистоплотность , антисанитарное поведение	(7)
6. Шум, громкая музыка	(7)
7. Стремление избежать контакта	(6)
8. Протечки и тому подобное при конфликтах с соседями	(3)
9. Они портят квартиры, в которых живут	(2)
10. Забой скота в домашних условиях	(2)
11. Зависимое поведение женщин	(2)
12. Злоупотребление общественными благами	(1)
13. Они танцуют иначе, чем мы	(1)
14. Они не желают работать	(1)
15. Они имеют преимущества при распределении жилья	(1)
16. Они занимают наши рабочие места	(1)
17. Они не приспосабливаются к нашей жизни	(1)
18. Они глупые/отсталые	(1)

Темы агрессивного поведения, насилия, угроз или обычных повседневных драк возглавляют список со значительным отрывом от остальных: 27 историй из 133 (из них, конечно же, не **все** дают отрицательную оценку этническим меньшинствам.) Эти различные темы могут быть сгруппированы вновь в три основных **тематических** класса (пригодных для характеристики 57,5% историй):

(а) АГРЕССИВНОСТЬ, ПРЕСТУПЛЕНИЕ (40 историй, 30%)

(б) ХЛОПОТЫ, НАРУШЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА (26 историй, 20%)

(в) ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ ПОВЕДЕНИЕ (10 историй, 7,5%)

Остальные истории имеют темы, не входящие в эти основные классы, например: роль и поведение женщин-иностранок (стандартное: „им не разрешается выходить из дома“—о женщинах-мусульманках), злоупотребление общественными благами или конкуренция при найме на работу. Самым интересным в этом является то открытие, что, как только люди изъявляют желание поведать о личном опыте общения с иностранцами, они в основном сосредоточиваются на описании незначительных повседневных проблем и конфликтов, возникающих между соседями, таких, как неприятный запах, шум и т. д. Наиболее общеизвестные **предубеждения**—**относительно** конкуренции при найме на работу, явной дискриминации при предоставлении жилья, злоупотреблений социальными благами и т. д.,—**вообще не упоминаются в историях** или же упоминаются лишь изредка. Это может, **во-первых**, означать, что люди просто не сталкиваются с подобными вещами или **что**—**и** это действительно **так**—**это** все негативные стереотипы, которые не могут быть подтверждены такими рассказами. Во-вторых, эти предубеждения имеют более общую социально-экономическую природу. К ним нельзя подобрать иллюстраций с помощью прямых наблюдений, по крайней мере в повседневной жизни (надо работать в городском бюро по распределению жилой площади, чтобы „наблюдать“ события, которые мы встречаем в одной из наших историй). В-третьих, сами события как таковые в этом случае недостаточно интересны, чтобы предоставить материал для повествования. И, действительно, люди высказывают предубеждения, имеющие социально-экономическую основу, чаще всего в обобщенных утверждениях или при аргументации. Истории рассказывают о различиях культур, „отклонениях“ от норм, **совершаемых** представителями этнически инородных групп, о беспокойстве, опасностях, угрозах и всяческих иных повседневных нарушениях норм и систем ценностей этнического большинства, происходящих в пределах общего района проживания. Другими словами, истории являются воплощением лично пережитых и негативно

оцененных моделей, тогда как общие утверждения и аргументация, скорее всего, основываются на групповых схемах. Конечно же, истории могут быть использованы в качестве вспомогательных аргументов при аргументации.

Темы определяются в терминах семантических макропропозиций, и поэтому они не только включают предикаты, обозначающие события и действия, но также и участников, которым отводится в этих действиях роль действующих лиц. В следующей таблице мы перечислили действующих лиц — представителей этнического большинства, которые участвуют в историях. Как и следовало ожидать, в большинстве историй рассказывается о том, что пережито лично: сам рассказчик выступает в качестве участника в 98 из 133 историй. И все же мы видим, что он выступает не всегда в активной роли: его роль может быть ролью пассивного участника или же ролью наблюдателя. В связи с этим рассказчики часто изображают себя жертвами в историях об этнических меньшинствах или же свидетелями тех негативных событий, о которых рассказывается в Осложнениях. Иногда представители этнического большинства имеют несколько ролей. В таких случаях подсчитывается каждая из них (в иных историях роли как таковой они не имеют: это истории о представителях этнического меньшинства).

Таблица 3. Участники историй об этнических меньшинствах (представители этнического большинства).

	Число историй
1. Я/РАССКАЗЧИК	98
а. Действующее лицо/Соучастник	37
б. Лицо, на которое направлено действие/Лицо, переживающее событие	36
в. Наблюдатель	25
2. ЧЛЕН(Ы) СЕМЬИ	12
а. Действующее лицо/ Соучастник	5
б. Лицо, на которое направлено действие/ Лицо, переживающее событие	6
в. Наблюдатель	1
3. ЗНАКОМЫЕ (ДРУЗЬЯ, СОСЕДИ, КОЛЛЕГИ И Т. Д.)	14
а. Действующее лицо/ Соучастник	6
б. Лицо, на которое направлено действие/ Лицо, переживающее событие	8
в. Наблюдатель	0
4. НЕЗНАКОМЫЕ ЛЮДИ	9
а. Действующее лицо/ Соучастник	1
б. Лицо, на которое направлено действие/ Лицо, переживающее событие	7

в. Наблюдатель

5. ОРГАНИЗАЦИИ/ВЛАСТИ

Примечание. В нескольких историях некоторые представители этнического **большинства** являются (основными) участниками, в то время как в других историях нет эксплицитно указанных (основных) участников и представителей этнического большинства, а участвуют лишь представители этнических **меньшинств**.

В следующей таблице (табл. 4) можно найти данные о появлении в рассказанных историях различных представителей этнически инородной группы. Но подсчет сделан только с учетом ключевой категории Осложнения, при реализации которой они выступают как отрицательные действующие лица. Мы видим, что большинство историй, действительно, повествует о наиболее выделяющихся этнически инородных группах, а **именно** — о рабочих-иммигрантах (турках, марокканцах и **суринамцах**). В некоторых случаях происхождение действующего лица остается неясным или невыраженным. Цифры показывают, что повествование **историй** в большей или меньшей степени отражает общее доминирующее влияние конкретных этнически инородных групп на формирование характерных предубеждений у представителей этнического большинства в определенный период. Хотя в Амстердаме существует значительно больше групп «иностранцев», но только некоторые группы избираются в качестве объектов для такого особого **рассказывания** историй и неформального общения, основанного на предубеждении. Похоже, что нарративная выделенность является надежным индикатором социальной и когнитивной **выделенности** этнически инородных групп населения.

Таблица 4. Группы **этнических** меньшинств в **негативно** окрашенных описаниях Осложнений в историях.

1. Группы этнических меньшинств/иностранцы (различные)		6
2. Рабочие-иммигранты		60
а. Разные	19	
б. Турки	18	
в. Марокканцы	23	
3. Суринамцы/чернокожие		51
4. Представители других групп меньшинств		5
5. Неясно обозначенные (неуточненные)		12
Общее число		134

ЛИТЕРАТУРА

Allport, 1954 = **Allport**, G. W. *The Nature of Prejudice*. Reading, Mass.: Addison—Westey, 1954.

Black—Wilensky = **Black**, J. B., **Wilensky**, R. An evaluation of story-grammars.— „Cognitive Science“, 3, 1979, p. 213—229.

van Dijk, 1972 = **van Dijk**, T. A. *Some Aspects of Text Grammars*. The Hague: Mouton, 1972.

van Dijk, 1976 = **van Dijk**, T. A. *Philosophy of action and theory of narrative*.— „Poetics“, 5, 1976, p. 287—338.

van Dijk, 1980 = **van Dijk**, T. A. *Macrostructures*. Hillsdale, N. J.: Erlbaum, 1980.

van Dijk, 1982 = **van Dijk**, T. A. *Episodes as units of discourse analysis*.—In: „Analyzing Discourse: Text and Talk“. (**Tannen**, D. (ed.)). Washington, D. C.: Georgetown University Press, 1982, p. 177—195.

van Dijk, 1980 = **van Dijk**, T. A. (ed.). *Story comprehension*.— „Poetics“, 8, 1980 (Special triple issue), p. 1—3.

van Dijk—Kintsch, 1978 = **van Dijk**, T. A., **Kintsch**, W. *Cognitive psychology and discourse: recalling and summarizing stories*.—In: „Current Trends in Text Linguistics“. (**Dressier**, W. U. (ed.)). Berlin/New York: de Gruyter, 1978, p. 61—80.

van Dijk—Kintsch, 1983 = **van Dijk**, T. A., **Kintsch**, W. *Strategies of Discourse Comprehension*, New York: Academic Press, 1983.

Dundes, 1973 = **Dundes**, A. (ed.). *Mother Wit from the Laughing Barre*. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall, 1973.

Ehlich, 1980 = **Ehlich**, K. (ed.). *Erzählen im Alltag*. Frankfurt: Suhrkamp, 1980.

Jefferson, 1978 = **Jefferson**, G. *Sequential aspects of storytelling in conversation*.—In: „Studies in the Organization of Conversational Interaction“. (**Schenkein**, J. (ed.)). New York: Academic Press, 1978.

Kelley, 1983 = **Kelley**, H. H. *Perceived casual structures*.—In: „Attribution Theory: Conceptual, Developmental and Social Dimensions. (Ja-sparsa a. Finchama. Hewstone (eds.)). London: Academic Press, 1983, p. 343—370.)

Kintsch—van Dijk, 1975 = **Kintsch**, W., **van Dijk**, T. A. *Comment on se rappelle et on resume des histoires*.— „Langages“, 40, 1975, p. 98—128.

Labov, 1972 = **Labov**, W. *The transformation of experience in narrative syntax*.—In: „Language in the Inner City“ (**Labov**, W. (ed.)). Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972, p. 354—396.

Labov, 1982 = **Labov**, W. *Speech actions and reactions in personal narrative*.—In: „Analyzing Discourse: Text and Talk“ (**Tannen**, D. (ed.)). Washington D. C.: Georgetown University Press, 1982, p. 219—247.

Labov—Fanschel, 1977 = **Labov**, W., **Fanschel**, D. *Therapeutic discourse*. New York: Academic Press, 1977.

Labov—Waletzky, 1967 = **Labov**, W., **Waletzky**, J. *Narrative Analysis: oral versions of personal experience*.—In: „Essays on the Verbal and Visual Arts“ (**Helm**, J. (ed.)). Seattle, Wash: Washington University Press, 1967, p. 12—44.

Mandler, 1978 = **Mandler**, J. M. *A code in the node: the use of a story schema in retrieval*.— „Discourse Processes“, 1, 1978, p. 14—35.

Mandler—Johnson, 1977 = **Mandler**, J. M., **Johnson**, N. *Remembrance of things parsed: story structure and recall*.— „Cognitive Psychology“, 9, 1977, p. 111—151.

Polanyi, 1979 = **Polanyi**, L. *So whats the point*.— „Semiotica“, 25, 1979, p. 207—242.

Polanyi, 1983 = Polanyi, L. The American Story. Norwood, N. J.: **Ablex**, 1983.

Propp, 1958 = **Propp**, V. Morphology of the Folktale. **Bloomington**, Indiana University Press, 1958.

Quasthoff, 1980 = Quasthoff, U. **Erzählen in Gesprächen**. **Tübingen**: **Narr**, 1980.

Rumelhart, 1975 = Rumelhart, D. Notes on a schema for stories.—In: „Representation and Understanding”. (Bobrow a. Collins (eds.)). New York: Academic Press, 1975, p. **211—236**.

Schank, 1982 = **Schank**, R. C. Dynamic Memory. Cambridge, Mass.: Cambridge University Press, 1982.

Scherzer, 1984 = Scherzer, J. Puns and **jokes**.—In: „Handbook of Discourse Analysis” (van **Dijk**, T. A. (ed.)). London: Academic **Press**, 1984, v. 3.

Tajfel, 1981 =Tajfel,H. Human Groups and Social Categories. London: Cambridge University Press, **1981**.

Tannen, 1982 = **Tannen**, D. (ed.). Analyzing Discourse: Text and Talk. **Washington** D. C. Georgetown University Press, 1982.

Wilson, 1979 = Wilson, Ch. Jokes. London: Academic **Press**, 1979.

van der Wurff, 1984 = van der Wurff, A. **Prägnanz in verhalen** over **ethnische minderheden**. Amsterdam: University of Amsterdam Press, Department of General **Literary** Studies, 1984.

СТРУКТУРА НОВОСТЕЙ В ПРЕССЕ *

I. ВВЕДЕНИЕ

В настоящей работе предлагается схема аналитического описания структур дискурса новостей в прессе. В силу сложности текстовых структур, в том числе и структур текстов-новостей, мы ограничимся исследованием явления, которое мы называем *глобальной* организацией текстов указанного типа. В самом общем плане это значит, что мы исследуем структуры только на уровне единиц **больше** предложения, **такие**, как тематические и схематические структуры, и не рассматриваем синтаксические, семантические, стилистические или риторические особенности предложений и связи между ними. Вне нашего рассмотрения остаются также и вопросы графического оформления материала, например **его** расположение, а также невербальные признаки текстов, например фотоснимки. Другими словами, нас интересуют скорее макроявления, а не микроорганизация дискурса новостей. Наконец, мы ограничиваем рамки своего исследования текстами прессы; теле- и радионовости нами не анализируются.

Под «тематической структурой» дискурса мы понимаем целостную организацию наиболее общих, глобальных «тем» (topics), о которых мы узнаем из новостей. Такой тематический анализ проводится на базе теории семантических макроструктур. Последние являются формальным представлением глобального *содержания* текста или диалога, и, таким образом, они отчасти характеризуют значение этого текста. Для описания общей формы дискурса используются схемы. Для обозначения таких

* Teun A. van Dijk. Structures of News in the Press.— In: „Discourse and Communication” (ed. by Teun A. van Dijk). Berlin, New York, 1985, p. 69—93.

© 1985 by Walter de Gruyter and Co.

схем мы употребляем теоретический термин *суперструктура*. Схемы обладают постоянными, **конвенциональными** (и потому варьируемыми в разных культурах) свойствами, специфическими для каждого типа текста. Мы допускаем, что тексты-новости также строятся на основе конвенциональных схем, «схем новостей», в которые могут быть встроены глобальные темы и глобальное содержание текста. Другими словами, схематические суперструктуры организуют тематические макроструктуры, аналогично тому, как синтаксис предложения организует его значение. Действительно, в обоих случаях мы оперируем несколькими формальными категориями, которые определяют возможную упорядоченность и иерархическую организацию единиц предложения и единиц текстового уровня. Так, например, категория Заголовка в тексте новостей имеет строго определенную форму и определенное место. Заголовок имеет в то же время и весьма специфическую тематическую функцию: он обычно выражает наиболее важную тему газетного сообщения. Как видим, темы и схемы, макроструктуры и суперструктуры оказываются тесно связанными.

С помощью данного теоретического инструментария мы можем описать еще одно понятие из области анализа дискурса, которое представляется исключительно важным в оценке **новостей**, — это понятие *релевантности*. В дальнейшем будет показано, что новости как текст действительно обладают так называемой «структурой релевантности», которая указывает читателю, какая информация в тексте является наиболее важной и значимой. Следует опять-таки подчеркнуть, что заголовкам, очевидно, принадлежит особая роль в структуре релевантности, поскольку в соответствии с высказанным ранее предположением именно заголовки выражают наиболее «важную» тему текста.

Хотя предлагаемый нами подход может быть успешно использован в эксплицитном представлении структуры дискурса новостей, он малоэффективен при выявлении чисто *коммуникативных* (как средства массовой коммуникации и информации) параметров дискурса этого типа. *Почему*, например, сообщения-новости обладают такой тематической или схематической структурой, которую мы собираемся исследовать? Какова роль этих структур, их функция или эффективность в *процессах* производства текстов-новостей и их восприятия? Существуют, очевидно, ограничения социального, культурного и **КОГНИТИВНО-**

го плана, накладываемые на структурные характеристики сообщений, используемых в средствах массовой информации. Другими словами, мы полагаем, что существует систематическая связь между текстом новостей и контекстом. Таким образом, представляется вероятным, что структура и общая смысловая направленность текстов-новостей не произвольны. С одной стороны, они являются результатом сложившейся в определенных институциональных условиях социальной и профессиональной практики журналистской деятельности, а с **другой** — **они** являются важным условием для успешной когнитивной обработки текстов и журналистами, и читателями. Поэтому мы кратко остановимся также на *когнитивном* аспекте тематических и схематических структур, оставляя при этом в стороне проблемы, связанные с социальным и институциональным контекстом производства и функционирования текстов новостей, и обратимся к ним лишь в обзорной части (раздел 2).

Хотя данная глава является в основном теоретической, она основывается на большом эмпирическом материале, привлекаемом из самых различных международных источников, освещающих убийство избранного на пост президента Ливана Б. **Жмайеля** в сентябре 1982 г. (van Dijk, 1984a; 1986). Более 700 статей из 250 газет, выходящих в **100** странах, были подвергнуты количественному и (прежде всего) качественному анализу. Отсюда следует, что, несмотря на немногочисленность приведенных в главе примеров, наши наблюдения, относящиеся к тематической и схематической структуре новостей, основаны на достаточно обширном фактическом материале.

2. ИСТОРИЯ ВОПРОСА. ИЗУЧЕНИЕ НОВОСТЕЙ

Наш подход к изучению структуры новостей, предполагающий анализ их текстовой организации, очевидно, не свободен от влияния результатов, полученных при анализе новостей и **дискурса-новостей** в других работах. Поэтому наш анализ необходимо предварить некоторыми замечаниями в отношении исследований, проведенных как со сходной, так и с различающихся точек зрения. Действительно, в конце **70-х** годов отмечался быстро растущий интерес к изучению проблем производства, содержания и организации новостей в средствах массовой **информации**. Наметим лишь некоторые вехи в этом процессе (см. также: van Dijk, 1985; van **Dijk**, 1986).

Большинство работ, посвященных изучению новостей, отмечены социологической направленностью, независимо от различий в общем подходе к исследованию. Это может выражаться как в **макросоциологической** ориентации исследования, направленного на выяснение институциональных, профессиональных и культурных контекстов производства новостей, так и в микросоциологическом анализе журналистской практики, общепринятых правил работы, ценностных и идеологических ориентации, которые управляют повседневной деятельностью журналистов в сборе материала и его подаче в печать. Когда внимание исследователя обращается к содержанию, форме или стилю сообщения, то анализ обычно направляется на оценку социальных или культурологических характеристик средств массовой информации и коммуникации, например политических установок, принадлежности к определенным организациям и институтам или идеологической направленности взглядов того или иного журналиста или газеты. Специфика сообщения новостей рассматривается как возможный или даже необходимый результат таких социальных или культурных ограничений. Другими словами, дискурс новостей едва ли когда-нибудь анализируется сам по себе: обычно его рассматривают либо как особый вид дискурса (массовой коммуникации), либо как особое социокультурное произведение.

Существует ряд исследований дискурса новостей в чисто структурном плане, проводившихся лингвистами, специалистами в области дискурса, а также специалистами по семиотике, стилистике и риторике. Однако такие структуралистские работы часто **односторонни**. Тексты новостей в них используются в качестве примера или иллюстрации применения структурного анализа к изучению особых характеристик дискурса, например отбора лексики как компонента стиля.

Мы убеждены, что оба подхода важны и необходимы, однако, по нашему убеждению, их следует объединить. „Чисто“ структурный анализ является довольно бесполезным теоретическим занятием, если мы не в состоянии соотнести структуры текста с когнитивными и социокультурными контекстами производства этих текстов-новостей и их восприятия. Развитие лингвистики и лингвистики текста в семидесятых годах действительно показало, что „**контекстно-свободный**“ подход к языку, используемый, например, в построении формальных грамматик, является в лучшем случае односторонним и в любом

случае эмпирически неадекватным. Это относится, естественно, и к анализу дискурса новостей. Невозможно удовлетворительно объяснить многие *специфические* ограничения, накладываемые на структуру газетных новостей, точно не определив социальных (институциональных, профессиональных) условий их существования или их **социо-когнитивных** функций в системе средств массовой коммуникации. И действительно, почему новости всегда сопровождаются заголовками, крупными, жирно набранными, всегда на „верхушке“ статьи? И наоборот, тщательный психологический, социологический или даже экономический анализ выпуска и потребления новостей будет в лучшем случае неполным без детального описания сути „продукта“, вовлеченного в эти процессы. Процессы производства, понимания и запоминания новостей зависят от „формата“ этого продукта.

Макросоциологический анализ газетных сообщений ограничивается в основном изучением институциональных и профессиональных характеристик процесса выпуска новостей журналистами, работающими для телеграфных агентств или газет (Tunstall, 1971; Boyd-Barret, 1980), либо анализом экономических и идеологических средств контроля за выпуском новостей и газет (напр., Curran (ed.), 1978; Gurevitch et al. (eds.), 1982). Хотя такие исследования и представляются важными в силу существования социальных и особенно идеологических **факторов**, довлеющих над журналистами во время подготовки сообщений, они редко показывают, *как* фактически действуют эти меры принуждения в системе реального производства печатных материалов **и** — в конечном **результате** — в выпуске новостей. Это и позволяет нам назвать такие исследования макроисследованиями; микроявления не попадают в сферу их внимания. Есть, однако, несколько исключений, в основном в области идеологического анализа новостей, как, например, в работах Бирмингемского Центра по изучению современной культуры (напр., Hall et al. (eds.), 1981; см. также: Cohen and Young (eds.), 1981).

Существует также „промежуточный“ уровень анализа, а именно изучение конкретного производства газетных сообщений **внутри** самих учреждений, которые **занимаются** этим производством (Roshco, 1975; Gans, 1979; Schlesinger, 1978; Golding and Elliot, 1979). При этом исследуются повседневная журналистская практика, разделение труда, иерархические отношения, **институцио-**

нальные ограничения, диктуемые как руководством, так и читателями/читательским спросом или зависящие от системы ценностей и культуры, которые определяют деятельность журналистов. Хотя в таких работах так же редко уделяется внимание конкретному анализу самих сообщений, они дают возможность рассмотреть значение **факторов**, определяющих профессиональную деятельность журналистов в процессе производства сообщения: сжатые сроки подачи материалов, специфика сообщений-сенсаций, система редактирования, конкуренция, повседневная деятельность по сбору и отбору новостей.

Хотя нельзя провести строгого разграничения между макро- и микросоциологическими подходами (да его и не следует проводить; ср.: **Knorr-Cetina and Cicourel (eds.)**, 1982), наблюдение за установившейся практикой производства новостей можно производить даже с более близкого ракурса, что делается, например, в этнометодологии (**Tuchman**, 1978; **Fishman**, 1980). На этом микроуровне анализа „работают“ самые разнообразные параметры. При подробном анализе повседневных занятий журналистов как членов определенных социальных групп и сотрудников определенных печатных органов можно выявить не только профессиональные навыки, идеологические взгляды и систему ценностей и не только особенности организации обыденной работы по сбору материала. Заданные институциональные и социальные рамки или структуры обеспечивают производство новостей как одну из форм „конструирования действительности“. Они определяют то, как журналисты „видят“ наш социальный мир и **отсюда — события-новости** этого мира, а также особые задачи журналиста в воспроизведении этих событий в печатных сообщениях. Значительная часть этой новой информации предварительно формируется такими влиятельными источниками информации, как полиция и другие **государственные** или корпоративные учреждения. Их **отчеты — в документах или сообщениях для прессы** — о предпринятых ими действиях предоставляют журналистам господствующую точку зрения на сложившуюся ситуацию. Такого рода подходы, имеющие также интересную когнитивную окраску (поскольку они имеют отношение к правилам, категориям и процедурам интерпретации, которые используются журналистами при воссоздании ситуации, лежащей в основе сообщения новостей), дают нам возможность связать макроконтекст новостей с реальными значениями и формами дискурса новостей. И все

же, даже при таком подходе, ощущается недостаток в конкретном текстовом анализе.

Наконец, существует серия исследований и в социологии, и в лингвистике, которые непосредственно занимают анализом новостей как таковых. О работе Центра по изучению современной культуры (CCCS) (Hall et al. (eds.), 1981) уже говорилось выше. Его деятельность, частично основывающаяся на работах французских исследователей в области анализа дискурса и идеологии, представляет собой попытку сочетания марксистского анализа деятельности средств массовой информации с понятиями, развиваемыми такими структуралистами, как Барт, Пешо и Альтюссер (см. Connel and Mills, 1985).

Несколько другие задачи, но также уделяя большое внимание «социальной» оценке новостей, ставит перед собой Группа по изучению средств массовой информации при университете Глазго (1976, 1980, 1982). Проводимое этой группой и получившее широкую известность изучение „плохих новостей“ в программах телевидения представляет собой систематически производимый контент-анализ этих программ. Так же исследуются интервью и видеоряд передаваемых новостей, в которых особое внимание уделяется освещению забастовок. Эти исследования показали, среди прочего, что представление, если не предписание, о „беспристрастности“ подачи новостей (в государственных радиовещательных компаниях типа Би-би-си) опровергается предвзятым освещением забастовок в пользу власть предержащих, что особенно заметно в ряде мелких деталей и в некоторых тонкостях репортажей (в их стиле, задаваемых вопросах, фотоснимках и т. п.) (подробнее об этом см. Davis, 1985). Хотя такой анализ новостей определенно является систематическим и более или менее эксплицитным, все же он не выявляет текстовую структуру новостей с аналитической или лингвистической точек зрения. Грамматически ориентированный подход мы находим, например, у Фаулера и др. (Fowler et al., 1979). Этим исследователям удалось показать, что предвзятость в подаче новостей может быть выражена даже синтаксической структурой предложений, например с помощью активных или пассивных конструкций, которые позволяют журналистам помещать или не помещать действующих лиц в позицию субъекта. Такой подход показывает, что даже при использовании ограниченных средств грамматического анализа можно выявить языковые способы выражения, соотносящиеся с идеологи-

ческими установками (см. также **Kress and Hodge, 1979**) газет и отдельных журналистов. Хартли (**Hartley, 1982**) также сосредоточивает свое внимание на структуре **(теле)новостей**, но делает это с более широкой перспективы, основывающейся на семиотическом анализе дискурса, что позволяет ему провести систематическое описание кинорепортажей, фоторекламы и кинофильмов (см. также **Davis and Walton (eds.), 1983**).

Немало подобных исследований проводится в **Великобритании**, при этом ведущиеся здесь исследования **новостей** отличаются, пожалуй, наибольшей углубленностью и теоретическим многообразием. Несмотря на значительные расхождения между различными подходами, упомянутыми выше, представленная работа по исследованию дискурса новостей является, по сути, интересным сочетанием эмпирического и структурного анализов с критическим анализом идеологической направленности сообщения (см. также **Downing, 1980**). Большинство американских **исследований** гораздо менее серьезны по своему характеру (к тому же авторами многих из этих работ являются журналисты). В тех случаях, когда они содержат элементы критического анализа, основное **внимание** в них уделяется вопросам искажения информации, нарушения гражданских прав или проблемам ведомственного или корпоративного контроля за производством новостей (**Epstein, 1973; Diamond, 1978; Bagdikian, 1971; Altheide, 1974; Barrett, 1978; Abel (ed.), 1981**). Часто такие исследования замыкаются на конкретных „обстоятельствах“ описания; примером могут быть исследования того, как средства массовой информации освещают президентские выборы, Уотергейт, „расовые волнения“ и подобные общественные события. В них может быть дана убедительная картина того, что было и что не было освещено, но они редко поднимаются до подлинно систематического анализа новостей. Не приходится от них ждать и тщательного исследования того идеологического фундамента, на котором покоится производство новостей в американской прессе.

Наконец, даже не претендуя на полноту описания, следует отметить значительную работу по **анализу** новостей, проводимую в ФРГ, например деятельность **Страсснера** и его коллег (**Strassner (ed.), 1975; Strassner, 1982**). Хотя их работа имеет лингвистический уклон, определенное внимание уделяется в ней и таким аспектам функционирования новостей, как их производство и восприятие.

В других исследованиях, например в исследованиях **Книффки** (Kniffka, 1980) и Люгера (**Lüger**, 1983), внимание сосредоточено на особенностях языка и стиля новостей.

Завершая краткий обзор последних работ по анализу новостей и дискурса новостей, мы приходим к выводу, что внимание исследователей в основном концентрируется на „контексте” новостей, большинство исследований посвящено вопросам практической деятельности и социокультурным и идеологическим закономерностям производства новостей. Сами тексты исследовались мало, еще меньше изучались конкретные взаимоотношения текстов и контекстов новостей. Если новости и анализируются, то внимание исследователей обращено в основном на их „содержание”, которое, конечно, важно, но, образно говоря, составляет лишь половину дела. Несколько **лингвистических** работ уже многое раскрыли в специфике синтаксиса и стиля языка текстов-новостей. В будущем, в течение ряда лет, предстоит, с одной стороны, тщательная, систематическая и теоретически обоснованная работа по **дискурсивному** анализу новостей, а, с **другой** — по интеграции этих исследований с доминирующими в настоящее время исследованиями, имеющими социологическую направленность. К сожалению, эта глава является лишь одним небольшим шагом в первом из указанных направлений (подробнее см. van **Dijk**, 1986).

3. ТЕМАТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Носители языка, в их числе и читатели газет, обладают важной способностью определять, „о чем” был текст или беседа. Они в состоянии выявить, конечно, в пределах субъективной и социальной вариативности, тему дискурса. Так, например, они могут сформулировать тему (или темы) текста новостей следующим образом: «Я читал в газетах, что президент не пойдет на переговоры с русскими» или: «Ты не читал, кто выиграл европейское первенство по **футболу**?». Другими словами, носители языка могут резюмировать достаточно сложные информационные сообщения с помощью одного или нескольких предложений, и эти предложения призваны выразить **основное** содержание, тему, тематический элемент (topic) информации. Мы интуитивно ощущаем, что такие темы или тематические элементы каким-то образом организуют всё наи-

более **важное** в тексте. Они, по сути, определяют „итог" того, что сказано или написано (см. **Jones**, 1977).

Разнообразные понятия, введенные в предыдущем абзаце, могут быть теоретически переформулированы в терминах семантических макроструктур (van **Dijk**, 1980). Способность носителей языка выявлять такие макроструктуры в тексте основана на ряде лингвистических и когнитивных правил и стратегий (van **Dijk** and **Kintsch**, 1983). Эти макроструктуры именуются „семантическими" потому, что, когда мы говорим о таких понятиях, как „топик", „тема" или „основное содержание" („gist") текста, мы имеем дело со значением и референцией, а не с синтаксической формой, стилем, риторическими приемами и т. п. Кроме того, мы никогда не говорим о (частном) значении изолированных слов или предложений, но всегда о значении больших фрагментов текста или целых текстов. Мы не приписываем темы, или **топика**, одному предложению, мы делаем это в отношении более протяженных отрезков беседы или текста. Следовательно, темы, топика, а также семантические макроструктуры, которые мы используем для экспликации этих понятий, принадлежат к *глобальным* структурам дискурса. Рассмотрим, например, следующий небольшой текст новостей:

(1) УАЙНБЕРГЕР ПРОТИВ ПРЕССЫ

Министр обороны Каспар **Уайнбергер** настолько недоволен освещением в прессе его сложной поездки в страны Ближнего Востока, что он предполагает запретить репортерам сопровождать его во время предстоящего визита в страны Дальнего Востока. Основные претензии: он думает, что пресса исказила значение его слов таким образом, что желание США продати Иордании современное оружие было подано в печати как окончательное решение, которое тут же вызвало протест со стороны Израиля. Помощник **Уайнбергера** заявляет: «Нужны ли нам еще и эти заботы, когда мы имеем дело с правительствами других стран?» Во время поездки Уайнбергера на Дальний Восток болезненный вопрос о продаже оружия, возможно, и не возникнет, так как в маршрут не включены ни Китай, ни Тайвань.

(Из „**Ньюсуик**", 1 марта 1982 г., с. 7.)

Хотя это краткое сообщение новостей из еженедельника (которое само по себе может представлять сокращенный вариант более подробных сообщений) не является

идеальным для демонстрации роли **топиков** или макро-структур в структуре (или понимании) дискурса, можно все же утверждать, что в этом сообщении также содержится несколько центральных **топиков**. Один аспект этого общего топика отражен в заголовке „**Уайнбергер** против прессы“. Конечно, текстовая информация выражена здесь с высокой степенью отвлеченности, так как само сообщение подразумевает, что Уайнбергер критикует прессу за искажение его слов в прошедших ранее переговорах по вооружениям. И все же такой заголовок является *также* в определенной мере субъективной, небеспристрастной формулировкой этого важного топика, имплицитно содержащегося в **тексте**, — **такой** заголовок может привести к выводу, что Уайнбергер *вообще* настроен против прессы, тогда как текст лишь указывает на желание **Уайнбергера** удержать прессу от освещения щекотливых внешнеполитических миссий. Действительно, последнее наше утверждение несколько подробнее выражает более нейтральный общий топик текста, который можно резюмировать следующим образом:

(2) Министр обороны США собирается отстранить репортеров от участия в предстоящей поездке по Дальнему Востоку, потому что он думает, что они могут нарушить ход его достаточно сложных переговоров с правительствами других государств, как это случилось во время его переговоров по **вооружениям** на Ближнем Востоке.

И даже этот текст может быть еще более сокращен.

(3) Уайнбергер собирается не брать в **свою** поездку по Дальнему Востоку представителей **прессы**, так как появившиеся в недавнем прошлом сообщения в печати оказали отрицательное влияние на отношения США с правительствами других государств.

И, наконец, и это краткое изложение может быть свернуто следующим образом:

(4) Уайнбергер предполагает не брать в поездку представителей прессы.

Анализ этого примера позволяет нам прийти к следующим выводам. **Во-первых**, в тексте не один топик, а несколько, возможны и несколько вариантов краткого изложения содержания. Возможности свертывания располагают-

ся в некотором **континууме** — от исключения немногих наименее важных деталей до опущения всей информации, кроме наиболее важной и значительной. Во-вторых, процессы приписывания топиков тексту и извлечения из него краткого содержания являются субъективными по своему характеру. Мы выводим из текста то, что нам представляется важным и релевантным. В самом деле, еженедельник „Ньюсуик“ воспринимает точку зрения **Уайнбергера** или принятое им решение как направленные *против* прессы, и избранное представление текста с помощью заголовка согласуется с таким **макротопиком**. **В-третьих**, часть топиков, которые мы вывели из текста (или приписали ему), сформулированы в самом тексте; действительно, первое предложение оригинального текста, в сущности, идентично с нашими резюме (2) и (3). **В-четвертых**, топики обычно получают путем „опущения деталей“ текста. Такими деталями могут быть некоторые характеристики описываемой ситуации, например естественные причины какого-либо действия, его компоненты и последствия. Но краткое изложение сути не является лишь формой опущения деталей. Оно может включать и обобщение, например: „**Уайнбергер** огорчен действиями прессы“; это высказывание могло бы явиться обобщением характеристик нескольких ситуаций, при которых **Уайнбергеру** не нравилась деятельность прессы, например в том случае, когда репортеры исказили его заявления, сделанные ранее. Наконец, свертываемость может быть достигнута заменой линейного отрезка текста, воспроизводящего, например, последовательность некоторых действий, единичным понятием (пропозицией), которое вообще никак не выражено в тексте. В конечном счете последовательность действий Уайнбергера и его помощников может быть в этом случае просто суммирована в предложении: „Уайнбергер отстраняет прессу от своей поездки“.

В этом первичном, интуитивном анализе данного примера мы обнаружили несколько важных характеристик макроструктур и установили принципы, которые могут быть использованы в процессе извлечения или вывода макроинформации (топиков) из текста путем, например, опущения, обобщения и **(ре-)конструкции**. Эти три принципа свертывания информации называются *макроправилами*. Они сводят сложное, расчлененное значение структуры текста к более простому, обобщенному и отвлеченному (на более высоком уровне) значению текста. Это и есть тот более высокий уровень, то общее значение, ко-

торое мы называем макроструктурой текста, а также уровнем, определенный нами в качестве возможного для описания **топиков**, или тем, текста. **Макроправила**, строго говоря, *рекурсивны*. Они могут быть повторно использованы на каждом уровне **обобщения** для получения еще более краткого изложения. Результатом является иерархическая макроструктура, она состоит из нескольких уровней, каждый из которых в свою очередь включает последовательность **(макро)пропозиций**, представляющих в более сжатом виде последовательность **(макро)пропозиций** низшего уровня. Чтобы избежать обилия теоретических терминов, мы просто используем термины *тематическая структура*, *тема* или *топик*. При этом, однако, понимается, что **тема** — не просто слово или единичное понятие, а **(макро)пропозиция**. Отсюда следует, что „**Уайнбергер**“, или „пресса“, или даже „цензура“ не являются, в нашей терминологии, **топиком**, или темой, данного образца текста, а предложение *Уайнбергеротстраняет прессу от своей поездки* четко выражает пропозицию и поэтому может быть **топиком**, или темой, данного текста.

Мы видели, что выделение **топиков** может быть субъективным. Текст как таковой не „обладает“ **какой-либо** макроструктурой; она приписывается ему автором или читателем. В этом смысле темы, или топики, подобно всяким значениям, являются *когнитивными* единицами. Они отражают понимание текста, того, что было признано важным, и **то**, как эта важная информация организуется в памяти. Это означает, что знания, убеждения, установки и идеологические принципы могут „работать“ в когнитивном построении и репрезентации макроструктур. Чтобы резюмировать и понять общее содержание текста об **Уайнбергере**, мы должны достаточно глубоко знать политику, обладать политическими знаниями, которые не вытекают из самого текста, но предполагаются им; например, знанием того, что репортерам разрешается (и это обычная практика) сопровождать важных государственных чиновников в их поездках, что печать может исказить выступления этих чиновников, что пристрастность в газетных сообщениях может осложнить политическую обстановку, и т. д. Таким образом, чтобы понять текст, нужно располагать сложными схемами или *сценариями*, организующими социальные и политические знания (**Schank and Abelson**, 1977; **Schank**, 1982).

Наконец, когнитивный характер макроинтерпретации также обязательно предполагает **процессуально-**

ориентированный подход к определению топиков текста. Если действие абстрактных макроправил приводит к выделению топиков из *данного* текста, а точнее, из лежащих в его основе пропозиций, то при восприятии текста читателем это происходит иначе. Во время чтения текста, начиная с самого его начала, носитель языка имеет в своем распоряжении только одно или несколько **предложений** и соответствующие им значения. На основе такой ограниченной информации и значительных по объему структур знаний, относящихся к контексту или типу данного текста, читатель постарается выявить предположительный топик как можно быстрее, не дочитывая текст до конца. Другими словами, читатели пользуются **подходящими макростратегиями** для извлечения топиков из текста. В дискурсе новостей эти стратегии имеют значительную поддержку в тексте, а именно специальные средства, помогающие построить тематическую структуру, **к которым** относятся заголовки и „вводки“ [leads—первое предложение, первый абзац информационного сообщения]. Мы наблюдали в приведенном выше **примере**, что заголовок и первое предложение, оказываясь, действительно выражают, хотя бы частично, **предполагаемую** макроструктуру этого единства. Заголовки и вводки могут поэтому использоваться в качестве опорных точек для построения действенных предположений о наиболее важной информации в тексте. Следует, однако, отметить, что, скорее всего, они выражают авторский вариант макроструктуры текста: у читателя может быть и другой вариант, в зависимости от его личных убеждений и установок. Когда же заголовок или вводка не являются адекватным и полным обобщением смысла текста, мы можем сказать, руководствуясь формальными установками или субъективными ощущениями, что они не являются беспристрастными.

4. ТЕМАТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ В ДИСКУРСЕ НОВОСТЕЙ

Теоретические положения, кратко изложенные в предыдущем разделе, все же имеют довольно общий характер. Они применимы к любому дискурсу, а не только к дискурсу новостей. Единственное специфическое наблюдение, сделанное нами в отношении этого типа дискурса, касается „макроструктурной“ роли в этом дискурсе заглавия и вводки: они используются для выражения или извлечения из текста основной темы, или топика. Существуют,

однако, и другие характерные признаки тематической организации в дискурсе новостей, если подходить к тексту с точки зрения его структуры, одновременно рассматривая его как динамическое, когнитивное образование.

Для примера рассмотрим информационное сообщение, помещенное в „Бангкок пост“, о вторжении израильских войск в Западный Бейрут (см. рис. на с. 243). Не обращая пока внимания на обозначение схематических категорий, представленных в рисунке на полях,— к этому мы вернемся **ниже** — сразу же отметим, что заголовок выражает только один топик тематической структуры, а именно вторжение израильских войск в Западный Бейрут. Другой важный топик, упомянутый в **вводке** и открывающий предложение после нее, а именно зверское убийство **Жмайля**, не отмечен в заголовке. Как видим, заголовок не столько неточен, сколько неполон. Если в новостях сообщается о двух важных событиях, то единственный заголовок может отразить лишь одно из них, которое является либо последним по времени, либо/и более важным. Однако в таком случае под или над главным заголовком обычно помещается меньший заголовок, как в данной статье в „Бангкок пост“. Такие вторичные заголовки в большинстве случаев выражают важные причины или последствия описываемого события.

С этой точки зрения первое предложение статьи уточняет некоторые детали второго главного топика: **действующие лица**, орудие действия (бомба) и характеристика этого орудия, дальнейшие участники (жертвы) **и**, наконец, последствия убийства. Во втором абзаце, также являющемся сложным предложением, подобным же образом излагаются подробности другого главного топика — **причины** вторжения израильских войск. В результате у нас **складывается** следующая картина *реализации* тематической структуры **текста-новостей**: самый высокий и самый важный топик выражен в заголовке, **вершина** целостной макроструктуры текста отражена в вводке, а начальные предложения или абзацы текста выражают еще более низкий **уровень** макроструктуры, включающий важные подробности о времени, месте, участниках, причинах или последствиях главных **событий**. Это означает, что линейная развертка, реализуемая слева направо и сверху вниз в рамках статьи, а также линейная в смысле последовательного процесса чтения организация текста новостей является осуществляемым „сверху вниз“ отображением семантической макроструктуры, лежащей в основе этого

HEADLINE

Israeli troops re-enter west Beirut

LEAD

BEIRUT — Israeli forces moved into west Beirut yesterday to "secure order" after the assassination of Lebanese president Bashir Gemayel, the Israeli military announced in Jerusalem today.

MAIN EVENT

Israeli troops moved into west Beirut yesterday to "secure order" after the assassination of Lebanese president Bashir Gemayel, the Israeli military announced in Jerusalem today.

After Gemayel's assassination

CONSEQUENT ACTION 1

Israeli troops moved into west Beirut yesterday to "secure order" after the assassination of Lebanese president Bashir Gemayel, the Israeli military announced in Jerusalem today.

Israeli troops moved into west Beirut yesterday to "secure order" after the assassination of Lebanese president Bashir Gemayel, the Israeli military announced in Jerusalem today.

HISTORY

EXPECTATIONS

Israeli troops moved into west Beirut yesterday to "secure order" after the assassination of Lebanese president Bashir Gemayel, the Israeli military announced in Jerusalem today.

Israeli troops moved into west Beirut yesterday to "secure order" after the assassination of Lebanese president Bashir Gemayel, the Israeli military announced in Jerusalem today.

Israeli troops moved into west Beirut yesterday to "secure order" after the assassination of Lebanese president Bashir Gemayel, the Israeli military announced in Jerusalem today.

VERBAL REACTION 1

MAIN EVENT (cont.)

Israeli troops moved into west Beirut yesterday to "secure order" after the assassination of Lebanese president Bashir Gemayel, the Israeli military announced in Jerusalem today.

Israeli troops moved into west Beirut yesterday to "secure order" after the assassination of Lebanese president Bashir Gemayel, the Israeli military announced in Jerusalem today.

Israeli troops moved into west Beirut yesterday to "secure order" after the assassination of Lebanese president Bashir Gemayel, the Israeli military announced in Jerusalem today.

VERBAL REACTION 2

CONSEQUENT EVENTS

Israeli troops moved into west Beirut yesterday to "secure order" after the assassination of Lebanese president Bashir Gemayel, the Israeli military announced in Jerusalem today.

Israeli troops moved into west Beirut yesterday to "secure order" after the assassination of Lebanese president Bashir Gemayel, the Israeli military announced in Jerusalem today.

Israeli troops moved into west Beirut yesterday to "secure order" after the assassination of Lebanese president Bashir Gemayel, the Israeli military announced in Jerusalem today.

CONTEXT

VERBAL REACTION

Israeli troops moved into west Beirut yesterday to "secure order" after the assassination of Lebanese president Bashir Gemayel, the Israeli military announced in Jerusalem today.

Israeli troops moved into west Beirut yesterday to "secure order" after the assassination of Lebanese president Bashir Gemayel, the Israeli military announced in Jerusalem today.

Israeli troops moved into west Beirut yesterday to "secure order" after the assassination of Lebanese president Bashir Gemayel, the Israeli military announced in Jerusalem today.

VERBAL REACTION 3

MAIN EVENT (cont.)

DIRECT ANTECEDENTS

PLAY

текста. Другими словами: сначала формулируются самые высокие уровни тематической структуры, а за **ними** — более низкие.

Третий абзац текста возвращается к теме убийства, указаны личные качества главного действующего лица, **Жмайеля**, его политическая характеристика, излагаются также предположения о возможных политических и военных последствиях убийства. Остальная часть текста также посвящена подробностям убийства, его предпосылкам и последствиям. Если сопоставить **все** описываемые детали данного события и размер **сообщения**, то можно прийти к **выводу**, что статья почти полностью посвящена убийству Жмайеля и лишь частично затрагивает вторжение израильских войск в Западный Бейрут. И в то же время заголовок внушает, что последний топик более важен, даже если он и занимает всего лишь маленький абзац в тексте. Здесь мы встречаемся со случаем так называемого „искаженного“ заголовка текста: одному из **топиков** текста, организующему вокруг себя только часть текстовой информации, придана ведущая роль. А топик, который доминирует в структуре всего сообщения, просто выражен вставным заголовком поперек одной из частей текста. Причина такой „предвзятости“ в обозначении топиков путем того или иного названия текста не носит идеологического или политического характера, она определяется неписанным журналистским правилом: последние по времени события более важны. В основе этого правила лежит принцип актуальности представляемых в печати событий. То, что мы наблюдаем в „Бангкок пост“, характерно и для других газет, освещающих и убийство Жмайеля и вторжение в Западный Бейрут. Ввод войск является „позднейшим событием“ и поэтому может получить большую **значимость**, „перекрывающую“ значимость ранее случившихся событий. Они в свою очередь могут стать просто причинами, условиями и основаниями для последующих событий. Условием действия этого правила является также высокая информативная ценность последних по времени событий, как в случае с действиями Израиля. В данном случае мы наблюдаем проявление так называемой *структуры релевантности* текста новостей. Тематическая структура представляет собой набор формального или субъективно выделенных топиков, вокруг каждого из которых организуется часть значений текста. И все же само печатное сообщение различными путями выражает или приписывает различную релевантность (ге-

levance-values) каждому из топиков — компонентом этой иерархии — заголовком текста, вводкой, линейным порядком частей. Если представить тематическую структуру сообщения в „Бангкок пост“ так, как она дается на диа-

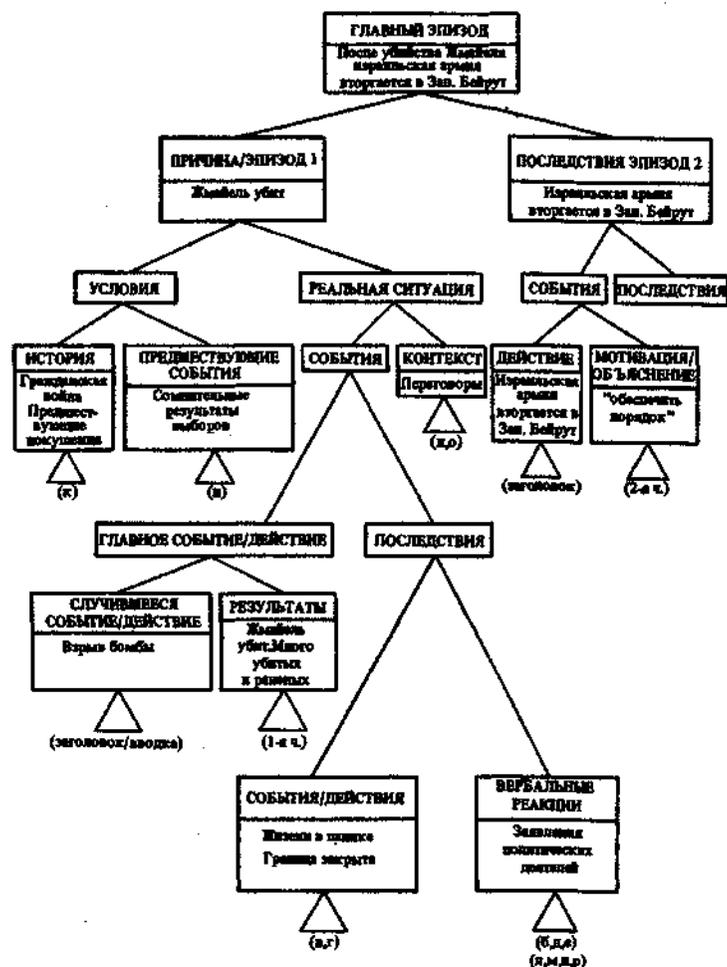

Рис. 1: Тематическая структура сообщения в газете „Бангкок пост“. Топики — в нижней части прямоугольников, семантические категории — в верхней. Буквы относятся к топикам, перечисленным в (5) на стр. 246. Треугольники обозначают макроструктурную организацию топиков.

грамме (см. рис. 1), то мы заметим, что текст не **обязательно** следует за тематической структурой слева направо или даже сверху вниз: последствия убийства, **а именно** вторжение, упоминаются в первую очередь, и этому описанию отведено самое заметное место (в самом верху, жирным шрифтом). Таким образом, релевантность может „потеснить” тематическую иерархию. И все же, как мы это видели на примере данных **топиков**, *сначала* мы ожидаем информацию самого высокого уровня (это же верно и для описания убийства).

Теперь попытаемся выявить другие топики, относящиеся к нижним уровням иерархии, по мере их реализации в тексте. Начнем с третьего абзаца, считая каждый абзац тематическим единством.

- (5) (а) Смерть Ж. может привести к новым всплескам военных действий в Ливане
- (б) Потрясенное событиями правительство задерживает выпуск новостей
- (в) Жители в **панике**
- (г) Граница между Израилем и Ливаном закрыта
- (д) Вазан строго осудил убийство
- (е) **Саркис** объявил национальный траур и похороны
- (ж) Тело Ж. **обнаружено** много часов спустя
- (з) Никто не взял на себя ответственность за убийство
- (и) Мусульмане выступали против выборов Ж.
- (к) В **прошлом** также совершались покушения на Ж.
- (л) Рейган говорит, что эти **новости** — потрясение для американского народа
- (м) Бегин в телеграмме выразил соболезнования отцу Жмайеля
- (н) **Дрейпер** продолжил переговоры в Израиле
- (о) Бегин и Дрейпер разработают график вывода войск
- (п) Арафат, находящийся в Риме, призывает **Израиль** к мирному урегулированию конфликта
- (р) Арафат **обвиняет** Израиль в убийстве и в военных преступлениях

Как видим, порядок представления тем определяется не только их важностью, но также принципом *новизны* (ге-

сency), о котором говорилось выше. Сначала идут темы о немедленных или отдаленных последствиях убийства (темы от *a* до *d*): заявления официальных лиц, реакция населения. Только после этого нам предоставляется более подробная информация о самом событии: когда и как было обнаружено тело, предположения о том, кто мог совершить убийство, и только с **топиком** (*u*) мы узнаем об обстановке и возможных причинах или основаниях совершения убийства: неединодушные выборы и предыдущие покушения. И вся эта информация **все** еще кажется нам довольно общей по характеру. Сообщение в „Бангкок пост“ само является, как это бывало, некоторым суммированным изложением сообщений, представленных телеграфными агентствами (в данном **случае** ЮПИ и АП). В этой статье, например, просто устанавливается, что мусульмане «помнят его действия как **фалангистского** военачальника в жестокой **войне 1975—1976 гг.**», но не упоминается, чем **Жмайель** действительно занимался во **время** гражданской войны (именно об этом пишут многие другие газеты в своих сообщениях об его убийстве). Не раскрывает газета и политических причин существования оппозиции против Жмайеля. Читателю не сообщают этих подробностей, но со всей очевидностью они **могут** быть им восстановлены на основе точного знания ситуации в Ливане, почерпнутого из предшествующих статей, то есть на основе так называемой *модели ситуации* в памяти. Эта модель является представлением в памяти индивида его обобщенного опыта и информации об определенной ситуации в восприятии и трактовке ее этим индивидом (van **Dijk and Kintsch**, 1983; van **Dijk**, 1984b). Эта модель обеспечивает знание специфики ситуации, и элементы текста могут „напомнить“ (**Schank**, 1982) об элементах информации, заложенной в этой модели. В то же время у читателя, конечно, активизируются более общие представления о гражданских войнах и сложившееся отношение к ним, о мусульманах и христианах, о возможных зверствах, творимых во время гражданских войн. Эта обобщенная, социально закрепленная, „предусмотренная“ информация сочетается с актуальной, личной („хранящейся в памяти“) информацией, имеющейся в модели; к ним добавляется новая текстовая **информация** — **все** три образуют новую модель, модель информации о конкретных событиях убийства и вторжения войск. Вместе с тем эта новая модель может использоваться для *корректировки и обновления* существующей ранее более общей модели

сложившейся ситуации в Ливане. С познавательной точки зрения целью чтения газетной статьи является построение специфической модели ситуаций или событий, описываемых в тексте, а через призму модели конкретной ситуации — **обновление** и уточнение более общих моделей. Наконец, такие новые модели могут использоваться в формировании и изменении более абстрактных понятий или фреймов, например о гражданских войнах, международной политике или о деятельности отдельных „персонажей“, каковыми являются, например, Израиль или США в описываемой ситуации.

Темы текста новостей существенны не только для построения структуры целостного значения текста, так называемой „базы текста“ (Petöfi, 1971), но они также играют важную роль в процессах активации, извлечения и **(транс)формации** ситуативных моделей, содержащихся в памяти. Вообще в таком случае **получается**, что тематические элементы текста высшего уровня могут также стать „тематическими элементами“ высшего уровня (макропропозициями) в представлении модели. И наоборот, то, что мы представляли как „определение ситуации“ на высоком **уровне**, может быть использовано при создании тематических элементов текста. В нашем тексте, например, особые модели, относящиеся к описанию действий израильской армии в Ливане или политики правительства Израиля на Среднем Востоке, могут привести к представлению высокого **уровня** — в данном случае к представлению убийства не просто как условия или причины военных действий Израиля, но как „предлога“ для контроля над Западным Бейрутом. Такова по **меньшей мере общая** оценка ситуации, которая дается многими газетами и радиокomentаторами.

Когда мы просматриваем другие **темы** в вышеприведенном списке (5), мы видим, что, начиная с темы (л), наше внимание опять концентрируется на последствиях убийства: заявлениях известных деятелей, выступающих в прессе (**Бегин**, Рейган, Арафат), дальнейшей информации о конкретном политическом контексте всего события, а именно о переговорах о выводе иностранных (сирийских, израильских) войск из Ливана.

Если соответственно сравнить линейную организацию тематических элементов данного текста с иерархической структурой, представленной на рис. 1, то можно заметить, что *общая стратегия производства дискурса новостей* имеет следующие этапы (или шаги):

(I) Активизировать *модель действительной ситуации*, которая сложилась из толкований события в других газетных **корреспонденциях**, сообщениях агентств, знаний и мнений читателя по поводу ситуации в Ливане и на Среднем Востоке.

(II) Вывести общую *тематическую структуру* из этой ситуативной модели для того, чтобы выразить данные темы посредством текста **новостей** (в коммуникативном контексте, для которого у журналистов также есть модель, но мы ее здесь не разбираем).

(III) Решить, какие из главных тем данной тематической структуры наиболее *релевантны* и значимы, учитывая существующую систему ценностей газетных сообщений-новостей, другие нормы журналистской практики, сложившиеся стереотипы и идеологические ориентиры, такие, как новизна известия, заранее негативное к нему отношение, высокопоставленные деятели государства и т. д.

(IV) Начать конкретное сообщение выражением главной релевантной темы, вынося ее в заголовок, поместить во вводке оставшуюся часть верхнего уровня тематической структуры.

(V) Излагать главные темы, относящиеся к главным событиям, на более низком уровне макроструктуры в начальных предложениях/абзацах текста.

(VI) Каждый абзац должен заключать более низкий в структуре тематический элемент в соответствии со следующими принципами производства текста (стратегиями написания текста):

- а. Важные последствия приводятся в первую очередь.
- б. Подробности события или характеристика действующего лица даются после общего упоминания о событии или **об** этом лице.
- в. Причины возникновения явления или условия его **существования** упоминаются после описания самого события или его последствий.
- г. Контекст события и фоновая информация даются в последнюю очередь.

Конечно, этапы комплексной стратегии создания текстов указаны гипотетически и довольно приблизительно. В когнитивных терминах представлена процедура, которой журналисту следует (должно) придерживаться в **процессе** написания текста новостей, и показано, как в **результ-**

тате этого процесса возникают структуры, характерные для газетных сообщений новостей. Выявляется ряд управляющих действиями автора приемов в процессе создания **текста** — **общие знания**, относящиеся к *социально-политическим „сценариям“* (*scriptal knowledge*), и **общие установки** или идеологические ориентиры (включая ценностные ориентации), **общие модели** ситуации, **тематическая структура** освещающего данную ситуацию текста, которому предстоит быть написанным, и, наконец, система практических *шагов по созданию текста*, которые действуют в процессе реализации, линеаризации и выражения тем текста. В совокупности эти факторы **определяют структуру релевантности** конкретного сообщения — **как** для автора-журналиста, так и для читателя. Тематическая структура указывает нам, какие тематические элементы являются более общими, а какие — более детализированными, и поэтому она предоставляет нам готовые организационные стратегии для создания текстов: используй сначала темы верхнего уровня, работай в направлении сверху вниз, соблюдая критерий релевантности. Это означает, что в реальном тексте новостей мы наблюдаем цикличность в процессе „внедрения“ каждого тематического элемента: сначала верхний уровень каждого треугольника (см. рис. 1), затем, соответственно, нижний уровень каждого треугольника, и, как очевидно (по крайней мере для этого примера), линейная развертка осуществляется справа налево (следствия перед событиями, события перед условиями).

Следует отметить, что эти когнитивные стратегии производства текстов новостей отличаются от стратегий производства других текстов. В последних в принципе каждый тематический элемент является законченным единством, которое начинается с каких-то мелких деталей описания (**иногда** — с открывающего текст сжатого изложения его содержания, особенно в устных текстах обиходной речи; см. **Ehlich** (ed.), 1980; **Quasthoff**, 1980) и развертывается слева направо, то есть от причин, условий, обстоятельств или обстановки действий или явлений к самим этим действиям или явлениям, при этом результаты или последствия каких-либо действий или явлений описываются в последнюю очередь (особые художественные трансформации компонентов текста здесь не исследуются). Как только сообщения-новости начинают соответствовать этой нарративной модели (при которой последовательность реализации текстовых тем соответствует по-

следовательности событий), критерий релевантности, играющий главную роль, утрачивает свою силу, и в действие вступают эстетический, **персуасивный** или другие принципы, такие, например, как критерий драматического „напряжения“. Некоторые газетные сообщения об убийстве Жмайеля, например в популярных массовых газетах (скажем, в издании „**Бильд Цайтунг**“ в ФРГ), действительно частично построены по такому нарративному принципу (мы вернемся к нему в следующем разделе).

Мы попытались раскрыть суть формальной и когнитивной природы тем или тематических элементов в дискурсе (новостей), их иерархическую организацию и линейную реализацию в тексте. Мы обнаружили, что в основе процесса реализации тематической структуры в тексте лежит несколько регулирующих принципов. Очевидно, эта реализация зависит от особых *семантических катего-*
рий, определяющих последовательность в описании действий, событий или ситуаций, таких, как „условия“, „следствия“, „подробности“, „причины“ или „участники“. И это действительно так. „Организационные“ качества компонентов тематической структуры оказываются полезными в производстве (или понимании) текста новостей, если мы примем, что „следствия“ помещаются в сообщении перед „условиями“ в соответствии с общим принципом новизны сообщаемого. То же самое является верным и для отношений *спецификации*, благодаря которым макроструктуры соотносятся с микроструктурами и, следовательно, со словами и предложениями реального текста. Макроправила и макростратегии извлекают тематические элементы из текстовых микроструктур, а операции спецификации имеют несколько иную направленность. „Получив“ топик, они его „разрабатывают“. Это также не произвольный процесс, особенно в текстах-новостях, ему заданы определенные параметры. Подробности какого-либо действия, к примеру, не обязательно приводятся в их **(хроно)логической** последовательности. В разобранном нами примере мы видели, что в первом абзаце уточняется информация о **действиях — участниках** события, **затем — о времени** или точной дате, **затем — об орудии** действия и его характеристиках, за **этим — о других участниках** действия (жертвах), и, наконец, излагаются общие (предполагаемые) последствия. В третьем абзаце дается дальнейшее уточнение характеристики главного участника событий, Жмайеля, **христианина-маронита**, и дальнейшие подробности о яростном „религиозном

противостоянии", упомянутом в первом абзаце: боевых действиях между **войсками — сторонниками** Жмайеля (исповедующего христианство), и силами мусульман. Последующие абзацы развиваются так же; каждый из них добавляет какую-либо подробность к общему представлению, которое сложилось у нас о главном **событии — о Жмайеле**, о политической обстановке, о последствиях вероломного убийства и о международных откликах на это событие. Другими словами, отношения спецификации, присущие теме сообщения новостей, следуют по определенному категориальному „руслу" таким **образом**, что каждая категория периодически вновь включается в описание, обрастая большими или меньшими подробностями (в зависимости от длины сообщения и широты охвата событий). Главное действие, главные участники, другие участники, характеристики главных участников, характеристики события (время, место, обстоятельства), следствия, условия, контекст события, историческая подоплека и опять детали этих же категорий в убывающем порядке их релевантности. Потребуется дальнейшие эмпирические исследования для точного определения правил или стратегий, используемых в **этих** „возвращающихся макрооперациях" спецификации и линейного расположения компонентов тематической структуры в информационном сообщении.

Описанные выше принципы, положенные в основу стратегий создания дискурса новостей, являются верными и для стратегий читающего в процессах чтения, понимания и запоминания. Заголовок и **вводка** прочитываются и толкуются в первую очередь, и информация, которую несут их форма и семантика, инициирует сложный процесс понимания текста (см. van **Dijk** and **Kintsch**, 1983).

(I) Сначала заголовки и **вводки** распознаются в качестве таковых, и тем самым устанавливается или подтверждается контекстуальная коммуникативная модель „я читаю газету", при этом модель предполагает наличие особых интересов, целей или убеждений.

(II) Они активизируют знания и понимание их роли (роли заголовков и вводов) как формальных показателей важности сообщаемого, и эта „важность" может быть „принята" (или не принята).

(III) Пропозиции, лежащие в их основе, извлекаются из памяти и представляют релевантные сценарии и модели. Будучи введенными в действие в условиях ком-

муникативного контекста (определяющих время, ситуацию, интересы, цели), такие сценарии, установки и модели подготавливают основу для принятия решения: „Мне **(не)интересна** информация по этому вопросу или теме”.

(IV) Они отмечают или выражают релевантные макротопики, которые могут быть использованы в стратегиях построения высших уровней базы текста и особой ситуативной модели данной статьи. Этот „предварительный” тематический элемент (элементы) высшего уровня может служить некоторым **средством**, управляющим последовательным, сверху вниз, пониманием остальной части текста и ее организацией (см. **Kozminsky**, 1977).

(V) Первые абзацы используются для построения полных макропропозиций, для утверждения (или отрицания) начальных макропредположений читателя, для дальнейшего наращивания макроструктуры и модели текста. То же происходит и с последующими абзацами, в которых содержатся элементы общего (глобального) значения текста, относящиеся к низшим уровням.

(VI) Прерывистое следование тематических элементов в тексте новостей может быть оперативно упорядочено направляющей функцией центральных **топиков**, иерархической структурой тем и набором семантических категорий (например, „причина” или „следствие”) **подтопиков**. То есть „неупорядоченная” структура тематических элементов может быть „собрана” тематической структурой.

Эти теоретические положения основаны на эмпирическом изучении других видов **текста**, и нам все же требуется проверить экспериментально, годятся ли они и для изучения процесса понимания дискурса новостей (см. **Thorndyke**, 1979).

5. СХЕМЫ ТЕКСТОВ НОВОСТЕЙ

Обсудив макросемантику **дискурса-новостей**, обратимся к макросинтаксису. Мы полагаем, что новостям также присуща конвенциональная **форма** — **схема**, организующая заключенное в ней общее содержание. Чтобы отличать такую глобальную форму организации материала от (семантических) макроструктур, мы используем

теоретический термин *суперструктуры*, однако для упрощения обозначения будем пользоваться также более общим термином „схема“.

Понятие „схема“ давно используется в психологии: Бартлетт (**Bartlett**, 1932) употреблял его для обозначения организации знаний в памяти. К этому слову опять вернулись в семидесятых годах для обозначения структур для представления знания (*knowledge structures*), которые мы обозначили выше как „сценарии“, которые Минский (**Minsky**, 1975) называет „фреймами“ (**Norman and Rumelhart**, 1975). Такие структуры организации знаний относятся и к тому, что мы знаем об организации сюжета в повествовании, или к особым типам дискурса, таким, как, например, рассказы (**Rumelhart**, 1975). В соответствии с терминологией структурной поэтики, семиотики и лингвистики было предложено описывать схемы рассказа с помощью „грамматики“, а именно *грамматики рассказа* (**Mandler**, 1978). Подобно **языковой** грамматике, определяющей синтаксические структуры, грамматика рассказа состоит из (I) набора специфических категорий и (II) набора правил построения, которые устанавливают линейный и иерархический порядок категорий в „правильно оформленной“ нарративной структуре. С конца семидесятых годов идет довольно бурная полемика о формальной и эмпирической адекватности грамматик такого типа (**Black and Wilensky**, 1979; **van Dijk** (ed.), 1980; **Wilensky**, 1983 и комментарии к изданию). Идея о существовании грамматики рассказа особенно резко критиковалась исследователями в области искусственного интеллекта. Они утверждали, что, помимо формальных проблем, грамматики рассказа просто избыточны, структуры рассказов могут быть интерпретированы в терминах структур деятельности, то есть в таких терминах, как „план“ или „цель“.

В рамках данной статьи мы не можем обсуждать подробности этих прений. По существу, оба подхода во многом сходны хотя бы потому, что грамматики рассказа пользуются теоретическими терминами структур, описывающих действия. И для обоих направлений характерно отсутствие каких-либо глубоких теоретических отличительных признаков. Так, нам следует тщательно разделить структуру описания действия и структуру *дискурсов действий*. Рассказы являются особым типом дискурсов-действий (при этом не каждый дискурс-действие является рассказом), поэтому нужно иметь в виду, что описание

рассказчиком действий каких-либо лиц не обязательно строится в такой **последовательности**, в какой эти действия реально происходили, а именно: устные рассказы часто отличаются своего рода конспективностью, не характерной, естественно, для тех цепочек действий, о которых идет речь. И далее, и в практике исследований искусственного интеллекта, и в грамматике рассказа не проводится систематического различия глобального, общего описания рассказа и его более локального описания в терминах предложений или пропозиций. Таким образом, мы полагаем, что суперструктуры или схемы рассказов могут быть эксплицитно описаны в терминах конвенциональных категорий и правил (или стратегий). Отметим, что такие категории и правила действуют не на локальном, а на глобальном уровне. Эти категории, таким образом, свойственны единицам глобального значения, то есть макропропозициям, или темам, и они обладают конвенциональной природой. Они должны членить живой рассказ на единицы, типичные для рассказов в нашей системе культуры. Если, например, рассказы всегда начинаются с краткого содержания, целесообразно ввести конвенциональную категорию *Краткого содержания* как часть нарративной структуры. В некоторых отраслях анализа дискурса часто предлагались такие категории для обозначения глобальных структурных единиц. Так, **Лабов** и **Валецкий** (**Labov and Waletzky, 1967**) уже выдвинули тезис, согласно которому для устных рассказов характерны такие категории, как *Ориентация, Осложнение, Разрешение, Оценка, Кода* (см. также **Labov, 1972**).

Это именно то, что мы намерены предложить для анализа дискурса новостей. Содержание может быть любым, и поэтому мы полагаем, что независимо от локальных или глобальных значений текстов этого типа существует закрепленная, конвенциональная схема, которая состоит из категорий, типичных (хотя бы частично) для этих текстов новостей. Каждая категория должна соответствовать особой последовательности пропозиций или предложений текста. Поэтому порядок категорий, как это установлено правилами, определяет и общее расположение соответствующих последовательностей действий или эпизодов (**van Dijk, 1982**).

Схемы новостей, в силу их конвенциональной природы, по крайней мере имплицитно, известны носителям языка в каждой данной культуре, то есть и журналистам, и читателям. Явными категориями таких схем новостей явля-

ются *Заголовок* и *Вводка* (прописные буквы используются для указания на принадлежность данных категорий к категориям суперструктур). В системе нашей культуры практически всем текстам-новостям предшествует *Заголовок*, поэтому мы можем обозначить *Заголовок* как первую, начальную категорию схемы. Многие газеты, однако, не пользуются отдельной *Вводкой*, выделенной жирным шрифтом, поэтому эта категория факультативна. На рис. 2 мы предприняли попытку представить эти и другие категории, которые будут обсуждаться ниже.

Схемы текстов, в значительной степени так же, как и синтаксические структуры предложений, подвержены воздействию особых *семантических ограничений*. Так, мы не можем просто включить *любую* (макро)пропозицию в каждую категорию. Мы это видели на примере категорий *Заголовка* и *Вводки*. Вместе они выражают высший уровень макропропозиций дискурса новостей. Вместе же они функционируют в качестве резюме текста, и поэтому мы объединяем их в рамках высшей категории *Краткое Содержание*. Как мы уже отмечали, такие резюме обнаруживаются и в повседневных, устных рассказах (Quasthoff, 1980). Точно так же синтаксические категории могут быть соотнесены с особыми фонологическими ограни-

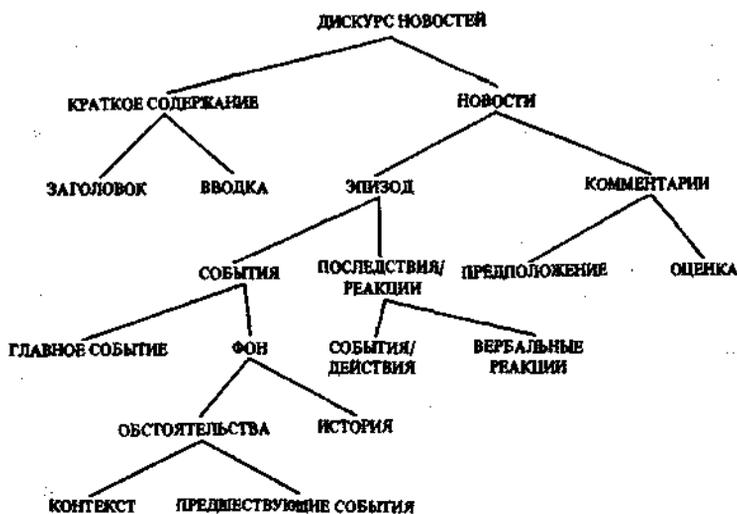

Рис. 2. Суперструктурная схема дискурса новостей.

чениями, связанными, например, с ударением и интонацией. Существуют определенные правила и для Заголовка и **Вводки**, но они соотнесены с графикой текста: они печатаются сверху, идут в тексте первыми, крупным жирным шрифтом, и если текст состоит из нескольких столбцов, то они располагаются над всеми столбцами. Такие правила „выражения" материала могут, конечно, быть различными в разных культурах или изданиях.

Другими широкоизвестными категориями текстовостей являются, например, *Фон* (события) и цитаты, которые мы будем называть *Вербальными Реакциями*. Фон должен преобладать в тех компонентах текста, где сообщаемая информация не является частью действительно происшедших событий, но обеспечивает характеристику общего, исторического, политического или социального контекста или условий, при которых происходило событие. Затем, конечно, следует назвать категорию, преобладающую в описании именно этих **событий**, — ее можно обозначить как *Главное Событие*. И, чтобы напомнить читателю о том, что „случилось ранее" (и, таким образом, включить в действие существующую у читателя релевантную модель ситуации), мы часто вводим категорию *Предшествующих Событий*. При анализе текста новостей из „Бангкок пост" мы обнаружили, далее, что под воздействием принципа новизны (recensu principle) в **новостях** особое внимание обращается на результаты или последствия событий. Поэтому мы вводим категорию *Последствий*, которая может организовать все описываемые события как вызванные Главным Событием. Та же статья продемонстрировала, что иногда может случиться не одно главное событие, а несколько. Строго говоря, категория Главного События *рекурсивна*: она может повторяться (по крайней мере теоретически) **n-е** количество раз, так же как, скажем, рекурсивна синтаксическая категория Прилагательного („Большое, высокое, красивое... дерево"). Можно несколько иным образом упорядочить расположение Главных Событий, рассматривая их не как произвольную серию, а как одно связное единство, например как *Эпизод*, для которого могут существовать определенные семантические ограничения. В таком случае раскрытие первого Главного События Эпизода может потребовать использования темы, которая является причиной или условием существования темы второго Главного События этого Эпизода. (Заметим, что у формальных категорий схемы нет между собой таких содержательных отно-

шений, как „причина" или „следствие". Они характерны только для тем и макропропозиций, которые заполняют ячейки схемы.)

В конце сообщения мы нередко встречаемся с *Комментариями*, содержащими выводы, предположения, размышления и другую **информацию** — часто идущую от самого **автора-журналиста** — о происшедших событиях. Как и некоторые другие категории схемы, эта категория, конечно, факультативна: существуют хорошие, правильно оформленные статьи и без таких Комментариев.

Наконец, заслуживает внимания сложная категория *Фона*. Можно было бы не заниматься ее анализом и наполнить эту категорию всеми макропропозициями, которые суммируют части (эпизоды) текста, не относящиеся к главному событию (событиям) или его последствиям. И все же существует несколько типов фоновой информации, и мы заранее предполагаем, что они легко различимы, по крайней мере специалистами. Так, в схему включена *История* как категория, которая организует всю текстовую информацию общего исторического плана: события прошлого, косвенно соотнесенные с настоящей ситуацией или событиями. В исследуемом нами сообщении об убийстве Жмайеля хорошим примером является информация о гражданской войне в Ливане. Такая информация обеспечивает историческое видение *всего* настоящего момента и, как отсюда следует, лишь отраженную перспективу данного конкретного события (**здесь — убийства**) в этой ситуации. История отлична от категории Предшествующих Событий, поскольку последняя соотносится с каким-либо отдельным событием, которое достаточно очевидно предшествует происходящим главным событиям и которое может рассматриваться как причина или непосредственное условие свершения этих событий. И, наконец, мы можем использовать категорию *Контекста* для организации информации о подлинной ситуации, о которой только что шла речь и в которой подлинное главное событие является важным компонентом. Так, переговоры **Дрейпера** о ситуации в Ливане образуют актуальный политический контекст убийства Жмайеля.

Представляется возможным выработать достаточно строгие теоретические определения фоновых категорий, но их приложение к конкретным текстам может оказаться затруднительным, особенно если фоновой информации мало и она очень компактна. В этом случае история, предшествующие события и контекст могут слиться в одну **кате-**

горию. В исследуемом тексте, например, информация о выборах **Жмайеля** может быть принята за Предшествующие События, то есть за недавние **события**, которые, возможно, явились прямым условием или даже причиной случившегося убийства. А прошедшие выборы (а посему и новые выборы после смерти Жмайеля) могут быть приняты также за Контекст, то есть именно как „споры за президентское кресло в Ливане“. Точно так же и предыдущие покушения на жизнь Жмайеля можно **рассматривать** как Предшествующие События; и тогда случившееся убийство представляется просто третьим по счету посягательством на жизнь Жмайеля. Но, поскольку эти покушения свершались много раньше и являлись последствиями гражданской войны, они могут быть отнесены и к категории Истории. Однако трудности отнесения материала к какой-либо категории и, следовательно, **трудности** практического анализа нам не кажутся серьезными. Они лишь указывают на некоторую **неопределенность** схематических суперструктур, а также на их зависимость от особенностей формальной или индивидуальной интерпретации текста. Важно, однако, что *в принципе мы* можем различать эти категории, потому что они могут оказаться релевантными для **какого-либо** типа текста новостей при том, что в других текстах новостей некоторые категории отсутствуют, сливаются или характеризуются **неопределенностью**.

Правила в стратегии

Теперь, когда мы в рабочем порядке ввели категории схемы **сообщения-новостей**, нам следует, конечно, знать *порядок расположения* этих категорий. Ведь порядок категорий должен определять и порядок **подачи** информации в тексте, как это было с последовательной реализацией тематических элементов, о чем мы говорили в предыдущем разделе. Некоторые из композиционных **принципов** достаточно очевидны, и их **мы** обсуждали выше. Так, Краткое Содержание (Заголовок и **Вводка**) всегда помещается первым, а **Комментарии** — **обычно** последними. Затем можно допустить, что большинство текстов новостей начинаются с Главного События после Краткого Содержания. Анализ материала из многих газет многих стран **показал**, что это именно так (van Dijk, 1984a, 1986). **Информация** об использовании бомбы в нападении на Жмайеля (время, место, орудие, обстоятельства) обычно открывает

„корпус" текста. Затем в тексте могут появиться различные фоновые категории, такие, как История или Контекст. На основе некоторых теоретических соображений мы полагаем, что Предшествующие События и Контекст „ближе" к Главным Событиям, и поэтому предпочтительнее, чтобы они следовали за категорией Главного События, и так оно обычно и происходит. Однако в этом случае правила значительно свободнее. Первой может следовать История, а за **ней** — **Контекст**. Порядок, таким образом, в данном случае произволен. Вербальные реакции помещают обычно в конце сообщения, перед Комментариями, как мы это видим в статье из „Бангкок пост" (у которой нет раздела комментариев в конце).

Эти несколько указаний относительно расположения категорий могут привести нас к выводу, что некоторые правила являются достаточно строгими и общими по характеру, **другие — факультативны**, они представляют собой не более чем „предпочтительные варианты", которые могут быть различными в разных культурах, газетах, в манере отдельных журналистов. В этом случае формальные правила теряют свой алгоритмический характер и становятся вариативными (как и многие социолингвистические правила; см. Sankoff, 1980) или даже приобретают характер удобных стратегий (van Dijk and Kintsch, 1983). Здесь мы касаемся хорошо известных проблем теории лингвистики, таких, как различие между системами формальных правил и конкретным и вариативным *использованием* таких систем. С развиваемой нами когнитивной точки зрения эта проблема не является сложной. И правила, и стратегии имеют когнитивную природу, и носители языка могут применять в процессах производства и понимания дискурса установленные правила, закрепившиеся в общественном употреблении, правила менее жесткие; они могут применять и контекстно обусловленные, целесообразные стратегии. Мы уже упоминали о возможном влиянии принципов релевантности на конечную структуру сообщения. Это означает, что категории, которые обычно помещаются в конце сообщений, такие, как Вербальные Реакции, Комментарии или Последствия, могут быть расположены ранее (выше по тексту), если заключенная в них информация представляется достаточно релевантной. Строго говоря, такие **пермутации**, или перестановки, могут быть определены как **трансформации** (канонической) схемы. Таким образом, трансформации по принципу релевантности влекут за со-

бой выдвигание вперед некоторых категорий.

Значительно более интересной и сложной **проблемой**, однако, является присущий дискурсу новостей **дискретный** характер его построения. В предыдущих разделах мы уже отметили, что темы в новостях могут **поставляться** „частями“. Подробности Главного **События** — **убийства Жмайеля** — могут быть распределены по всему тексту в убывающем порядке их релевантности или **спецификации**. Поскольку темы являются содержанием **категорий** в схеме новостей, отсюда следует, что и сама реализация! категорий в тексте не является непрерывным **процессом**. В самом деле, Главное Событие откроет корпус **текста** новостей, но эта же категория будет появляться вновь и **на** протяжении текста. Так же с Комментариями и **Вербальными** Реакциями, фрагменты которых мы можем **най**-ти уже в начале **статьи** (см. также статью в „Бангкок пост“). Проблема эта серьезная, ибо схема должна указать нам не только категориальные функции, которые могут выполнять темы в сообщении, но и привычный, **канонический** порядок их появления. В рамках данной **работы** нельзя подробно обсудить теоретические сложности **этой** проблемы. Мы полагаем, что и тематическая и **схематическая** структуры дискурса новостей имеют отвлеченный **характер**. То есть независимо от **актуальной реализации** этих структур они репрезентируют темы и их **взаимоотношения**, а также типичные функции (категории), которые **мо**-гут быть присущи этим темам в тексте. При реальном производстве сообщения могут действовать и другие ограничивающие факторы: релевантность, новизна и, **воз**-можно, еще **какие-то**. Это значит, что схема новостей становится **вкладом** (наряду с другими сведениями и правилами) в **стратегию производства** текстов. Эти стратегии указывают автору, какие темы и какие категории должны идти первыми и **сколько** информации из каждой должно быть получено. Если мы воспользуемся сейчас схемой **новостей** (см. рис. 2) как частью стратегии производства текста, то мы не только воспроизведем текст слева направо, но также и сверху вниз **в пределах** каждой категории. Так, сначала приводится информация высшего уровня, о Главном Событии, затем на том же **уровне** — Последствия, **затем** — **информация** высокого **уровня** — в категориях Истории или Контекста, и так далее, а после **этого** — **возвращение** назад, к нижнему уровню информации о Главном Событии; то же самое относится и к последующим категориям. Такая стратегия легко работает, **по**-

тому что содержанию каждой категории присуща **макро-структурная** организация: нам нужно лишь „считать“ верхние уровни каждого тематического элемента, и мы будем знать наиболее „общую“ по характеру информацию и отсюда то, какая информация должна **пойти первой**. Этой же стратегии придерживаются и читатели в их припоминании текстов: макропропозиции верхнего уровня вспоминаются быстрее всего и лучше всего (van **Dijk and Kintsch** 1983).

В заключение мы хотим заметить, что у чисто **формального**, **структуралистского** подхода к схеме новостей существуют некоторые ограничения. Он позволяет нам установить устойчивые, канонические структуры новостей, но он едва **ли** приложим к определению стратегий, существующих во многих вариантах и зависящих от контекста. Этот подход не дает возможности объяснить взаимодействие ряда ограничительных, „понижающих“ факторов, действующих одновременно, таких, как темы, (частичные) схемы, принципы релевантности и новизны. Эти факторы имеют когнитивный характер, в связи с чем реальная структура дискурса новостей должна включать всю информацию, использованную в стратегиях производства текста. В основе определения релевантности информации лежат общие, признанные положения (как системы ценностей в журналистской практике), но тут же существуют и специфические ограничения, основанные на оценке реальной ситуации и, следовательно, на имеющихся у нас моделях. Убийство **Жмайеля** — **не** только важное событие, и эта тема не просто релевантна в сообщении об этом событии, насильственном (негативном) акте, преступлении, направленном против представителя власти, что в ценностных **ориентациях** прессы и сделало этот факт предметом выбора и внимания. В определении важности этой информации сыграла свою роль и особая политическая обстановка в Ливане, и роль президента в восстановлении порядка в этой стране, что придает **данному** убийству такую значительность. Более того, эта информация хорошо накладывается на заранее сложившееся представление, которое организует модель восприятия журналистами обстановки в Ливане и на Ближнем Востоке (насилие, фракционная борьба, **международный** конфликт и т. п.). И поскольку „убийство“ входит в рамки этой модели, его легче „видеть“ и „интерпретировать“ в качестве газетной новости, и поэтому ему можно придать в изложении большую **важность** и более высокий уровень реле-

вантности. Только когнитивная модель в состоянии учитывать все эти сложные обстоятельства. Речь идет не только о производстве текстов „как таковых“, но также и об использовании сценариев, признанных моделей, общественно-политической интерпретации новостей, об установившейся в газетной практике системе ограничений и шаблонов при превращении событий-новостей в дискурс новостей. Когнитивный подход может включить в себя и объединить все эти различные ограничения и различные типы **информации** — и для журналиста, и для читателя. Он объясняет процессы производства текстов, а также отражение этих процессов в реальных структурах сообщений-новостей. Он объясняет и процессы понимания, которые мы обсуждали в 4-м разделе (см. **Findahl and Höijer**, 1981; **Höijer and Findahl**, 1984; **van Dijk and Kintsch**, 1983; **van Dijk**, 1986). В соответствии, например, с результатами исследований в области когнитивной психологии рассказа мы полагаем, что схемы текстов способствуют пониманию, накоплению и извлечению информации из памяти. И, несмотря на негативные результаты некоторых экспериментальных работ (например, **Thorndyke**, 1979, где автор не пользовался надлежащими схемами новостей), мы допускаем, что и тематическая структура, и схема новостей помогают читателю организовать информацию в памяти, что является основным условием (лучшего) запоминания и использования этой информации.

Если схемы новостей известны профессионалам-журналистам и приняты ими, то это также облегчит процесс производства информационных сообщений. Схемы упорядочивают иногда обескураживающую запутанность тем в событии и позволяют журналисту планомерно „порыться“ в собственной памяти или во „внешних“ источниках информации, таких, как служба документации. В самом деле, журналист может обычно искать сам или затребовать (еще) что-нибудь из „фоновой“ информации о новом событии и тем самым доказать, что категория „фона“ ожидается в тексте новостей. То же самое можно сказать и об обычной практике производства других социально значимых сообщений и их соотношении с когнитивными процессами освещения новостей в печати.

6. ВЫВОДЫ

В данной работе мы внесли ряд предложений по систематическому анализу структуры новостей в прессе, при этом особое внимание обращалось на такие глобальные структуры, как топики, или темы, и суперструктурные схемы. После краткого анализа некоторых исследований новостей за последнее десятилетие мы заключили, что структура новостей как таковая исследуется мало. Большинство работ имеет социологический уклон, их авторы занимаются изучением профессиональных навыков и штампов в **работе**, исследованием требований издающих организаций или идеологической стороной новостей. Несколько работ микросоциологического направления и ряд лингвистических работ последнего времени приближаются к объяснению содержания и формы новостей. Ориентация на аналитическое изучение дискурса новостей способна объединить эти различные направления.

При глобальном анализе дискурса новостей рассматриваются структуры высших уровней, которые выходят за рамки изучения отдельных слов или предложений. В настоящей работе мы проводили различие, с одной стороны, между глобальными значениями или топиками, которые объяснялись в терминах семантических макроструктур, и, с другой стороны, композиционными схемами, которые объяснялись в терминах суперструктур. Было показано, как темы и схемы соотнесены в дискурсе новостей. Характерной особенностью обоих является, например, способность к дискретной реализации в тексте. Схемы новостей определяются с помощью общепринятых категорий новостей, таких, как Краткое Содержание, Главное Событие и Фон, и соответствующих им подкатегорий. В результате было показано, что в процессе выявления конкретных структур новостей, в которых принципы релевантности и новизны информации играют важную роль, формулировка темы и схемы дискурса новостей должна проводиться с помощью определенных стратегий и иметь когнитивную направленность. Такой когнитивный подход учитывает и влияние различных социальных факторов, накладывающих ряд ограничений на процесс производства новостей (сложившаяся практика работы, системы ценностей в области текстов новостей, идеологические установки).

ЛИТЕРАТУРА

- Abel, 1981 = Abel, E. (ed.). **What's News**. The Media in American Society. San Francisco: Institute for Contemporary Studies, 1981.
- Altheide**, 1974 = **Altheide**, D. *Creating Reality*. How TV News Distorts Reality. Beverly Hills, Ca: Sage, 1974.
- Bagdikian, 1971 = Bagdikian, B. *The Information Machines*. New York: Harper and Row, 1971.
- Barret, 1978 = Barret, M. *Rich News, Poor News*. New York: Crowell, 1978.
- Bartlett**, 1932 = **Bartlett**, F. C. *Remembering*. London: Cambridge University Press, 1932.
- Black, **Wilensky**, 1979 = Black, J. B., Wilensky, R. An evaluation of story grammars.—"Cognitive Science", 1979, vol. 3, p. 213—229.
- Blunder, **Katz**, 1974 = **Blumler**, J. G., **Katz**, E. (eds.). *The Uses of Mass Communications*. Beverly Hills, Ca: Sage, 1974.
- Boyd-Barret**, 1980 = **Boyd-Barret**, O. *The International Press Agencies*. London: Sage/Constable, 1980.
- Cohen, Young, 1981 = Cohen, S., **Young**, J. (eds.). *The Manufacture of News*. Deviance, Social Problems and the Mass Media. London: Sage/Constable, 1981.
- Connel, Mills, 1985 = **Connel**, I., Mills, A. Text, discourse and mass communication.—In: van **Dijk** T. A. (ed.). *Discourse and Communication*. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1985, p. 26—43.
- Curran**, 1978 = **Curran**, J. (ed.). *The British Press: A Manifesto*. London: Methuen, 1978.
- Davis, 1985 = **Davis**, H. *Discourse and media influence*.—In: van **Dijk** T. A. (ed.). *Discourse and Communication*. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1985, p. 44—59.
- Davis, Walton, 1983 = **Davis**, H., **Walton**, P. (eds.). *Language. Image. Media*. Oxford: Blackwell, 1983.
- Diamond, 1978 = Diamond, E. *Good News, Bad News*. Cambridge, Mass: MIT Press, 1983.
- van **Dijk**, 1980 = van **Dijk**, T. A. **Macrostructures**. Hillsdale, N.J.: **Erlbaum**, 1980.
- van **Dijk**, 1982 = van **Dijk**, T. A. Episodes as units of discourse analysis.—In: Tan nen D. (ed.). *Analyzing Discourse: Text and Talk*. Washington, DC: Georgetown University Press, 1982, p. 177—195.
- van **Dijk**, 1984a = van **Dijk**, T. A. *Structure of International News*. A Case Study of the World's Press. Report for **Unesco**. University of Amsterdam. Dept. of General literary studies. Section of Discourse Studies, 1984.
- van **Dijk**, 1984b = van **Dijk**, T. A. Episodic models in discourse processing.—In: Horowitz R., Samuels S. J. (eds.). **Comprehending Oral and Written Language**. New York: Academic Press, 1984.
- van **Dijk**, 1985 = van **Dijk**, T. A. Discourse analysis in (mass) communication research.—In: van **Dijk** T. A. (ed.). *Discourse and Communication*. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1985, p. 1—9.
- van **Dijk**, 1986 = van **Dijk**, T. A. *News as Discourse*. New York: Longman, 1986.
- van **Dijk**, 1980 = van **Dijk**, T. A. (ed.). *Story comprehension*.—"Poetics", vol. 8, № 1—3 (special issue).
- van **Dijk**, Kintsch = van **Dijk**, T. A., **Kintsch**, W. *Strategies of Discourse Comprehension*. New York: Academic Press, 1983.
- Downing, 1980 = Downing, J. *The Media Machine*. London: Pluto Press, 1980.

- Ehlich**, 1980 = **Ehlich**, K. (ed.). *Erzählen im Alltag*. Frankfurt: **Suhrkamp**, 1980.
- Epstein**, 1973 = **Epstein**, J.- News from Nowhere. New York: Random House, 1973.
- Findahl**, **Hojjer**, 1981 = **Findahl**, O., **Hojjer**, B. Studies of news from the point of view of human **comprehension**.— In: **Wilhoit** C., de **Bock** H. (eds.). *Mass Communication Review Yearbook*, Vol. 2. Beverly Hills, Ca: Sage, 1981, p. 393—403.
- Fishman**, 1980 = **Fishman**, M. *Manufacturing the News*. Austin, Tx: University of Texas Press, 1980.
- Fowler**, **Hodge**, **Kress**, **Trew**, 1979 = **Fowler**, R., **Hodge**, B., **Kress**, G., **Trew**, T. *Language and Control*. London: **Routledge** and **Kegan Paul**, 1979.
- Gans**, 1979 = **Gans**, H. *Deciding What's News*. New York: Pantheon Books, 1979.
- Glasgow University Media Group, 1976 = Glasgow University Media Group. *Bad News*. London: Routledge and Kegan Paul, 1976.
- Glasgow University Media Group, 1980 = Glasgow University Media Group. *More Bad News*. London: Routledge and Kegan Paul, 1980.
- Glasgow University Media Group, 1982 = Glasgow University Media Group. *Really Bad News*. London: Writers and readers, 1982.
- Golding**, **Elliot**, 1979 = **Golding**, P., **Elliot**, Ph. *Making the News*. London: Longman, 1979.
- Gurevitch**, **Bennet**, **Curran**, **Woollacott**, 1982 = **Gurevitch**, M., **Bennet**, T., **Curran**, J., **Woollacott**, J. (eds.). *Culture, Society and the Media*. London: **Methuen**, 1982.
- Hall**, **Stuart**, et al., 1980 = **Hall**, **Stuart**, et al. (eds.). *Language, Culture, Media*. London: **Hutchinson**, 1980.
- Hartley**, 1982 = **Hartley**, J. *Understanding News*. London: Methuen, 1982.
- Hartman**, **Husband**, 1974 = **Hartman**, P., **Husband**, Ch. *Racism and the Mass Media*. London: **Davis-Poynter**, 1974.
- Hojjer**, **Findahl**, 1984 = **Hojjer**, B., **Findahl**, O. *Nyheter, Förståelse, och minne*. Ph. D. Diss. Stockholm: **Studentlitteratur**, 1984.
- Jones**, 1977 = **Jones**, L. K. *Theme in English Expository Discourse*. Lake Bluff, Ill: Jupiter Press, 1977.
- Knorr-Cetina**, **Cicourel**, 1981 = **Knorr-Cetina**, K., **Cicourel**, A. V. (eds.). *Advances in Social Theory and Methodology. Toward an Integration of Micro- and Macrosociologies*. London: Routledge and Kegan Paul, 1981.
- Kniffka**, 1980 = **Kniffka**, H. *Sociolinguistik und empirische Textanalyse. Schlagzeilen und Leadformulierungen in amerikanischen Tageszeitungen*. Tübingen: Niemeyer, 1980.
- Kozminsky**, 1977 = **Kozminsky**, E. *Altering comprehension: the effects of biasing titles on text comprehension*.—"Memory and Cognition", vol. 5, 1977, p. 482—490.
- Kress**, **Hodge**, 1979 = **Kress**, G., **Hodge**, R. *Language as Ideology*. London: **Routledge** and **Kegan Paul**, 1979.
- Labov**, 1972 = **Labov**, W. *The transformation of experience in narrative syntax*.— In: **Labov** W. *Language in the Inner City*. Philadelphia, Pa: University of Pennsylvania Press, 1972, p. 354—396.
- Labov**, **Waletzky**, 1967 = **Labov**, W., **Waletzky**, J. *Narrative analysis: Oral versions of personal experience*.— In: **Helm** J. (ed.). *Essays on the Verbal and Visual Arts*. Seattle, Washington: Washington University Press, 1967, p. 12—44.
- Lüger**, 1983 = **Lüger**, H.-H. *Pressesprache*. Tübingen: Niemeyer, 1983.

Mandler, 1978 = **Mandler, J.** A code in the node: The use of story schema in **retrieval**.—In: "Discourse processes", vol. 1, 1978, p. 14—35.

Minsky, 1975 = Minsky, M. A framework for representing knowledge.—In: **Winston, P.** (ed.). The Psychology of Computer Vision. New York: McGraw-Hill, 1975.

Norman, Rumelhart, 1975 = Norman, D., **Rumelhart, D.** (eds.). Explorations in Cognition. San Francisco: Freeman, 1975.

Petőfi, 1971 = **Petőfi, J.** **Transformationsgrammatiken** und eine **Ko-textuelle Texttheorie**. Stuttgart: Athenaeum, 1971.

Quasthoff, 1980 = Quasthoff, U. **Erzählen in Gesprächen**. Tübingen: Narr, 1980.

Roshco, 1975 = **Roshco, B.** **Newsmaking**, Chicago: University of Chicago Press, 1975.

Rumelhart, 1975 = Rumelhart, D. Notes on a schema for stories.—In: **Bobrow, G., Collins, A.** (eds.). Representation and Understanding. New York: Academic Press, 1975, p. 211—236.

Sankoff, 1980 = Sankoff, G. The Social Life of Language. Philadelphia, Pa: University of Pennsylvania Press, 1980.

Schank, 1982 = **Schank, R.** Dynamic Memory. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Schank, Abelson, 1977 = Schank, **R.C.**, Abelson, R.P. Scripts, Plans, Goals and Understanding. **Hillsdale, N.J.**: Erlbaum, 1977.

Schlesinger, 1978 = Schlesinger, Ph. Putting "Reality" together. BBC News. London: Constable, 1978.

Strassner, 1981 = Strassner, E. **Fernsehnachrichten**. Tübingen: Niemeyer, 1981.

Strassner, 1975 = Strassner, E. (ed.). **Nachrichten**. Munich: Fink, 1975.

Thorndyke, 1979 = Thorndyke, P.W. Knowledge acquisition from newspaper stories.—"Discourse Processes", vol. 2, 1979, p. 95—112.

Tuchman, 1978 = Tuchman, G. Making News. New York: Free Press, 1978.

Tunstall, 1971 = Tunstall, J. Journalists at Work. London: Constable, 1971.

Wilensky, 1983 = Wilensky, R. Story grammars versus story points.—"The Behavioral and Brain Sciences", vol. 6, 1983, p. 579—624.

КОГНИТИВНЫЕ И РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ ВЫРАЖЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ * 1

1. ЦЕЛИ И ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одним из каналов проникновения этнических предубеждений в область социальных отношений является повседневное речевое общение между представителями этнического большинства. В настоящей работе мы проанализируем некоторые стратегии, используемые говорящими в ходе интервью по поводу групп-меньшинств в Нидерландах. Такой анализ не только поможет глубже понять социальную обусловленность обыденной речи, он поможет также раскрыть социальные функции предубежденной речи (*prejudiced talk*) и когнитивные стратегии, которые используют представители этнического большинства, выражая свои убеждения и мнения относительно этнических меньшинств. Однако, хотя понимание этих механизмов могло бы внести важный вклад в чрезвычайно необходимую теорию возникновения, и в особенности распространения, этнических взаимоотношений в обществе, в настоящем исследовании мы сосредоточимся на когнитивных и **интеракциональных** свойствах предубежденной речи.

Этнические меньшинства (часто называемые „иностранцами“), такие, как выходцы из Турции, Марокко, Суринама, являются распространенной темой для разговоров в Нидерландах. Эти разговоры имеют несколько локальных и глобальных целей. Например, люди хотят рассказать о своем, часто негативном, опыте взаимодействия с этническими меньшинствами и обменяться мнениями об этом с другими представителями группы белых.

* Teun A. van Dijk. Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice.— „Text“, vol. 3—4, 1983, p. 375—404.

© 1983 by Mouton Publishers. Amsterdam. The Netherlands.

В то же время такое общение выполняет роль социальной переработки информации: убеждения относительно других социальных групп передаются или „нормализуются” в соответствии с убеждениями представителей той группы, к которой принадлежит говорящий. В процессе оценки представителей этнических меньшинств и их действий могут быть вербализованы также и преобладающие нормы, ценности и установки. Помимо этих разнообразных функций в рамках формирования социальных понятий и **внутригрупповых** отношений, говорящие могут достигать и более частных целей и принципов диалога как формы взаимодействия. Например, стратегии самопрезентации необходимы говорящему, чтобы вызвать или поддержать положительную реакцию (на себя) у слушающего. Особенно для таких „деликатных” тем, как этнические меньшинства или этнические отношения, представителям белого большинства приходится организовывать свою речь так, чтобы они сами или их мнения не могли быть оценены другими представителями этой группы населения с помощью таких категорий, как „предубежденный” или „расистский”. Эта установка может входить в конфликт с другими, перечисленными выше, установками, с теми, на которых основаны жалобы на представителей этнических меньшинств или их оценки. Чтобы оптимально реализовать эти разнообразные установки, привлекаются когнитивные и диалоговые *стратегии*. Целью данной статьи является анализ некоторых типичных диалоговых стратегий в разговорах, выражающих предубеждения, и интерпретация когнитивной модели выражения этнических оценок.

1.1. Настоящая статья была написана как часть междисциплинарного проекта „Диалоги об этнических меньшинствах в Нидерландах” в Амстердамском университете. Основная цель этого **проекта** — **разработать** когнитивную модель этнических предубеждений и соотнести ее с **обыденными** разговорами об этнических меньшинствах. Другие проекты, связанные с данным, изучают другие типы текстов, относящихся к этническим меньшинствам, такие, как новости в прессе и учебники. Материалом для настоящей статьи послужили записанные на магнитофон интервью, взятые примерно у ста человек в различных районах Амстердама (как контактирующих с местами, населенными представителями меньшинств, так и не контактирующих). Значительная часть интервью, взятых в общественных местах или дома у спрашиваемых, была **превращена**

щена в письменные тексты, которые составили эмпирическую базу данных. На этой стадии исследования тексты представляют собой всего лишь приблизительные описания того, что „происходило на самом деле". Кроме того, из-за необходимости использовать здесь английский перевод характерные особенности звучащей речи можно будет проследить лишь приблизительно. По этим причинам мы сосредоточим свое внимание на семантических стратегиях. Анализ деталей очередности реплик, поправок, пауз, колебаний и т. п. будет осуществлен в другой работе.

Кроме того, в настоящем варианте статьи ограниченность объема не позволяет нам дать полную картину **социального** фона этнических отношений в тех районах, где мы брали наши интервью (подробнее см.: van Dijk, 1982a, 1984a,c, где изложены другие характеристики дискурса в предубежденной речи).

1.2. Как уже говорилось, здесь нас интересуют стратегии, которые можно назвать *семантическими*. В частности, нас интересуют *локальные ходы* таких стратегий. Например, если говорящий сообщает о каком-либо негативном поступке своего **соседа** — **представителя** этнического меньшинства, за этим может последовать обобщение типа: „Они всегда так делают". **Функционально-семантическое** отношение между этими двумя высказываниями называется *обобщением*. Таким же образом могут быть сделаны и последующие речевые ходы, чтобы привести примеры того, о чем сообщалось в предыдущих ходах, проиллюстрировать что-либо, поправить сказанное или „взять свои слова обратно". Поскольку в описании таких функциональных ходов в речевом взаимодействии используются пропозициональные содержание и отношения, мы будем называть такие стратегии *семантическими*. В то же время мы увидим, что некоторые стратегии обладают прагматическими или риторическими свойствами. В конце статьи мы рассмотрим вопрос о том, отражают ли эти семантические ходы возможные когнитивные ходы в мышлении и в производстве высказываний об этнических меньшинствах, характерных для ситуаций интервью.

1.3. Теоретически настоящее исследование **будет** основано на нашей более ранней работе о семантической когерентности дискурса (van Dijk, 1977; 1980). В то же время предыдущая работа по анализу диалога будет учтена нами для изучения наиболее „динамических" и связанных с речевым взаимодействием свойств когерентности **ди-**

скурса. В настоящей работе не дается подробного теоретического осмысления понятия стратегического или функционального хода в диалоге². Наш подход существенно отличается от **дискурсивно-аналитического** (этнометодологического) особым вниманием к семантике функциональной когерентности, однако в данной работе отличие нашей точки зрения становится еще более фундаментальным. Так, например, мы не анализируем диалог в чисто „структурном“ плане, чтобы определить присущие ему свойства, а в большей степени **пытаемся** выявить его когнитивные и социальные **функции**³.

Таким образом, наш анализ будет, по существу, междисциплинарным. Он будет также включать в себя результаты наших предыдущих работ по когнитивной психологии **обработки** дискурса (Kintsch and van Dijk, 1978; van Dijk and Kintsch, 1983). В частности, понятие когнитивной стратегии заимствовано из этих работ. То же самое касается когнитивного представления этнических убеждений, мнений и отношений (van Dijk, 1982a,b, 1983b). Эти работы о социальном познании написаны отчасти под влиянием работ по психологии и искусственному интеллекту, в которых шла речь о когнитивной репрезентации знания и убеждений (Schank and Abelson, 1977; Carbonell, 1979). Подробное обсуждение последних работ по социальному знанию и его важности для теорий предубеждений, этнических отношений или расизма здесь произведено быть не может (Forgas, 1981).

1.4. В более широких рамках изучения этнических отношений и расизма наше **исследование** приобретает когнитивную и микросоциологическую направленность. Это не значит, что мы **поддерживаем** мнение о том, что этническое **предубеждение** — это прежде всего психологическое и даже индивидуальное явление. Напротив, здесь большую роль играют социальные формы познания, а следовательно, групповые оценки, которые формируются, используются и меняются при обращении и социальных ситуациях в более широких рамках межгрупповых отношений⁴. Наш подход нацелен на прояснение некоторых детальных, повседневных механизмов использования и функционирования этнических оценок, с тем чтобы пролить свет на процессы, благодаря которым такие социальные формы познания становятся распространенными групповыми оценками. В принципе диалоги об этнических меньшинствах сами по себе — это один из способов выработки таких оценок в социальных ситуациях и, **следовате-**

льно, один из параметров демонстрации членами группы их принадлежности именно к данной группе и солидарности с другими ее членами. Говоря точнее, анализ речи позволяет нам реконструировать интерпретацию членами группы их собственной социальной ситуации, а также категоризацию и оценку участников той социальной ситуации, о которой идет речь.

1.5. Группы этнических меньшинств, фигурирующие в наших интервью (турки, марокканцы и **суринамцы**), живут главным образом в городах. Они составляют примерно $\frac{2}{3}$ общего числа этнических меньшинств в Нидерландах (около **600 000** человек), что равно примерно 5% населения. Большинство этих людей иммигрировало в 70-е годы. Их социально-экономическая ситуация в общем случае неудовлетворительна: низкая зарплата, грязная работа, плохие жилищные условия, растущая безработица и возрастающая дискриминация по отношению к ним.

2. ПОНЯТИЕ „СТРАТЕГИИ“

2.1. Прежде чем обратиться к описанию стратегий, характерных для предубежденной речи, остановимся кратко на самом понятии **стратегии**. В работе van Dijk and Kintsch, 1983, это понятие анализируется подробно, в особенности с когнитивной точки зрения. Очевидно, что это понятие имеет важные социальные корреляты, и последние работы по диалогу и речевому взаимодействию способствовали **дальнейшему** проникновению в этот „динамический“ **компонент**, связанный с использованием стратегий языка (например: Kreckel, 1981; Reichman, 1981; **Gumperz**, 1982).

С нашей точки зрения, стратегию следует охарактеризовать прежде всего как свойство когнитивных планов. Такие планы **представляют** собой общую организацию некоторой последовательности действий и включают цель или цели взаимодействия. Существует несколько способов достижения таких **целей**, и стратегии имеют отношение к „выбору“, позволяющему человеку достичь этих целей. Оптимальное достижение цели является одним из типичных проявлений „хорошей“ стратегии; при этом либо достигается максимальное количество целей, либо достижение каждой из целей осуществляется, насколько это возможно, в соответствии с желаниями или предпочтениями, стоящими за планом действий. Обычно к **страте-**

гиям прибегают, как только последовательность действий становится сложной, а также в тех случаях, когда промежуточные этапы взаимодействия невозможно запланировать заранее, например в связи с отсутствием информации. Так, этапы диалога не могут быть запланированы во всех деталях просто потому, что неизвестно, что скажет партнер на каждой стадии развития беседы. И все же участник речевого взаимодействия может иметь общую стратегию, определяющую, какого типа ход он или она захочет сделать в критических **пунктах**. Например, участник речевого взаимодействия может иметь общую стратегию быть добрым или вежливым, и она будет влиять на каждый ход в некоторой последовательности действий. Таким же образом он (или она) может пожелать быть осторожным или честным. В ситуациях, разбираемых здесь, общая цель сообщения о контактах с меньшинствами или их оценках может контролироваться (часто бессознательно) стратегией „быть честным” или „производить хорошее впечатление”. В частности, если эти цели вступают в конфликт, оптимальная стратегия потребует, чтобы на каждом ходу выбирались такие средства, которые вносят максимальный вклад в реализацию обеих задач. Это означает, что стратегии, в отличие от общих правил или принципов, должны быть *гибкими*. Реализуются не только общие задачи, но на каждом локальном ходу принимаются во внимание текстовые и контекстные последствия предыдущих ходов или условия последующих ходов. Это означает, что часто **неполная** как в речевом, так и в когнитивном отношении информация обрабатывается сразу на нескольких уровнях и из нескольких источников, таких, как интонация, синтаксис, интеракционные особенности, пропозициональные значения, референция, **акторечевые** характеристики предыдущего хода, а также **производимые** выводы относительно **намерений**, социального положения или паравербального поведения говорящего в данный момент, и организуется в виде базы данных, с помощью которой локально планируется и выполняется следующий ход. Поскольку и эта информация может быть неполной или показаться „неправильной”, один из ходов может оказаться менее удачным, и тогда придется прибегнуть к помощи других ходов, чтобы скорректировать **нежелательные** последствия или выводы. Такие стратегически контролируемые ходы высоковероятны в тщательно подбираемых ходах в интервью на социально деликатную тему, затрагивающую важные нормы

и ценности. Приведенные замечания позволяют нам заключить, что стратегия в общих чертах — это характеристика когнитивного плана общения, которая контролирует оптимальное решение системы задач гибким и локально управляемым способом в условиях недостатка информации о соответствующих (последующих) действиях других участников коммуникации или о локальных контекстуальных ограничениях на собственные (последующие) действия. Следовательно, *ход* можно определить как такую функциональную единицу последовательности действий, которая способствует решению локальной или глобальной задачи под контролем подобной стратегии. Хотя эти понятия включают много других аспектов, мы пока удовлетворимся этими приблизительными определениями. Некоторые подробности будут также рассмотрены в ходе анализа.

2.2. Описанное выше понятие стратегии использовалось главным образом в нашей теории понимания дискурса (van Dijk and Kintsch, 1983). Что касается стратегического управления в диалоге, то эта теория необходима для понимания реальной деятельности людей, участвующих в текущем разговоре. Вместо обычного подхода в терминах грамматических или текстуальных правил или принципов стратегический анализ дискурса привлекает внимание к линейным, текущим процессам. Это означает, во-первых, что глобальные семантическая и прагматическая макроструктуры (план дискурса) будут контролировать результаты на локальных этапах, а с другой стороны, этот план тоже может видоизменяться под воздействием локальных ограничений. Во-вторых, речевое произведение возникает не в процессе перехода от одного уровня к другому (от семантического представления к синтаксическому и фонетической реализации), а в процессе одновременного функционирования нескольких уровней. В-третьих, информация для выработки стратегии берется не только из запланированной речи и предыдущих локальных шагов, но и из ожидаемых реплик того же самого или другого говорящего. В-четвертых, используется не только информация, извлеченная из дискурса, но и информация, извлеченная из знаний и убеждений в (долговременной) памяти, а также информация из модели коммуникативного контекста и модели ситуации (см. ниже), включая репрезентацию этих моделей у слушателей. Наконец, функциональная роль каждого речевого хода

в рамках наиболее общих стратегий будет определена относительно предшествующих и предполагаемых последующих ходов, и эта роль будет локально контролировать детали прагматических, семантических, синтаксических и стилистических репрезентаций. На каждой стадии результат может быть частичным и приспособливаться к новому анализу текущей ситуации взаимодействия, то есть зависеть от очередных ходов следующих говорящих, что может выглядеть как исправления, поправки или переформулировки. Все эти операции над речевым произведением происходят в кратковременной памяти под контролем Системы Управления, формирующей план дискурса, модель коммуникативного контекста и схемы релевантных знаний и убеждений (то есть фреймы или сценарии). Предыдущие речевые шаги того же самого или предыдущего говорящего (или предыдущих говорящих) циклически и градуально хранятся в формате репрезентации дискурса в долговременной (эпизодической) памяти, откуда информация может быть вновь извлечена, если нужно, например, обеспечить локальную или глобальную когерентность.

2.3. Один из компонентов этого довольно грубого описания стратегического характера речепроизводства нуждается в дальнейшем **уточнении** — так называемая *модель ситуации*⁵. Эта модель, хранящаяся в эпизодической памяти, представляет собой целостную структуру, организирующую информацию о некоторой ранее встречавшейся ситуации. Она создает необходимую базу данных для дискурса, а именно данные о той ситуации, *о которой идет речь*. В отличие от общего знания, по природе близкого к сценарию, такие модели имеют индивидуальный характер и основываются на опыте **говорящих**. Части таких моделей извлекаются из предшествующих дискурсов. Так, если интервьюируемые нами люди характеризуют ситуацию своего ближайшего окружения, то эта информация извлекается из их модели этого окружения. Истории являются частичным выражением релевантных эпизодов-событий и эпизодов-действий в таких моделях. Модели ситуации, помимо личных знаний и убеждений, содержат также мнения об участниках ситуации и их свойствах. Одна из главных функций дискурса состоит в обновлении ситуационных моделей. Когда личные модели становятся более общими и полезными для социального взаимодействия, они могут быть оторваны от контекста и стать бо-

лее абстрактными, то есть превратиться в социально значимые сценарии стереотипного знания. То же самое верно и для их **компонентов** — **частных** мнений, которые могут быть обобщены до общих мнений, формирующих схемы общих установок. Это означает, **что** конкретный **опыт**, связанный с национальными меньшинствами, хранится в моделях, но в то же время у людей есть более общие сценарии и установки, касающиеся этнических групп и национальных отношений, которые имеют более схематичную природу (Kuethе, 1962; Hamilton, 1976; 1979; Abelson, 1976). Если эти групповые схемы преимущественно негативны и если они не выводятся из конкретных моделей или выводятся только из неадекватной или **недостаточной информации** в модели, мы называем их предубеждениями. Информация, выражаемая в интервью, может, таким образом, выводиться из конкретных индивидуальных моделей, из общих групповых установок или из того и другого. Очевидно, что люди, не имеющие прямых контактов с этническими меньшинствами, будут стремиться извлекать информацию скорее из своих групповых схем, чем из моделей, за исключением моделей, построенных на информации, извлеченной из общения с другими людьми и из средств массовой информации (Hartmann and Husband, 1974; van Dijk, 1983a).

Модели — это первичные конструкты **памяти**, которые объясняют, почему дискурс может быть в **значительной** мере имплицитным, непрямым, неясным или неполным: слушающие в состоянии стратегически активизировать релевантные фрагменты моделей, необходимых для понимания дискурса. Модели обеспечивают также необходимый **референциальный** базис для локальной и глобальной когерентности дискурса: дискурс или локальный ход (или предложение) дискурса считается когерентным, если адресат речи сможет сконструировать или активизировать возможную модель или ее фрагмент. То же самое верно и для соответствующих речевых актов и ходов, относящихся к *модели коммуникативного контекста*, которая представляет собой специфический тип ситуационной модели, а именно репрезентации коммуникативной ситуации, **в** которой порождается дискурс.

Из нескольких изложенных выше предположений становится очевидным, что модель памяти будет играть важную роль в объяснении связи между разговорными **и** когнитивными стратегиями.

2.4. В то время как когнитивные стратегии являются (часто неосознанно) способами обработки сложной информации в памяти, *речевые стратегии* суть специфические свойства речевого взаимодействия. Очевидно, и эти стратегии имеют когнитивные **измерения**, например планирования и контроля, но здесь нас интересуют специфические лингвистические и **интеракционные** характеристики. При наличии наиболее общей коммуникативной цели, например реализации **дискурсного** плана, такие стратегии, так сказать, определяют общий „стиль” взаимодействия. Другими словами, они определяют, как и какими средствами (или возможными способами) такие цели могут быть достигнуты. Локальные возможности прагматического, семантического или стилистического выбора будут ограничиваться такой речевой стратегией. Например, говорящий может следовать стратегии ВЕЖЛИВОСТИ, и эта стратегия будет определять, какое семантическое содержание следует выражать, а **какое — нет**, какие речевые акты уместны, а **какие — нет** и в особенности какое стилистическое оформление приемлемо. То же верно для еще более общей стратегии ПОЗИТИВНОЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ, которая направлена на осуществление таких ходов, при которых никакие негативные выводы не могут быть извлечены из того, что говорится в отношении личностной или социальной модели говорящего в коммуникативно-контекстной модели слушающего. Таким образом, речевые стратегии могут характеризовать разговор как таковой, то есть давать возможность эффективно достигать целей дискурсивного плана (проинформировать кого-либо, обратиться с просьбой и т. п.), или же могут быть более общим образом ориентированы на достижение более общих социальных целей (установление или поддержание статуса, проявление власти, подтверждение солидарности с группой (Goffman, 1972)).

Стратегии обычно состоят из нескольких „шагов”, или *ходов*. Так, в рамках стратегии ВЕЖЛИВОСТИ может потребоваться некоторая последовательность специфических ходов, таких, как косвенные речевые акты. Подобным же образом в рамках стратегии ПОЗИТИВНОЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ могут потребоваться ходы, которые нейтрализуют негативные умозаключения, которые могут быть сделаны на основе предыдущих или последующих ходов, таких, например, как поправки или заблаговременные уступки. Это означает, что многие стратегические ходы имеют реляционный характер: они направлены

на предшествующее и последующее состояние с целью установить стратегическую когерентность. Стратегии и ходы могут быть разноуровневыми. Так, прагматические стратегии нацелены на гибкое и **эффективное** достижение прагматических целей, таких, например, **как** обращение с трудновыполнимой просьбой или обвинение. Семантические стратегии нацелены на оптимальное обновление эпизодических моделей, включая формирование семантической макроструктуры дискурса или его фрагмента. Семантические ходы могут включать в себя примеры, **пояснения**, обобщения, краткое изложение, объявление о чем-либо и т. д. Наконец, риторические стратегии могут функционировать одновременно на нескольких **уровнях**, будучи нацелены на оптимальную приемлемость семантических или прагматических целей говорящего, например правдоподобия или выполнения желаемых действий. Риторические стратегии представляют собой измерение дискурсивного плана, связанное с убеждением, и могут включать в себя использование таких риторических операций, как повтор, преуменьшение, преувеличение или метафора. Ниже мы обратим преимущественное внимание на семантические стратегии, но очевидно, что они должны стать частью **более** сложных, глобальных стратегий речевого взаимодействия, которое включает также прагматические или **риторические** стратегии. Семантические стратегии жизненно важны для разговоров об этнических меньшинствах, так как „ошибки“ в семантической репрезентации могут **привести** к негативным выводам относительно того, „что имеется в виду“. Они, следовательно, важны для того, чтобы избежать недоразумений: стратегия „Не поймите меня неправильно.“ В более позитивных терминах, как указано выше, семантические стратегии должны быть нацелены на установление адекватной, то есть „желаемой“, ситуативной модели у слушающего „через“ **семантическое** представление дискурса в эпизодической памяти.

Стратегическое управление речью, рассмотренное выше, действует как в пределах отдельных реплик, так и за их пределами. В последнем случае стратегические ходы, конечно, связаны с различными участниками взаимодействия и, следовательно, с различными и подчас конфликтующими моделями коммуникативного контекста (то есть целями) и с различными локальными и глобальными ситуативными моделями. Хотя, разумеется, интервью также является формой речевого взаимодействия, наши

интервью более **односторонни** и поэтому мы будем обращаться вниманием главным образом на стратегии интервьюируемого. Но, как мы увидим, даже минимальные реплики или отсутствие таковых со стороны берущего интервью оказывают воздействие на избираемые интервьюируемым различные стратегии и их состав. Убеждения и самопрезентация в интервью не могут быть полностью поняты без производимых говорящим умозаключений или предположений о возможных интерпретациях и оценках со стороны берущего интервью (**Erickson and Schultz**, 1982).

3. СЕМАНТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В ДИАЛОГАХ ОБ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВАХ

3.1. Как мы видели выше, семантические стратегии имеют целью прежде всего эффективное выражение семантических макроструктур (тем) и когнитивных моделей ситуации, а также индуцирование желаемых семантических представлений и соответствующих моделей у слушающего. Во-вторых, они имеют **интеракционные** и социальные цели, а именно управление умозаключениями, производимыми слушающим относительно личностных и социальных характеристик говорящего. Эти два типа целей могут иногда вступать в конфликт; прямое или „честное“ выражение убеждений или мнений, извлекаемое из ситуационной модели говорящего, может привести к негативной социальной оценке его слушающим. Это означает, что говорящие должны тщательно контролировать семантику производимых ими высказываний с помощью более значительных социальных целей, применяя, например, разнообразные когнитивные трансформации. Они могут опускать какую-либо информацию, добавлять информацию, не входящую в модель, или применять в различных формах рекомбинацию или перестановку. В более неформальных терминах: говорящим часто приходится скрывать свои „настоящие“ убеждения и мнения **или** выражать то, что, по их мнению, ожидает и хочет услышать от них берущий интервью. Очевидно, мы не имеем прямого доступа к этим трансформациям и **адаптациям**, производимым в рамках речевого взаимодействия. Мы имеем дело только с тем, что было в действительности сказано, и можем делать выводы о глубинных когнитивных операциях только на основе специфических сигналов. Прежде чем мы перейдем к рассмотрению таких выводов в дальнейшем, нам придется более или менее буквально

отнестись к анализу диалога и ограничить семантический анализ тем, что имеет **эксплицитное** выражение.

3.2. Теоретически семантический анализ может быть также ограничен рамками семантики дискурса, которой мы располагаем. Это означает, во-первых, что мы имеем дело с пропозициями, с отношениями между пропозициями или с **компонентами** пропозиций. Во-вторых, мы должны попытаться в этих терминах описать стратегические ходы. Однако ходы являются свойствами взаимодействия, а семантическая теория не приспособлена к анализу взаимодействия, она имеет дело скорее с более абстрактным или „структурным“ подходом к значению, главным образом в пределах изолированного предложения. Если мы хотим исследовать динамический аспект значения как **разновидности** „семантического акта“, потребуются, вероятно, другие понятия. Так, семантический ход, который мы называем „обобщением“, вполне **мог** бы быть определен в терминах семантической импликации или вывода между пропозициями, выражаемыми последовательностью предложений или реплик. **Но** такой ход, как „поправка“, не может быть **непосредственно** определен в общеизвестных семантических терминах, как, например, импликация, синонимия, антонимия или пресуппозиция. Такой ход, скорее, будет описываться примерно так: «Опусти пропозицию P_1 из семантического представления (или модели ситуации) и замени ее на пропозицию P_2 , выражаемую в настоящий момент». Вместо „статического“ отношения мы имеем нечто вроде семантической трансформации (субституции), сопровождаемой процедурной инструкцией. Таким образом, по меньшей мере часть стратегической семантики является динамической или процедурной.

3.3. Прежде чем продолжить теоретический анализ семантических стратегий, приведем небольшой пример. Нижеследующий фрагмент взят из интервью с тридцатилетней женщиной.

(1) **KW-1**

1. **V.*:** А вы общаетесь с иностранцами в этом районе?
2.

* **V** — вопрос берущего интервью, **O** — ответ интервьюируемого. —
Прим. перев.

- 3.О.: Ну, нет, м-м-м, это очень трудно, м-м-м,
 4. она со мной только здороваается, **наша**
 5. соседка.
 6.В.: А она **суринамка или...?**
 7.О.: Нет, она, кажется, турчанка или марокканка.
 8. Но иногда я разговариваю с **детьми**. Мне
 9. кажется, она все время в доме. Им не раз-
 10. решается выходить на улицу одним.

На первый вопрос эта женщина отвечает не только сообщением отрицательной информации („Нет“) между двумя показателями неуверенности („ну“ и „м-м-м“), но и начинает новый ход, чтобы *объяснить* отсутствие контакта. Это осуществляется, во-первых, предикацией свойства („трудно“) к понятию „контакт“ и, во-вторых, иллюстративным *примером*: ее соседка только здороваается с ней. Мы сталкиваемся здесь с семантическим ходом *объяснения*, поскольку говорящие выражают причины событий или действий, в которых **они** участвовали, или поводы к ним. Этот ход является стратегическим в нашем **смысле**, потому что просто отрицательный ответ мог бы привести к возможному выводу о том, **что** отсутствие **контакта** связано с самой говорящей, что в свою очередь могло бы стать **отрицательной** характеристикой при наличии общих норм проявления инициативы в социальных **контактах**. Таким образом, ее объяснение нуждается в двух **составляющих** ходах, во-первых, в *представлении общей причины отсутствия контакта*, а точнее, в трудности его установления, и, во-вторых, в *приписывании* ответственности **соседке** — **представителю** этнического меньшинства.

Во второй реплике (строка 6) женщина сначала привычным образом *поправляет* импликацию предшествующего вопроса, а затем продолжает свой ответ на первый вопрос относительно **контактов** с иностранцами. Этот ход начинается с **контрастивного** *но* и тем самым может быть проинтерпретирован как часть более **положительной** информации о таких контактах и в то же время как их *уточнение*. После этого положительного ответа на **первый** вопрос она продолжает свое объяснение отсутствия контакта, ссылаясь на поведение соседки-иностранки: она всегда в доме. Этот частный факт нуждается в более *общем объяснении*, что и имеет место в терминах общего утверждения о нормах поведения группы иностранцев (им не разрешается выходить на улицу).

Этот краткий пример (огромное количество прочих его речевых характеристик мы сейчас игнорируем) позво-

ляет нам заключить, что говорящие *могут* использовать разнообразные семантические ходы, чтобы расположить пропозиции в когерентной последовательности: поправки, объяснения, уточнения, положительные трансформации (превращение отрицательной пропозиции в положительную), примеры или иллюстрации и обобщения. Глобальная стратегическая функция соответствующих пропозиций и функциональных отношений состоит в **том**, чтобы приписать отрицательное положение дел (отсутствие контактов между соседями) иностранке и вообще нормам поведения иностранцев в целом, но в то же время сообщить о собственных положительных действиях (контакте с детьми). Из этого примера мы видим, что семантическая стратегия действительно нацелена на недопущение отрицательных умозаключений, производимых слушающим относительно социальной роли говорящего.

Второй пример извлечен из интервью с 62-летней женщиной, которая с большой неохотой согласилась говорить о своем опыте общения с иностранцами. Ее макростратегия состоит в том, чтобы доказать, что она не имеет вообще никаких контактов с иностранцами, поэтому не может ничего рассказать об опыте общения с ними. Эта общая стратегия того, что может быть названо *уклонение от разговора* со ссылкой на *отсутствие знания*, очень распространена в интервью. Фрагмент интервью имеет следующий вид (ее муж иногда вмешивается в разговор): •

(2) **RA-2**

1. В.: Да, какого рода, род вашего опыта общения с (...) иностранцами (...)
- 2.
3. Женщина: У нас здесь нет контактов с **иностранцами**, абсолютно.
- 4.
5. Мужчина: (подходя) Ну, я мужчина, но и я считаю это просто ужасным, это мое мнение,
- 6.
7. я человек крепкий, я твердо стою ногами (?) в жизни *, но это просто позор,
- 8.
9. когда видишь здесь, как молодая турчанка в 18 лет ходит (...) со стариком лет 50-ти.
- 10.
11. Женщина: Да-да. (Yeeees).
12. Мужчина: С тремя, четырьмя, пятью детьми, за которых платим мы с вами, вот я и **говорю**, они должны что-то делать со всем этим.
- 13.
- 14.

* Англ. I **am** standing firmly with my feet (?) in life.

Хотя перевод на английский представляет собой лишь отдаленное приближение (включая различные грамматические „ошибки“, как в строке 13, и **смешивание** двух фразеологических выражений в строках 7 и 8, а именно: "standing with one's feet on the ground" и "standing in the middle of life", — **этот** отрывок неплохо демонстрирует стратегии, используемые в таких "диалогах-оценках". Как **говори**лось выше, женщина в строке 3 повторяет свои ходы-уклонения от разговора, **отрицая** контакты с иностранцами. В конце реплики она **повторяет** отрицание (те же **слова** по-голландски: "**helemaal niet**" — **абсолютно нет**), что может быть проинтерпретировано как ход **усиления** предшествующего утверждения. Затем в разговор вступает ее муж, начиная с **характерной** голландской частицы **Nou** (что приблизительно соответствует английскому **well**, но имеет и множество других значений), которая может сигнализировать о начале новой реплики, но также, **употребляясь** семантически, и о введении первого сегмента контрастной пары, в данном случае приблизительно означающего: *хотя я мужчина, я считаю это...* Утверждение о его принадлежности к мужчинам, конечно, не случайно, но является частью стратегии подтверждения **мнения**: „Хотя как **мужчина** я, казалось бы, **мог** проявлять солидарность по отношению к другим (**здесь**: турецким) мужчинам в том, что касается отношений с молодыми женщинами. Однако я считаю это..." Отрицательная оценка в этом случае становится более правдоподобной, и уступительное предложение („я мужчина“) начинает поэтому выражать, скорее, *очевидную уступку*. За этой уступкой в строках 6 и 7 следует очередной ход, выражающий откровенность, который снова отсрочивает суждение об объекте („ужасно“). Этот ход, хотя и встречается в **интервью регулярно**, не всегда **имеет** ясную функцию. Во-первых, благодаря ему мы можем дать понять, что ситуация такова, что говорящий имеет право на такое **откровенное** высказывание своего мнения, и в таком случае этот ход является одновременно извинением и оправданием для вынесения отрицательных суждений о других людях или для вмешательства в их дела. Во-вторых, он может дать понять, в более общем **виде**, что говорящий откровенен и не скрывает своего „истинного **мнения**“. В-третьих, этот ход позволяет пристальнее „взглянуть“ на только что примененную характеристику („просто ужасно“) и *подтвердить* выбор **предиката** оценки. За этим следуют два других хода, один, **сообщаю-**

щий, что говорящий крепкий человек, а **другой** — **то**, что говорящий „твердо стоит на ногах в жизни“. Первый, как представляется, **повторяет** и **уточняет ход** „я мужчина“ и тем самым подчеркивает весомость отрицательной оценки: „...**крепкие** люди, подобные мне, **могли** бы в принципе понять этих мужчин, **но...**“, а второй ход выражает: „Я разбираюсь **в** жизни, я реалист, но...“ Эти различные ходы производятся для того, чтобы подкрепить **отрицательное** суждение говорящего, устраняя возможные **сомнения** в его надежности или правдивости: **его** отрицательное суждение могло бы быть отнесено на счет ревности или зависти к тому, у кого есть такая молодая жена. Затем, в строке 8, отрицательное суждение может быть **повторено** и даже **усилено** („просто позор“), и, **наконец**, следует ядро семантических ходов, то есть объект или причина отрицательного суждения. Этот **конечный** ход его реплики, выраженный придаточным обстоятельством, использует семантическую оппозицию (молодые женщины/старые мужчины) с последующим **применением риторической** функции, а именно **контраста**, характеризующегося, по-видимому, преувеличенными догадками о возрасте соответствующих представителей группы меньшинства. Его жена присоединяется к нему (см. строку 11) с решительным **согласием**, используя фонетический сигнал, а именно удлинение гласного в "Yes". Мужчина продолжает, слегка изменяя тему: после **темы „разница** в возрасте“ в иностранных супружеских парах он легко может перейти к теме **„У них много детей“**. Этот ход риторически оформлен как возрастающая последовательность числительных (3,4,5), за ним следует стандартный в этом типе разговора ход: „...**а** мы должны это **оплачивать**“, — **который** можно интерпретировать как функциональное **отрицательное последствие** для **МЫ-группы**. Однако отрицательного **последствия**, следующего за перечислением свойств, приписываемых иностранным семьям, недостаточно: требуется еще **и** нечто **вроде** оценочного **заключения**, прагматической морали: „Надо с этим **что-то** делать“. Этой морали предшествует **перформативный** ход: „...**вот** я и **говорю**“, — **который** опять-таки функционирует как указание на процесс формирования собственного мнения. Мы можем назвать это ходом **установления перспективы**. С **его** помощью говорящий **сигнализирует** о том, что некоторое мнение является **его** собственным мнением или что он видит ситуацию со своей собственной точки зрения. **Отметим**, наконец, что в стереотипном ходе „за это платим мы

с вами" мы видим не только функцию отрицательных последствий, но и функцию *апелляции* к взаимопониманию: берущий интервью как представитель другой (**белой, голландской, группы**) и **одновременно** „принадлежащий к той же самой, нашей, группе" представлен как человек, на которого также распространяются указанные отрицательные **последствия**, и поэтому говорящий **апеллирует** к нему, ожидая согласия со своим суждением.

Еще раз повторим, что наш анализ совершенно **неформален** и не завершен. В этом **довольно-таки типичном** примере предубежденной **речи** можно различить и другие ходы, отношения между ними и их функции. Итак, мы **обнаружили**, что говорящие могут пользоваться такими **семантическими** приемами, как повтор или усиление сказанного ранее, могут оформлять очевидные утверждения уступительными оборотами, подчеркивать правдоподобие своих суждений вопреки тому, что их можно понять как **пристрастные**, устанавливать семантические **оппозиции**, то есть включать в действие риторический контраст и в особенности формировать положительную самооценку в качестве предваряющего хода для высказывания отрицательных суждений о других людях. **Наконец**, мы видим также, что возможна более частная диалоговая стратегия „откладывания на потом" важных **высказываний**, что одновременно создает напряженность и позволяет выставить достаточно гарантий для высказывания **какого-либо** мнения.

3.4. Приведенные несколько примеров дают нам **некоторое** представление о том, какого **типа стратегии** могут встречаться в диалогах об этнических меньшинствах. Мы обнаружили пока что довольно неформально и интуитивно, что говорящие делают ходы, являющиеся частью **более** сложных **стратегических** шагов, которые могут быть проинтерпретированы как: „**пояснения**", „приведение примеров", „уточнения", „поправки", „обобщения", „отрицания", „усиление", „уклонение", „уступка" (или „**очевидная уступка**"), „повтор", „установление контрастов", „констатация отрицательных последствий (для **МЫ-группы**)" или „конкретизация перспектив". Понятно, что это не более чем примеры, и выражения, используемые как названия этих семантических **ходов**, — **это** всего лишь приблизительные лексические соответствия тому, что „происходит". Чтобы сделать эти **интуитивные** термины более эксплицитными, следует осуществить дальнейшие

теоретические разъяснения. Возможно ли, например, найти общие принципы, лежащие в основе этих стратегий? **Далее**, все эти ходы следует называть собственно семантическими или же в них содержатся также и **прагматические** или **какие-либо** другие измерения **описаний**? И, наконец, *какое* семантическое описание можно **предложить**, чтобы определить стратегии в однозначных **терминах**?

Чтобы снабдить теорию некоторыми другими результатами эмпирического анализа, добавим, что изучение еще примерно сорока интервью, собранных в рамках эксперимента **по** данному проекту в различных районах **Амстердама**, уже дало примерно тридцать новых семантических (и других) локальных ходов в построении речи, выражающей предубежденность. Эти ходы были названы такими терминами, как „пресуппозиция“, „импликация“, „предположение“, „смягчение“ (или „преуменьшение“), „**преувеличение**“ (или „утрирование“), „расплывчатость“, „**косвенный** речевой акт“, „сдвиг“, „взваливание вины на другого“, „незнание“, „дистанция“, „очевидное **противоречие**“ и **т. д.** (подробнее см.: van **Dijk**, 1982a). Эксперимент также показал, что ходы могут выполнять несколько функций одновременно.

Одно из первых теоретических замечаний состоит **в том**, что **большинство** ходов являются строго *реляционными* в том смысле, что они могут быть определены только по отношению к другим ходам в той же последовательности. В этом качестве они способствуют локальной **когерентности** дискурса. Так, „поправка“ может быть определена только с учетом того, что говорилось ранее; то же касается „смягчения“: нечто формулируется в менее отрицательных терминах, чем на **предшествующем** ходу, **говорящий** „сбавляет тон“ **относительно** предшествующего хода. **Другие** ходы не имеют реляционной функции, но могут быть классифицированы сами по себе, хотя часто они оказываются в неявном виде реляционными по отношению к ожиданиям, норме или свойствам коммуникативного контекста. Так, „преувеличение“ можно определить как ход, в котором утверждается нечто или формулируется мнение, которое является очевидным образом „большим“, например „более отрицательным“, чем планировалось говорящим, ожидалось слушающим или установлено имплицитными нормами и ценностями, действующими в данном **коммуникативном** контексте для суждения о событиях или действиях окружающих, в нашем случае — **иностранных**. Некоторые стратегические ходы мо-

гут быть одновременно реляционными и автономными. Так, например, „сдвиг“ — это ход, при котором ранее выраженное личное отрицательное мнение „сдвигается“, приписывается другим, например другим членам **МЫ-группы**, как в предложении „Мне-то более или менее все равно, но остальные соседи просто выходят из себя“.

В этом случае „сдвиг“ следует за типовым ходом „уклонение“ или „отрицание“, в котором говорящий отрицает негативную оценку **ОНИ-группы**. Очевидно, такой **сдвиг** может происходить и **изолированно**, то есть без **эксплицитного** предшествующего отрицания говорящим его/ее собственных чувств. Впрочем, в обоих случаях, так же как при других ходах, конечные функции хода должны устанавливаются не только локально, то есть по отношению к предшествующим и последующим ходам, но также и по отношению к целям разговора/интервью в целом. Так, „смягчение“ одновременно „сбавляет тон“, локально, по отношению к предшествующему ходу, но также глобально направлено на создание положительного впечатления терпимости и понимания.

Теоретический критерий, который мы хотели бы применить для решения **вопроса** б том, **является** ход семантическим или нет, состоит в том, что семантический ход должен быть определен в терминах семантических **отношений** между пропозициями или между референтами пропозиций, то есть „фактами“ одного из возможных миров. Другими словами, определение может быть интенциональным, либо экстенциональным, либо тем и другим. Прагматические ходы, с другой стороны, должны быть определены в терминах отношений между речевыми актами, тогда как риторические ходы **могут** основываться одновременно на семантической и прагматической (и поверхностно-синтаксической) информации, в частности путем применения к этой информации специфических трансформаций. Так, *повтор*, как проиллюстрировано анализом приведенных примеров, является семантическим ходом, если глубинные пропозиции эквивалентны пропозициям непосредственно предшествующего хода, причем эквивалентность определена здесь обычным образом, то есть как симметрия импликаций. Строго говоря, в соответствии с прагматическими условиями уместных высказываний повторение тождественных пропозиций в локально одном и том же контексте считается „избыточным“; слушающий уже „знает **p**“. Таким образом, семантическое и прагматическое повторение также функционирует

как риторический ход, а именно как ДОБАВЛЕНИЕ („одной и той же“) информации, которая определяет фонологический ритм или синтаксический параллелизм. Такой риторический ход будет функциональным по отношению к **глобальной цели** — **быть** (более) эффективным, например, убеждаясь в том, что передано верное „сообщение“. Другими словами, этот семантический и прагматический ход едва ли добавляет что-либо новое к дискурсу, представленному в памяти **слушающего** — **в** соответствии с кратко описанной выше когнитивной **моделью**, — но его риторическая функция состоит в приписывании дополнительного „веса“ или „значимости“ повторенной пропозиции или утверждению. Этот дополнительный „узелок на память“ окажется весьма полезным при поиске информации и сделает, следовательно, **пропозицию/ассерцию** более эффективной. Наш краткий теоретический анализ хода „повторение“, **дальнейшая** когнитивная обработка которого здесь не обсуждается, показывает, что ходы могут быть определены на нескольких уровнях **анализа**.

Подобным же образом мы можем попытаться определить другие ходы. Например, *объяснение* может быть **определено** в терминах отложенных на потом экспликаций причин и поводов факта, обозначенного ранее высказанной пропозицией, как в **примере**: „Я с ними не общаюсь. Они не знают нашего языка“. Объясняющие ходы всегда выражаются отдельными (обычно **утвердительными**) речевыми актами, как правило выражаемыми независимыми предложениями. Разумеется, такие ходы могут **быть рекурсивными**: может быть сделано несколько утверждений, вместе или по отдельности функционирующих как **объясняющие** ходы.

Ходы пример и уточнение могут быть семантически определены в терминах односторонней импликации: *q* есть **уточнение** *p*, если *q* влечет *p*; **пример** же может быть определен в терминах отношения наглядности, представляя собой один из членов класса, введенного в рассмотрение **предыдущей** пропозицией. „Обобщение“ определяется наоборот: **ход обобщения** либо имплицирован предшествующим ходом, либо он задает **множество**, в состав которого **входит** элемент, определенный на предшествующем ходу. Хотя приведенные рассуждения не являются безукоризненными с логической точки зрения и хотя необходимы дальнейшие ограничения (не все обобщения приемлемы, а только „релевантные“), эти теоретические определения пока остаются в силе.

Прочие ходы семантически несколько более сложны. Например, *поправкой* не может быть *любая* другая пропозиция, добавленная в качестве *замены* предыдущей. Часто *поправка* бывает просто лексической: для репрезентации положения дел, о котором говорящий намерен вести речь, выбирается более удачный предикат или, с точки зрения общения, слушающий исправляет ложную presupпозицию говорящего/интервьюирующего, например, **повторно** вводя в рассмотрение тот объект, который он имеет в виду, ранее неправильно идентифицированный. Другими словами, поправка обычно относится к объектам, входящим в один и тот же класс, или к их свойствам и **отношениям**. Так, мы встречаем в интервью утверждение: „Они не работают. Ну, то есть они там занимаются перепродажей **автомобилей**“, — где поправка состоит в замене номинации оплачиваемого, регулярного занятия на номинацию нерегулярного, частного. Тем самым общим для обеих номинаций является имплицитное суждение об их занятиях, характеризующее один и тот же референт дискурса и предикаты, принадлежащие к одному классу.

Усиление и его противоположность (*смягчение*), часто функционирующие как **одновременные** преувеличение и преуменьшение соответственно, могут быть определены сходным образом. В действительности **они** представляют собой поправки специфического типа в случаях, когда речь идет об упоминавшемся ранее факте, но в более **сильных** (соответственно более **слабых**) **терминах**. Этот ход может влиять на **употребление** кванторов (когда говорят „все“ вместо „многие“, „всегда“ вместо „часто“) или на выбор **более** положительного или более отрицательного оценочного предиката, такого, как, например, „просто pozor“ после слов „это ужасно“ в нашем примере о молодых **турчанках** — **женах** старых **турков**.

Хотя, если **подходить** формально, некоторые из этих отношений могут быть определены в терминах вывода, все же интерпретация пропозиции как более сильного или более слабого описания положения дел зависит прежде всего от наших знаний о мире и системе наших норм и ценностей. То же самое верно и для определения *контраста*. При формальном подходе мы можем попытаться представить часть семантических отношений как антонимических или как импликаций отрицания пропозиции (*р* есть антоним *q*, **если** *p* влечет $\neg q$ и *q* влечет $\neg p$). Но опять-таки то, что признается контрастом, должно нуждаться в обосновании с точки зрения зависящих от данной **куль-**

туры убеждений, мнений или эмоций. „Молодая девушка" и „старик" являются, безусловно, контрастами как в отношении пола, так и в отношении возраста, но этот контраст релевантен только в пределах пропозиции, в которой эти два актанта связаны предикатом „жениться" („выходить замуж") или „появляться вместе", что входит в противоречие с нормами данной культуры. Исходя из этого, семантическую оппозицию следует оценивать относительно системы убеждений, мнений или норм. В действительности это важное условие существенно для *всего* нашего семантического анализа. Мы говорим здесь не об абстрактной, универсальной семантике, а о семантике, связанной с культурой и социумом, то есть когнитивно изменчивой и относительной семантике. В связи с анализом ходов интервьюируемых это означает интерпретацию их относительно убеждений, мнений, норм и ценностей (доминирующей) **МЫ-группы**, к которой интервьюируемые, как правило, относят интервьюирующего. Ход, состоящий в том, что может быть названо *установлением перспективы*, является именно первоначальным способом, или „напоминанием", с помощью которого строится базис для интерпретации того, что говорится, а также гарантируется принятие этого базиса интервьюирующим. Иными словами, здесь мы имеем дело с *метасемантическим* ходом, то есть с таким, который гарантирует (истинный) базис для интерпретации остальных ходов или *создает* для него условия (типовое высказывание „Я думаю вот что"). Такие метаходы могут в то же время функционировать как разновидность *релятивизации* и, таким образом, *смягчения*, если им предшествует более категоричное утверждение.

Пресуппозиция, импликация и предположение являются ходами, определяемыми в терминах не выраженных, но выводимых пропозиций, вывод которых опять же зависит от сценариев, групповых схем и прочих социальных представлений. Так, вместо того чтобы говорить: „Они злоупотребляют нашим социальным обеспечением", говорящий может вынести соответствующую этому положению пропозицию в пресуппозицию, которая предполагается **известной** или общепринятой для членов **МЫ-группы**, таким образом: „Я не понимаю, почему они злоупотребляют нашим социальным **обеспечением**" — *либо* же применяет такую импликацию, как „Нам приходится это оплачивать" (то есть платить за то, что у них много детей), что означает, что они сами за это не платят. Нако-

нец, такое выражение, как „Они всегда прекрасно одеты“, предполагает следствие: „...У них есть деньги“ или даже: „...они добыли эти деньги/эту одежду нечестным путем“. Как мы видим, **причинно-следственные** отношения между эксплицитными и имплицитными пропозициями могут быть сколь угодно слабыми, будучи связанными с количеством и силой лежащих в их основе общих представлений и мнений о социальном мире.

Мы приступаем к рассмотрению большого класса ходов, который включает в себя не только такой ход, как **имплицитность**, но и такие ходы, как *расплывчатость* и *косвенный речевой акт*. Расплывчатость может быть определена в терминах **референциальной** адекватности, а также в связи с прагматической максимой, в соответствии с которой следует говорить не более и не менее того, **что** релевантно в данной ситуации. Если говорящий хочет сообщить о факте: „Он украл мой велосипед“, расплывчатость может стать необходимой для избежания прямых **обвинений** (в адрес группы-меньшинства). Это может быть осуществлено добавлением модальных элементов типа „может быть“, „возможно“, „мне кажется, **что...**“, выбором более общей номинации, такой, как: „Он взял мой велосипед“, или описанием **обычных условий** или последствий: „Я **видел** его там, где стоял **мой** велосипед...“ или „Я видел свой велосипед у него“. Вероятный вывод о краже остается у слушающего в этом случае неизменным. Таким же образом косвенный речевой акт — характеристика речевого акта в **целом** — **может** стать стратегически **необходимым**, если „прямой“ речевой акт оказывается слишком невежливым, слишком отрицательным **для** предмета **речи** или так или иначе социально нежелательным. Вместо обвинения говорящий может прибегнуть к разновидности косвенного **обвинения**, выраженного формулировкой возможных условий обвинения, как в только что описанном примере с кражей.

Отрицание также требует не только семантической, но и прагматической дефиниции. С одной стороны, часто отрицание семантически может выглядеть как отрицание некоторой пропозиции, но прагматически это будет утверждение о том, что некоторая подразумеваемая пропозиция неверна или предшествующее утверждение к данному случаю не **подходит**. В таком случае **самоотрицание** — это отрицание пропозиций предшествующих ходов, а отрицание **партнера** — это отрицание пропозиций, вытекающих из ходов другого говорящего (в данном случае, например,

того, кто берет интервью). В наших материалах типовые отрицания выглядят как: „Я ничего против них не имею”, что предшествует ходам, содержащим отрицательную оценку иностранцев, или следует за ними. Поэтому такие отрицания также должны рассматриваться как разновидность поправки или предупреждения, призванных не допустить производства слушающими неверных умозаключений.

Наконец, часто встречающимся ходом в наших материалах устной речи является *уступка*. Уступки бывают различных типов. Например, до или после негативных оценок говорящие часто утверждают, что у **представителей** этнических меньшинств есть и „хорошие качества”. Подобным же образом могут отвергаться фактические права (например, право на социальное обеспечение), тогда как более общие права не вызывают **возражений** (например, „Они имеют право здесь жить”). Кроме того, уступки типичны, когда речь идет о возможных отрицательных качествах некоторых членов **МЫ-группы** до или после утверждений о тех же качествах **ОНИ-группы**: „Они ломают деревья в нашем парке. Конечно, и голландские дети делают то же самое”.

Поскольку отрицания, уступки, возражения и подобные ходы часто могут идти вразрез с глобальными **значениями** или намерениями говорящего, часто имеет **смысл** добавлять определение *видимый*. Эта квалификация **необходима** для объяснения локальной и глобальной **когерентности** дискурса и для описания (относительной) семантики для каждого хода. Иначе говоря, мы хотим **подчеркнуть**, что ход является стратегическим по отношению к цели „произвести хорошее впечатление” в **большей мере**, чем цели „быть честным и откровенным”. Таким образом, **позиции** таких ходов могут быть семантически ложными, а прагматически речевые акты могут нарушать условия **искренности**. В то же время такой анализ слишком упрощает дело. Этнические отношения часто имеют эту кажущуюся „противоречивой” природу. **Несмотря** на требования положительной самопрезентации, люди не просто лгут. Скорее, они оценивают или **интерпретируют** социальную действительность с различных **точек зрения**, то есть исходя из различных моделей, общих мнений, ценностей или норм.

3.5. Эта краткая характеристика семантических свойств стратегических ходов показывает, во-первых, что

в рассмотрении должны входить и значение пропозиций, и **референциальные** отношения между ними. **Во-вторых**, интерпретация связана с убеждениями, сценариями, **схемами** и нормами группы, к которой принадлежит говорящий. **В-третьих**, ходы могут быть связаны как с **предшествующим** текстом, так и с последующим. В-четвертых, ходы могут быть использованы для сигнализации о **новыраженных** пропозициях. В-пятых, ход может быть **одновременно** прагматическим и риторическим. В-шестых, существуют ходы, как будто специально предназначенные для взаимодействия в рамках интервью, например **метаходы**, направленные говорящим на собственные **высказывания**, или ходы, состоящие в уклонении от разговоров на определенную тему. В целом можно заключить, что стратегические ходы часто используются для управления выводом желательных и нежелательных семантических или социальных умозаключений: желательными являются положительные по отношению к говорящему умозаключения, **нежелательными — умозаключения**, в результате которых возникает отрицательное впечатление. Обратное имеет место при представлении **групп**, в которые **говорящий** не входит.

Хотя вышеописанные ходы могут встречаться во всех типах интервью или **диалогов**, некоторые из них оказываются более характерными для предубежденной речи или для специфических стратегий, реализации которых они способствуют. Таковыми мы находим ходы **маскировки (имплицитность**, косвенные речевые акты, расплывчатость, пресуппозиция, уклонение от **темы**), **защиты** (извинение, оправдание, объяснение, сдвиг), **обвинения** (обвинение, взваливание вины на другого, сравнение, экспликация норм и **вообще все** негативные предикации) и **позитивной самопрезентации** (**готовность** к признанию, уступка, согласие, **расположение**, самооценка, уважение норм, **эмпатия**). В зависимости от выбора или комбинаций таких ходов или классов ходов можно различать **стили** разговоров об этнических меньшинствах. Так, менее предубежденные люди склонны выбирать „положительные“ ходы и избегать ходов, связанных с обвинением, говоря об этнических меньшинствах.

Наконец, следует повторить, что, хотя анализ ходов и стремится выявить семантику речи и связанные с ней стратегии речевого взаимодействия, часть **дефиниций** и подавляющее большинство функций требуют **определения** в когнитивных терминах. Частью интерпретации то-

го, что, как и кем говорится, является управление семантическими или речевыми выводами. Такие интерпретации основаны на общеизвестных правилах и схемах и часто появляются на „поверхности“ речи в виде почти что неуловимых указаний, как-то: интонация, частицы, **коннективы**, колебания, **возвраты** и т. п. В этом состоит одна из причин того, почему семантический анализ должен быть включен в более широкие рамки. Однако в настоящей **момент** очевидно, что сама по себе **речь** — это только **верхушка** айсберга текущего **речевого** взаимодействия с его когнитивными и социальными измерениями. Необъятная сеть связанных с ней мыслительных процессов остается под водой.

3.6. До сих пор ходы описывались в относительных терминах, то есть в терминах семантических отношений между пропозициями и в связи с глобальными стратегиями. Однако, как мы видели, ходы входят и в более протяженные и сложные последовательности. Сначала люди могут уклоняться от ответа, строя **последовательность** ходов, связанных с положительным самовыражением, и только после этого отважиться на ожидаемый от них ответ. Чтобы привести примеры или случаи из практики, они обычно прибегают к *нарративной последовательности* либо строят *аргументативную последовательность*, в которую могут быть вставлены рассказы о подобных случаях. Хотя в данной статье мы не можем анализировать такие последовательности, важно отметить, что **последовательности** в целом могут составлять то, что можно назвать *макроходами*. Рассказ, взятый в целом, может функционировать как **макроход** — **иллюстрация** более общего положения (Polanyi, 1979), а аргументация может быть объяснением или подготовкой более общего (часто негативного) заключения. Таким образом, **макроход** — это ход, который обладает функцией относительно других макроходов, но сам состоит из когерентной последовательности микроходов (подробнее см.: van Dijk, 1980, 1984с).

4. НЕСКОЛЬКО КОГНИТИВНЫХ ИМПЛИКАЦИЙ

4.1. Как оказалось, многие рассмотренные нами **речевые** стратегии требуют отчасти скорее когнитивного, чем **абстрактно-семантического описания**. В самом деле, действие и взаимодействие, а следовательно, и **стратегиче-**

ская организация требуют планирования и контроля, интерпретаций и производства умозаключений по отношению к предшествующим или текущим ходам или же ожидания или предварения ходов последующих. В этом последнем разделе мы бы хотели набросать некоторые дальнейшие выводы относительно возможных когнитивных импликаций таких разговорных стратегий для стратегического использования **информации** об **этнических** меньшинствах и касающихся их мнений.

Конечно, можно попытаться **предположить**, что прямое выражение мнений и убеждений в интервью отражает „содержание“ моделей или более общих групповых схем этнических меньшинств. Было бы, однако, интереснее сформулировать гипотезы о *процессах*, вовлеченных в манипуляцию убеждениями и мнениями этнических групп. Предубеждение определяется не только своим содержанием, но также способом или стилем мышления или оценки, то есть *стратегиями* обработки социальной информации об этнических группах (van **Dijk**, 1983b).

4.2. Имеет смысл рассмотреть здесь одну известную операцию— (*сверх*)**обобщение**. Люди описывают **какие-либо** аспекты единичного опыта, то есть частную модель, но, чтобы усилить весомость и когнитивную полезность этнических оценок, они склонны обобщать такую модель до более общей групповой схемы. Свойства индивидуальных участников ситуации или событий принимаются при этом за свойства всех членов группы или всех этнически маркированных ситуаций. Может случиться и обратное. Общие свойства, приписанные группе или **прототипическому** представителю группы, превращаются в *частные* для отдельного индивида или единственного события. Мы уже нашли стратегическое выражение этих когнитивных стратегий в таких ходах, как *обобщение* и *приведение примера*. Однако заметим, что это касается только отрицательных свойств. Для предубежденного мышления типично то, что такие обобщения и приведения примеров не используются для характеристики положительных свойств этнических меньшинств. Такое встречается только в виде исключения и при особых обстоятельствах (Pettigrew, 1979).

Далее, мы можем выделить операции *расширения*, или *транспозиции*, при которых отрицательный характер опыта в одной когнитивной области переносится на опыт в другой когнитивной области. Например, негативная

оценка культурных привычек может распространяться на такие области, как гигиена или поведение в целом. В диалоге это „приведение в действие“ отрицательной этнической информации выражается в смене **топиков**, при других обстоятельствах нежелательной. В действительности такое **расширение** — это частный случай того, что можно назвать „**распространением**“ отрицательного отношения. Если в модели или схеме получила выражение какая-либо негативная деталь, затронутой может оказаться вся **целиком** модель или **схема** — как в направлении сверху вниз, так и в обратном **направлении** — снизу вверх. Когнитивная когерентность достигается в конце концов **объединением** отрицательных моделей или схем посредством *атрибуции* свойств. Так, отрицательные качества всего района относятся **на** счет проживающих в нем групп меньшинств и их действий, даже если имеются другие правдоподобные объяснения. **Глобальная** стратегия этих когнитивных операций и их речевое выражение в функциональной организации ходов нацелены, очевидно, на то, чтобы эффективно построить новые, или, скорее, активизировать старые, модели этнически релевантных ситуаций и увязать эти модели с негативными схемами чуждых говорящему **групп**⁶. Затем, в процессе взаимодействия, эта стратегия становится уже более направленной на индустрирование сходной модели или схемы у берущего интервью или по **меньшей** мере на превращение личностных моделей или схем в достоверное и оправданное социальное знание.

Кроме этих стратегий, приводящих к **созданию** негативных моделей **и** схем чуждых говорящему групп, представители группы большинства, разумеется, нуждаются в дополнительной стратегии, **направленной** на создание положительного образа **говорящего**. При анализе речевых стратегий мы видели, что основные используемые в этом случае ходы призваны блокировать негативные выводы относительно оценочных **выражений** — **имеются** в виду поправка, смягчение, уступка и т. п. В действительности эти ходы выражают операции, предназначенные для блокировки именно тех негативных операций, которые были описаны выше, а именно операций типа „не обобщайте“, „возьмите этот положительный пример“, „не соглашайтесь с моим **мнением** относительно этнических меньшинств вообще“ и т. д. Далее, как негативные описания чуждых говорящему групп, так и положительная самопрезентация приводят к созданию **аргументатив-**

ных последовательностей, делающих оценки достоверными и социально приемлемыми.

4.3. Теперь мы можем попытаться **гипотетически** охарактеризовать некоторые речевые стратегии в рамках общих организационных принципов вышеупомянутых групповых предубеждений.

1. *Обобщение.* Ход, используемый для того, чтобы **показать**, что (негативная) информация, только что **приведенная** или имеющая быть приведенной, например в случае из жизни, не просто „случайна“ **или** „исключительна“; **тем самым** подкрепляется возможное общее мнение. Этот ход отмечает переход от модели к схеме. Типовые выражения: „И так всегда“, „С этим сталкиваешься на каждом **шагу**“, „Это без конца повторяется“.

2. *Приведение примера.* **Конверсный** ход, **показывающий**, что общее мнение не просто „надумано“, но основано на конкретных фактах (опыте). Типовые выражения: „Вот, например“, „Например, на прошлой неделе“, „**Возьмите** нашего соседа. **Он...**“.

3. *Поправка.* Это формульная или риторическая стратегия (часто лексическая). Контроль над индивидуальной речью порождает предположение, что некоторая формулировка либо **референциально** „ложна“, либо может привести к нежелательной интерпретации и оценке слушающим глубинных импликаций или **ассоциаций**. Такой ход обычно является частью стратегии общей семантической адекватности или стратегии положительной самопрезентации.

4. *Усиление.* Формульная стратегия, направленная на лучший или более эффективный контроль над вниманием слушающего („привлечение внимания“), на улучшение структурной организации релевантной информации (например, негативных предикатов) или на подчеркивание субъективной макроинформации. Типовые выражения: «Это ужасно, что... позор, что...»

5. *(Очевидные) уступки.* Ход, дающий возможность для условного обобщения даже в случае привлечения **противоречащих** примеров либо позволяющий продемонстрировать реальную или воображаемую терпимость и сочувствие, то есть составляющие части стратегии положительной самопрезентации. Типовые выражения: „Среди них попадаются и хорошие люди“, „Не стоит обобщать, **но...**“, „Голландцы тоже могут так поступать“ (что является также Сравнением).

6. *Повтор*. Формульный ход, функции которого близки к усилению: привлечение внимания, структурирование информации, подчеркивание субъективных оценок, более значительных тем и т. д.

7. *Контраст*. Ход, имеющий несколько когнитивных функций. Риторическую: привлечение внимания к участникам отношения контраста (структурирование информации). Семантическую: подчеркивание положительных и отрицательных оценок людей, их действий или **свойств** — часто путем противопоставления **Мы-группы** и **Они-группы** (типичный пример: „Нам приходилось долгие годы трудиться, а они получают пособие и ничего не делают“, „Нам пришлось многие годы ждать новой квартиры, а они получают квартиру сразу же, как только приедут“) — и все ситуации, где прослеживается конфликт интересов.

8. *Смягчение*. Этот ход в общем случае обслуживает стратегию самопрезентации, демонстрируя понимание и терпимость, а также, по-видимому, „аннулирование“ оценки или обобщения, которые не могут быть обоснованы. С его помощью предполагается блокировать отрицательные выводы.

9. *Сдвиг*. Этот ход типичен для положительной самопрезентации. Типичный пример: „Мне-то, в общем, все равно, но другие соседи с нашей улицы возмущаются“.

10. *Уклонение*. В действительности это набор различных ходов, включенных в более общую стратегию уклонения. С когнитивной точки зрения уклонение от разговора или от темы может означать, что (1) релевантная информация об этнических меньшинствах в модели отсутствует или является **неполной**, (2) из модели можно извлечь только нерелевантную, не пригодную для передачи информацию и (3) из памяти можно извлечь только негативный опыт, а следовательно, и мнения, но они блокируются общим принципом, запрещающим плохо отзываться о других людях или других группах людей. Типовые выражения: „Не знаю“, „Я с ними не общаюсь“, „Мне все равно, что они делают“, „У меня нет **времени**...“.

И. *Пресуппозиция, импликация, предположение, косвенный речевой акт*. Это семантические и прагматические ходы, позволяющие говорящему избежать формулирования некоторых частных суждений, а именно отрицательных замечаний или оценок, или перевести их в русло более общих, общепризнанных знаний или мнений, за которые

говорящий не **несет** ответственности. Некоторые типовые **показатели** — **обычные** маркеры presupпозиции (например, местоимения, определенные артикли, придаточные с союзом *что* при некоторых глаголах, специальные частицы и **наречия**, такие, как *даже*, *также* и т. п.), **использование** 2-го лица для более абстрагированной или общей референции („все время с этим сталкиваешься“), **расплывчатые** выражения („и тому подобные вещи“), **незаконченные** предложения и случая из жизни и т. д.

Эти примеры показывают, что в принципе можно попытаться переформулировать ходы и цели, специфические для речевого взаимодействия по поводу меньшинств, в терминах их „глубинных“ когнитивных функций и стратегий. Как мы видели, некоторые ходы имеют только **инструментальную функцию** — **они** привлекают внимание (то есть привносят специальную информацию в рабочую память), структурируют информацию, указывают на маркеры и т. д. Тем самым они **способствуют** лучшей организации информации и, следовательно, повышают вероятность эффективного обнаружения специфической информации в памяти. Эту функцию выполняет большинство риторических ходов. Другие ходы позволяют видеть, как говорящий на самом деле „переходит“ от информации, содержащейся в эпизодической модели, к более **общей семантической информации** о группах-меньшинствах; обычно они используются, чтобы **поддержать**, оправдать или объяснить утверждения (путем **обобщения** или приведения примеров). Третью разновидность ходов можно рассматривать как предназначенную для целей самопрезентации говорящих; здесь возможен контроль типа: „Что бы я ни говорил, слушающий не должен думать обо мне плохо“. К этой разновидности ходов относятся смягчение, уклонение и различные ходы, связанные с **имплицитностью** и косвенными речевыми актами.

Разумеется, такое когнитивное описание не только весьма умозрительно, но пока еще и слишком грубо. Следует сформулировать точно шаги переработки информации, определить, какая информация релевантна, представить в явном виде существенные в этом **случае** убеждения, мнения или отношения. Однако мы считаем, что на начальной стадии наблюдения и построения теории можно удовлетвориться и полученными приблизительными результатами. Мы обнаружили, что речевые стратегии зачастую представляют собой лишь спроецированные в об-

ласть речевого взаимодействия когнитивные стратегии, нацеленные на эффективное *манипулирование* производимыми *умозаключениями*. Так, обобщение применяется для блокирования возможного вывода типа „это всего лишь случайное событие“ для выведения в качестве общего вывода общего суждения. В некоторых частных случаях разговоров или интервью об этнических меньшинствах эти когнитивные стратегии привлекаются для достижения двух **целей** — **ОПТИМАЛЬНОЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ**, точнее, самопрезентации в качестве терпимого, понимающего, широко мыслящего гражданина или соседа, с одной стороны, и **ОПТИМАЛЬНОГО САМОВЫРАЖЕНИЯ**, которое является стратегией для особой коммуникативной ситуации (для интервью требуется, чтобы мы говорили то, чего от нас ожидают) и для автономного выражения личного опыта, мнений и оценок (примером может быть речь в функции жалобы или **обвинения**) — с другой. В некоторых случаях интервьюируемые обращают внимание преимущественно на первую общую цель, и большинство их ходов служит для того, чтобы произвести хорошее впечатление. Другим производимое ими впечатление „в высшей степени безразлично“, и они в первую очередь обращают внимание на вторую цель и стратегию, то есть стараются сделать рассказываемые истории и аргументы максимально „убедительными“.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей статье мы описали, хотя пока еще в неформальном виде, некоторые свойства разговоров об этнических меньшинствах и возможные связи с предубежденным „способом мышления“ об этнических группах. В то же время мы сформулировали достаточное количество вопросов. Теперь требуется более эксплицитное и тонкое описание речевых ходов, то же касается и ходов когнитивных. Для этого нужны и дальнейшая разработка **теории**, и большой объем анализа данных. Очевидно, для обнаружения отношений между речью и мышлением предубежденных людей понадобятся другие эмпирические методы, например эксперименты и другие типы полевых **исследования** (например, наблюдения над поведением говорящих). Самым конкретным объектом будущих исследований можно признать анализ взаимоотношений между специфическими типами предубежденных форм мысли и специфическими ходами и стратегиями (так, по на-

шим наблюдениям, многие интервьюируемые выражают **колебания**, ложные репризы, ходы типа поправки, применяемые даже тогда, когда требуется просто назвать или упомянуть **какую-либо** группу меньшинства, или же избегают эксплицитной референции с помощью ненормативной прономинализации). Кроме того, мы **нерасчлненно** говорили о „предубежденных” людях, почти не обращая внимания на индивидуальные различия в степени, типе или стиле предубежденных мнений, которых придерживаются люди, и на различия в их использовании, применении и выражении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Данная** статья представляет собой сокращенный вариант работы, фрагменты которой были представлены в виде доклада на Второй международной конференции по социальной психологии и языку (Бристоль, 18--22 июля 1983 г.).

² Семантические и прагматические установки или стратегии, обсуждаемые здесь, называются функциональными, потому что они включают специфические функции суждений или речевых актов по отношению к другим суждениям или речевым актам, входящим в **последовательности** (подробнее см.: van **Dijk**, 1981). Их можно отличить от обычных отношений **семантической** когерентности, определяемых в **причинных** и **референциальных** терминах (van **Dijk**, 1977). М. Крекель выделяет большое число таких стратегических ходов в дискурсе в своем интересном исследовании „коммуникативных актов” (**Kreckel**, 1981).

³ В настоящей статье мы не будем обсуждать основные **положения** или методы анализа обывденной речи; предполагается, что они **общеизвестны**. В ряду многочисленных работ по анализу речи для ознакомления с более общими принципами можно назвать работы: **Sacks, Schegloff and Jefferson**, 1974; **Schenkein**, 1978, а также Schwartz and Jacobs, 1979.

* Классический междисциплинарный подход к предубеждениям см. в первую очередь в: **Allport**, 1954. Многие социально-психологические подходы в действительности основаны на психологии и трактуют предубеждения как **взаимоотношения** между индивидуумами (**Ehrlich**, 1973). В последнее время **новые** достижения в когнитивной психологии **привели** к тому, что такие подходы **стали эксплицитнее** (**Hastie et al.**, 1980; **Hamilton**, 1979; **Hamilton (ed.)**, 1981). Социальные параметры межгрупповых отношений, конфликтов и **предубеждений** особенно подчеркиваются в работах „Бристольской группы” (см.: **Tajfel**, 1981). Наш подход близок последней ориентации, но в то же время нацелен на более эксплицитное когнитивное обоснование социального рассмотрения предубеждения.

⁵ Это понятие обсуждается и **применяется** в: van **Dijk and Kintsch**, 1983, и в: van **Dijk**, 1984b более подробным образом; оно близко к понятию ментальной модели, используемому в: **Johnson-Laird**, 1983, вслед за более ранней работой, и к понятию (личного, эпизодического) сценария в работе: **Schank**, 1982. Своим возникновением оно обязано понятию модели в формальной семантике.

⁶ Этим свойствам этнических взаимоотношений и **предубежденно-**

го мышления посвящены многочисленные теоретические работы и экспериментальные исследования. Так, Гамильтон (см.: Hamilton, 1979) излагает работу, в которой показано, что стереотипные ожидания искажают информацию о чуждых группах. На активацию информации о таких группах могут влиять схемы. Негативная информация о группах меньшинств запоминается обычно лучше, чем позитивная (см. также: Howard and Rothbart, 1980, и другую литературу, ссылки на которую приводятся в упомянутых двух работах). Стратегии, выражающие убеждения этнических групп, могут быть объяснены с помощью нашей когнитивной модели-теории в сочетании с теорией групповых схем. В van Dijk, 1983b, мы даем более подробное описание структуры этнических групповых схем и стратегических когнитивных процессов в рамках социальных ситуаций. В этой работе мы показываем также, каким образом эти структуры и стратегии становятся функцией этнических предубеждений в общении и обществе. В настоящей работе данное важное социальное последствие предубежденного мышления и предубежденной речи не принимается во внимание.

ЛИТЕРАТУРА

Abelson, 1976 = Abelson, Robert P. Script processing in attitude formation and decision making.—In: "Cognition and Social Behavior", John S. Carroll and John W. Payne (eds.). Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1976, 33—46.

Allport, 1954 = Allport, Gordon W. The Nature of Prejudice. New York: Addison—Wesley, 1954.

Carbonell, 1979 = Carbonell, Jr., Jaime. Subjective Understanding. New Haven: Yale University (Dept. of Computer Science). (Ph.D; Diss.), 1979.

van **Dijk**, 1977 = van **Dijk, Teun A.** Text and Context. London: Longman, 1977.

van **Dijk**, 1980 = van **Dijk, Teun A.** Macrostructures. Hillsdale, N. J.: Erlbaum, 1980.

van **Dijk**, 1981 = van **Dijk, Teun A.** Studies in the Pragmatics of Discourse. The Hague, Berlin: Mouton, 1981.

van **Dijk**, 1982a = van **Dijk, Teun A.** toward a Model of Ethnic prejudice in Cognition and Discourse. University of Amsterdam: Dept. of General Literary Studies (available from ERIC).

van **Dijk**, 1982b = van **Dijk, Teun A.** Opinions and attitudes in discourse comprehension.—In: "Language and Comprehension," J. F. LeNy and W. Kintsch (eds.). Amsterdam: North Holland, 1982, 35—52.

van **Dijk**, 1983a = van **Dijk, Teun A.** Minderheden in de Media (Minorities in the Media). Amsterdam: USA, 1983.

van **Dijk**, 1983b = van **Dijk, Teun A.** Processes of Prejudice and the Roots of Racism. University of Amsterdam, Dept. of General Literary Studies, Unpubl. ms. (available from ERIC), 1983.

van **Dijk**, 1984a = van **Dijk, Teun A.** When majorities talk about minorities.—In: "Social Policy in Interethnic Situations", Ch. Husband (ed.). London: Academic Press, 1984.

van **Dijk**, 1984b = van **Dijk, Teun A.** Episodic models in discourse processing.—In: "Comprehending Oral and Written Language", R. Horowitz and S. J. Samuels (eds.). New York: Academic Press, 1984.

van **Dijk**, 1984c = van **Dijk, Teun A.** Prejudice in Discourse. Amsterdam: Benjamins, 1984.

van **Dijk** and **Kintsch**, 1983 = van **Dijk, Teun A.**, and **Kintsch**, Walter. Strategies of Discourse Comprehension. New York: Academic Press, 1983.

Ehrlich, 1973 = **Ehrlich**, H.J. The Social Psychology of Prejudice. New York: Wiley, 1973.

Erickson and **Schultz**, 1982 = Erickson, Frederick, and **Schultz**, Jeffrey. *The Counselor as Gatekeeper. Social Interaction in Interviews*. New York: **Academic Press**, 1982.

Forgas, 1981 = Forgas, Joseph P. (ed.). *Social Cognition*. London: Academic Press, 1981.

Goffman, 1972 = Goffman, **Erving**. *Strategic Interaction*. New York: **Ballantine Books**, 1972.

Gumperz, 1982 = **Gumperz**, John. *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Hamilton, 1976 = Hamilton, David L. Cognitive biases in the perception of social **groups**.—In: "Cognition and Social Behavior", John S. Carroll and **John W. Payne** (eds.). **Hillsdale, N.J.**: Erlbaum, 1976, 81—94.

Hamilton, 1979 = Hamilton, David L. A **cognitive-attributional** analyses of **stereotyping**.—In: "Advances in **Experimental Social Psychology**", 12, **L. Berkowitz** (ed.). New York: Academic Press, 1979, 53—84.

Hamilton, 1981 = Hamilton, **David L. (ed.)**. *Cognitive Processes in Stereotyping and Intergroup Behavior*. **Hillsdale, N.J.**: Erlbaum, 1981.

Hastie et al., 1980 = **Hastie**, Reid et al. (eds.). *Person Memory*. Hillsdale, N.J.: **Erlbaum**, 1980.

Hartmann and Husband, 1974 = Hartmann, Paul, and **Husband**, Charles. *Racism and the Mass Media*. London: **Davis-Poynter**, 1974.

Howard and **Rothbart**, 1980 = Howard, **John W.**, and **Rothbart**, Myron. Social categorisation and memory for **in-group** and out-group **behavior**.—"Journal of Personality and Social Psychology", 38, 1980, 301—310.

Johnson-Laird, 1983 = Johnson-Laird, **Philip N.** *Mental models*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Kintsch and van **Dijk**, 1978 = **Kintsch**, Walter, and van **Dijk**, **Teun A.** Toward a model of text comprehension and **production**.—"Psychological Review", 85, 1978, 363—394.

Kreckel, 1981 = Kreckel, **Marga**. *Communicative Acts and Shared Knowledge in Natural Discourse*. London: Academic Press, 1981.

Kuethe, 1982 = **Kuethe**, J.L. Social **schemas**.—"Journal of Abnormal and Social **Psychology**", 64, 1962, 31—38.

Pettigrew, 1979 = Pettigrew, **Thomas F.** The ultimate attribution **error**: Extending **Allport's** cognitive analysis of **prejudice**.—"Personality and Social Psychology Bulletin", 5, 1979, 461—476.

Polanyi, 1979 = **Polanyi**, **Livia**. So what's the **point?**—"Semiotica", 25, 1979, 207—242.

Reichman, 1981 = Reichman, Rachel. *Plain Speaking. A Theory and Grammar of Spontaneous Discourse*. Cambridge, **Mass.**: **Bolt, Beranek** and Newman, 1981.

Sacks, Schegloff and Jefferson, 1974 = Sacks, **Harvey**, **Schegloff**, Emmanuel A. and Jefferson, Gail. A simplest **systematics** for the organisation of turn-taking for **conversation**.—"Language", 50, 1974, 596—735.

Schank, 1982 = Schank, Roger C. *Dynamic Memory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Schank and Abelson, 1977 = Schank, **Roger C.**, and Abelson, Robert P. *Scripts, Plans, Goals and Understanding*. Hillsdale, N. J.: Erlbaum, 1977.

Schenkein, 1978 = Schenkein, Jim (ed.). *Studies in Conversational Interaction*. New York: Academic Press, 1978.

Schwartz and **Jacobs**, 1979 = **Schwartz**, Howard, and **Jacobs**, Jerry. *Qualitative Sociology*. New York: **Free Press**, 1979.

Tajfel, 1981 = **Tajfel**, Henry. *Human Groups and Social Categories*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

- массовых **коммуникаций** 112
- новостей 230, 248
- тематическая структура 228
- меньшинства **268**, 269
- предубеждения 174, **268**, 300
- **ситуации** 178, 179
- установки 176, 177

Ф

- Фреймы **12**, 13, 16, 17, 23, 24, 27
 - и речевые акты 16, 17
 - **конвенциональные** 30
 - социальные 23
 - **эпистемические** 38

Э

- Эпизод 62, 245, 246
- эпизодические модели 68
- этнические

Я

- Язык
 - и власть 8
 - и контекстные ожидания **51**
 - и **намерения** 50, 92
 - и **социальная** структура 22
 - и социальный контекст 14, **22**, **23**
 - и этнические предубеждения 7
 - и этнический дискурс 9

СОДЕРЖАНИЕ

- Ю. Н. Караулов, **В. В. Петров**. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса 5

I.

- Контекст и познание. Фреймы знаний и **понимание** речевых актов.
Перев. с англ. М. А. Дмитровской 12
- Макростратегии. *Перев. с англ. С. Н. Сухомлиновой* 41
- Эпизодические модели в обработке дискурса. *Перев. с англ. С. А. Ромашко* 68
- Анализ новостей как дискурса. *Перев. с англ. С. Ю. Медведевой* 111

II.

- Когнитивные модели этнических **ситуаций**. *Перев. с англ. Г. Е. Крейдлина* 161
- Предубеждения в дискурсе: рассказы об этнических **меньшинствах**. *Перев. с англ. В. С. Оттовой*. 190
- Структура новостей в прессе. *Перев. с англ. С. Ю. Медведевой* 228
- Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических **предубеждений**. *Перев. с англ. О. А. Гулыги* 268
- Основные** публикации работ Т. А. ван Дейка 304
- Предметный указатель 307